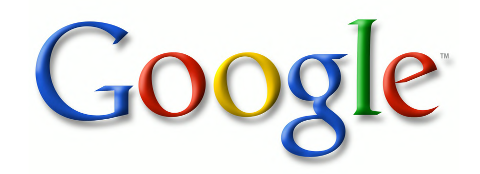
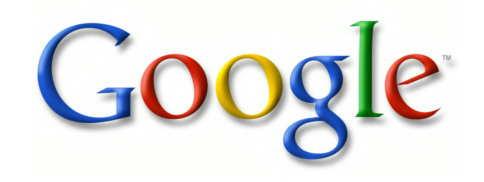
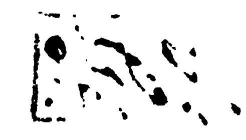




B 3 864 999

6.50



ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Promyshlennost'

ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Drevnei Rusi

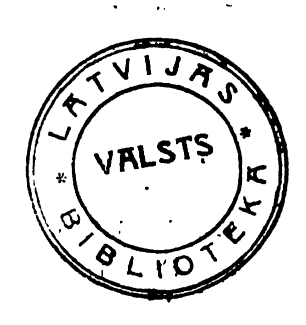
сочиненіе

Н. Аристова.

Aristov, Nikolai Iakovlevich

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1866 г.


LATVIJAS
VALSTS
BIBLIOTEKA

Вопросъ о промышленномъ состояніи древней Руси составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ нашей исторіи. Удовлетворительное изученіе его можетъ привести къ плодотворнымъ выводамъ; съ разрѣшеніемъ вопроса о размѣрахъ и характерѣ экономической дѣятельности русскаго народа связано рѣшеніе вопросовъ о матеріальномъ благосостояніи его, о направленіи и складѣ характера, о движеніи или застоѣ цивилизаціи, которыя главнымъ образомъ обусловливаются матеріальнымъ развитіемъ страны. Къ сожалѣнію, политическая и административная сторона Русской Исторіи слишкомъ увлекала нашихъ изслѣдователей старины, и надолго закрывала собою существенный вопросъ экономическій. Правда, наши историки обращали вниманіе и на состояніе промысловъ древней Руси, есть у насъ и удачныя отдѣльныя монографіи о нѣкоторыхъ отрасляхъ хозяйственной дѣятельности нашихъ предковъ; но всѣ онѣ разбросаны въ разныхъ изданіяхъ и неполны. Затрудняя занимающагося исторіей, онѣ не позволяютъ ему составить опредѣленный взглядъ на состояніе древне-русскаго экономическаго быта и лишаютъ возможности дѣлать полезные выводы.

Въ настоящемъ сочиненіи, для разъясненія промышленнаго состоянія древней Руси, взяты во вниманіе всѣ извѣстные древніе памятники и дѣльныя монографіи; время ограничено древнимъ періодомъ до XV в. Кто испыталъ, что значитъ серьезный трудъ по Русской Исторіи, тому извѣстно, что вполнѣ удовлетворительное рѣшеніе вопроса о промышленности, хоть бы и до XV столѣтія, не по силамъ одному человѣку. По этому въ настоящемъ изслѣдованіи многое высказано не рѣшительно, не встрѣтится ни на чемъ не основанныхъ соображеній и излишнихъ выводовъ; за то оно обогащено фактами и указаніями, чтобъ облегчить трудъ желающихъ заниматься исторіей экономическаго быта русскаго народа. Здѣсь приведены нѣкоторыя данныя, повидимому, мелочныя и не нужныя, за сообщеніе которыхъ трудно избѣжать упрека; но въ древней Русской Исторіи, при недостаткѣ прямыхъ свидѣтельствъ, соединеніе многихъ мелочей необходимо для характеристики жизни народа, скорѣе и вѣрнѣе дастъ понятіе о древнемъ экономическомъ бытѣ, о степени цивилизаціи нашихъ предковъ, чѣмъ знакомство съ одними крупными явленіями. Недостатокъ положительныхъ данныхъ дополняется здѣсь соображеніями филологическими, иногда приводятся факты изъ памятниковъ XV вѣка и болѣе позднихъ; но въ этомъ случаѣ осторожно выбраны такіе, содержаніе которыхъ, по основательнымъ соображеніямъ или по прямымъ указаніямъ, можетъ быть отнесено къ XIV вѣку. Впрочемъ, позднія данныя взяты не съ цѣлью основать на нихъ окончательные выводы, а только для того, чтобъ сколько—нибудь выяснить запутанное дѣло. Изъ опасенія впасть въ ошибку, здѣсь опущены богатые матеріалы для исторіи промышленности, содержащіеся въ «Уставѣ о земскихъ дѣлахъ», приписываемомъ Ярославу; уставъ этотъ составляетъ переводъ съ греческаго языка, не сличенъ съ подлинникомъ и не разобранъ критически.

Порядокъ изслѣдованія о промышленности въ настоящемъ сочиненіи принятъ самый простой и естественный, основанный на главныхъ потребностяхъ жизни человѣка,—разсматривается:

I. Промышленность, удовлетворяющая потребности пищи и питья.

II. Промышленность, касающаяся жилища, построекъ, орудій и удобствъ домашней жизни.

III. Промышленность, относящаяся до одежды и обуви,—и

IV. Промышленность передаточная, или сбытъ произведеній промышленности.

Здѣсь опущена изъ виду промышленность, удовлетворяющая требованіямъ эстетическимъ и стремленіямъ къ образованію,—напр. касающаяся иконописанія, переписки книгъ, выдѣлки музыкальныхъ инструментовъ и т. под. Цѣль настоящаго сочиненія — ознакомить читателей исключительно съ экономической стороной жизни нашихъ предковъ: по этому выдѣлены вопросы, рѣшеніе которыхъ болѣе умѣстно въ исторіи искусствъ и литературы.

Матеріаломъ для настоящаго сочиненія служили слѣдующіе памятники старины и сочиненія:

1) Патерикъ Печерскій по рукописи 1462 г. Румянцевскаго Музея; также нѣкоторыя другія рукописи Рум. Муз. и С. Петербургской Публичной Библіотеки.

2) Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, Татищева, изд. 1768, 1773, 1774, 1784 г.

3) Извѣстія Византійскихъ Историковъ, объясняющія россійскую исторію древнихъ временъ и переселенія народовъ, Штриттера. 1774 г.

4) Россійская лѣтопись по Никоновскому списку, изданная подъ смотрѣніемъ Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1789 г.

5) Грамота игумена новгородскаго Антонія и грамота ярославскаго князя Василія Давыдовича въ Исторіи Россійской Іерархіи. 1807—1815 г.

6) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, т. I и II, 1813 г.

7) Русскія достопамятности. T I, M. 1815 г.

8) Исторія Государства Россійскаго, Карамзина, 4 тома, изд. Сленинныхъ, 1818. 1819 г.

9) Памятники Россійской Словесности XII в. М. 1821 г.

10) Ibn-Foszlans und anderer Araber Berichte über die Russen alterer Zeit, Спб. 1823.

11) Urkundliche Geschichte des Ursprunges der deutschen Hanse, Сарторія, 2 части. Гамбургъ. 1830 г.

12) Акты Археографической Экспедиціи, т. I, 1836 г.

13) Сборникъ Муханова 1836 г.

14) Акты Юридическіе. 1838 г.

15) Повѣствованіе о Россіи. А. Арцыбашева. 1838-1843 г.

16) Хожденіе Пименово въ Царьградъ, у Сахарова во II части Сказ. Рус. Нар. 1841. г.

17) Акты Историческіе, собранные и изданные Археографическою коммиссіею. T I, 1841 г.

18) О достовѣрности ханскихъ ярлыковъ, Григорьева. 1842 г.

19) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изданіе Археографической коммиссіи. T I 1846 г., т. II 1843 г., т. III 1841 г., т. IV 1848 г., т. V 1841 г., т. VI 1853 г., VII 1856 г., VIII 1859 г., IX 1862 г., XV 1863 г.

20) Слово о полку Игоревѣ въ 3 части Русскихъ Достопамятностей. 1844 г. и въ Рус. Историч. Сборникѣ. Т. III. Тамъ же, Сказаніе о мамаевомъ побоищѣ.

21) Дополненія къ актамъ историческимъ. T I, 1846 г.

22) Акты, относящіеся къ Исторіи западной Россіи. Т. I, 1846 г.

23) Псковская судная грамота изданная Мурзакевичемъ. Одесса, 1846г.

24) Текстъ Русской Правды на основаніи четырехъ списковъ разныхъ редакцій, издалъ Н. Колачевъ. М. 1847 г.

52) Supplementum ad historica Russiae monumenta ex archiuis ac bibliotecis extraneis depromta et a collegio Archaeographico edita Petropoli 1848.

26) Antiquies Russes, editées par la Soc. des Antiquaires du nord. Копенгагенъ 1850-1851 г.

27) Лѣтописецъ Переяславля суздальскаго, изд. кн. Оболенскимъ, М. 1851 г.

28) Грамоты, касающіяся до сношеній съ Ригой и Ганзейскими городами въ XI, XIII и XIV в. Спб. 1851 г.

29) Слова на поученіе ко всѣмъ крестьяномъ въ Москвитянинѣ 1851 г. №. 6.

30) Поученія преп. Серапіона въ Приб. къ твор. св. Отц. 1851 г.

31) О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ, Андреевскаго, Спб. 1855 г.

32) Исторія Русской Церкви Макарія епископа Винницкаго, три части, 1857 г.

33) Извѣстія и Записки Археологическаго Общества 1851-1864 г.

34) Liev- Ehst und Kurländisches urkundenbuch nebst Registern, Бунге. Ревель. 1852 1854. 1864 г.

35) Извѣстія Академіи Наукъ, 10 томовъ.

36) Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи. Т. 1857 г. т. II, 1864 г.

37) Житіе Өеодосія Печерскаго по списку XII в. въ Чт. общ. ист. и древн. 1858 г. кн. 3,—и по рукописи Рум. Музея XIII-XIV в.

38) Русскій Народъ и Государство. Соч. В. Лешкова. М. 1858 г.

39) Житіе Антонія Римлянина, житіе Авраамія Смоленскаго и житіе Петра Церевича Ордынскаго въ Правосл. Собесѣдникѣ 1858—1859 г.

40) Сказаніе о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ. Сильвестр. спис. XIV в. изд. И. И. Срезневскимъ. 1860 г. Спб.

41) Акты, относящіеся къ Исторіи Западной и Южной Россіи. Т. I, 1863 г.

42) Полный Словарь древне-русскаго языка И. И. Срезневскаго, еще не изданный.

Кромѣ того, приняты во вниманіе изслѣдованія русскихъ ученыхъ: М. П. Погодина, С. М. Соловьева, Н. В. Калачева, И. И. Срезневскаго, Н. И. Костомарова, П. И. Саввантова, Д. И. Бѣляева, И. Е. Забѣлина и Д. И.

Прозоровскаго. Нѣтъ нужды подробно перечислять всѣхъ сочиненій, которыя служили пособіемъ при составленіи настоящаго сочиненія, потому что на нихъ сдѣланы указанія въ своемъ мѣстѣ.

Въ заключеніе считаю долгомъ принести искреннюю мою благодарность И. И. Срезневскому за позволеніе пользоваться его рукописнымъ словаремъ и заявить, что большая часть древнихъ словъ, относящихся къ разнаго рода промышленности, заимствована мною изъ этого богатаго словаря; ему также обязанъ я многими важными указаніями.

I. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ,

касающаяся пищи и питья.

Обширная страна, заселенная нашими предками, въ отдаленное отъ насъ время покрыта была громадными и непроходимыми лѣсами, усѣяна болотами и озерами, перерѣзана рѣками и ручьями. Раздолье было въ такой привольной мѣстности плодиться дикимъ звѣрямъ и птицамъ; воды изобиловали рыбою, а лѣса дикими пчелами. Сама природа указывала народу ближайшее средство къ пропитанію въ занятіяхъ звѣроловствомъ и охотой за дичью, рыболовствомъ и бортничествомъ или пчеловодствомъ. Эти занятія доставляли человѣку самый удобный способъ пріобрѣтенія пищи, прокормленія себя и семейства, положили начало экономической дѣятельности русскаго народа и служили первоначальными промыслами. Неизвѣстно, когда наши предки занимались исключительно звѣроловствомъ, когда вели пастушескій образъ жизни и въ какую пору стали промышлять земледѣліемъ: несомнѣнные факты исторіи, да и самыя преданія, начинаютъ освѣщать экономическій бытъ русскихъ Славянъ, когда у нихъ охота, рыболовство и бортничество существовали уже совмѣстно съ земледѣліемъ, скотоводствомъ и соляной промышленностью.

Въ княженіе Игоря, въ 922 г., Ахметъ сынъ Фоцлана видѣлъ русскихъ въ пристани р. Волги и пишетъ: «Вошедши въ пристань, каждый идетъ съ хлѣбомъ, мясомъ, лукомъ, молокомъ и медомъ къ высокому деревянному болвану приносить жертву». При описаніи обряда погребенія онъ говоритъ: «Въ могилѣ съ мертвымъ стоялъ медъ, лежали плоды.... Привели

собаку, разрѣзали ее на части и бросили ихъ въ ладью; привели двухъ коней, двухъ коровъ, изрубили ихъ мечами и бросили мясо въ ладью; принесли еще пѣтуха съ курицею, зарѣзали и бросили туда же». Этотъ писатель сообщаетъ еще извѣстіе, что богатые русскіе, принося жертвы, закалали по нѣскольку быковъ и барановъ вдругъ и раздавали мясо бѣднымъ. По свидѣтельству византійскихъ историковъ, русскіе въ язычествѣ приносили въ жертву богамъ живыхъ птицъ и мясо звѣрей [1]). Остатки этого обычая существовали въ XII и даже въ XIV в.; на нихъ указано въ вопросахъ Кирика и въ словѣ Христолюбца, что люди «кумірскую жертву ядятъ, краютъ хлѣбъ, сыръ, медъ, рыбу; и тако покладываютъ имъ требы, и короваи имъ ломятъ, и куры имъ рѣжутъ». Новгородцы тоже угощали своего Перуна пищей: «Перунище до сыти еси ѣлъ и пилъ, а нынѣ прочь плови [2])». Такимъ образомъ жертва языческая состояла изъ тѣхъ продуктовъ, которые шли въ пищу и были въ избыткѣ у народа. Всѣми этими промыслами, доставляющими птицъ и звѣрей, рыбу, медъ, хлѣбъ, мясо, соль, русскій народъ занимался одновременно, хотя по разнообразнымъ условіямъ страны, ему сподручнѣе было въ данной мѣстности вести одно преимущественно производство, въ другой—другое. По этому самыя села и волости по своимъ естественнымъ *ухожаямъ и путямъ*, назывались до поздняго времени *сокольничьи*, *рыболовли*, *бортничьи*, *пашенныя*, *соляныя* (А. Э. 1, №№ 256, 261).

1) Ловля птицъ и звѣрей.

Въ начальной русской лѣтописи есть извѣстіе, что наши предки въ язычествѣ жили въ лѣсахъ и питались птицами и звѣрями: «Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ....... ядяху вся нечисто.....И Радимичи и Вятичи и Сѣверъ одинъ

[1]) Истор. гос. рос., т. I, 217. 226. 364. Memor. popul. II, 984. Изв. византист. истор. Штриттера III, 39.

[2]) Памятн. XII в., изд. Калайд., стр. 179. Лѣтоп. литерат. изд. Тихонрав. IV, стр. 108, 109. Описан. Рум. Муз. Востокова, 228, 229. Въ Полномъ Собр. Лѣтоп. III. Новгор. стр. 207.

[3]) Лаврент. л. 6. 7.

обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто». Изъ чего состояла эта нечистая пища, можно понять изъ словъ лѣтописца о Половцахъ: «Ядуще мертвечину и всю нечистоту, хомѣки и сосулы» [4].

Въ преданіи объ основателяхъ Кіева сообщается извѣстіе, что Кій, Щекъ и Хоривъ ловили звѣрей въ лѣсахъ днѣпровскихъ. Можетъ быть, братья эти не существовали; но для насъ важенъ смыслъ преданія, именно, что первые поселенцы кіевской области занимались звѣроловствомъ. Въ лѣтописи о Полянахъ замѣчено: «Бяше около града (Кіева) лѣсъ и боръ великъ и бяху ловяща звѣрь». Не одни Поляне, но и Древляне промышляли звѣриной ловлей; подъ 975 г. разсказывается: «Ловъ дѣющу Свѣналдичю, именемъ Лютъ, изшедъ бо изъ Кіева гна звѣри въ лѣсѣ, и узрѣ и Олегъ и рече: кто се есть? И рѣша ему — Свѣналдичь, — и заѣхавъ уби и; бѣ бо ловы дѣя Олегъ» [5]). Вѣроятно, сынъ дружинника кіевскаго былъ убитъ въ лѣсахъ древлянскихъ Олегомъ, потому, что мѣста охоты съ раннихъ поръ были разграничены и неприкосновенны.

Какіе же звѣри и птицы водились въ древней Руси и составляли предметъ промышленности?

Въ древнихъ русскихъ памятникахъ встрѣчаются названія слѣдующихъ звѣрей: пардуса или рыси, тура или зубра, буйвола, лося, оленя, серны, дикой козы, вепря или кабана, медвѣдя, волка, бѣлаго волка, лисицы, куницы или куны, бобра, соболя, бѣлки или бѣли, векши, веверицы, горностая, ласточки, выдры, хоря или хорька, песца, сурка, норицы или норки и зайца ([6]). Изъ дикихъ птицъ упоминаются

---

[4]) Тамъ же 4, 31.

[5]) Для избѣжанія повтореній, въ настоящей статьѣ говорится и о ловлѣ такихъ звѣрей, которые не употреблялись въ пищу, но добывались для мѣховъ. Слово *ловитва*, въ древнихъ памятникахъ равносильно сл. venatio, θηρα, θηρευμα, *ловити* — captare охотиться; *обловитися*—много наловить на охотѣ, тоже что *уловъ уловить*.

[6]) Русскіе грамотники хорошо знали *пардуса:* лѣтописецъ сравниваетъ съ нимъ Святослава: «легко ходя, аки пардусъ». Лавр. 27. Въ словѣ о Полку Игоревѣ упомянуто *«пардуже гнѣздо»*, стр. 128. Въ 1159 г. Святославъ Ольговичъ сдѣлалъ Ростиславу рѣдкій подарокъ, далъ ему *пардусъ;* въ 1147 году Олегъ въ Москвѣ подарилъ тестю своему, Юрію Долгорукому, пардуса: «Ѣха наперёдъ къ Гюргеви и да ему пардусъ». Ип. 29, 86. Карамзинъ думаетъ, что дарили не живыхъ барсовъ, а кожи звѣрей, но это не вѣрно. Ист. Гос. Рос. II, пр. 300. Можно предполагать, что барсы бывали въ давнюю пору въ

орлы, лебеди, журавли, гуси, утки, черенеди, гоголи, тетерева, рябчики или рябы, крастели или перепелки (⁷).

Нѣтъ сомнѣнія, что упомянутые звѣри и птицы водились не во всѣхъ областяхъ древней Руси; по указанію памятниковъ старины, можно обозначить, въ какихъ мѣстностяхъ упоминаются какія животныя. Въ сѣверо-восточной Руси водились кабаны, даже около Новгорода; были также бѣлки, зайцы и тетерева. Волховъ славился гоголиными ловлями. Въ 1159 г. Ростиславъ дарилъ Святослава «собольми, горностайми, черными кунами, песцы, бѣлыми волки, рыбьими зубы», — это мѣха новгородской торговли и звѣри сѣверовосточной Руси [8]). Обиліемъ соболей славилась особенно Югра и Самоядь, страны подвластныя Новгороду, который оттуда главнымъ образомъ добывалъ дорогіе собольи мѣха. Югра сама говорила новгородцамъ: «копимъ серебро и соболи и ино узорочье» [9]). Въ Бѣлозерской области, около

Южной Россіи. Замѣчательно, что въ ханскихъ ярлыкахъ въ числѣ различныхъ ловцовъ упоминаются пардусники. Въ переводныхъ памятникахъ словомъ *пардъ, пардусъ* означается *барсъ* или пантера, леопардъ; иногда пардъ замѣняется словомъ *рысь, рысица*—pardalis, panthera. Въ старинныхъ памятникахъ лось переводится словомъ alces, туръ — taurus, серна — caprea, ibex, хорекъ — felis mustela putorius, норица — mustela luteola. А. Зап. Р. I, № 159. Ист. Г. Р. III, пр. 272. Сл. И. И Срезневс.

⁷) Чернедью называется дикая утка, чирокъ — anas fuligula cristata, тетеревъ — tetroo, крастель — coturnix. Гоголь или гага—anas clangula—птица, похожая на утку, имѣющая прекрасный пухъ.

⁸) Соб. гр. I, стр. 13. 1 Новг. 61. Пам. XII в., стр. 191. Ник. IV, 30. Ипат. 86. *Соболь*, литов. sabala, древне-нѣмец. zobel — zobil, роман. zebellina zibellina. Славян. *бебръ—бобръ*, нѣм. bibar—biber, лат. fiber, а прилагат. bebrinus. Европейскія названія соболя и бобра вошли въ нѣкоторые восточные языки, напр. въ арабскій. Вѣстн. геогр. общ. 1854 г., кн. I, л. 56—58. Въ Былинѣ о Волхѣ Всеславичѣ или Вольгѣ Буслаевичѣ (какъ догадываются, Олегѣ Святославичѣ) говорится:

Птица полетѣла высоко въ небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по чащицамъ,
Соболи, куницы по островамъ...
Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ:
Онъ обернется сѣрымъ волкомъ,
Бѣгалъ, скакалъ по темнымъ лѣсамъ,
А бьетъ онъ звѣри сохатые,
А и волку, медвѣдю спуску нѣтъ,
А и соболи, *барсы — любимый кусъ*,
Онъ зайцамъ, лисицамъ не брезгивалъ.

Древн. Рос. стих. 1818 г. 46. 48.

⁹) 1 Новг. 21. У Марко Поло въ Чт. Общ. И. 1862 г. IV, 487. Въ хронографахъ XVI ст. говорится, что потомки Словена и Руса «налѣзоша богатства

Шексны, находились медведи. Двинская земля, нынѣшній Вологодскій край, изобиловалъ бѣлками, водились въ немъ также бобры и соболи. Куницы и бобры встрѣчались въ Ярославской землѣ и костромскихъ предѣлахъ. Въ землѣ Рязанской и нынѣшней Симбирской губерніи существовали бобровые гоны, равно какъ и въ Московской области; а у Вятичей упоминаются бѣлы и веверицы. Въ славѣ были мѣха — Буртасскіе: по сказанію арабскихъ писателей, чернобурыя лисицы, черныя куницы и скиѳскіе соболи добываемы были Болгарами у Буртасъ, т. е. въ землѣ Мордовской [10]). Въ нынѣшней Воронежской и Тамбовской губерніи были ловли лебединыя: тамъ въ 1323 г. «сокольници цареви (т. е. Ханскіе) пришедъ ловиша лебеди». Далѣе въ южномъ краю Руси, гдѣ начиналась степная полоса, обиліе звѣрей и дичи было еще значительнѣе, чѣмъ въ сѣверо-восточной части ея. По крайней мѣрѣ, такъ можно заключить изъ словъ Хожденія въ Царьградъ митрополита Пимена въ 1392 г. О поѣздкѣ по Дону въ немъ написано: «бысть же сіе путное шествіе печально и унылииво: бяше бо пустыня зѣло всюду, не бѣ бо видѣти тамо ничто же,

---

много мечомъ своимъ и лукомъ, обладаша же и сѣверными странами, и по всему морю, даже до предѣловъ Ледовитаго моря и по великимъ рѣкамъ Выми и Печоры, и за непроходимыми высокими горами, въ странѣ, рѣкомой Скиръ, по велицѣй рѣкѣ Оби, до устія Бѣловодныя рѣки: тамо бо звѣри родятся рекомій соболь». Сѣвернор. народопр. 1, 6.

[10]) Лавр. 76. Ник. IV, 213. 222. Въ 1425 г. новгородци ходиша ратью къ Устюгу, и взяша на нихъ окупъ 50,000 бѣлки и 6 сороковъ соболей. 1 Новг. 110, А. Юрид. 1, № 71, XVIII. Въ 1356—1387 г. Олегъ Рязанскій далъ монастырю Ольгову Св. Богородицы, село Арестовское со всѣми пошлинами и съ бобрами. Допол. кт. А. И. 1, № 8. Въ станахъ московскихъ водились бобры, какъ видно изъ завѣщанія Владиміра Андреевича, и въ Ярослав. области. Ист. Рос. Іер. VI стр. 229. При Ярославѣ Великомъ, «по лѣтѣ единомъ (по убіеніи Глѣба), ходяще ловци, обрѣтоша тѣло святаго лежаще цѣло, ни звѣремъ бо, ни птицамъ прикоснувшимся его. Сказ. о Бор. и Гл. 1860 г., стр. 21. Это было около Днѣпра, ниже Смоленска. Въ 1378 г. русскіе воины были за р. Пьяной, не остерегались непріятелей, «а князи ихъ, или бояре старѣйшіи, вельможи и воеводы, ти вси поѣхаша ловы дѣюще, утѣху себѣ творяще, мнящеся яко дома». IV Новг. 73. Массуди писалъ (въ X в.): «Черныя лисицы, привозимыя изъ земли буртасовъ, составляютъ самые уважаемые и дорогіе мѣха. Владѣтельныя особы дѣлаютъ изъ нихъ шапки и шубы, и цѣнятъ ихъ весьма высоко». Френа Ibn—Foszlan's, Berichte, стр. 262. Ист. Гос. Рос. 1, пр. 516. Рубриквисъ, посолъ Людовика св. 1253 г., пишетъ о Мордвѣ, что она богата соколами и драгоцѣнными мѣхами. Чт. Общ. Ист. 1864 г., кн. 3 отд. V. I стр. 174.

ни града, ни села; аще бо и бываша древле гради краснѣ и нарочиты зѣло видѣніемъ, мѣста точію, пусто жь все и не населено; нигдѣ бо видѣти человѣка, точію пустыня велія и звѣрей множество: козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медвѣди, бобры, и птицы: орлы, гуси, лебеди, журавли и прочая» [11]). Въ Смоленской области водились лисицы, куницы и тетерева, а въ Полоцкой упоминаются бобровые гоны [12]). Изъ поученія Мономаха видно, что въ лѣсахъ Черниговской области водились въ XII ст. слѣдующія животныя: дикіе быки, олени, лоси, кабаны, медвѣди, волки и дикіе кони; «конь дикихъ своима рукама связалъ есмь въ пуштахъ, пишетъ онъ, 10 и 20 живыхъ конь, а кромѣ того иже по Роси ѣздя нмалъ есмь своима рукама тѣже конѣ дикіѣ»; и въ Волынской землѣ въ XII в. упоминаются кабаны и медвѣди [13]) Чтобы имѣть болѣе полное представленіе о количествѣ звѣрей въ юго-западной Руси до XV ст., приведемъ отрывокъ изъ путевыхъ записокъ Михалона Литвина. По его словамъ, даже въ первой половинѣ XVI ст. тамъ было страшное изобиліе дичи: «звѣрей такое множество въ лѣсахъ и степяхъ, пишетъ онъ, что дикіе волы (bisontes), дикіе ослы (anagri) и олени убиваются только для

---

[11]) Воск. 177. Сказ. Рус. Нар. Сахарова, т. II, VIII, стр. 97.

[12]) Доп. къ А. Истор. 1, № 4. А. Зап. Р. 1, № 13. Въ рукописной книгѣ о градѣ Курскѣ сказано, что онъ былъ разоренъ Батыемъ «и оттолѣ многіе годы пребывая пустъ, окрестности же и весь уѣздъ онаго веліимъ древесемъ проростоша и многимъ звѣрямъ обиталища быша и отъ многихъ близъ того положенія града Курска, изъ Рыльска и изъ иныхъ градовъ людіе хождаху туда прибытка ради своего звѣрей ловити». Ист. Гос. Рос. IV, пр. 166. Это позднее извѣстіе, вѣроятно, сообщено на основаніи древнихъ преданій и въ немъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Еще въ концѣ XI в., послѣ опустошеній Половецкихъ, около Торческа, «нивы поростъше звѣремъ жилища быша». Лавр. 95. Изъ словъ Хожденія Пимена также видно, что и въ Воронежской губерніи было то же явленіе послѣ татарскаго погрома: при уменьшеніи населенія появилось множество звѣрей и птицъ. Черниговскій князь Святославъ жаловался, что въ семи городахъ опустошенной его области сидятъ только псари да Половцы. Ипат. 84.

[13]) Лавр. 104. Ипат. 192, 216. Въ Русской Правдѣ и въ Словѣ о Полку Игоревѣ упоминаются птицы, безъ сомнѣнія, водившіяся въ юго-западной Руси: утки, гуси, лебеди, журавли, бѣлыя гоголи, чернеди. Говоря о Россіи, Марко Поло (1271 г.) прибавляетъ: «Она изобилуетъ разными мѣхами: горностаевыми, собольими, куньими, лисьими, ласточкиными, также и воскомъ... Она простирается до самаго сѣвернаго океана, гдѣ ловится множество кречетовъ и перелетныхъ соколовъ, которые развозятся оттуда во многія страны». Чт. Общ. Ист. 1862 г. 4, IV, 488.

кожи, а мясо бросается, кромѣ филейныхъ частей; козъ и кабановъ оставляютъ безъ вниманія. Газелей такое множество перебѣгаетъ зимою изъ степей въ лѣса, а лѣтомъ въ степи, что каждый крестьянинъ убиваетъ тысячи. На берегахъ живетъ множество бобровъ. Птицъ удивительно много, такъ что мальчики весною наполняютъ лодки яйцами утокъ, дикихъ гусей, журавлей, лебедей и потомъ ихъ выводками наполняются и птичьи дворы. Орлятъ запираютъ въ клѣтки для перьевъ къ стрѣламъ» [14]). Изъ этого видно, что звѣрей и дичи въ древнюю пору водилось очень много, какъ въ сѣверо-восточной Руси, такъ и въ юго-западной.

Относительно орудій, употреблявшихся въ древней Руси для ловли птицъ и звѣрей, на языкѣ древнихъ памятниковъ сохранились слѣдующія названія: *тенето*, которое также носило названіе *пругла*, *сѣть*, *перевѣсъ*, *силецъ*, *кляпца* или клѣтка [15]). Въ 1088 г. Всеволодъ ловы дѣя звѣриныя за Вышегородомъ, «замѣтавшимъ тенета (меташа тенета на заяци) и кличаномъ кликнувшимъ, спаде превеликъ змій» [16]). Слѣдовательно, ловили зайцевъ такъ же, какъ и теперь ловятъ ихъ иногда: разставляютъ тенета и загоняютъ въ нихъ звѣрей толпой народа, который окружаетъ пространство и идетъ цѣпью съ крикомъ по направленію къ тенетамъ, постепенно съуживая кругъ [17]). Сѣти или пругло и силки употреблялись для ловли птицъ. Въ Правдѣ, приписываемой

---

[14]) Архивъ историко-юридич. кн. II, полов. 2, стр. 61—63.

[15]) Въ переводныхъ памятникахъ названію *тенета* или тонота, отвѣчаютъ слова: cassis, plagae; слова: παγίς, tendiculae, laqueus переводятся словомъ: *пругло*, которымъ, слѣдовательно, выражается вообще все то, что разставляется для ловли птицъ: и силки, и сѣти, и тенета. *Сило*, силецъ означаетъ петли, которыми ловятъ птицъ; это слово равносильно латинск. pedica, а сѣть — греч. σπορά. Сл. И. И. Срезневс. Теперь силки называются въ Тамбовской губ. оселки (ôселъ, петля) и дѣлаются изъ конскаго волоса; ими ловятъ преимущественно куропатокъ.

[16]) Лавр. 82. Воскр. 218.

[17]) Кромѣ зайцевъ, тенетами, по всей вѣроятности, ловили сернъ, а можетъ быть и волковъ, по крайней мѣрѣ, можно такъ заключить изъ выраженій древнихъ памятниковъ. О Варлаамѣ, синѣ боярскомъ, написано: «снемъ одежду боярскую и положи ю предъ старцемъ (Ѳеодосіемъ), и бѣжа изъ дому, яко птица изъ пругла исторгшись, или яко сѣрна отъ тенета». Рукоп. Патерикъ Рум. Муз. 1462 г., № 305; также въ житіи Ѳеодосія XIII или XIV в., № 319, л. 112. «Избави мя отъ нищеты сея, писалъ Д. Заточникъ, яко серну отъ тенета, яко птицу отъ кляпцы, яко утя отъ ноггей ястреба носимаго». Изв. Ак. Н. X, III, стр. 266.

Владиміру Мономаху (около 1114 г.), означено: «аже будетъ росѣчена земля или знаменіе, имъ же ловлено, или сѣть: то по верви искати татя, ли платити продажю». О ловлѣ птицъ силками говорится въ Вопросахъ Кирика: «творятъ иніи, слышавше отъ иныхъ епископъ, яко застанетъ въ сильцѣ уже удавившеся, ту зарѣжи, не вынимая, а сильцъ того дѣля есть поставилъ» [18]). Дикихъ птицъ и звѣрей ловили перевѣсомъ или перевѣсью; такъ называется ловушка изъ веревокъ, навѣшанныхъ петлями, и сѣти разстилаемыя по борамъ для ловли лосей и оленей, которые на бѣгу отъ погони сами задергиваютъ сѣти и путаются въ нихъ. Перевѣсы самый древній способъ ловли: еще при св. Ольгѣ перевѣсище было внѣ града Кіева. Подобный способъ ловли употребляется и доселѣ за Ураломъ и въ Оренбургской губерніи [19]).

Первыми ловчими птицами были *соколы*, которыхъ употребляли преимущественно для ловли лебедей; бѣлый соколъ назывался *кречетомъ*. Ловля птицъ и звѣрей производилась также посредствомъ *ястребовъ*. У князей, въ древнюю пору, содержался изъ этихъ птицъ цѣлый нарядъ; Мономахъ пишетъ, что онъ самъ наблюдалъ за всѣмъ: »и въ ловчихъ, ловчій нарядъ самъ есмь держалъ, и въ конюсѣхъ, и о соколѣхъ и о ястребѣхъ» ([20]). Ловчими птицами очень

---

[18]) Рус. Пр. 11, 63. Пам. XII в. 191. Никон. IV. 56.

[19]) Изв. Ак. Н. II, 203. Лавр. 23. Руковод. къ естеств. Истор. Шуберта. Дерптъ, 1841 г., стр. 521. Въ Оренбургской губерніи сѣти развѣшиваются въ лѣсу поперегъ просѣки и прикрѣпляются, посредствомъ веревки, къ столбамъ за кольца или къ деревьямъ. Охотникъ сидитъ тайно и посредствомъ веревочки можетъ задергивать сѣти, приподнимая ихъ на рогатины, когда подъ нихъ подходятъ дикіе гуси, утки и другія птицы. Чтобы яснѣе понять устройство перевѣса въ древнюю пору, выпишемъ отрывокъ изъ явки Назарова и Савина: «съсѣкли у насъ, не вѣдаемъ кто, сосну съ кольцомъ перевѣтную, поводень на нее вѣшали на угки, на Тавренгѣ рѣкѣ въ перевѣсье, и намъ стало не на что поводни вѣшать, угодье опустошили». А. Юрид. № 48. Перевѣсы, какъ видно, ставились недалеко отъ воды, въ мѣстахъ низменныхъ. Рус. Дост. I, 164. Въ Правдѣ, приписываемой Изяславу (1054 г.), упоминается о кражѣ ястреба и сокола изъ перевѣса. Рус. Пр. III, 93. Изъ этого можно заключить, что ястребовъ и соколовъ ловили перевѣсами, или же этихъ ловчихъ птицъ держали около перевѣсовъ, чтобъ ими ловить другихъ птицъ. Въ перевѣсахъ, по всей вѣроятности, находились силки, — и птицы могли попадаться сами, въ отсутствіе охотника.

[20]) Лавр. 105. Ник. I, 159. III, 50. Въ Словѣ о Полку Игоревѣ напечатано: «полетѣ соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и лебеди завтроку, и обѣду и

дорожили въ древнее время; въ числѣ военной добычи вмѣстѣ съ серебромъ и мѣхами забирали и ловчихъ птицъ. Въ договорѣ князя Юрія съ Михаиломъ Тверскимъ 1318 г. читаемъ: «А что поимали на Вологдѣ кречеты и сребро и бѣлу.... посвободамъ и селюмъ и у ладожанъ или.... ихъ людей, дати имъ назадъ по исправѣ» ([21]). Звѣрей травили *собаками*, и въ Русской Правдѣ собака цѣнится наравнѣ съ соколомъ; собаки между прочимъ употреблялись въ бобровой ловлѣ. Какимъ образомъ ловили и били бобровъ въ юго-западной Руси, можно обратиться для объясненія къ уставной грамотѣ Витовта 1453 г., тѣмъ болѣе, что она писана, какъ повѣдали старцы. Въ ней читаемъ: «Гдѣ берегъ великаго князя сумежный зъ боярскими, туто гонити бобры и бобровникомъ в. князя и боярскимъ и подѣлити бобры по *старому*; а сѣтей и рожновъ и осокъ боярамъ не держати и поколодвъ и кошовъ не ставити. А гдѣ князскій или боярскій берегъ особный, а в. князя берегъ не пришелъ: туто имъ ставити поколодвы и кеши, и собакы держати, и сѣти, какъ мога, такъ бобра имъ ловити» [22]). Изъ выраженія лѣ-

---

ужинѣ», стр. 231, Воскр. 177. Кречеты употреблялись для ловли лебедей. Ист. Гос. Рос. VII, пр. 43. Игорю Князю Сѣверскому, во время плѣна его въ 1185 г., Половцы позволяли ѣздить на охоту: «волю ему даяхуть, гдѣ хочеть, ту ѣздяшеть и ястребомъ ловяшеть». Ипат. 133. Ястребомъ ловили сернъ и журавлей. Изв. Акад. X, 535. Въ житіи Петра Царевича Берки говорится, что ловля птицъ производилась въ Ростовѣ ястребами и кречетами. Ростовскій князь «поимавше Петра на царскую утѣху, около езера съ ястребы тѣшаше его». «При епископѣ ростовскомъ Прохорѣ (1311—1328) Игнатъ (сынъ Юрья, внукъ Петра) предъ кресты съ гражданы, веземъ тѣшь царскую, кречеты, шубы и питіе, и край поля езера, ста на колѣну предъ Ахмыломъ». Изъ житія его, помѣщеннаго въ Правос. Собес. 1859 г. въ концѣ 3-й кн. по позднему списку.

[21]) Къ ловчимъ птицамъ привязывались звонки, какъ можно читать въ словѣ о Задонщинѣ: «Досюды есмя были, братіе, никуды не изобижены, ни соколу, ни ястребу, ни бѣлу кричату, ни тому псу поганому Мамаю... Тогда же соколи и кречати и бѣлозерскіе ястреби — отъ златыхъ колодицъ изъ камяна града Москвы возлетѣша подъ синіе небеса — позвонять своими позлачеными колокольци». Собр. гр. 1, № 14, стр. 18. Изв. Акад. Н. VI, V, 346, 348. Древнее названіе: *крагуй* значитъ — ястребъ, ἱέραξ, accipiter. Ловля самихъ ловчихъ птицъ особенно была выгодна, потому что онѣ цѣнились дорого; сокольи гнѣзда принадлежали хозяину, владѣвшему землей, и ограждаемы были закономъ. А. Юж. и Зап. Р. 1, № 23. Сокольи гнѣзда упоминаются до 1319 г. А. Юр., № 257, 1.

[22]) Рус. Прав. 1, 37. А. З. Рос. 1, № 35. Въ 1391 г. Митр. Кипріанъ крестьянамъ Константиновскаго монастыря вмѣняетъ въ обязанность «на бобры имъ въ осениѣ поити» А. Эксп. № 11. Слѣд. бобровъ ловили осенью.

тописца подъ 1176 г. о Мстиславѣ, что онъ «поѣха изъ Суздаля борзо, яко же и на заяць» можно видѣть, что въ древнюю пору зайцевъ загоняли и на лошадяхъ верхомъ. Нѣтъ нужды распространяться, что звѣрей били различнымъ оружіемъ, напр. стрѣлами, рогатинами и т. п. [23]). До какой степени трудна была борьба охотниковъ съ дикими животными, можно видѣть изъ разсказа Мономахова объ опасностяхъ, какія онъ встрѣчалъ на охотѣ въ Черниговской области. «Тура мя два метала на розѣхъ съ конемъ, говорить онъ, олень мя одинъ болъ, а два лоси—одинъ ногами топталъ, а другой рогами билъ, вепрь ми на бедрѣ мечь отялъ, медьвѣдь ми у колѣна подклада укусилъ, лютый звѣрь (волкъ) скочилъ ко мнѣ на бедры, и конь со мною поверже» [24]).

Въ грамотѣ Кипріана прибавлено: «а истоки имъ забивати», т. е. для того, вѣроятно, загораживать нужно истоки, чтобы не уходили племенные бобры.

[23]) Лавр. 159. Ипат. 192. Ловишки *застрѣляя* звѣри ядяху. Пер. л. 13.

[24]) Лавр. 105. Въ былинахъ очень хорошо рисуется древній способъ ловли птицъ и звѣрей. Такъ Вольга Святославовичъ говоритъ:

«Вейте веревочки шелковыя,
Становите веревочки во темну лѣсу,
Становите веревочки по сырой земли,
И ловите вы куницъ и лисицъ,
Дикихъ звѣрей и черныхъ соболей....
Большихъ поскакучіихъ заюшекъ,
Малыхъ горностаюшекъ....
Вейте силышка шелковыя,
Становите на темный лѣсъ,
На темный лѣсъ на самый верхъ,
Ловите гусей, лебедей, ясныхъ соколей
И малую птицу пташицу».

Былины разсказываютъ, что у князя Владиміра были потѣшные луга и острова, «куда ѣздилъ ласковый князь завсегда за охотою». Дружина Чурилы Пленковича на этихъ *щаскахъ* Владиміра избила княжескихъ охотниковъ, сокольниковъ и кречетниковъ, а потомъ

«Они соболи, куницы повыловили,
И печерски лисицы повыгнали,
Туры, олени повыстрѣляли....
Всѣхъ они ясныхъ соколовъ повыхватали
И бѣлыхъ кречетовъ повыловили».

Владиміръ князь на охотѣ ѣздитъ—

«Стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перелетныхъ малыхъ уточекъ,
Лисицъ, зайцевъ всѣхъ поганиваетъ».

А Збутъ Королевичъ младъ на охотѣ

«Отвязывалъ (отъ) стремя вожья выжлока,
Со руки отпускалъ ясна сокола».

(Пѣс., собр. Рыбник. 3. Древн. рос. стих. 94. 156. 159. 228. 361).

Обо многихъ древнихъ русскихъ князьяхъ лѣтописи отзываются, какъ о страстныхъ охотникахъ, или даютъ знать при случаѣ, что они занимались ловлей птицъ и звѣрей. Подъ 1036 г. въ лѣтописи означено, что «Мьстиславъ изыде на ловы, разболѣся и умре» [25]). На охоту отправлялись князья на долгое время съ женами и дружиной. Въ 1180 г. «Ходяшеть Давыдъ Ростиславичь по Днѣпру въ лодьяхъ, ловы дѣя, и Святославъ ходяшеть на черниговской сторонѣ, ловы дѣя противу Давыдови; и тогда Святославъ сдумавъ съ княгинею своею и съ Кочкаремъ, милостникомъ своимъ... И абье удари Святославъ на товарѣхъ на Давыдовыхъ.... и вбеже въ лодью и со княгинею своею... Святославъ же изыма дружину его и товары его» [26]). Изъ отзывовъ древнихъ памятниковъ о занятіяхъ князей видно, что охота для нихъ составляла препровожденіе времени, глумы, «царскую тѣшь.» Но соображая всѣ данныя, мы можемъ замѣтить, что цѣлью охоты княжеской было не одно развлеченіе, но и польза. Владиміръ Мономахъ не напрасно «ся

---

[25]) Лавр. 65. Въ 1088 г. Всеволодъ занимался ловлями звѣриными за Вышегородомъ. Въ исторіи Татищева о Володарѣ говорится, что онъ ѣздилъ на охоту въ 1122 г. съ малыми людьми. Ист. Рос. II, 225. Владиміръ Мономахъ въ поученіи къ дѣтямъ (до 1125 г.) пишетъ: «А се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, оже ся есмь тружалъ пути дѣя и ловы 13 лѣтъ», Лавр. 105. Въ 1144 г. Всеволодъ Кіевскій ходилъ на охоту въ Тисмяницу (на правомъ берегу рѣки Вороны, недалеко отъ Станиславова). «На ту же зиму шедшу Володиміру въ Тисмяницу на ловы». Ипат. 20.

[26]) Ипат. 122. Въ 1190 году Святославъ съ сватомъ своимъ Рюрикомъ «сдумавша и идоста на ловы по Днѣпру въ лодьяхъ на устья Тесмены (рѣки пограничной съ Кіевск. и Херс. губ.) и ту ловы дѣявша и обловившася множествомъ звѣрей, и тако *наглумистася* и во любви пребыста и во весельѣ по вся дни, и возвратишася во свояси». Ипат. 139. Въ 1193 г. Ростиславъ Рюриковичъ съ охоты отправился воевать Половцевъ: «ѣха съ лововъ отъ Чернобыля въ Торцькый вборзѣ, не повѣдася отцу», Ипат. 142. Подъ 1238 г. говорится о князѣ Василькѣ, что онъ «былъ храбръ паче мѣры на ловѣхъ». Ипат. 224. Подъ 1259 г. въ лѣтопись занесено извѣстіе: «Даниилови ѣздящу по полю и ловы дѣющу и видѣ мѣсто красно и лѣсно на горѣ», и тутъ создалъ градецъ Холмъ. Ипат. 196. Петръ Царевичъ Ордынскій, по сказанію житія его, послѣ принятія христіанской вѣры въ Ростовѣ (1262 г), не отставалъ отъ своей царской утѣхи: «бѣ бо выѣздяй при езерѣ Ростовстѣмъ (Неро) птицами ловя». Правос. Собесѣд. 1859 г. кн. 3. Подъ 1287 г. о Владимірѣ Васильковичѣ Волынскомъ записано извѣстіе, что онъ былъ «ловецъ добръ, хороборъ, николиже но вепреви и ни къ медвѣдеви не ждаше слугъ своихъ, а быша ему помогли, скоро самъ убиваше всякій звѣрь, тѣмъ же и прослылъ бяшеть по всей землѣ, поневе далъ бяшеть ему Богъ везнь не токмо и на одинныхъ ловѣхъ, но и во всемъ». Ипат. 216.

тружаля пути и ловы дѣя 13 лѣтъ», даже съ опасностью жизни. Наловленные звѣри доставляли отличное мясо для пищи и кожи для домашняго обихода. Въ 1255 г. Даніилу князю Галицкому «ѣдущу до Грубешева, и уби вепревъ шесть; самъ же уби и рогатиною три, а 3 отроцы его и вдасть мяса воемъ на путь.» Въ 1287 г. Владиміръ Волынскій» пріѣха изъ Раю въ Любомль, ту же и лежаше всю зиму, въ болѣсти своей, разсылая слугъ своихъ на ловы»[27]). Изъ этого видно, что охота не составляла единственнаго развлеченія князей, иначе не зачѣмъ бы было Владиміру разсылать безъ себя слугъ своихъ на ловлю.

Князья русскіе съ ранняго времени имѣли свои опредѣленныя мѣста для звѣроловства и охоты за дикими птицами. Перевѣсища и ловища св. Ольги были на Днѣпру и по Деснѣ, а равно по всей тогдашней русской землѣ. «Ловища ея суть по всей земли, знаменья и мѣста и новосты.... и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ.... Иде Вольга по деревской земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляющи уставы и уроки; суть становища еѣ и ловища» [28]). На отведенныхъ по условію съ народомъ мѣстахъ или на собственныхъ земляхъ князья держали своихъ ловчихъ, сокольниковъ, псарей, бобровниковъ, тетеревниковъ, ловцовъ лебединыхъ, заячихъ, гоголиныхъ; такъ что ими заселены были иногда цѣлыя слободы. Жители обязывались содержать княжескихъ ловчихъ, когда они приходили на ловлю [29]). Ловчіе причислялись къ вольнымъ слугамъ и удѣльные князья обязывались не принимать ихъ на службу и

---

[27]) Ипат. 92, 216.

[28]) Лавр· 25. Здѣсь словомъ: *ловища* означаются мѣста звѣриной и рыбной ловли, а *перевѣсища* суть мѣста перевѣса сѣтей, развѣшенныхъ для ловли птицъ.

[29]) «Въ грамотѣ кн. Андрея Александровича (послѣ 1394 г) сдѣлано съ Новгородомъ условіе, какъ было при его отцѣ, чтобы съ погостовъ ватагамъ его шелъ кормъ и подводы. Ловчіе и псари часто пользовались княжескими землями и лѣсами изъ оброка; когда Евсей Новоторжанинъ переселился въ вотчину великаго князя въ Кострому (1362—1374), то в. князь далъ ему жалованную грамоту, которою освободилъ его отъ всѣхъ даней, исключая оброка по 5 куницъ на годъ, и приказалъ его блюсти дядѣ своему Василію Тысяцкому· О княжескихъ ловчихъ см. Лавр. 206 1 Новг. 61. Допол. къ А. И. 1, № 4. А. Ист. 1, № 14. По показанію Василія Микулинича (послѣ 1444 г.), который хорошо помнилъ княженіе Витовта, хотя не помнилъ Ольгерда, Брушаны отбывали повинности на князя, между прочимъ, содержаніемъ бобровника: «а бобровникъ одинъ съ конемъ и со псомъ; а дохода ему

блюсти за единаго, земель ихъ не покупать. Если не за-хочетъ кто изъ нихъ жить, пусть идетъ прочь, но земли лишается, она отходитъ князю: «инъ земли лишенъ—пойди прочь» [30]). Хотя это высказано въ грамотѣ 1410 г., но мы увидимъ въ статьѣ о бортничествѣ, что такой обычай существовалъ до XV стол. Князья придавали большое значеніе ловчему и сокольничему пути, т. е. праву ловить звѣрей и птицъ. Симеонъ Гордый въ 1341 г. потребовалъ отъ братьевъ, Ивана и Андрея, чтобы они уступили ему *на старѣйшинство* эти пути въ станахъ московскихъ, которые прежде находились въ общемъ владѣніи. «Да тобѣ *сокольничій путь* (т. е. доходъ) и садовници да конюшій путь, и кони ставити и *ловчій путь* тоже». Въ завѣщаніи 1389 г. Димитрій Донской писалъ: «и конюшій путь, и сокольничій, и ловчій, тѣми сынове мои подѣлятся ровно» [31]). Если князья такъ сильно хлопотали изъ за ловчаго и сокольничьяго пути, то выгоды отъ промысла звѣроловствомъ и охотой, по всей вѣроятности, были значительны, и они-то болѣе и болѣе развивали страсть къ охотѣ.

Духовенство, какъ видно, не одобряло охоты, любимаго занятія князей; но князья думали и дѣйствовали иначе. Владиміръ Мономахъ въ поученіи говоритъ: «Сему ся подивуемъ, какъ птицы небесныя изъ Ирья идутъ».... рѣки и поля и лѣса наполнены птицами, рыбами и звѣрями. «Все же то далъ Богъ на угодье человѣкомъ, на снѣдь, на веселье» [32]). Духовенство, не одобряя забаву, смотрѣло на ловли звѣрей и птицъ съ болѣе практической стороны. Монастырямъ и духовенству часто передавались ловли по завѣщанію, и они владѣли этими угодьями и вели промыселъ. Въ 1150 г. Смоленскій князь Ростиславъ Мстиславичъ далъ Епископу Мануилу «за *рѣкою тетеревникъ* съ женою и дѣтьми» и по нѣскольку лисицъ съ каждаго города урока, или деньги вмѣсто нихъ. Въ 1192—1207 гг. старецъ Варлаамъ далъ Хутынскому монастырю селеніе Волховское и ловища *гоголиныя*. Послѣ 1356 г. Олегъ

грошъ» А. Юж. и Зап. Р. 1, № 23. А. Арх. Э. 1, № 1. Допол. къ А. И. 1, № 8. Ник. V, 49—50.

[30]) Собр. грам. 1, № 40, стр. 74.

[31]) Собр. гр. 1, № 28, стр. 36, № 34. стр. 58.

[32]) Лавр. 101. Ник. V, 49—50.

Ивановичъ и ранѣе его Юрій и Ингварь дали монастырю Ольгову св. Богородицы село Арестовское и съ озеры и съ бобры и съ *перевѣсищами* да пять погостовъ; всѣ они съ бобрами и съ перевѣсищами [33]). Владѣя ловлями, духовенство имѣло своихъ ловчихъ-пардусниковъ, бобровниковъ, тетеревниковъ и сокольниковъ.

Со времени татарскаго владычества, Ханы имѣли большое право на промыслъ звѣремъ и птицей на Руси; но русское духовенство было освобождено отъ пошлинъ со всѣхъ ловлей и угодій [34]). Ярлыкъ Хана Узбека (1313 г.) такъ выражается объ этихъ льготахъ, данныхъ духовенству: «да не вступается никто ни во всякія ловли ихъ, ни въ борти ихъ, ни въ лѣсы, ни въ ограды ихъ. Ловцы, какого лова нибуди, или сокольницы, а въ то наши никто не вступается и на наше дѣло да не емлютъ ихъ, и пардусницы наши, и ловцы наши, и сокольницы наши, и побережницы наши да не вступаютца въ нихъ, и да не взимаютъ у нихъ ихъ дѣльныхъ орудій, да не отнимаютъ ничего же». Слѣд. Ханскіе охотники имѣли право производить ловлю птицъ и звѣрей по всѣмъ лѣсамъ и рѣкамъ русской земли, брать у охотниковъ разныя орудія, годныя для охоты, даже отнимать самый ловъ русскихъ охотниковъ [35]). Вообще изъ ярлыковъ ханскихъ, видно, что ловцы

[33]) Доп. къ А. И. 1, № 4, № 5, А. И. 1, № 2; Изв Акад. X, 678—679. Въ другихъ жалованныхъ грамотахъ въ числѣ угодій поземельнаго владѣнія даются бобровые гоны. Въ 1393 г. дек. 8 Спасскому и Благовѣщенскому монастырямъ даны воды р. Суры и озера около рѣчки Курмышки съ бобровыми гонами. До 1399 г. Полоцкій в. к. Андрей Ольгердовичъ далъ Полоцкому Троицкому монастырю бобровые гоны въ р. Званѣ. А. Э. 1, № 12. А. Запад. Рос. 1, № 13.

[34]) Въ ярлыкѣ Менгу-Темира 1267 г, говорится: «что церковныя земли, воды, огороды, винограды, мельницы, зимовища, лѣтовища да не замаютъ ихъ... а что церковные люди-мастеры сокольницы, пардусницы или которые работники»—тѣхъ не берутъ ни на что, ни въ работу. Соб. гр. II, № 2.

[35]) Собр. гр. II, № 7. Въ 1283 г. Ханскій баскакъ Ахматъ сынъ Темировъ жаловался Ногаю на Олега кн. Рыльскаго, что онъ не слушаетъ Хана и разбойничаетъ противъ Татаръ. Онъ говорилъ: «Аще ли царю, хощети испытати, то посли къ Ольгу сокольникы своя, есть бо во княженіи его ловища лебединаа, и ловивъ съ твоими сокольникы, пріидетъ ли къ тебѣ» Воскр. 177. Объ охотѣ татаръ см. въ Путеш. Марко-Поло. Чт. Общ. Ист. 1862 г. II, IV. 258—267. Плано-Карпини пишетъ, что Татары, завоевавъ Русь, обложили каждаго податью изъ мѣховъ, именно: давать по кожѣ бѣлаго медвѣдя или черного, бобра, соболя и какого-то черного звѣрка, живущаго въ землѣ въ

хана имѣли право выводить на охоту русскихъ ловцовъ или жителей въ помощь, гдѣ нужно, а селенія, вѣроятно, обязаны были доставлять имъ кормъ. Но все-таки право охотиться въ областяхъ русскихъ осталось за народомъ и князьями туземными, такъ что татарскіе ловчіе едва-ли часто пользовались охотой за птицей и звѣремъ.

Такъ какъ въ нашихъ лѣтописяхъ преимущественно сообщаются свѣдѣнія о князьяхъ и о духовныхъ, а о бытѣ и дѣятельности народа мало находится извѣстій, и тѣ большею частію высказаны вскользь, поэтому трудно опредѣлить, до какой степени развита была промышленность охотой между частными людьми до XV стол. Но что она существовала, на это указываютъ слѣдующіе факты: Арабскіе писатели постоянно упоминали, что главная торговля русскихъ состояла изъ бобровъ, соболей, лисицъ, куницъ и горностаевъ, которыхъ они привозили къ своимъ сосѣдямъ. Такъ Ибнъ-Кхордатбегъ, умершій уже старикомъ въ 912 г., пишетъ: «Русскіе изъ племени Славянъ вывозятъ мѣха бобровъ и чернобурыхъ лисицъ изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ Славянской земли и продаютъ ихъ на берегахъ Румскаго (Средиземнаго) моря». О вывозѣ мѣховъ русскими въ другія страны повторяютъ неизвѣстный писатель «Книги Странъ» (X вѣка), Массуди, Истархи и другіе [36]). Если въ такомъ количествѣ русскіе снабжали мѣхами различные народы, какъ говорятъ арабскіе писатели, то нѣтъ сомнѣнія, что промышленность пушными звѣрями распространена была по всѣмъ областямъ русской земли и между всѣмъ народомъ; потому что сбытъ туземныхъ произведеній всегда основывается на степени развитія извѣстнаго промысла.

Отношенія русскихъ князей къ народу еще сильнѣе убѣждаютъ насъ въ томъ, что ловли звѣриныя и птичьи принадлежали частнымъ лицамъ; владѣніе землею въ древней Руси было на правѣ общинномъ и личномъ, такой же характеръ носило и владѣніе другими угодьями, связанными съ поземельной собственностью. «Иде Вольга, говоритъ

норахъ, называемаго по нѣмецки *Illick*, а по польски и по русски *Дохонъ* (Хорекъ). Путеш. къ Татар. пер. Языкова. стр. 184—5. Ист. Гос. Рос. III, пр. 272.

[36]) Вѣст. Геогр. Общ. 1854 г. I, II, стр. 52—53. Зап. Геогр. Общ. Т. VI, стр. 46, Френа, Ibn—Foszlan, стр. 66, 71, 147, 262. Мухам. Нумизм. Савельева Введ. стр. 77—79.

лѣтописецъ, по Деревской земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною уставляющи уставы и уроки; суть становища ея и ловища». Изъ этихъ словъ можно вывесть заключеніе, что князья русскіе въ подчиненныхъ имъ областяхъ устанавливали право владѣнія и отводили себѣ мѣста, выгодныя для звѣроловства. Народъ, давая князьямъ опредѣленныя мѣста для ловли птицъ и звѣрей, не позволялъ имъ охотиться въ своихъ владѣніяхъ, и не терпѣлъ нарушенія условій. Въ 1270 г. Новгородцы, въ числѣ разныхъ злоупотребленій кн. Ярослава, указывали на его самовольное завладѣніе ловлями, принадлежавшими народу: «Княже, чему еси отъялъ Волховъ гоголиными ловцы а поле отъялъ заячими ловци» [37])? Если бы эти ловли ограничивались простой охотой за птицами и звѣрями, неприносившими никому пользы, въ такомъ случаѣ Новгородцы не обратили бы вниманія на развлеченіе князя. Но здѣсь дѣло шло о выгодахъ отъ звѣроловства и охоты въ промышленномъ отношеніи, поэтому они такъ горячо и отстаивали свои права.

У Новгородцевъ строго опредѣлены были мѣста, гдѣ ихъ князья могли пользоваться ловлей дикихъ звѣрей и птицъ. Въ договорной грамотѣ Новгорода, заключенной въ 1265 г. съ в. к. Ярославомъ Ярославичемъ тверскимъ, поставлены условія, по грамотѣ отца его, именно: «А въ Русу княже ѣздити осень (для звѣроловства?), а лѣтѣ не ѣздити, ѣздити на Озвадо (Взвадъ) лѣтѣ звѣри гонити. А свиньи (кабановъ) ти бити за 60 верстъ отъ города»; а въ договорѣ 1307—8 г. прибавлено: «а далѣ кому куда угодно» [38]). Князья выговаривали себѣ право на ловли птицъ и звѣрей на Двинской землѣ; по условію съ Новгородомъ, они посылали свои промышленныя ватаги къ Бѣлому морю и Сѣверному океану на Терскую и Печерскую сторону за рыбою, звѣремъ и птицею. Послѣ 1294 г. в. к. Андрей Александровичъ докончалъ съ Новымъ городомъ такимъ образомъ: «Ходити тремъ ватагамъ моимъ на море,

[37]) Лавр. 25. Съ установленіемъ уроковъ лѣтописецъ связываетъ, кажется, не напрасно ловища Ольги. Урокомъ называется оборъ звѣрями въ пользу князя и епископа въ смоленской грамотѣ 1150 г. 1 Новг. 61.

[38]) Тоже условіе повторено въ договорѣ 1326 г. «Свиньи ти, княже, гонити за 60 верстъ около города, и въ той 60 Новгородци гонити, докладая князя; а далѣ куды кому угодно». Собр. грам. I, №№ 8, 10, 11, стр. 8—10.

а ватаманъ Ондрей критцкый, отъдаютъ съ погостовъ кормъ и подводы по пошлинѣ; а сынъ его Кузьма како пойдетъ съ моря съ потками съ данными по данничу нути, дадять ему корму и подводы по пошлинѣ съ погостовъ; а какъ пошло при моемъ отцѣ и при моемъ братѣ, *не ходити на Терскую сторону Новгородцемъ*» [39]).

Изъ этой и изъ другихъ грамотъ видно, что великіе князья присвоиваютъ себѣ исключительное право на промыслъ на Терской и Печерской сторонѣ, которыя уступили Новгородцы въ распоряженіе князей: «а какъ пошло при моемъ отцѣ, пишетъ в. к.' Андрей, и при моемъ братѣ, не ходити на Терскую сторону Новгородцемъ.... А вы бояре двинскіе, оговаривается Иванъ Даниловичъ Калита, не вступайтесь въ гнѣздные потьки». Слѣд. Новгородцы и Двиняне промышляли ловлями на Сѣверѣ, и потому князья ограждали свои владѣнія отъ ихъ вмѣшательства. Часть ловлей, предоставленная на долю князей, оказывается небольшая: главный промыслъ звѣремъ и птицей оставался во владѣніи народа и частныхъ лицъ. Если бы у народа не существовало способовъ для промышленности ловлей птицъ и звѣрей, и еслибы онъ дѣйствительно не занимался охотой, тогда были бы не мыслимы сборы съ него звѣрями, о которыхъ говорятъ древнѣйшіе памятники. Но такъ какъ однимъ изъ главныхъ промысловъ въ древней Руси, обогащавшихъ народъ, былъ промыслъ звѣремъ и птицей; по этому и общественный сборъ въ пользу князя въ древней Руси главнымъ образомъ состоялъ изъ шкуръ звѣрей. «Козары имаху на Полянѣхъ, и на Сѣверѣхъ, и на Вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и веверицѣ

---

[30]) Въ грамотѣ Ив. Д. Калиты (послѣ 1329 г.) читаемъ: «Се азъ в. к. пожаловалъ есмь сокольниковъ печерскихъ, кто ходитъ на Печеру, Жилу съ други (20 человѣкъ)... не надобѣ имъ ни которая дань, ни ко старостѣ имъ не тянути; и что у нихъ третники и наймиты, кто стражетъ на готовыхъ конѣхъ, а въ кунахъ (т. е. кто работаетъ на готовыхъ коняхъ, но за деньги), и тѣмъ не надобѣ никоторая дань, ни ко старостѣ имъ не тянути, ни биричь ихъ не поторгывать, (не вызывать ихъ чрезъ бирючей), не надобѣ ни кормъ, ни подводы... *занеже люди ти надобни*». Въ другой грамотѣ (послѣ 1329 г.) написано: «отъ в. к. отъ Ивана, отъ посадника Данила, отъ Тысяцкаго Авраама и отъ всего Новгорода къ двинскому посаднику на Колмогоры и къ боярамъ двинскимъ. Приказалъ есмь Печерскую сторону Михаилу, а ходить на море въ двадцати человѣкъ. *А вы, бояре двинскіе, не вступайтеся въ гнѣздные потки, ни въ мѣста*, а погостъ Кегрольскій Волокъ вѣдаетъ Михайло по пошлинѣ, како то было при моихъ дядьяхъ, и при моемъ братѣ при

отъ дыма»; а Олегъ съ Древлянъ бралъ по черной кунѣ въ 883 г. По дарственной грамотѣ в. к. Владиміра (996 г.) дана кіевской Десятинной церкви «отъ всего княжа суда десятая векша»[40]. А въ извѣстномъ уставѣ Всеволода о церковномъ судѣ (до 1136 г.) обычай собирать опредѣленныя доли оброка съ звѣриныхъ и птичьихъ промысловъ считается очень древнимъ: «Уставъ, бывшій прежде насъ въ Русіи отъ прадѣдъ и отъ дѣдъ нашихъ, имати епископомъ десятину *отъ даній*, и отъ виръ, и отъ продажъ и *отъ лова княжа*, что входить въ дворъ княжь отъ всего»[41]. Здѣсь сборъ, разумѣется, непремѣнно съ частныхъ ловлей, какъ всякая княжеская дань. Налогъ, извѣстный подъ именемъ *ловчаго*, существовалъ не во всѣхъ мѣстахъ: нѣкоторые города и мѣстечки были свободны отъ него. Въ 1289 г. князь Мстиславъ «пріѣха въ Берестій и рече бояраиъ своимъ: есть ли ловчій здѣ? они же рѣкоша: нетуть, господине, извѣка. Мстиславъ же рече: язъ пакъ уставливаю на нѣ ловчее, за ихъ коромолу»[42]. Потомъ князь росписалъ, сколько должно идти въ его пользу сбора натурой съ промысла земледѣльческаго, бортническаго и т. д. Тутъ *ловчее*, очевидно, составляетъ родъ налога съ звѣриныхъ и птичьихъ промысловъ. Князья и духовенство въ своихъ жалованныхъ грамотахъ, освобождая народъ отъ различныхъ даней, упоминали о налогѣ съ промысла звѣроловствомъ; Василій Давыдовичъ князь ярославскій (до 1345) пожаловалъ людей Спасскаго монастыря въ городѣ и въ селахъ, освободилъ ихъ отъ всѣхъ даней: «не надобѣ имъ ни которая дань, ни тамга, ни восмничее, ни бобровое.... А перевозъ и рѣки бобровые, а то

старѣйшемъ; а Микифору не надобѣ вступатись ни во чтожъ, атъ ходитъ Микифоръ въ Михайловѣ ватазѣ». А. Арх. Э. I, №№ 1, 2 и 3.

[40]) Лавр. 8, 10. Доп. къ А. И. 1 № 1. Сборъ пушными звѣрями былъ различный и носилъ разнообразныя названія, напр. лисчая бѣлка, новоженная куница, бобровое. Ист. рос. іер. VI, 229. А. Эксп. 1, № 15. А. Юрид. б. I стр. 90—91. Было также названіе сборщиковъ куничники, куноемчи.

[41]) Пол. Собр. л. VI, 83. Въ 1150 г. смоленскій князь Ростиславъ Мстиславичъ опредѣлилъ Еп. Мануилу по нѣскольку лисицъ урока съ каждаго города: «се отъ Крупя гривна урока, а 5 ногатъ за лисицу, а се отъ Вержавля 2 гривны, а за 3 лисицы 40 кунъ безъ ногаты. А у Торопчи урока 40 гр. и 15 лисицъ и 10 черныхъ кунъ». Подъ 1257 г. Даніилъ послалъ боярина Коснятина—Положишила къ Ятвягамъ,—онъ «пойма на нихъ дань черныя куны и бѣль сребро». Доп. къ А. И. 1, № 4. № 14. Ипат. 194.

[42]) Ипат. 224, 225.

по давной пошлинѣ». [43]). Владѣя на правѣ собственности звѣриными и птичьими ловлями, частныя лица покупали и продавали земли со всѣми угодьями, какъ-то: бобровыми гонами, перевѣсами, съ путиками, лѣсомъ и проч., и эти угодья выставляются въ числѣ достоинствъ поземельнаго владѣнія. Въ двинскихъ купчихъ (около 1350 г.) встрѣчаются въ числѣ угодій ловища всякія купленной земли, перевѣсища: «на землѣ орамой (въ Юрмоли) пятери гонѣ, а въ заливьи два перевѣсища, а въ рѣки 4 часть, а на песку въ тонѣ 4 часть.... Четыре лоскуты на Юрмоли земли, у перевѣсищахъ, въ тонѣхъ и въ ручьѣхъ». Въ половинѣ XIV стол. Михаилъ Вахрамѣевичъ, который означенъ послухомъ въ купчей около 1350 г., купилъ у Малой Юрьи рѣки съ устья и до верховья два жеребья «и съ сѣнными наволоки и съ бобровыми ловищи и съ полѣшними лѣсами» [44]). Инородцы также наравнѣ съ русскими промышляли звѣремъ и птицей, которые составляли ихъ пищу и предметъ торговли [45]).

Такъ какъ ловля птицъ и звѣрей восходила на степень промышленности народной, то законъ ограждалъ частную собственность ловцовъ отъ злоупотребленій неблагонамѣренныхъ людей. Такъ въ Русской Правдѣ, приписываемой Изяславу (1054 г.), постановлено: «Аже перетнетъ вервь въ перевѣсѣ, то 3 гривны, а вервь гривна кунъ. Аже кто украдетъ въ чужой перевѣси песъ или соколъ или ястребъ, а продаже 3 гривны». Точно также если приготовлено было мѣсто для ловли птицъ въ лѣсу и воръ кралъ сѣть, то штрафъ назначался на вервь или общину: «Аже будетъ раз-

---

[43]) Ист. Рос. Iерарх. VI, 229—231.

[44]) А. Юрид. № 71, XVIII, XIX, XXI. *Путики*—дорожки къ силкамъ. Обл. Сл. 184.

[45]) Югра и Ятвяги давали дань мѣхами. 1 Новг. 21. Ипат. 291. О Пермякахъ Византійскіе писатели говорятъ, что они преимущественно промышляли звѣриной ловлей. Изв. о Россахъ, Штриттера, III, стр. 146. Жмудины писали въ грамотѣ 1399 года, что рыцари крестоносцы не давали ходу ихъ хозяйственной дѣятельности. Всѣ плоды земли нашей, говорили они, и улья пчелиные рыцари у насъ забрали; не даютъ намъ ни звѣря бить, ни рыбы ловить, ни торговать съ сосѣдями» Ист. Рос. съ древнѣйш. врем. Соловьева VI, 39. Плано-Карпини пишетъ (1245 г.) о Самоѣдахъ, что они занимались звѣроловствомъ, а шалаши свои и одежду дѣлали только изъ звѣриныхъ кожъ. Собр. Путеш. къ Татар. Языкова Спб. 1825 г. стр. 159. Лопари и Финны еще въ IX, в. платили подати шкурами куницъ, оленей, медвѣдей, выдръ, перьями птицъ, кожами тюленьими и китовыми. Обор. Лѣтоп. Нестора. Буткова, Спб. 1840 г. стр. 5.

сѣчена земля, или на земли знаменіе, имъ же ловлено или сѣть, то по верви искати себѣ татя, любо платити продажю»; за кражу бобра назначено 12 гр. продажи [46]).

Такимъ образомъ звѣрей и птицъ въ древней Руси было громадное количество; ловли принадлежали какъ князьямъ и духовенству, такъ и частнымъ лицамъ; охота за звѣремъ и птицей составляла значительную отрасль промышленности нашихъ предковъ, служила средствомъ продовольствія народа и обогощала князей и монастыри.

2. Рыболовство.

Русскіе употребляли въ пищу рыбу еще при Олегѣ, который договорился, чтобы Греки, приходящимъ изъ Руси гостямъ, давали хлѣбъ, и вино, и мясо, и рыбы и овощь; св. Владиміръ велѣлъ возить по городу для бѣдныхъ, между другими съѣстными припасами, и рыбу; въ разсказѣ о Волхвахъ повѣствуется, что они вынимали у женщинъ жито, медъ, рыбу, что служило продовольствіемъ народа: «Нарицаху лучшіѣ жены, глаголюща яко си жито держить, а си медъ, а си рыбу, а си скору»[47]). Слѣдовательно потребленіе рыбы и ловля ея на Руси существовали съ самыхъ древнихъ временъ. По принятіи Христіанства народъ обязанъ былъ поститься большую часть года, но есть извѣстія, что онъ и въ XII стол. позволялъ себѣ по прежнему ѣсть мясо въ постные дни, за что преслѣдовало его духовенство; также нѣкоторые князья добивались, чтобъ имъ духовенство разрѣшило ѣсть скоромное въ посты,—и вообще въ XII в. шли самые жаркіе споры о постахъ. Эта привычка къ мясной пищѣ показываетъ, что въ древнее время болѣе были расположены къ мяснымъ кушаньямъ, чѣмъ къ рыбнымъ. Но во всякомъ случаѣ трудно отвѣчать положительно, усили-

---

[46]) Рус. Пр. III, 80, 81, 92; II, 63. Синод. спис. въ Рус. Достоп. I, 54. Въ 1444 г. старожилъ Василій Микулиничъ далъ отъ себя показаніе, что онъ помнитъ, какъ при Витовтѣ Брушаны отбывали свои повинности; а о суды межа, головшина, о соколье гнѣздо, о бобры зъеремя—а то суживали намѣстники. А. Зап. Рос. I, № 22. *Зеремяны*—жилья бобровъ. А. Зап. Р. I, № 147.

[47]) Лавр. 54, 75.

лось ли употребленіе рыбной пищи, а слѣдовательно и рыбный промыслъ, съ установленіемъ постовъ.

Рыболовный промыслъ на Руси производился преимущественно въ большихъ рѣкахъ и озерахъ. Рыбныя ловли в. к. Ѳльги находились по Днѣпру и по Деснѣ и по всей, въ то время заселенной, русской землѣ[48]). Въ половинѣ XII в. упоминаются рыболовы галичскіе; въ томъ же столѣтіи занимались рыбной ловлей въ Волховѣ, на Бѣлоозерѣ, на Ловати и въ торопецкой волости[49]). Въ концѣ XIII стол. ходили ватаги на рыбные промыслы на Бѣлое море и на Терскую сторону. Въ тоже время шла рыбная ловля въ озерѣ Неро и въ Ладогѣ, въ XIV в. на Наровѣ, на Двинѣ, въ Волгѣ, Сурѣ и Курмышскихъ озерахъ. Въ Поморьи ловили рыбу въ рѣкахъ Малой Юрьи, Сярти, Ижмѣ и другихъ[50]). Можно прямо сказать, что до XV стол. во всѣхъ рѣкахъ и озерахъ производилась ловля рыбы, куда только успѣла проникнуть колонизація. Объ обиліи рыбы, водившейся въ рѣкахъ и озерахъ, можно судить по слѣдующимъ фактамъ. Въ житіи Антонія Римлянина говорится, что рыболовы послушали преподобнаго, «ввергоша ирежи своя въ р. Волховъ и извлекоша на брегъ множество великихъ рыбъ, едва не проторжеся ирежа; яко николи же тако яша». Очень замѣчательно было явленіе въ Новгородѣ въ 1353 г., которое показалось лѣтописцу чудомъ, «что новгородскіе людіе рыбы руками имаша у брега, сколько кому надобѣ»[51]).

---

[48]) Лавр. 25. Корсуняне ловили рыбу въ устьѣ днѣпровскомъ еще въ X стол. Въ договорѣ Игоря съ Византіей 945 г. Греки ограждали безопастность Корсунцевъ: «Аще обрящетъ въ вустья Днѣпровскомъ Русь Корсуняни рыбы ловяща не творятъ имъ зла никакоже.» Лавр. 22 Можетъ быть, здѣсь и русскіе рыболовы сталкивались съ корсунскими.

[49]) Ипат. 83—84. А. И. I, № 4. Изв. А. Н. VIII, 354.

[50]) А. Арх. Э., № 1. Прав. Собес. 1858 г. кн 3. Собр. грам. I, № 1, А. Эксп. 1, № 2. Ист. Гос. Рос. V, пр. 122. Въ Наровѣ въ 1323 г. «взбиша Нѣмци Псковичь на миру, и гость въ езерѣ, и ловецъ въ Наровѣ». I Пск, 184. А. Экс. I, № 12. А. Юрид. № 71, XXI, № 109, III. Рыболовствомъ занимались въ озерахъ и наволокахъ. *Наволокомъ* называется мысъ или полуостровъ, поросшій густыми кустарниками и богатый озерами. Акад. Слов. IV. 235. Въ 1402 г. Олегъ Ивановичъ Рязанскій далъ Солотчинскому монастырю Савицкій островъ и съ рыбною ловлею и озеромъ Тинью. А. И. I. стр. 23.

[51]) По позд. списку. Прав. Собес. 1858 г. кн. 5. Въ житіи Царевича Петра Ордынскаго, составленіе котораго относятъ къ 1462 — 7 г. и самый фактъ къ концу XIII стол. сказано:, «ловцемъ ихъ (т. е. потомковъ Петра) задѣвахутця рыбы наче градскихъ ловцевъ; аще бо играя петровстіи ловцы не перестанутъ

Можно поэтому думать, что рыбы въ рѣкахъ и озерахъ древней Руси было множество.

По древнимъ памятникамъ (до XV в.) нельзя опредѣлить, какіе сорта рыбы ловились и предпочитались встарину, какіе шли въ торговлю; можно только сказать, что ловля осетровъ была распространена и ихъ цѣнили дорого сравнительно съ другой рыбой[52]).

Названія рыболовныхъ снастей въ языкѣ сохранились слѣдующія: ѣзъ или колъ, сѣжи, мрежа—мережа, нава—неводъ, поплавной неводъ, сѣти, дѣли, кереводы, бредень—бредникъ, уда—удица, лукота. Всѣ поименованныя орудія дѣйствительно были въ употребленіи у нашихъ предковъ, хотя нѣкоторыя изъ этихъ названій означаютъ одинъ и тотъ же предметъ. Самый распространенный способъ рыбной ловли былъ посредствомъ ѣза или кола. Ѣзъ значитъ перегородка изъ прутьевъ или кольевъ, дѣлаемая чрезъ рѣчку и имѣющая отверстіе для верши или кошеля, въ который заходитъ рыба[53]). Въ вятской губ. и доселѣ иногда во время зимы ус-

---

ловити, то озеро наше будетъ пусто, они бо вся рыбу поймаху». По позд. списку. Прав. Собес. 1858 г. кн. 3, стран. 310. III Новг. 228. Ник. III, 204. О Днѣпрѣ, Донѣ, Яикѣ Карпини пишетъ: Haec flumina sunt piscibus valde plaena, maxime Volga.» Путеш. къ Татар. Языкова 18—19.

[52]) Даже въ древнемъ языкѣ почти не сохранилось названій разнаго рода рыбы; упоминается только *коропъ* или карпъ *карась, линь*. *Молицъ* кажется употреблено для означенія мелкой рыбы разнаго сорта. Обл. Слов. сл. моль Ист. Госуд. Рос. II, пр. 255. Ник. I, 156. Въ былинѣ такъ изображается древнее рыболовство:

И будетъ во градѣ Кіевѣ
Со своею дружиною со доброю,
Скажетъ Вольга сударь Буслаевичъ:
Возьмите топоры дрово-рубные,
Стройте судёнышко дубовое,
Вяжите путевья шелковыя,
Выѣзжайте вы на сине море,
Ловите рыбу семжинку и бѣлужинку,
Щученьку и плотиченьку,
И дорогую рыбку осетринку,
И ловите по три дни, и по три ночи.
(Пѣсни, собранные Рыбниковымъ 1, стр. 3.)

[53]) Какъ дѣлался встарину ѣзъ, можно видѣть изъ того, что старцы Кирило-Бѣлозерскаго монастыря въ XVII стол. писали въ расходной книгѣ: «А Уломцы крестьяне дѣлаютъ ѣзъ Шатрецъ: сперва высѣкутъ засовъ и вывезутъ, даютъ имъ по хлѣбу, осмина толокна; и забьютъ колъ и засуютъ засовъ, и даютъ имъ по хлѣбу же. Да Уломцамъ даютъ за ужища за ѣзовые по хлѣбу на выть да по осминѣ толокна, а мастеру ѣзовому хлѣбъ братской шестеро-

граивають ѣзъ такимъ образомъ: набиваютъ кольевъ поперегъ рѣки и переплетаютъ ихъ хворостомъ; въ серединѣ оставляютъ пространство аршина въ два, тоже окруженное загородкой, въ которую опускаютъ большое рѣшето, оплетенное изъ хвороста, кладутъ въ него нѣсколько каменьевъ, чтобы оно упало на дно. Въ этомъ отверстіи протягиваютъ нѣсколько снурковъ, и отъ нихъ дѣлается приводъ къ колокольчику: когда рыба идетъ въ свободное пространство, то зацѣпляется за снурокъ и производитъ звонъ, а сама попадаетъ въ рѣшето, которое тотчасъ приподнимаютъ вверхъ и достаютъ рыбу. Въ уставной грамотѣ 1391 г. митрополита Кипріана Константиновскому монастырю высчитываются обязанности крестьянъ, и между прочимъ выставляется, что имъ слѣдуетъ на монастырь «ѣзъ бити и вешней и зимней.... на неводъ ходити, пруды прудити, а истоки имъ забивати... сѣжи и дѣли неводные наряжаютъ. Такъ пошло изстари [54]).» Слѣдовательно ѣзъ бывалъ весенній и осенній.

Ловили рыбу также обыкновенными неводами и поплавными. Такъ въ купчей XIV или XV стол. сказано: »По Тайнокурьѣ и по Маймаксы пожни и съ *поплавными неводами*, рыба ловити на Осиповѣ наволокѣ, до Соломбалы рѣки» [55]). Въ небольшихъ рѣкахъ ловили рыбу *бредниками*, были въ употребленіи и *удочки*. Въ житіи Кирилла Бѣлозерскаго (ум. 1427 г.) объ ученикѣ его Германѣ разска-

---

ной; а въ осень вынуть колъ и засовъ.... На Звонскомъ ѣзу дѣлати Каргобоцкимъ плотникамъ пяти человѣкомъ, звонскимъ крестьяномъ 4 человѣкомъ» Временникъ XXII, смѣсь, 14. 19.

[54]) А. Эксп. I, № 11. Въ костромской губ. *сѣжей* называется ѣзъ. Обл. Слов. 224. Во владимірской губ. подъ именемъ *дѣли* разумѣютъ вообще сѣть, а въ томской—мережу отъ 12 до 20 саженъ длиною. Обл. Слов. стр. 53. О словахъ мережа и нёрша см. Сынъ Отеч. и Сѣвер, Архивъ 1830 г. № 13, стр. 126 По показанію старожила Василія Микулинича послѣ 1444 г, Брушаны обязаны были при Витовтѣ ѣзъ бить въ пользу короля: «На-Уючи ѣзъ забиваютъ—старина жъ; а Варейнинахъ не бывало, то имъ новина». А. Юж. и Зап. Р. I, № 23.

[55]) А. Юрид. № 71. А. Южн. и Зап. Рос. I, № 23. *Поплавной* въ Сибири называется сѣть, закинутая по теченію воды (Обл. Сл. стр. 200). Въ мезен. уѣздѣ Арх. губ. *поплавнемъ* называютъ неводъ, употребляемый для ловли семги; а *поплововомъ*—сѣть, которою ловятъ семгу съ карбаса (Обл. Сл. стр. 170). Въ олонецкой губерніи *кереводами* или *керегодами* означаются сѣти длиною до 60 саженъ. Обл. Сл. 79. Сл. И. И. Срезневскаго.

зывается, что онъ при началѣ монастыря (осн. 1390 г.) всегда ловилъ много рыбъ къ утѣшенію братіи; «и которую рыбу повелѣваше блаженный ловити, и тую ловяше, ничѣмъ же инѣмъ, токмо *удицею* и отъ сея довольно бяше всѣмъ братіямъ къ утѣшенію, тогда бо неводомъ не ловяху, точію егда праздникъ Успенія Пречистая прихожаше... сии убо Германъ трудолюбивъ бяше—дивитися и похвалити: въ день бо тружаяся о ловитвѣ, ночью моляшеся [56])».

Владѣніе водами и рыбными ловлями соединялось съ поземельнымъ владѣніемъ. Князья имѣли свои ловли и своихъ ловцовъ, которые назывались ѣзовниками и осетрьниками; они посылали на промыслъ рыбный цѣлыя ватаги, которыми завѣдывали ватаманы. Въ договорахъ Новгорода съ в. князьями заключены условія, гдѣ и когда они вправѣ ловить рыбу; въ 1265 г. съ тверскимъ кн. Ярославомъ Ярославичемъ постановлено: «ѣхати ти въ Русу на третью зиму, а въ Ладогу, княже, ѣхати на 3 лѣто. А осетрьнику твоему ѣздити въ Ладогу по отца твоего грамотѣ». Въ 1294 г. или послѣ в. к. Андрей въ договорѣ съ Новгородцами выговорилъ себѣ право посылать 3 ватаги на море на промыслы и право на полученіе съ погостовъ корма и подводъ для ватагъ его, чтобы Новгородцы не ходили на Терскую сторону, для промысловъ, какъ было при отцѣ его и при братѣ. Точно также въ 1328—40 г. Иванъ Даниловичъ писалъ на Холмогоры двинскому посаднику и боярамъ: Печерской стороны Михаилу ходить на море 20 человѣкамъ, а двинскимъ боярамъ не вступаться. Въ своемъ завѣщаніи 1389 г. в. к. Димитрій Ивановичъ благословляетъ сына куплей отца своего «Бѣлымъ озеромъ со всѣми волостями и Вольскимъ съ Шаготью и *Милолюбскій Ѣзъ*» [57]) Изъ это-

---

[56]) Доп. къ А. И. I, № 4. Ркп. Рум. Муз. XVI или XVII ст. № 152, л. 65. Лукота значитъ тоже что удочка и происходитъ отъ слова лукъ, изгибъ. При древнемъ устройствѣ судовъ, рыбная ловля не всегда была безопасна, какъ можно судить по слѣдующему случаю: «Нѣкогда пославшу св. Кирилу на озеро рыбъ ловити, и тѣмъ ловцемъ отплувшемъ и посреди озера бывшимъ, бысть буря велія въ озерѣ и волны паче превосхождаху и возвышахуся смертію претяще.» Ловцы отчаялись живота. Нѣкый же человѣкъ Фролъ именемъ, стоя тогда на брегу озера, зря бѣду и погыбель ловьцемъ, сказуетъ святому—и ихъ спасли. Ркп. Рум. Муз., № 152 л. 71.

[57]) Собр. грам. I № 1 и 2. Допол. къ А. И. I, № 2, А. Эксп. I, № 1 и 2. Собр. грам. I, № 34, стр. 59. Въ началѣ XV в. княжескіе рыболовы уже составляли от-

го видно, что у князей были собственныя определенныя ловли, присвоенныя имъ по условію съ народомъ, или пріобрѣтенныя покупкой, и рыбный промыслъ первоначально не былъ регаліей [58]).

Такъ какъ въ монастыряхъ запрещено было употребленіе мяса, то чернецы особенно дорожили рыбными ловлями и старались пріобрѣтать ихъ; а частныя лица и князья считали своею святою обязанностью надѣлить монастыри водами. Въ церковномъ уставѣ приписывается пожалованье рыбныхъ ловлей духовенству св. Владиміру и его потомкамъ: «Земли, борти, озера, рѣкы, волости дали со всѣми прибытки». Еще въ XII стол. препод. Антоній купилъ на рѣкѣ Волховѣ «рыбную ловитву на потребу монастырю». Всеволодъ далъ Юрьеву монастырю 1248 г. ловища на Ловати [59]). Въ 1192—1207 г. препод. Варлаамъ отказалъ Хутынскому монастырю ловища рыбныя въ Волховскомъ селѣ, «на Волховци коле», въ другомъ селѣ на Слудици ловища [60]). Въ 1393 г. Спасскому и Благовѣ-

---

дѣльныя деревни; во время своихъ промысловъ они имѣли право брать крестьянъ на подмогу. А. Экспед. I, № № 22 и 43. Ист. финанс. учр. Рос. Толстаго, Спб. 1848 г. стр. 216. Въ жалов. грам. 1410—1417 г. Благовѣщ. нижегор. монастырю написано: «Ни становщики, ни ѣзовники не ѣздятъ ни почто, ни ѣзу имъ ни бити, въ монастырскихъ селахъ». А. Эксп. I, № 17, стр. 13.

[58]) Розыск. о финанс. древ. Рос. Гагемейстера, 66, 79. Въ былинѣ весьма хорошо изображается неопредѣленность владѣнія промышленными угодьями въ древнее время, такъ что и княжескіе участки были не безопасны отъ наѣздовъ дружинниковъ. Рыболовые охотники княжескіе жалуются:

Свѣтъ, Государь, ты Владиміръ князь!
Ѣздили мы по рѣкамъ, по озерамъ,
На твои щаски княженецкія,
Ничего мы не поимывали —
Нашли мы людей; есть молодцовъ
За триста и за пять сотъ,
Называются дружиною Чуриловою.
Всю они бѣлую рыбицу повыловили,
Щуки, караси повыловили жь
И мелкую рыбицу повыдавили.
Намъ въ томъ, государь, добычи нѣтъ,
Тебѣ, государю, приносу нѣтъ.

Древн. Рос. Стих. 157.

[59]) П. С. Лѣт. VI, 83—4. Истор. Рос. Іер. III, 123. Изв. А. Н. VIII, V, 354. Ник. IV, 60. 63.

[60]) Доп. къ А. И. I, № 5. Въ лѣтописи Воскресенскаго солигаличскаго монастыря, составленной на основаніи древней сгорѣвшей, разсказывается, что князь галицкій Ѳедоръ Семеновичъ (ум. 1341 г.) построилъ церковь и монастырь въ Солигаличѣ, «и окрестъ монастыря того давалъ князь Ѳедоръ

щенскому монастырямъ нижегородскимъ пожалованы рыбныя ловли по р. Сурѣ и озера—Пашково съ истокомъ, Сахарево, Плоское, Сосновское, Долгое, *роздерти* съ истокомъ, Мягкое и всѣ озера отъ рѣчки Курмышки внизъ Сурою источные и глухіе, роздерти и *заводи*, пески съ падучими рѣками, бобровые гоны, стрежень по рѣку Волгу [61]). Въ 1399 г. полоцкій в. к. Онуфрій далъ полоцкому Предтеченскому монастырю на Сомницы земли съ бортью и между прочимъ на р. Лиснѣ ѣзъ и устье [62]). Русскіе подвижники старались поставлять монастыри всегда при рѣкахъ и въ мѣстахъ дѣвственныхъ и лѣсистыхъ, гдѣ было бы рыбное продовольствіе для иноковъ; такъ, напримѣръ, въ житіи Кирила Бѣлозерскаго замѣчено: «Мѣсто, идѣже св. Кириллъ вселися (въ 1390 г.) боръ бяше велій и чаща, и никомужъ ту отъ человѣка живущу, мѣсто убо мало и кругло, но зѣло красно, всюду яко стѣною окружено водами». Бѣлозерскій монастырь имѣлъ съ самаго основанія богатыя рыбныя ловли, которыя давали ему князья. Князь Бѣлозерскій

села свои любимыя и волости и во иныхъ вотчинахъ покупалъ для монастыря того удѣлы. И далъ князь Ѳедоръ Семеновичъ Чудскаго озера (чухломскаго вѣроятно) двѣ трети, да Галичскаго озера четверть и во всѣхъ рѣкахъ рыбныя ловли и грамоты подавалъ тарханныя и братіи множество во всемъ изобиліе подалъ». Ркп. Публичн. Спб. Библ. въ листъ, отд. I, Q. № 418. Рязанскіе князья также надѣляли Ольговъ монастырь озерами. А. И. I, № 2.

[61]) А. Эксп. I, № 12. Заводью называется тихое мѣсто въ рѣкѣ, иногда заливъ; а также родъ забора въ рѣкѣ, у котораго ловятъ рыбу. Обл. Сл. 53. 60. Стрежень есть глубокое мѣсто въ рѣкѣ, фарватеръ. Обл. Сл. 217. Всеволодъ, 1213 г., создалъ монастырь «и всѣмь удоволи—и селы, и бортми, и озеры и реками и иногимъ имѣніемъ удоволи». Ник. II, 313.

[62]) А. Запад. Рос. I, № 16. Въ кормовой книгѣ 1643 г. сказано: «Далъ Государь в. к. Димитрій Ивановичъ Донской Преч Богородицы въ домъ на Симоново воды на Волзѣ, ниже Новгорода, Еллинскіе да Делюховскіе съ озеры и съ пески и съ заводьми и съ подвальи... Далъ в. к. Василій Димитріевичъ въ Ржевскомъ у. слободку Рожекъ съ деревнями и съ озеры и со всѣми угодьи, а въ церковь во имя святаго Чудотворца Николая, да ѣзъ на рѣкѣ Селижаровѣ, да съ своихъ, Государевыхъ волостей далъ въ монастырь оброку рыбы со Вселуцкіе волости 400 костоголова, да съ Кличенскіе волости 400 же костоголова на всякъ годъ по своей душѣ и своемъ братѣ по князѣ Константинѣ Димитріевичѣ, инокѣ Кассіанѣ на поминокъ». Ист. Гос. Рос. V пр. 122. Очевидно, въ кормовую книгу эти свѣдѣнія занесены изъ древнихъ грамотъ; тѣмъ это вѣроятнѣе, что въ лѣтописи находится прямое указаніе, что Донской дѣйствительно раздавалъ села и озера и нивы монастырямъ послѣ битвы съ Мамаемъ. Никон. Лѣт. IV, 227—228. Другія лица тоже раздавали монастырямъ въ это время промышленныя угодья. Тамъ же, стр. 63. 126. 230.

Андрей «домы великіе и озера къ той обители приложи»[63]). Въ монастырскихъ владѣніяхъ были свои отдѣльные рыболовы[64]). Духовенство старалось оградить свои поземельныя владѣнія и рыбныя ловли отъ вмѣшательства народа и князей. Митрополитъ Кипріанъ писалъ новгородскому архіепископу Іоанну: «А никто бы не смѣлъ вступатися въ церковныи пошлины, ни въ земли, ни въ воду, блюлся бы казни святыхъ правилъ»[65]).

Кто владѣлъ землей, тому принадлежали и рыбныя ловли, находящіяся на этой землѣ. Покупающій ловли отдѣлялъ ихъ границею отъ другихъ и имѣлъ купчія грамоты въ предупрежденіе спора. Антоній «при великой рѣцѣ Волховѣ рыбную ловитву купи на потребу монастырю и межинами отмежавъ, и письму вдавъ и въ духовную свою грамоту написавъ»[66]).

Въ житіи Петра Ордынскаго говорится: «правнуцы же стараго князя глаголаша Юрью: слышахомъ исперва, еже дѣдъ вашъ грамоты взя у прародитель нашихъ на мѣсто монастыря вашего и рубежи землямъ его, а озеро есть наше: грамоты намъ невзясте, да уже не ловятъ ловцы». Но Юрій, внукъ Петра, пошелъ въ Орду,—и посолъ присудилъ ему ловить въ озерѣ, сказавъ: «снять воды съ земли нельзя, какъ землямъ есть купля, такъ и водамъ» и далъ грамоту съ золотой печатью[67]).

Въ древней Руси рыбная ловля была отдѣльной отраслью промышленности и она занимала много рукъ, такъ что

---

[63]) Ркп. Рум. Муз. № 152, л. 57. 58. Супруга Бѣлозерскаго князя Андрея, княгиня Аграфена была милостива до монастыря: «Хотяше братію учредити рыбными снѣдьми, но святый не повелѣ рыбъ ясти: бяше бо постъ великій»... княгиня постное учредила. Приходящихъ въ монастырь кормили рыбой и давали на дорогу, какъ двумъ боярамъ, посланнымъ отъ князя Бѣлевскаго Михаила и княгини Марьи.

[64]) Въ житіи Варлаама Хутынскаго расказывается такой случай: «празднику присвѣвшу св. Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, устроенные же на службу рыболовы принесоша рыбъ много, осстръ же великій хотяху утаити, святый же разумѣвъ украденную отъ нихъ рыбу, обличи ихъ лукавство они же не смѣюще ничтоже отвѣщати ему, спознавши согрѣшеніе свое, и такъ вскорѣ и ту сокровенную рыбу принесше прощенія прошаху». Ркп. Рум. Муз. № 160, л. 48.

[65]) А. И. I, № 7, стр. 17.

[66]) Ист. Рос. Іер. III, 123.

[67]) Прав. Собес. 1859 г. кн. 3.

образовался опредѣленный классъ рыболововъ. Въ 1159 г. Берладникъ съ Половцами пакостилъ рыболовамъ галичскимъ. Въ Новгородѣ также существовали особые рыбные промышленники-рыболовы, что подтверждаетъ разсказъ лѣтописца о бояринѣ Божинѣ Даніилѣ; въ 1418 г. Новгородцы сбросили его съ моста въ Волховъ, «нѣкто же Людинъ, Личковъ сынъ, хотяше ему добра, въскыти его въ челнъ; и народъ возъярився на того рыбника, домъ его разграбиша» [68]). Положимъ, этотъ случай былъ въ началѣ XV стол. и на основаніи его мудрено судить о XIV стол.; но изъ житія Антонія ясно видно, что рыбные промышленники составляли въ Новгородѣ отдѣльный разрядъ еще въ XII стол. Изъ этого видно, что рыбными ловлями владѣли не одни князья и духовенство, но и народъ и частныя лица имѣли ихъ въ своемъ распоряженіи. Если изъ уцѣлѣвшихъ грамотъ извѣстно, что Новгородцы давали права князьямъ посылать свои ватаги къ Сѣверному океану и Бѣлому морю, то основательно можно предположить, что ватаги самихъ Новгородцевъ ходили къ морю въ несравненно большемъ количествѣ. Новгородцы въ отношеніяхъ къ князьямъ вездѣ выдерживали себя: охотиться имъ они позволяли на пространствѣ 60 верстъ отъ Новгорода, а далѣе кому угодно. Можно думать, что и въ рыбныхъ промыслахъ сѣверныхъ было тоже самое, или что нибудь похожее на это правило. Предоставляя князю исключительное право на Терскую сторону, они промышляли на берегу сѣвернаго океана въ другихъ мѣстахъ. Опорой этого мнѣнія отчасти можетъ служитъ существованіе рыбной промышленности на Бѣломъ морѣ и на Соловецкомъ островѣ. О сѣверныхъ инородцахъ до XV стол. или до основанія Соловецкаго монастыря, Максимъ Грекъ засвидѣтельствовалъ, что они кормились между прочимъ «морскими рыбами, и елико кто нахожаше, тѣмъ и куплю творяху» [69]). Новгородскіе промышленники тоже посѣщали Соловецкій островъ до основанія тамъ монастыря и жили по цѣлому лѣту, хотя не рѣшался никто изъ нихъ основаться

---

[68]) Ипат. 83. I. Новг. 107. Др. Рос. стих. 268—269.

[69]) Прав. соб. 1859 г. кн. 6. Извѣстно, что Житіе Зосимы и Савватія составлено по запискамъ и преданіямъ Досиѳея ученика Савватіева. Рукоп. Сборн. Кирил. мон. въ Библ. Акад. Дух. XVI в. № 1490, л. 588.

на жительство [70]). Можно полагать, что въ Ледовитомъ океанѣ на печерской сторонѣ Новгородцы ловили моржей и тюленей; сало ихъ шло въ торговлю, а моржевые клыки, называемые рыбьими зубами,—для выдѣлки разныхъ вещей; они были очень цѣнны; объ нихъ выражаются народныя произведенія: «дорогъ рыбій зубъ».([71])

Вообще рѣки и озера принадлежали народу, который вправѣ былъ промышлять въ нихъ рыболовствомъ, исключая угодій, составлявшихъ собственность частныхъ лицъ. Изъ новгородскихъ и двинскихъ актовъ XIV ст. видно, что земли продавались вмѣстѣ съ тонями и рыбными ловлями. Въ купчей ок. 1350 г. упоминаются при продажѣ земли *тони*, ловища [72]). Здѣсь тони и прикупныя земли и ловища всякія куплены у попа, слѣдовательно рыбныя ловли, вмѣстѣ съ поземельною собственностью до XV стол., были въ распоряженіи частныхъ лицъ, такъ что ихъ можно было продать и отдать по завѣщанію. Во время моровой язвы 1352 г. въ Новгородѣ: «овіи бо (изъ частныхъ лицъ) отъ богатьства села даваху церквамъ святымъ и монастыремъ, друзіи въ озерѣ ловища и *исады* [73]).» Въ духовной грамотѣ новгородца Остафья (послѣ 1386 г.) означено: «А что дѣдина моя,

---

[70]) Отъ XIV в. сохранилось много купчихъ, изъ которыхъ видно, что Новгородцы вели значительную промышленность на Бѣломъ морѣ, Двинѣ и въ Поморьи. А. Юрид. № 71. Зиновій Отенскій (+ 1568 г) пишетъ, что на Соловец. Островѣ въ прежнее время только оставались лѣтомъ « рыбныхъ ради ловитвъ.» Прав. Собес. 1859 г. кн. 10

[71]) Древн. Рос. Стих. 3. 13. Еще у Арабскихъ писателей есть преданія, что съ сѣвера изъ земли Веси или Юри привозили въ Булгаръ и оттуда въ Хорезмъ зубы неизвѣстнаго животнаго, которые походили на слоновую кость и покупались дорогою цѣною. Ж. М. Н. Пр. XLIX. Въ 1159 г. новгородскій князь дарилъ рыбьи зубы. Ипат. 86. Въ XV в. били моржей (mors) въ устьѣ Печеры ради прекрасныхъ зубовъ, которые называли *рыбій зубъ*; изъ нихъ дѣлали черенки къ ножамъ. Герберштейна, Rerum Moscouit. comment. 85. Н И. Костомаровъ говоритъ, что съ сѣвера Новгородцы получали еще китовое и моржевое сало. Сѣверн.-Народопр. II, 220. См. Обор. Лѣт. Нест. 5. *Тюлень*— phoca annulata — въ древнее время назывался нерпа,

[72]) А. Запад. Рос. I, № 2. А. Юрид. № 71, IX, стр. 112, XVIII, стр. 114.

[73]) IV Новг. 61. Никон. III, 196. *Исадомъ* называлось мѣсто высадки на берегъ, пристань. И. Г. Рос. III, пр. 178. IV, пр. 355. Слов. Ц. С. и Рус. яз. II, 134. Какъ *становищами*, такъ исадами, кромѣ пристани, означались рыбныя ловли или рыболовныя пристани по озерамъ и рѣкамъ. Лавр. 149 Ист. княж. Псковскаго, кн. I, стр. 28. Сынъ Отеч. 1830 г. № 12. 350. Времен. XVI, завѣщ. XIV в.

земли и вода за Волоиомъ въ Шенкурьѣ, а въ той землѣ мнѣ съ братомъ половина въ лѣсѣ, въ озерахъ, въ рѣчкахъ и ловищахъ, то сыну моему, по купнымъ грамотамъ и по володѣнью отца моего... Въ Мошковѣ болотѣ въ пожняхъ въ колви въ маломъ колцу мнѣ съ братомъ 8 часть». Владѣли иногда по участкамъ *сябрами* и каждый имѣлъ право продавать свою долю. Точно также ѣзъ или колъ иногда принадлежалъ нѣсколькимъ владѣльцамъ вдругъ, они дѣлили пользованіе имъ по ночамъ, или полночамъ, а иногда покупали полночи. [74]).

Князья получали опредѣленную часть дохода съ рыбныхъ ловлей натурою; кромѣ того, въ числѣ разныхъ оброковъ, которые отбывали крестьяне въ пользу князей и духовенства, встрѣчается обязанность ихъ—ѣзъ бить и устроивать рыболовныя снасти. По смоленской грамотѣ 1150 г. еп. Мануилу у Торопчи дано урока—неводъ тре... ица и бредникъ [75]). Монастырямъ и горожанамъ дозволялось ловить рыбу, подъ условіемъ взиманія съ невода для князя рыбы. Княжескія рыболовы имѣли право въѣзжать въ села извѣстной области, и тамъ заниматься рыболовнымъ промысломъ. Когда же князья давали духовенству и приближеннымъ лицамъ эти села, то освобождали ихъ отъ даней съ рыбныхъ ловлей, давали льготу, чтобы ихъ рыболовы не ловили ры-

---

[74]) А. Юрид. I, № 409, I. Въ половинѣ XIV в. упоминается Микулинъ ѣзъ, очевидно, принадлежащій частному лицу. А. Юрид. № 71, XXII, стр. 116. № *71*, II, IV, V. По Псковской судной грамотѣ, право на владѣніе землею и водою опредѣлялось давностью владѣнія; если прежній владѣлецъ не изъявлялъ притязаній на спорную землю и воду въ продолженіе четырехъ или пяти лѣтъ, то эта недвижимая собственность оставалась за новымъ владѣльцемъ (Пск. Суд. гр. стр. 3). Если четникъ или половникъ сбѣжитъ съ села, не дождавшись срока найма, то долженъ заплатить за недожитое время хозяину заработкомъ въ рыбномъ исадѣ. (стр. 12). Срокъ договора между хозяиномъ и работникомъ положенъ былъ о Филиповѣ заговѣньѣ, и если хозяинъ отказывалъ рабочему въ другое время, то законъ все-таки присуждалъ ему условленную часть: «А запрется изорникъ, или огородникъ, или кочетникъ, отрока государева, ино ему правда дать; а государь не доискался четверти; или огородной части, или съ исады рыбной части» (стр. 12). Изъ этихъ словъ Псковской судной грамоты можно заключить, что половники, третьники, четники работали въ чужомъ исадѣ, получая условленную рыбную часть. Слово *сябры* или *шабры* означаетъ сосѣда, соучастника. А. Э. I. № 92, стр. 70. А. Юр. № 2.

[75]) Доп. къ А. И. I, № 4. Въ грамотѣ митроп. Кипріана 1392 г., какъ мы выше видѣли, обозначены обязанности монастырскихъ крестьянъ, какъ-то: ѣзы бить, на неводъ ходить, сѣжи и дѣли неводныя наряжать. А. Эксп. I, № 11.

бы въ водахъ отошедшихъ къ другимъ владѣльцамъ. «И рыболовѣ мои в князя не въ ѣзжають въ монастырскія озера» [76]). Все это приводитъ къ тому заключенію, что рыбный промыслъ распространенъ былъ въ народѣ и между частными лицами.

Рыболовство съ незапамятныхъ временъ существовало на Руси; часть рѣкъ и озеръ были въ распоряженіи князей и духовныхъ, которые собирали оброкъ рыбой съ своихъ ловлей, или посылали рыболововъ на промыслъ, но рядомъ съ ихъ владѣніями существовала у народа своя рыбная промышленность и былъ отдѣльный классъ частныхъ рыболововъ; кто владѣлъ землей, владѣлъ и водами, находящимися на ней, и слѣдовательно рыбный промыслъ встарину не былъ регаліей.

3. БОРТНИЧЕСТВО.

Бортью называется пустота, выдолбленная въ стоячемъ деревѣ для помѣщенія пчелъ, а *бортничествомъ*—пчельный промыслъ [77]). Въ древнюю пору чернолѣсье отличалось отъ бортнаго ухожья, гдѣ водились дикія пчелы; бортныя земли или лѣса замѣняли нынѣшніе пчельники и пасеки. Бортники рубили дровяной и строевой лѣсъ на свои нужды и берегли старыя толстыя деревья, въ которыхъ были дупла,—выдалбливали сами въ нихъ новыя борти, ловили также въ своемъ участкѣ звѣрей. Чтобы никто не могъ присвоить бортное дерево, въ которомъ водились пчелы, или которое назначено для помѣщенія роя, бортники вырубали топоромъ или другимъ орудіемъ на нихъ особые знаки, *знамя*. Эти знамена были различны и носили свои особыя названія, напр: знамя калита съ поясомъ, знамя четыре рубежи, знамя вилы и т. дал. Если кто рѣшался стесать съ дерева чужое знамя и поставить на немъ свое, т. е. *разнаменать борть*, чтобъ присвоить ее себѣ, то за такой подлогъ долженъ былъ

[76]) Въ 1402 г. Олегъ Ивановичъ Рязанскій пожаловалъ Солотчинскому монастырю Савицкій островъ съ озеромъ Тишью и писалъ въ грамотѣ; «А ловчане мои въ Тишь не въѣзжають рыбу ловити ни которыми дѣлы». А. И. I. № 14, стр. 23. А. Эксп. I, № 11.

[77]) Корнесловъ Шимкевича I, 14.

платить 12 гривенъ штрафу, по уложенію Руской Правды 1054.: «Аже разнаменаеть борть, то 12 гривнѣ.... Аже борть подътнеть (срубитъ), то 3 гр. продажѣ, за дерево полгривны»[78]).

Еще во времена язычества Русскіе занимались пчеловодствомъ, и бортныя ухожья упоминаются почти во всѣхъ областяхъ древней Руси, а если не говорится о бортяхъ, то —объ обиліи или употребленіи меда, что прямо свидѣтельствуетъ о существованіи бортнаго промысла. На этомъ основаніи можно заключить, что бортническій промыслъ находился въ псковскомъ и новгородскомъ краю, въ Ладогѣ и на Ловати, также въ московской, нижегородской и тверской областяхъ [79]). Земли муромская и рязанская издавна славились промысломъ бортническимъ; въ смоленскомъ и полоцкомъ княжествѣ на витебскомъ рубежѣ и въ землѣ Ятвяговъ жители занимались пчелинымъ промысломъ [80]). Области древлянская, кіевская и галицкая изобиловали медомъ: изъ мѣстностей юго-западной Руси особенно знаменита была производствомъ меда Подолія; Длугошъ говоритъ, что Казимиръ отнялъ у татаръ (ок.1352г.) эту землю богатую медомъ и скотомъ [81]). До XIV в. незамѣтно, чтобы въ какой-нибудь изъ этихъ областей занимались искуственнымъ разведеніемъ пчелъ, только во XIV в. упоминаются въ юго-западной Руси пасеки, а въ сѣверо-восточной *пчелы* т. е. ульи. Такъ въ 1391—1428 г. Патрикѣй отказалъ Троицкому Сергіеву монастырю село Игнатьевское да *трои пчелы* [82]).

Были ли въ раннюю пору у князей собственыя бортныя

---

[78]) А. Юрид. №№ 53, 165, 172. Рус. Прав. II, 64; III, 82.

[79]) Изв. Акад. Н. VIII, 354. Подъ 1427 г. въ лѣтописи отмѣчено: «того же лѣта Нѣмци убиша шесть человѣкъ Опочанъ бортниковъ, убиша на нашей земли». I, Пск. 205. Собр. гр. I, № 1 стр. 32, 39. А. Юрид. б. I, № 63, V. А. Эксп. I, № 5. Въ Жмуди были бортники. Ист. Г. р. IV, пр. 286

[80]) А. И. I, № 2. Доп. къ А.-И. I, № 4. А. З. Р. I, № 14. Мордва еще въ XIII, в. славилась своимъ богатствомъ, состоящимъ изъ меда и воска. Рубрикв. Чт. Общ. Ист. 1861 г. 3, IV, 174. Ист. гос. Рос IV, пр. 69 и текстъ.

[81]) Лавр. 25. 75. Ипат. 225. А. Запад. Рос. I, № 2. А. Юж. и Запад. Рос. I, № 1. Histor. lib. X. 150.

[82]) А Юрид. б. I, № 82. А. Юж. и Запад. Рос. I, № 6. Въ грамотѣ Казиміра 1361 г. подтверждено Ходку владѣть въ Червонной Руси нѣсколькими селами *и съ бортьми и съ пчелами.* Тамъ же №1.

ухожья — на это нѣтъ прямыхъ указаній. Нельзя однакоже не принять во вниманіе, что в. к. Ольга занималась хозяйственными распоряженіями, установленіемъ уроковъ и опредѣленіемъ княжескихъ владѣній относительно рыбной ловли и охоты; по всей вѣроятности, она не упустила изъ виду важной отрасли промышленнаго владѣнія, каковы бортные лѣса. Въ Русской Правдѣ упоминаются княжи борти; въ XII в. есть ясныя указанія, что князья имѣли свои села, поземельныя и бортныя угодья, при которыхъ держали своихъ бортниковъ [83]). Въ XIV в. когда московскіе князья стремились къ увеличенію владѣній и дѣлали хозяйственныя примыслы и прикупы, право на владѣніе бортными землями и бортниками выражается опредѣленно. Въ своихъ завѣщаніяхъ они перечисляютъ съ точностію мѣстности, въ которыхъ находились бортныя ухожаи, и съ такой же точностію распредѣляютъ ихъ между своими дѣтьми, дѣлятъ на классы бортниковъ, которые находились въ ихъ владѣніяхъ; вообще князья обращали большое вниманіе на доходы медовые: можно думать, что они были значительны. Въ душевной грамотѣ в. к. Ивана Даниловича 1328 г. читаемъ: »А что моихъ *бортниковъ и оброчниковъ купленыхъ*, который въ которой росписи, то того», (т. е. въ чьей волости изъ сыновей) [84]). Въ духовной в. к. Ивана Ивановича 1356 г. отказано: «и что *медъ оброчный* Васильцева стану и что отца моего *купленые бортницы подъ вѣчные варяхъ*, *и кони* ставити по станамъ и *по варямъ* (медовымъ) и конюшій путь, то имъ все на трое« (дѣтямъ) [85]). В. к. Димитрій Донской далъ дѣтямъ своимъ Замошскую слободу, Рузу, Угожь, Нестерье, Димитріевскую слободу... селы и зъ бортники и съ оброчники. Такимъ образомъ у князей московскихъ были собственныя бортныя ухожья въ

[83]) Изв. А. Н. VIII, V. 354. Доп. къ А. И. I, № 4.

[84]) По договору в. к. Семена Ивановича 1341 г. съ братьями Иваномъ и Андреемъ, дѣлятся на трое «бортницы съ пере.... (варами?)... ахъ, и Добрятинская борть». Въ духовной того же князя (1353 г.) написано завѣщаніе: «чимъ мя благословилъ отецъ мой князь великій,—Коломна съ волостми и съ селы и *зъ бортью*,» Можаескъ съ волостьми и съ селы и зъ бортью, —а то княгинѣ. Собр. грам. I, № 21 и 24, стр. 32. 37.

[85]) Тамъ же № 25 и № 26 Въ грамотѣ И. Д. Калиты записано: А оброкомъ медовымъ городскимъ Васильцева вѣданья подѣлятся сынове мои. Собр. гр. I, № 21.

купленныхъ ими селахъ, были также купленные бортники, которые вели пчеловодство княжеское и варили на нихъ медъ. Бортными владѣніями и варями оброчными княжескими завѣдывали волоотели и данщики: «А коли мы будеть слати своихъ данщиковъ въ городъ и на вари, и тобѣ слати съ нашими данщики своего данщика, опричь Ростовця и Перемышля и Козлова броду, а что сберуть, а тому итти въ мою казну»[86]).

Изъ этихъ распоряженій княжескихъ замѣтно, что кромѣ купленныхъ бортниковъ, были у нихъ оброчные. Бортныя земли князья отдавали изъ оброка, и желающіе садились въ лѣсу на житье, доставляя въ казну княжескую опредѣленное количество меду по условію. Такіе бортники причислялись къ вольнымъ людямъ, какъ охотники и рыболовы, какъ садовники и *делюи* (дѣльцы?). Въ духовномъ завѣщаніи Владиміра Андреевича 1410 г. объ нихъ говорится такъ: «Сына кн. Ивана Владиміровича благословляю на старѣйшей путь ему въ Москвѣ и въ станѣхъ, конюшей путь, бортници, садовници, псари, бобровники, бараши и дѣлюи. А тѣхъ бортьниковъ.... или дѣлюевъ не всхочетъ жити на тѣхъ землях, инъ земли лишенъ, пойди прочь, а сами сыну кн. Ивану не надобѣ, на котораго грамоты полные не будетъ, а земли ихъ сыну кн. Ивану»[87]). Это право перехода бортниковъ и псарей существовало и въ XIV стол., какъ можно заключить изъ выраженія договорной грамоты: «Бояромъ нашимъ и *слугамъ вольнымъ* воля»; а кто не станетъ жить — земля не ему[88]). По духовной Ивана Даниловича, численныхъ людей блюли всѣ князья сообща, гдѣ бы они ни жили; значитъ они вольны были жить, гдѣ имъ любо, были

---

[86]) Собр. грам. I, № 30, стр. 51. Изъ завѣщанія Донскаго 1389 г. видно, что Коломна, Звенигородъ, Васильцево, Добрятино были съ бортью: «а бортници въ станѣхъ въ городскихъ» Раменейце съ бортники, тѣмъ сынове подѣлятся. Даю своей княгинѣ *свой промыслъ*, Скирменовскую слободу съ Шепковымъ, Смолянымъ, съ Митяевскимъ починкомъ, и съ бортью, съ Вышегородскими бортники, Кропивну съ бортники съ Кропивенскими, Исменьскими, Гордошевскими и съ Рудьскими, Желѣскова слободка зъ бортью». Въ духовной в. к. Василія Димитріевича 1406 г. уже отказанъ Курмышъ со всѣми селы» и зъ бортью и съ путми съ пошлинами.... и съ Агашемъ». Слѣд. и до XV в. были тамъ княжескія бортныя ухожья. Тамъ же, № 34 стр. 58—60, № 39, стр. 73.

[87]) Тамъ же № 40 стр. 74. 76. 77. 79. 80. 81.

[88]) Собр. грам. № 33 и № 27. стр. 44 и 57.

слуги вольные: «численыхъ людей тяглыхъ, черныхъ, ординцевъ, дѣлюевъ блюсти съ одного, и не покупать земли тяглыя и черныя [89]). Еще понятнѣе выражена эта мысль въ грамотѣ Донскаго, что слуги вольные, которые лишались земли при переходѣ, были тѣ же бортники, псари и дѣлюи, о которыхъ упомянуто такъ отчетливо въ грамотѣ 1410 г: «а ординцы и делюи, а тѣмъ знати своя служба, како то было при нашемъ отци, а земля ихъ не купити» [90]). Слѣдов. это тѣ же люди вольные, на которыхъ у князей не было полныхъ грамотъ, люди не купленные, не холопы, а оброчники, люди численные, которые обязаны были платить выходъ въ орду [91]). Значитъ, оброчные бортники лично были свободны, а купленные не имѣли свободы.

Имѣя свои купленные бортные промыслы, получая доходъ медовый съ своихъ оброчниковъ, которые жили на ихъ земляхъ, князья кромѣ того получали дань медомъ съ народа еще во времена язычества. Древляне говорили въ 946 г. в. к. Ольгѣ о своей дани: «ради даемъ медомъ и скорою» [92]). Въ 1289 г. в. к. Мстиславъ установилъ собирать дань съ разныхъ промысловъ, какіе были у Берестьянъ и между прочимъ «со ста по двѣ лукнѣ меду» [93]). Дань установленная Мстиславомъ, впослѣдствіи, кажется, называлась оброкомъ медовымъ. Въ 1361—5 г. тверскаго Отроча монастыря обители, которыя тянутъ къ нему, Воскресенье за Волгой, Богородица на Бо-

---

[89]) Тамъ же № 23 и № 33. стр. 36 и 56.

[90]) Тамъ же № 35 стр. 63.

[91]) Карамзинъ объясняетъ, что барашами и делюями именовались особеннаго рода наймиты, которымъ давались земли съ обязательствомъ платить господину оброкъ. Ист. Гос. Рос. V. пр. 210. Соловьевъ говоритъ: подъ именемъ делюевъ разумѣются всякаго рода ремесленники и промышленные люди поселенные на княжихъ земляхъ; ордынцами же называются плѣнники, выкупленные князьями въ ордѣ и поселенные также на княжескихъ земляхъ. Ист. Рос. IV, стр. 227.

[92]) Лавр. 25. Когда Ольга пошла на Древлянъ, то велѣла сказать: «се уже иду къ вамъ да пристройте меды многи въ градѣ». Древляне, узнавъ о приближеніи княгини, «съвезоша меды *многи зѣло,* взвариша». Лавр. 24. Думаютъ обыкновенно, что Древляне взварили меды для предполагаемаго пиршества на сватьбѣ Ольги, но естественнѣе, кажется, думать, что здѣсь варился медъ для того, чтобы заплатить дань ѣхавшей къ нимъ княгинѣ на перевары.

[93]) Ипат. 225. Подъ именемъ *лукна*, по всей вѣроятности, разумѣется кадочка, или буракъ. Въ псковской губ. лукномъ называется корзина сплетеная изъ бересты. Обл. Сл. 106.

ру, Спасъ въ Зьзехъ, Воскресенье и Богородица на Шепѣ, Богородица на Гостонлѣ освобождены отъ разныхъ пошлинъ и *медоваго* [94]). Эти сборы и дани медовые необходимо предполагаютъ, что занятія бортничествомъ распространены были въ народѣ. Изъ псковской судной грамоты видно, что владѣли бортнымъ лѣсомъ сябрами, т. е. нѣсколько владѣльцевъ вмѣстѣ [95]). Извѣстно, что Новгородцы предоставляли право князьямъ брать оброкъ медовый въ опредѣленномъ мѣстѣ. Въ договорѣ ихъ съ княземъ тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ 1265 г. сдѣлано условіе, какъ и съ его отцемъ: «а въ Ладогу, княже, слати осетрьникъ и медовара, по грамотѣ отца своего Ярослава» (до 1236 г.), варить медъ [96]). Оброчный медъ поступалъ въ княжескіе погреба, которые назывались *медушами*. Въ этихъ медушахъ сохранялось большое количество меда, такъ что князья могли угощать въ походахъ всю свою дружину медомъ. Въ погребахъ кіевскаго князя Святослава въ 1146 г. находилось 500 берковецъ меду т. е. 5000 пудъ [97]). Эти факты ясно говорятъ о значительномъ развитіи народной промышленности бортничествомъ. Къ тому же заключенію приводитъ обзоръ законодательныхъ мѣръ относительно защиты владѣній бортническихъ отъ вмѣшательства произвола. Въ Русской Правдѣ постановлено за порубку бортнаго дерева брать штрафу 3 гривны, а за самое дерево полгривны: «оже пчелы выдереть, 3 гр. продажи, а за медъ, оже будуть пчелы не лажены, то 10 кунъ, будетъ ли олѣкъ 5 кунъ». Въ случаѣ тяжбы полагались уроци судебніи «отъ бортноѣ земли 30 кунъ» [98]).

---

[94]) А. Экспед. I, № 5.

[95]) Изъ этой грамоты видно также, что бортныя ухожья отдѣлялись межами, когда они поступали отъ одного владѣльца къ другому; эти участки частныя лица продавали и имѣли на нихъ купчія грамоты, которыя обыкновенно давались продавцами покупщикамъ. Въ случаѣ иска, тяжба рѣшалась по этимъ *купнымъ* грамотамъ. Пск. Суд. Гр. стр. 25.

[96]) Собр. гр. I, № 1. Варка меду была одною изъ важнѣйшихъ статей княжескихъ доходовъ; съ этого производства шелъ оброкъ медовый въ казну княжескую. Опредѣленныя мѣста, гдѣ на князей варили оброчный медъ назывались *варями*, *переварами*. Собр. гр. I, № 27, стр. 44. Ист. Гос. Рос. V, пр. 115.

[97]) I Новг. I. Ипат. 27. Лавр. 75.

[98]) Рус. Пр. II, 64; III, 82. Слово *олѣкъ* (Рус. пр. II, 68) объясняется Вислицкимъ статутомъ 1347 г: «А кому дерево зрубить со пчелами, имѣетъ за

Законодательство этими правилами ограждало частную собственность, потому что борти составляли принадлежность всего народа, а не однихъ князей; на это есть указанія въ самой Русской Правдѣ: «А *въ княжѣ борти* 3 гривнѣ любо пожгуть, любо изудруть, а *въ смерди* 2 гривнѣ» [99]). Слѣд. у народа съ раннихъ поръ были собственные бортные ухожаи.

Бортничествомъ занимался отдѣльный классъ промышленниковъ: это видно изъ житія Петра и Февроніи муромскихъ, въ которомъ они называются *древолазами*. Отрокъ муромскаго князя Петра пришелъ въ село Ласково рязанской области; дѣвица Февронья объяснила ему, что ея братъ «идѣ чрезъ ноги внави зрѣти». т. е. добывать медъ по деревьямъ, причемъ необходимо смотрѣть внизъ, какъ бы не сорваться, потому что ея отецъ и братъ древолазцы [100]). Есть извѣстія, что и въ юго-западной Руси тоже существовалъ отдѣльный классъ бортниковъ. Въ 1351 г. панъ Вятеславъ Дмитровскій купилъ дворище съ землею у Скибича и въ грамотѣ старосты галицкаго свѣдцами были бортники: Пашко съ Емелина, Тихно Великопольскій, Галко Залѣсскій и другіе [101]). Въ вотчинахъ частныхъ лицъ были бортныя угодья, которыми они распоряжались по своему усмотрѣнію, могли ихъ продать и передать по завѣщанію. Въ 1399 г. Сюзевъ далъ нижегородскому Благовѣщенскому монастырю вотчинную пустошь селища Спасскаго на р. Кулюлсермѣ въ курмышскомъ уѣздѣ со всѣмъ «и съ бортнымъ ухожьемъ, что къ той пустоши пришла промежь Урги, Уронги и Мухины.» Въ 1361 г. Король Казиміръ подтвердилъ грамотой владѣніе Ходки въ Червонной Руси «съ лѣсомъ и съ бортми и съ пчелами, и съ болоты и съ рѣками, съ мыты и съ ловищи» [102]). Князья

платить гривну тому, чiи пчолы, а другую судове гривну; а хто бортное дерево зрубить безъ пчолъ, то полугривны заплатить, а судове другую полугривны». Точно также объясненіемъ служитъ слѣдующее мѣсто въ отказной записи 1609 г: «А бортныхъ деревъ со пчелами и холостцовъ, которые въ дѣло пригодятся, не подсѣкать». А. Запад. Рос. I, № 2, ст. 132. Времен. V кн. Рус. Пр. II, 9; III, 118. Ист. Гос. Рос. II, пр. 82. 83.

[99]) Рус. Пр. II, 64; III, 82.

[100]) Ркп. Сбор. Соловец. библ. № 826 л. 557, поздней редакціи.

[101]) А Запад. Рос. I, № 3. Борть была церковная и *полюдная*. Опис. Рум. Муз. № LIV. 32.

[102]) А. Юрид. б. I, № 63, V. При в. к. литовскомъ Михаилѣ Гедиминови-

освобождали монастырскія угодья отъ даней медовыхъ, дарили поземельныя владѣнія, и духовенство имѣло свои собственные бортные лѣса и медовые доходы. Десятина отъ даней медовыхъ въ пользу духовенства шла вмѣстѣ съ десятиною *отъ лова*, въ уставѣ опредѣлено брать ее со всѣхъ княжескихъ доходовъ «и отъ всякаго схода и прибытка.» Вмѣстѣ съ тѣмъ князья давали монастырямъ бортные лѣса съ бортниками и съ ихъ работой, точно также надѣляли церкви воскомъ *на посвѣтъ* или на свѣчи. Въ 1150 г. смоленскій князь Ростиславъ Мстиславичь далъ епископу Мануилу «прощеники съ медомъ и кунами», село Ясенское *съ бортникомъ*, а на посвѣтъ святой Богородицѣ изъ двора своего 8 капій воску, а въ Торопчи между прочимъ берковецъ меду [104]). Ханы татарскіе освободили духовенство русское отъ всякихъ даней медовыхъ, чтобы никто не вступался въ ихъ угодья и *въ борти*. Послѣ 1356 г. Олегъ Ивановичь рязанскій далъ монастырю Ольгову св. Богородицы село Арестовское со *всѣми пошлинами* «и съ бортники и съ бортными землями, и съ поземомъ и съ озеры и съ бобры и съ перевѣсищи» [105]). Около 1399 г. полоцкій князь Онуфрій далъ Предтеченскому монастырю на Сомници землю *съ бортью*, борть по великую дорогу, по Соменьцо озеро; на Улѣ рѣцѣ землю *съ бортью*, на витебскомъ рубежѣ землю *съ бортью*, на Начѣ на рѣцѣ землю *съ бортью...* [106]). Владѣя собственными бортными

чѣ, Юрій Бѣлковичь создалъ церковь св. Николы и далъ ей землю бортную. Ркп. Рум. Муз. № 72, V. А. Юж. и Запад. Рос. I, № 1.

[103]) Полн. Собр. лѣт. VI, 82. Въ юго-западной Руси оброкъ медовый назывался капщизною, что происходитъ отъ слова: капь, т. е. тяжести, которою взвѣшивали медъ и воскъ.

[104]) Допол. къ А. И. I, № 4. Всеволодъ Мстиславичъ отказалъ въ 1148 г. Юрьеву монастырю Терпужскій погостъ Ляховичи съ землей и съ коньми и съ людьми и лѣсъ и борти и ловища на Ловати. Изв. Ак. Н. VIII, V, 354

[105]) А еще прежде Олега дали грамоты тому же монастырю Ингварь-Олегъ и Юрій рязанскіе: «дали 9 земель бортныхъ, а 5 погостовъ —Песочна, а въ ней 300 семей, Холохольна, а въ ней 150 семей: Заячины, а въ ней 200 семей, Веприю (?) 200 семей, Заячковъ 160 семей, а си вси погосты съ землями съ бортными и съ поземомъ и съ озеры и съ бобры и съ перевѣсвищи и съ рѣзанками и съ шестьюдесятъ и со всѣми пошлинами.» А. Ист. I, № 2.

[106]) А. Зап. Рос. I, № 14. До 1402 г. Олегъ Князь рязанскій пожертвовалъ Солотчинскому монастырю Солодшу, Савицкій островъ съ Хохолковскою лукою, которыя были съ бортными ухожьи. А I, Итс. № 14.

лѣсами, освобожденные отъ даней медовыхъ, монастыри вели промыслъ бортническій, по всей вѣроятности, въ большихъ размѣрахъ. Промышленность бортничествомъ была весьма выгодна: она доставляла, кромѣ меда, воскъ, который имѣлъ отличный сбытъ за границу. Въ числѣ товаровъ, составлявшихъ богатство Русскихъ, еще Святославъ указывалъ на медъ и воскъ, которые шли въ придунайскій Переяславецъ [107]). Торговля воскомъ въ Новгородѣ процвѣтала съ раннихъ поръ: при в. к. Ярославѣ тамъ уже былъ цѣлый классъ купцовъ торгующихъ воскомъ, или *вощниковъ*; въ его уставѣ о мостовыхъ назначено мостить «тысяцкому до вощникъ, посаднику до великаго ряду» [108]). Медъ продавался на рынкѣ въ Новгородѣ въ XII стол., какъ видно изъ его оцѣнки подъ 1170 г: купляку «медъ по 10 кунъ пудъ» [109]). Въ первой половинѣ XII стол. торговля воскомъ на Руси была значительна; къ этому заключенію приводятъ слѣдующія соображенія. Въ грамотѣ новгородскаго князя Всеволода Мстиславича, около 1136 г. данной Опочской церкви, изъ вѣсу вощанаго назначено двумъ попамъ 16 гривенъ серебра, купецкимъ старостамъ 25 гривенъ, дьякону и дьячкамъ 7 гривенъ, сторожамъ 3 гр., в. князю 25 гр., Владыкѣ 1 рубль, игумену Онтоновскому полтину, да 25 пудъ меду разнымъ властямъ, слѣд. изъ суммы, собираемой отъ взвѣшиванья воска въ притворѣ церкви, шло разнымъ лицамъ 78 гривенъ и 25 пудъ меду. Изъ того же пошлиннаго сбора еще назначена на содержаніе церкви извѣстная сумма, какъ-то на свѣчи, на ладонъ, всего для расхода положено гривенъ 95 [110]). Пошлины собирали съ берковца неодинаковое количество: съ гостя низовскаго ¼ гр. серебра, или около двухъ гр. кунъ, съ полоцкаго и смоленскаго 2 гр. кунъ, съ Новоторжепина 1 ½ гр. кунъ, съ новгородскаго 6 *мордокъ*. Принимая среднюю цифру пошлины въ 1½ гривны кунъ и полагая въ новгородской

---

[107]) Лавр. 23.

[108]) Р. Прав. III, 137. Г. Колачевъ не сомнѣвается, что вощники эти были торговцы воскомъ. Указат. къ Русс. Правдѣ; см. слово *вощникъ*.

[109]) I Новг. 15.

[110]) Допол. къ А. И. I, № 5. Г. Лешковъ насчитываетъ около 100 гр. серебра, назначенныхъ на расходы. Рус. Нар. и Госуд. стр. 395—396

гривнѣ серебра 7½ гривенъ кунъ, мы придемъ къ выводу, что *гривна серебра* добывалась отъ взвѣшиванья 5 берковцевъ или 50 пудъ. А чтобы добыть 95 гривенъ, назначенныхъ на расходы, конечно, по опыту, что сумма эта выручается, нужно было свѣсить 23,750 пудъ. Изъ этого видно, что привозъ воска въ Новгородъ и сбытъ его былъ значителенъ, если мы даже и ошибаемся нѣсколько въ разсчетѣ. При этомъ нужно замѣтить, что воскъ шелъ изъ Россіи въ Европу не чрезъ одинъ Новгородъ: кромѣ сбыта по Днѣпру, воскъ отправлялся по Двинѣ въ Ригу, Готландъ и нѣмецкіе города. Въ смоленскомъ договорѣ 1229 г. поставлено: «Латинскому дати (Нѣмчичю платити) отъ двою капию воску вѣсцю куна смоленская» [111]).

Изъ приведенныхъ фактовъ слѣдуетъ, что бортный промыселъ былъ очень выгоденъ, можетъ быть, даже болѣе, нежели охота за дичью и рыболовство; всѣ эти три промысла находились въ одинакихъ условіяхъ и связаны были съ поземельнымъ владѣніемъ. Бортники, охотники и рыболовы составляли классъ свободныхъ оброчныхъ людей и имѣли право перехода, впрочемъ могли быть и купленные. Кромѣ княжескихъ бортныхъ ухожаевъ и бортныхъ лѣсовъ, принадлежавшихъ духовенству, борти были и у народа—*смердьи борти*. Медомъ издавна народъ платилъ дань князьямъ и обычай этотъ продолжался до XV вѣка.

4) скотоводство.

Скотъ былъ съ незапамятныхъ временъ богатствомъ русскаго народа; слово—*скотъ* равносильно былъ съ словомъ—деньги: Новгородцы «начаша скотъ сбирати отъ мужа по 4 куны, а отъ старостъ по 10 гривенъ, а отъ бояръ по 18 гр. и приведоша Варягы, вдаша имъ скотъ». Слово: *скотница* означало кладовую, гдѣ хранилось богатство. Владиміръ велѣлъ давать нищимъ «отъ скотницъ кунами» [121]). Можно думать, что въ прежнее время на скотъ мѣ-

---

[111]) Собр. грам. II. № 1.

[112]) Лавр. 54. 62. Ип. 27. Въ договорѣ ок. 1195 г. сказано: «Оже емати *скотъ* Варягу на Русинѣ и пр. Грам., касающ. сношеній съ ганз. гор. № 2. «*Скотница* твоя по божіей благодати не оскудѣла». Рус. Дост. 1, 70. Рогатый скотъ

нили и пріобрѣтали разныя необходимыя вещи, какъ впослѣдствіи на мѣха. Къ этому мнѣнію приводитъ сохраненіе обычая давать при покупкѣ въ придачу овецъ, коровъ; въ купчихъ XIV столѣтія встрѣчается обыкновенное выраженіе: купилъ за 30 бѣлъ, а *пополнка* овцу, а пополнка корову [113]).

О существованіи скотоводства у русскихъ Славянъ, до принятія ими христіанства, можно заключить изъ слѣдующихъ извѣстій. Въ преданіи объ Обрахъ сообщается, что эти варвары, завоевавъ Дулѣбовъ, не запрягали ни коня, ни вола, а трехъ или болѣе женщинъ въ телѣгу: «аще поѣхати будяше Обрину, недадяше въпрячи коне, ни вола». Древляне говорили объ Игорѣ: «Аще ся ввадить волкъ въ овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьють его». Значитъ, они знакомы были съ овцеводствомъ. О Святославѣ записано въ лѣтописи: «Ходя возъ по себѣ не возяше; ни котьла, ни мясъ варя, но по тонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину, на углехъ испекъ ядяше.... такоже и прочіи вои его вси бяху.» Въ 971 г. Святославъ съ войскомъ «ста зимовати въ Бѣлобережьи, и не бѣ у нихъ брашна уже, и бѣ гладъ великъ, яко по полугривнѣ глава коняча». У Владиміра на обѣдахъ для дружины «бываша множество отъ мяса, отъ скота и отъ звѣрины, баше по изобилью отъ всего» [114]). Слѣдовательно, Русскіе во времена языческія ѣли мясо лошадиное, говядину и разводили овецъ, коровъ и лошадей.

Впрочемъ, странное извѣстіе встрѣчается у Константина Багрянороднаго, будто въ Россіи не водились коровы, лошади, овцы и будто Русскіе доставали скотъ отъ Печенѣговъ. Можно думать, если не считать ошибочнымъ этого извѣстія,

---

встарину назывался *говядо* (Ип. 177), латышс. hows—корова, литовс. howada—стадо, греч. *βουκόλιον*. Изв. Акад. 1, 109.

[113]) Изв. Акад. X, 689. Акт. Юр. № 71. XXI и др. Въ древнюю пору лошадиное мясо составляло пищу русскаго народа; по этому въ отдѣлѣ промышленности, касающейся пищи, мы помѣщаемъ соображенія свои относительно коневодства, чтобы избѣжать излишняго дробленія въ сочиненіи.

[114]) Лавр. 5. 23. 27. 31. Изъ преданія объ Обрахъ видно, что Русскіе ѣздили и на коняхъ и на волахъ, по крайней-мѣрѣ во времена лѣтописца. Въ Вислицкомъ статутѣ 1347 г. опредѣлено, что если хозяинъ застанетъ въ своемъ лѣсу въ третій разъ вора,—«маетъ взять любо вола, а любо коня». А. Зап. Р. 1, № 2, стр. 132.

что у Русскихъ мало было своего скота и они покупали его у кочевыхъ народовъ. Эта мысль находитъ подтвержденіе въ тѣхъ фактахъ, которые говорятъ, что въ ополченіяхъ древнихъ князей конницу составляли степные народы. Въ 987 г. Владиміръ ходилъ на Болгаръ: онъ шелъ съ Добрыней въ лодкахъ, «а Торъки берегомъ приведе на конихъ» [115]). Тоже было ранѣе при Олегѣ и Игорѣ. У степныхъ народовъ было изобиліе хорошаго скота и скотоводство составляло единственный ихъ промыслъ и все богатство. Отъ постоянной войны съ ними, русскіе князья и дружина обогащались очень часто домашними животными. Въ 1095 г. у Половцевъ взяли скоты, кони, верблюды и челядь. Въ 1103 г. «взяша скоты и овцы и конѣй и вельблуды, и вежѣ съ добыткомъ и съ челядью» [116]). Въ 1224 г. при встрѣчѣ съ Татарами, Русскіе на полѣ половецкомъ забрали множество стадъ: «взяша скоты ихъ, а со стады утекоша, яко всимъ воемъ наполнитися скота» [117]). Послѣ побѣды Донскаго, «мнози вои его возрадовашася, яко обрѣтающе корысть многу, пригнаша бо съ собою много стада коней и вельблуды и волы, имъ же нѣсть числа» [118]). Впрочемъ не одни военныя столкновенія доставляли Русскимъ скотъ отъ степныхъ народовъ: во время мирныхъ сношеній шла между Русскими и кочевыми народами тор-

---

[115]) Изв. Визант. Ист. III, 31. Лавр. 36.

[116]) Лавр. 119. Въ 1152 г. Мстиславу Изяславичу пособилъ Богъ побѣдить Половцевъ и скоты ихъ зая и множество душъ крестьянъ отполони; въ 1185 г. было тоже; въ 1190 г. около Протолочіи Русскіе забрали стада многа половецкія въ днѣпровскихъ лугахъ: въ слѣдующемъ году ополонишася скотомъ и коньми, въ 1206 г. «у Половцевъ стада заяша». Ипат. 71, 141, Лавр. 167. 179. Лѣтописецъ влагаетъ въ уста Татарамъ 1224 г. слѣдующія слова: «Пріидохомъ Богомъ пущени на холопи наши и на конюси свои, на поганыя Половци«. Троиц. 217. Слѣд. Половцы промышляли преимущественно коневодствомъ.

[117]) Ипат. 164. Татарскій скотъ былъ въ славѣ на Руси: это видно изъ лѣтописнаго сказанія о Янѣ Усмошвецѣ. «Вели ми добыти, говоритъ онъ, вола татарскаго велика, и сильна, подпои его медомъ сильнымъ.... Изыскали вола вельми высока, рука не досяжеть и сильна преизлишь.» Лѣт. Переясл. стр. 32.

[118]) Сказ. о Мам. побоищѣ въ П. Собр. Лѣт. VI, 97. У татаръ скота было огромное количество; въ описаніи хожденія Пимена въ Царьградъ 1392 г. говорится: «стадажъ татарскія видѣхомъ толико множество, яко же умѣ превосходящь, овцы, козы, волы, верблюды, кони» по Дону и Медвѣдицѣ. «Всякихъ скотъ стада безъ числа много». Сказ. Рус. Нар. Сахарова. II, стр. 98 въ отдѣлѣ путешествій. Чт. Общ. Ист. 1862 г. 2, IV, 485. Плано Карпини у Языкова. 81.

говля скотомъ, князья присылали подарки, состоящіе изъ дорогихъ коней. Еще Святославъ говорилъ, что въ дунайскій Переяславецъ идли изъ Угоръ *комони*. Въ юго-западной Руси венгерскіе иноходцы и скакуны были нерѣдки и назывались *фарями*. [119]). Въ словѣ о Полку Игоревѣ замѣчено: «Съ тоя же Каялы Святополкъ повезѣ я отца своего междю угорьскими иноходцы ко св. Софіи къ Кіеву». До 1389 г. дано Троицко-Сергіеву монастырю между прочимъ *пятно ногайское* [120]). Изъ этого видно, что торговля лошадьми татарскими существовала на Руси до XV вѣка, т. е. Русскіе добывали хорошій скотъ у Татаръ. Слѣд. и Константинъ Багрянородный правъ, если говорилъ, что у Русскихъ мало скота и они добываютъ его отъ кочевыхъ народовъ [121]).

Но и Русскіе разводили у себя домашнихъ животныхъ: въ Русской Правдѣ говорится о лошадяхъ, коровахъ, овцахъ, козахъ и свиньяхъ, какъ о необходимой принадлежности домашняго хозяйства Русскихъ. Въ житіи Θеодосія печерскаго о монахѣ Исакіѣ разсказывается, что онъ «повелѣ купити себѣ козелъ и одра мѣхомъ козелъ и овлече на власяницю, и осше около его кожа сыра» [122]). Изъ

---

[119]) Лавр. 28. Ипат. 56. 162. 170. *Фарь*, фарисъ, ферезь, farisius, faras, farius. φαρίζις, φάριον, φάρος—всѣ эти слова означаютъ хорошаго коня. Въ русской сказкѣ «Дѣяніе Девгеніево» сказано: «кто сему не дивится, како дръзость яви унoша, какъ лось нагони бърже (скорѣе) фаря брьзаго.... Како фарь подъ нимъ (Девгеніемъ) скакаше, а онъ гораздно на немъ играетъ». Истор. Гос. Рос. II, пр. 333. III, 190. 272. Венгерскій всадникъ назывался *фаревникомъ*, а скакуны—*скоками*.

[120]) Сл. о Пол. Игор. 44, Никон. Лѣт. 1, стр. 18, въ прибавл. Владиміръ Мономахъ говорилъ, что онъ передавалъ Половцамъ много платья и скота. Лавр. 104, Половецкій ханъ Котянъ одарилъ русскихъ Князей во время нашествія Татаръ конями, буйволами, верблюдами и дѣвками. 1 Новг. 40.

[121]) Сѣверныхъ инороцевъ Переяславскій лѣтописецъ называетъ коноформцами Русскихъ: «Печера, Имь, Литва исперва исконніи данници и конокормци. Переяслав. лѣт. 2. Лербергъ въ своихъ изслѣдованіяхъ замѣчаетъ: «Пока у Корелъ земля мало еще была удобна для посѣва, то скотоводство долженствовало быть главнымъ занятіемъ народа... Въ XIV в. страна ихъ названа отъ Новгородцевъ *Кобылицкою Корелою*, стр. 120. Мордва въ XIII в. занималась въ значительныхъ размѣрахъ разведеніемъ свиней. Рубрикв. Чт. Общ. Ист. 1864 г, 3, IV, 174.

[122]) Рус. Пр. 1, 26; II, 41 и другіе. Лавр. 82,122. Стада скотины, стада овецъ упоминаются въ Ипат. лѣт. 26. 1 Новг. 5, 20, 53. Въ XIV стол. различаются стада *сѣдельныя* и *кобыльи* или кобылы стадныя. Кони были *воинскіе*, ролейные т. е. рабочіе, поводные т. е. запасные, товарные или обозные. Собр. гр. 1, стр, 79. Рус. Пр. 1, 25. Ипат, 67, 99, 133, 200. Товарные кони

этого видно, что козъ разводили не для одного домашняго употребленія, но и на продажу. Въ поученіи Θеодосія между суевѣріями, существовавшими въ XI в., упоминаются примѣты: «аще кто усрящетъ чернонизца, то възвращается, ли *единецъ* (борова), ли свинью»[123]). Такимъ образомъ на Руси до XV стол. разводили, лошадей, коровъ, овецъ, козъ и свиней[124]). Изъ домашнихъ птицъ упоминаются только гуси, утки и куры[125]).

Южная Русь была богаче скотомъ и хорошими лошадьми, чѣмъ сѣверная, потому что тамъ съ одной стороны были отличныя пастбища, съ другой—легкій и дешевый способъ пріобрѣтенія скота отъ кочевыхъ народовъ. Въ 1185 г. Игорь Святославичь пошелъ на Половцевъ: «идѣхуть тихо, сбираючи дружину свою; бяху бо и кони у нихъ вельмы тучны». Въ 1213 г. Мстиславъ дарилъ Данила: «дары ему дасть великыи и *конь свой борзый сивый*». Въ 1225 г. Мстиславъ дарилъ зятя, «почтивъ его *великими дарми*, и да ему конь свой борзый *актазъ, а кого же въ та лѣта не бысть*[126]).» Можно думать, что и воровство въ южной Россіи было сильнѣе, чѣмъ на сѣверовостокѣ. Списки Русской Правды даютъ поводъ къ слѣдующимъ соображеніямъ. При Ярославлѣ полагался штрафъ за коня, а при Изяславѣ, Всеволодѣ и Святославѣ *ссылка*: «а кто пакощами коня порѣжетъ или скотину продажѣ 12 гривенъ, а пагубу господину урокъ платити»; но за конокрадство воръ отдавался въ *потокъ* (заточеніе). «Въ южной Россіи, вѣроятно, имѣло вліяніе на развитіе конокрадства сосѣдство кочевыхъ народовъ; въ лѣтописи замѣчено подъ 1169 г: «холопи (бояръ

назывались *сумными*: въ 1208 г. «Изяславъ бися на мѣстѣ Нѣзды рѣки, и отъяша отъ него коня сумныя». Ипат. 158. Стада были по городамъ. Ник. V. 38

[123]) Учен. Зап. 2 отд. Акад. Н. II, 2. 195. Лавр. 73.

[124]) Кромѣ означенныхъ животныхъ, въ древнихъ памятникахъ упоминаются овцы аргичныя, буйволы и верблюды. Буйволы водились въ юго-западной Руси, а послѣднихъ Русскіе добывали у кочевыхъ народовъ. Въ завѣщаніи Владиміра Андреевича 1410 г. говорится; «А что мое стадо сѣдельное, кони и лошаки и жеребьци и кобылье стадо, а то далъ есмь княгинѣ своей; а дѣти мои въ то не въступаются А что есмь стада подавалъ дѣтемъ своимъ, а тѣ стада дѣтемъ моимъ, а братъ въ братне стадо и въ матери своей стадо не вступаются». Собр. гр. I, № 40, стр. 79.

[125]) Рус. Пр. II, 7, 77. Пск. Суд. Гр. 27. О птицеводствѣ древней Руси почти не сохранилось никакихъ свѣдѣній.

[126]) Ипат. 130. 161. 165.

Нестора и Петра Бориславичей) кони Мстислава покрадоша во стадѣ и пятна на нихъ своя восклади, т. е. пятна своихъ бояръ, которые съ ними, вѣроятно, были за одно въ кражѣ [127]. Для пресѣченія сильнаго развитія конокрадства и назначено было строгое взысканіе: по Русской Правдѣ ссылкѣ и разграбленію имущества подвергали только за убійство въ разбоѣ и за поджогъ [128]).

У Князей Русскихъ были свои стада, которыми завѣдывали отдѣльныя лица—конюхи, коневники и овчары. Олегъ въ 912 г. «призва старѣйшину конюхомъ, ркя гдѣ есть конь мой»? Въ Русской Правдѣ упоминается конюхъ княжъ старый. Съ Игоремъ Святославичемъ Сѣверскимъ былъ въ плѣну конюшій. Подъ 1097 г. упоминается объ овчюхѣ Святополковомъ [129]). Изяславъ Мстиславичъ въ 1149 г. посылалъ своихъ *Тіуновъ* для опознанія стадъ и имущества въ кіевскую область: «что будетъ пограблено, или стада или челядь.... поимати на лицо. Изяславъ же посла мужи своя и тивуны дѣля товара и своихъ дѣля стадъ.... а друзіи тивуны своѣ послаша.... и начаша познавати свое». Ростиславъ Мстиславичъ велѣлъ принять по смерти Вячеслава тіунамъ его порты, золото и серебро. Слѣд. тіуны завѣдывали имуществомъ князей и ихъ стадами. У князей и бояръ лошади были съ тавромъ или *съ пятномъ* [130]).

Какъ велики были стада княжескія, можно судить по слѣдующему извѣстію. Въ 1145 г. Давыдовичи забрали въ лѣсу скотъ: «сташа у Мелтековѣ селѣ, и оттуда пославше и заграбиша Игорева и Святославля стада въ лѣсѣ по Рахни, кобылъ стадныхъ 3000, а конь 1000, пославше же по селамъ пожгоша жита и дворы.» Московскіе князья также держали довольно значительныя стада: в. к. Семенъ Ивановичь въ 1353 г. далъ княгинѣ своей 50 конь, а изъ стадъ своихъ стадо Коломенское, другое стадо Дѣтино, Ивашково. Въ духовной в. к. Ивана Ивановича 1356 г. сказано: А что моихъ стадъ коневыхъ и жеребцовъ и кобылицъ, а то

---

[127]) Рус. Пр. II, 30. 80. Ипат, 99.

[128]) Рус. Прав. II, 79. Во Псковской судной грамотѣ опредѣлена смертная казнь за кражу лошадей, стран. 2.

[129]) Рус. Пр. 1, 21, Лавр. 111. Ипат. 51. 133. 202.

[130]) Ипат. 48. 75. Собр. гр. 1, стр. 179. Рус. Пр. 1, 26.

сыну моему князю Диmитрію и сыну моему князю Ивану.... имъ на полы[131]). Такимъ образомъ у московскихъ князей въ разныхъ имѣніяхъ были конскіе заводы, для которыхъ жители обязаны были дѣлать помѣщенія и давать пастбища: старѣйшему князю принадлежалъ *конюшій путь* и право—*кони ставити*. Отъ скотоводства князья получали подать *натурою*, собирая скотъ съ домовъ, и изъ этого количества, равно какъ и изъ своихъ стадъ, давали духовенству десятину. Владиміръ далъ церкви Десятиной: «отъ всего княжа суда десятую вѣкшу, изъ торгу десятую недѣлю, а изъ домовъ на всяко лѣто *отъ всякаго стада* и отъ всякаго жита.» Въ 1158 г. Андрей суздальскій заложилъ церковь во Владимірѣ, «и да ей много имѣнья, и свободы купленыя и съ даньми, и села лѣпшая, и десятины въ стадѣхъ своихъ и торгъ десятый».Въ 1289 г. князь Мстиславъ установилъ съ Берестьянъ подать, и между прочимъ со ста по двѣ овцы, по 20 куровъ[132]). Сборы домашними животными были распространены въ древней Руси: ими брали штрафы, ими платили за трудъ должностнымъ лицамъ и т. п. «А другъ у друга межу переоретъ или перекоситъ на одиномъ полѣ, вины боранъ.» Духовенство освобождено было ханами отъ даней со стадъ; «да не вступается никто ни въ зимовища, ни въ стада ихъ конные, ни во всякіе скотскіе». Частныя лица тоже имѣли свои стада. Въ 1393 г. Гнѣвошъ отдѣлилъ отъ себе Волчка, «дали ему село у Теребовльской волости Новселъцѣ, а шисть кобылъ и стада, а жеребець»[133]).

По нѣкоторымъ даннымъ можно полагать, что у народа скотоводство въ древней Руси плохо процвѣтало даже въ юго-западныхъ областяхъ. Что жители кіевской области не всѣ имѣли лошадей у себя, на это есть доказательство. Кіевлянамъ говорилъ въ 1147 г. посолъ князя

---

[131]) Ипат. 26. Собр. грам. I, №№ 23. 24. 25. Въ завѣщаніи Д. Ив. Донскаго 1378 г. означено: «кони и жеребчи и стада своя далъ есмь своему сыну Василью и своей княгинѣ и своимъ дѣтемъ». Въ другой душевной грамотѣ 1389 г. онъ писалъ: «а что ся останетъ стадъ моихъ, тѣмъ моя княгини подѣлятся съ моими дѣтьми по частемъ.» Собр. грам. I, №№ 30. 34.

[132]) П. Собр. Л. VI, 82. Лавр. 149. Ипат. 225. Княгинѣ Витовтовой давали съ дыма «въ кухню по курети и по 10 яицъ. А. Юж. Зап. Р. I, № 23.

[133]) А. Эксп. I, № 13. Рус. Пр. I, 42. Собр. гр. II, № 7. А. Ю. и З. Р. № 3.

Изяслава: «доспѣвайте отъ мала и до велика, кто имѣетъ конь, кто ли не имѣетъ коня, а въ лодьи». Въ новгородскихъ областяхъ была тоже бѣдность скота, такъ что Нѣмцы могли угнать всѣ ихъ стада по Лугѣ. Подъ 1240 г. отмѣчено, что Нѣмцы и Чудь «поймаше по Лугѣ вси кони и скотъ и нелзѣ бѣша орати по селамъ и нечимъ.» Владиміръ Васильковичъ въ 1288 г. раздавалъ лошадей и скотъ убогимъ и тѣмъ, у кого ихъ не было[134]). О содержаніи скота въ древней Руси почти не сохранилось свѣдѣній; только изъ Русской Правды видно, что скотъ держали въ хлѣвахъ; въ этомъ законодательномъ памятникѣ постановлено брать штрафъ не одинаковый, если скотъ украдутъ изъ хлѣва, или *на поли* т. е. во время паствы [135]). Скотъ стерегли на поляхъ стадами, свиней гоняли въ лѣсъ на жолудь. Люди богатые кормили своихъ коней овсомъ: вирнику положено было по закону давать овса для его лошадей; по грамотѣ Кипріана 1392 г. лошадямъ игумена крестьяне обязаны были давать овесъ: «А въ которое село пріѣдетъ игуменъ въ братшину и сыщи даютъ по зобнѣ овса конемъ игуменовымъ» [136]).

Домашнихъ животныхъ продавали на рынкѣ, что можно видѣть изъ Русской Правды до 1054 г: «Аще ли будетъ татебно купилъ въ торгу или конь, или портъ или скотина». Въ Псковской судной грамотѣ постановлено покупать корову по взаимному соглашенію и по окончаніи торга телятъ не требовать. Если корова окажется больною, то отдать ее назадъ, хотя бы деньги уже были заплачены [137]). Въ Русской правдѣ опредѣлено, чтобъ опекунъ, когда бралъ имѣніе на сиротъ предъ добрыми людьми, обязывался возвра-

---

[134]) Ипат. 32, 219. I Новг. 53. Въ 1284 г. въ княжествахъ Липецкомъ и Рыльскомъ скота довольно пограбили Татары. Ник. III. 80.

[135]) Рус. Пр. II, 37, 38. Слово *ясли* встрѣчается въ самыхъ древнихъ памятникахъ, точно также какъ и слово *забой*, подъ которымъ разумѣется *загонъ* т. е. мѣсто огороженное жердями, устраиваемое на поляхъ для загона скота. Татары водили лошадей въ степяхъ, не имѣли ни сѣна, ни соломы; лошади ихъ сами находили кормъ подъ снѣгомъ. Плано-Карпини у Языкова. 11.

[136]) А. Эксп. I, № 11. Рус. Пр. II, 7. Въ Вислицкомъ статутѣ 1347 г. опредѣлено: «Хто коли свиній своихъ у чужій гай на жолудь угонить, а тотъ застанетъ, чій лѣсъ, иметъ одного вепря съ правомъ забить» и проч. А. Зап. Р. I № 2, стр. 134.

[137]) Рус. Пр. II, 28. Пск. суд. гр. 27.

тить все въ цѣлости вмѣстѣ съ приплодомъ отъ скота, имѣя у себя только проценты или торговую прибыль въ награду за труды и попеченія. Приплодъ означенъ произвольно — теоретически и практически—невозможный. Во всякомъ случаѣ изъ словъ Русской Правды видно, что скотъ отдавали въ приплодъ; это—въ родѣ того обычая, какой доселѣ существуетъ въ селахъ—отдавать коровъ изъ телятъ[138]).

Промыслъ скотоводствомъ не былъ развитъ въ древней Руси; хорошій скотъ добывали отъ степныхъ народовъ; вообще у народа его было мало и только княжескія стада сначала въ южной Руси, потомъ въ московскомъ княжествѣ были значительны.

б) Земледѣліе.

Первое извѣстіе о древнемъ русскомъ земледѣліи встрѣчается подъ 946 годомъ въ начальной лѣтописи. Ольга говорила Древлянамъ: «вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлаютъ нивы своя, а вы хочете измрети гладомъ» [139]). Изъ этого видно, что промышленность земледѣльческая была распространена какъ по селамъ, такъ и по городамъ, и начало ея относится къ языческому періоду. Если въ лѣсной глуши области древлянской несомнѣнно было земледѣліе, то въ другихъ мѣстахъ Руси съ нимъ были тоже знакомы.

Сохранилось извѣстіе XI в., что князья имѣли свои поля и села. Въ житіи Θеодосія разсказывается, какъ в. к. Святославъ, «показа мѣсто на своемъ поли», замѣтилъ: «еда ли дѣтей отлученіе или селъ опечалуетъ мя»? Народъ уступалъ князьямъ въ собственность земли, которыя отличаются отъ купленныхъ князьями селъ [140]). Князья покупали земли вмѣстѣ съ населенными на нихъ людьми, которые обязыва-

---

[138]) Рус. Пр. II, 49—51.

[139]) Лавр. 25.

[140]) Чт. въ общ. ист. 1858 г. кн. 3. Духовенство вооружалось противъ насильнаго захвата земли частными лицами; въ поученіи сказано: «сусѣда не обидите и не отъемлите земли его.... Богъ бо не единому человѣку велитъ быти на земли сей, но многимъ.» Москвит. 1851 г. № 6, стр. 122.

лись пахать эту землю и давать владѣльцамъ оброкъ. Пріобрѣтенную поземельную собственность и съ населеніемъ князья имѣли право отдавать, кому хотѣли. Ярополкъ Изяславичь (до 1158 г.) «вда всю жизнь свою, Небльскую волость и Деревьскую и Лучскую и около Кіева» въ Печерскій монастырь; а дочь его княгиня Глѣбова «по своемъ животѣ вда 5 селъ и съ челядью» [141]). Не одни князья, но и княгини и княжны имѣли свои города и села; въ XI ст. «Изяславъ съ княгинею пойде изъ Гамья къ Вятичемъ, и взя городъ княгининъ на щитъ святославлей» [142]). Въ XIV ст. число княжескихъ и княгининыхъ селъ — примысловъ быстро возрастаетъ, слѣдоват. увеличивается богатство московскихъ князей, потому что доходъ съ ихъ селъ шелъ исключительно въ ихъ пользу. Со времени татарскаго господства, князья усилили владычество на землю и на живущихъ на ней, потому что должны были отвѣчать за исправность платежей, слѣдовавшихъ ханамъ съ земли и ея обитателей [143]).

Въ XI в. встрѣчаются села, принадлежавшія боярамъ, которые обработывали свои земли рабами и закупами, какъ видно изъ житія Ѳеодосія и изъ словъ Русской Правды. Дружинники княжескіе также имѣли свои села: въ 1146 г. « разграбиша Кіяне съ Изяславомъ домы дружины Игоревы и Всеволожѣ, села и скоты.» Въ 1177 г. Глѣбъ во Владимірѣ «села пожже боярская» [144]) Дружина и бояре получали волости отъ князей; такъ въ 1240 г. Данилъ ве-

---

[141]) Ипат. 52. Ростиславъ Мстиславичъ, внукъ Мономаха, далъ смоленской епископіи нѣсколько селъ и съ землею и съ изгоями. Доп. къ А. И. I, № 4. Въ 1158 г. Андрей Боголюбскій далъ Владимірской церкви имѣнья много ;«свободы купленныя и съ даньми и села лѣпшія». Лавр. 149. 160. 201.

[142]) Ипат. 85. 95. 101

[143]) Жена в. к. Александра Невскаго, бабка И. Д Калиты, купила село Павловское, покупалъ села и мѣнялъ у митрополита и Калита. В. к. Семенъ Ивановичъ тоже дѣлалъ свои промыслы, покупалъ села, равно и Д. И. Донской. Въ его духовной 1371 г. замѣчено: «А что буде прикупилъ или промыслилъ или починсковъ или.... села отца моего.... купля..... или брата моего села..... сыну моему князю Василію.» По другой духовной 1389 г. отказалъ онъ женѣ своей, «что княгини прикупъ и куплю свою,» т. е. села и ея купли и своей. А сына своего Андрея, говорится далѣе, благословляю куплею же дѣда своего Бѣлымъ озеромъ со всѣми волостями и Вольскимъ съ Шаготью». Собр. грам. I, №№ 30. 31. стр. 51 и 59. Ист. гражд зак. Неволина. II, 132—7.

[144]) Р. Цр. II, 52. 53. Ипат. 24. Лавр. 162.

мѣлъ ихъ раздавать только галицкимъ боярамъ; «Черниговскихъ бояръ не велѣлъ ти пріимати, но дати волости галичкимъ» [145]). Князья давали своимъ мужамъ или боярамъ право собирать дань съ городовъ и селъ въ свою пользу, а потомъ села эти становились помѣстными, и наконецъ, переходя къ потомкамъ по наслѣдству, становились вотчинными. Въ новгородской области поземельною собственностью также владѣли бояре и въ ладожской землѣ и въ Русѣ и на Двинѣ и на Ижорѣ и въ Водской пятинѣ. У посадниковъ и тысяцкихъ, которые выбирались изъ бояръ, были свои села: имъ жаловалъ ихъ господинъ Новгородъ, пріобрѣтали также они покупкой и жены бояръ имѣли право покупать земли. Въ завѣщаніи новгородца Остафья (послѣ 1386 г.) написано: «Новгородъ пожаловалъ отца моего на Калжане, и у меня купилъ Александръ посадникъ 4 часть.... А что бабѣ нашей Ѳедосьѣ купля въ Подберезьи, Киселево село съ братомъ на полъ». [146]) Судомъ и данью вотчина тянула къ князю, въ области котораго находилась, хотя бы собственникъ служилъ другому областному князю: «А боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля, говорится въ договорныхъ грамотахъ, домы имъ свои вѣдати, а намъ ся въ нихъ не вступати; а данью и судомъ потянути имъ по землѣ и по водѣ.... А которыхъ бояръ и слугъ села, а имутъ жить въ нашей очинѣ, взять вы на нихъ дань какъ и на своихъ. А закладней вы, брате, не держати въ нашей очинѣ Москвѣ, и великомъ княженіи и великомъ Новѣгородѣ» [147]).

Духовенство и монастыри были также издавна землевладѣльцами. Кіевопечерскій монастырь во время игуменства Ѳеодосія имѣлъ уже собственныя села (до 1073). ([148]) Подъ

---

[145]) Ипат. 179.

[146]) А. Юрид. № 409, 1; 1 Новг. 76. 82. 87. «А что есмь купилъ село въ Ростовѣ Богородичьское, а далъ есмь Бориску Ворькову, аже иметь сыну моему, которому служити, село будетъ за нимъ; не иметь ли служити дѣтемъ моимъ, село отоимуть». Собр. гр, I, № 22. Грам. Калиты.

[147]) А. Эксп. I, № 14.

[148]) Житіе Ѳеодос. Лавр. 108. Антоній Римлянинъ «купи землю около монастыря у посадниковъ градскихъ и съ живущими иже на той земли людьми прилучившимися». Варлаамъ Хутынскій отказалъ монастырю села и съ людьми. Прав. Собес. 1858 г. кн. 5. Въ Суздальской лѣтописи объ извѣстномъ Ѳеодорѣ подъ 1170 г. говорится: «много бо пострадаша человѣци отъ него, въ держаньи

1096 г., въ Лѣтописи занесено извѣстіе, что еп. Ефремъ построилъ въ Суздалѣ церковь св. Димитрія и далъ ее въ Печерскій монастырь съ принадлежащими ей селами. [149]).

Нѣтъ нужды болѣе распространяться, что духовные и монастыри и до XV в. имѣли много собственной земли и селъ. Монастырскія земли и села принадлежали общинѣ монастырской, а владычни—сану, не составляя личной частной собственности. Право пріобрѣтенія земель духовенствомъ до XV стол. было неограничено. Купцы также имѣли свои населенныя земли въ древней Руси до XV стол. О нижегородскомъ гостѣ Тарасѣ Петровѣ (въ 1371 г.) говоритъ лѣтопись, что онъ пріобрѣталъ села: «откупилъ онъ полону множество всякихъ чиновъ своею казною и купилъ себѣ вотчину у в. князя за Кудьмою рѣкою, на р. Сундовакѣ 5 селъ: Садово, Ряховское, Запрудное, Залянчиково, да Мухарин» [150]). Еще въ уставѣ Всеволода до 1136 г. упомянута «отчина купцовъ». Изъ народа тоже каждый свободный человѣкъ имѣлъ право пріобрѣтать земли въ собственность, были бы только средства и желаніе, а обыкновенно народъ владѣлъ землей на правѣ помѣщенія земскаго общиннаго, не позволялъ никому вмѣшиваться въ его права, или отнимать «свою отчину и дѣдину». Сначала и смерды имѣли свои земли, а впослѣдствіи сдѣлались работниками на чужихъ земляхъ. У нихъ были свои борти и кони, которые противополагаются княжескимъ: «жалуя смердовъ, ихъ коней и ролью», говоритъ Мономахъ; а это предполагаетъ поземельное владѣніе ихъ, по крайней мѣрѣ на правѣ общинномъ [151]). При продажѣ земли дѣлали оговорку: «а буде Тируну не до земли, ино мимо земца не продати», т. е. помимо тузем-

---

его, и селъ изнебывши и оружья и конь, друзіи же и работы добыша, заточенья же и грабленья, не токмо простцемъ, но игуменомъ и мнихомъ». Около этого времени кіевской Десятинной церкви принадлежалъ городъ Полонный. Лавр. 152. 153.

[149]) Суздальскій епископъ Симонъ, въ посланіи къ Поликарпу, (1215 г.) пишетъ: »колико имѣетъ городовъ и селъ (церковь Владимірская) и десятину збираютъ по всей земли той, а тѣмъ всѣмъ владѣетъ наша худость». Въ 1377 г. митрополитъ Алексѣй далъ «многа села и люди и озера и нивы и пахати подава манастырю (московскому Михайловскому), еже довлѣетъ на потребу братіи». Пам. XII в. П. Собр. лѣт. VIII, 28. Ник. 1, 254. V, 60.

[150]) Нижегор. Лѣт. Въ XVIII ч. Вивл. 1791 г. стр. 78.

[151]) Ипат. 1. Собр. Грам. I, № I.

на не продавать. Въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ князьями съ XIII до XV в. высказывались слѣдующія условія владѣнія землей: ни князья, ни княгини, ни дѣти ихъ, ни бояре не могли по всей волости новгородской селъ ни купить, ни даромъ примять, ни держать. [152]) Князья обыкновенно не дозволяли покупать селъ въ своихъ владѣніяхъ. Въ договорѣ в. к. Димитрія Ивановича съ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ 1362 и съ Александромъ Тверскимъ 1368 г. сказано: «А кто будетъ покупилъ земли данныхъ, служнѣ или *черныхъ людей*, по отца моего животѣ по к. в. Ивановѣ, а тѣ хто взможетъ выкупити, и нѣ выкупятъ, а не взмогутъ выкупити, и нѣ потянутъ къ чернымъ людямъ; а хто не всхочетъ тянути, и нѣ ся земль съступлятъ, а земли чернымъ людемъ даромъ». Также князю, его семейству и боярамъ селъ не купити въ чужомъ удѣлѣ, купленныя выкупать или уступать даромъ чернымъ людямъ и закладней не держать [153]).

Изъ этого видно, что существовала областная земская обособленность, по которой не уступали, не продавали земель жителямъ другихъ областей. Черныя земли принадлежали городскимъ и сельскимъ обществамъ; онѣ составляли собственность государства и сами князья не вмѣшивались въ нихъ, только относились къ нимъ судомъ и данью. Земля была собственностью всего народа въ древней Руси и всякій имѣлъ право пользоваться ею. Частное пріобрѣтеніе поземельной собственности произошло, вѣроятно, вслѣдствіе первоначальнаго заселенія пустыхъ пространствъ, потомъ по праву купли ([154]).

[152]) Собр. грам. I, № № 1. 3. 6. 10. Въ договорѣ 1270 г. сказано: «А въ Бѣжицахъ, княже, тобе, ни твоей княгыни, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ дворяномъ селъ не держати, ни купити, ни даромъ пріимати и по всей волости новгородской». Село св. Софіи исправить къ св. Софіи...... земля св. Софіи Новгороду; — свободъ въ новгородской волости не ставить..... А что свободъ и сельцъ, которыя тянутъ къ тѣмъ свободамъ, того всего князь долженъ сступиться, и которое село зашло за князя или его боярина, безъ кунъ, возвращается безъ вознагражденія; а кто село купилъ вѣдаетъ истца (продавца) и беретъ куны, по неправѣ, по суду и по приговору». Кто изъ Новгородцевъ уйдетъ жить въ другую область, земли его отходятъ къ Новгороду, который одинъ вѣдаетъ всѣ свои земли и воды; а кто изъ другаго княжества перейдетъ въ Новгородъ, лишается земли въ пользу того княжества, изъ котораго ушелъ. Рус Нар. и госуд. 219—222.

[153]) Собр. грам. I, № 27. 28. Рус. Дост. I, 164.

[154]) Подробнѣе «о поземельномъ владѣніи» см. статью Бѣляева въ Москвит. 1848 г. № № 1. 2. 5. 9.

Участки поземельныхъ владѣній, лѣсныхъ угодій и сѣнныхъ покосовъ обыкновенно означались межами или гранями, состоящими изъ естественныхъ предметовъ, напр. ручьевъ, болотъ и т. под. [155]). По Русской Правдѣ за намѣренное уничтоженіе грани полагался большой штрафъ: «аже межу перетнетъ бортную, или ролейную разорееть, или дворную тыномъ перегородить, то 12 гр. продажи; аже дубъ подотнетъ межный, то 12 гр. продажѣ». Но такъ какъ эти межи часто уничтожались по естественнымъ обстоятельствамъ, а иногда и злонамѣренно, то владѣтели земель вели постоянныя тяжбы и захватывали другъ у друга земли; обыкновеннымъ способомъ раздѣла былъ разъѣздъ земель. Этотъ разъѣздъ производился при старожильцахъ, которые помнили, кому принадлежала замля, и на ихъ показаніяхъ рѣшалось спорное дѣло, если не было данной грамоты [156]).

Великая равнина древней Руси покрытая густыми лѣсами представляла богатую почву для земледѣльца; но по своему широкому пространству и зарослямъ требовала множества рукъ для обработки и усиленнаго труда. При малонаселенности страны, владѣльцы дорожили рабочими и стремились увеличивать населеніе своихъ земель, предоставляя имъ разныя льготы; правительство съ своей стороны старалось удержать жителей на прежде занятыхъ ими мѣстностяхъ, чтобы соблюсти свои интересы. Оно колонизуетъ свободныя пространства, рубитъ города, призываетъ въ нихъ жителей, или старается заселить плѣнниками и купленными рабами. Такъ дѣлалъ Ярославъ по р. Роси; а Ярополкъ въ 1116г. перевелъ народонаселеніе цѣлаго г. Друцка изъ непріятельской волости въ свою: Ярополкъ же сруби г. Желъди Дрьючаномъ, ихъ же бѣ полонилъ». Въ селахъ князей народонаселеніе состояло изъ челяди и рабовъ, число которыхъ доходило до 700, наприм. въ селѣ Святослава. Послѣ этого можно вѣрить показанію Татищева,

---

[155]) Изв. Акад. V, 354. Въ обводной межевой записи новгор. Юрьева монастиря 1391 г. означено: «поидетъ межа... черезъ *сельгу* межъ шельви (?) на *ламбу* и отъ той ламбы въ Кукоезеро». *Сельгой* называется въ олонец. г. высокое пахатное мѣсто въ лѣсу; а *ламбой* —небольшое озеро, не имѣющее истоковъ. Обл. Слов. 100. 201.

[156]). Рус. Пр. II. 65. 66. А. Э. I, № 13. Собр. грам. I. стр. 54. 64. Споръ о землѣ и водѣ рѣшался давностью владѣнія, именно—четырехъ или пяти лѣтъ; тяжущіеся должны были взять межевщиковъ и означить границы письменно. Псков. суд. гр. 2. 3.

что Юрій «зачалъ строить въ области своей многіе города,... созывая людей отвсюду, которымъ не малую ссуду давалъ и въ строеніяхъ и другими подаяніями помогалъ, въ которые приходя множество Болгаръ, Мордвы, Венгровъ, кромѣ Русскихъ, селились, и предѣлы яко многими тысячи людей наполняли»[157]). У духовныхъ были свои люди въ селахъ, какъ видно изъ грамоты Варлаама Хутынскаго. Въ Русской Правдѣ уже упоминаются холопы княжескіе, боярскіе и чернечи [158]). Рабы издавна занимались обработкой земель своихъ господъ. Въ житіи Феодосія говорится: «Сущю тогда блаженному Феодосію 13 лѣтъ; отътолѣ начатъ на труды паче подвиженъ бывати, якоже изходити ему съ рабы на село и дѣлати съ великимъ смиреніемъ» [159]). Въ людяхъ и рабочей силѣ очень нуждались въ старое время: отсюда постоянное стремленіе землевладѣльцевъ увеличивать населеніе на своихъ земляхъ и пришлымъ охотникамъ давать льготы. Земледѣльцамъ—бѣднякамъ выгодно было задаваться за сильныхъ владѣльцевъ, жить на ихъ земляхъ безъ права освоиванія, получить отъ нихъ готовыя земледѣльческія орудія, продолжительную льготу отъ поборовъ и защиту. До 1340 г. И. Д. Калита пожаловалъ людей св. Юрья, «кто сядетъ на земли св. Юрья, далъ имъ волю», т. е. освободилъ отъ даней; но за то запретилъ принимать выходцевъ изъ его княженія: «Архимандриту *тяглыхъ людій* полоцкихъ не пріимати, тако же и изъ отчины князя в., изъ Москвы людій не пріимати» [160]).

Ярославскій князь Василій Давыдовичь въ 1345 г. докон-

[157]) Ипат. 7. 27. Ист. рос. кн. III, стр. 76. Ник. I, 150.

[158]) Романъ Галицкій побѣжденныхъ Литовцевъ заставлялъ расчищать лѣсъ подъ пашню, «запрягаше копати коренья на новыхъ мѣстѣхъ». У дружины княжеской была своя челядь: въ 1159 г. «Мстиславъ зая товара много Изяславли дружины, золота и серебра, и челяди, и коній и скота, и все провади Володимерю. Ист. рос. Соловьева II, пр. 371. Ипат. 85. Рус. Пр. II, 42. Въ Рус. Прав. упоминается даже *смердій холопъ*.

[159]) Кромѣ того, обработывали земли *полные люди* и *полные холопи*, *купленные люди и купленные оброчники*. Собр. грам. 1, стр. 32. 41. 48. 51. Въ завѣщаньи Новгородца Остафья земли отказаны сыну съ челядью, которая была куплена.

[160]) А. Эксп. I. № 4. А. Юрид. б. I, № 31. Василій Дим. подтвердилъ Троицкому Сергіеву м. что далъ ему Феодоръ Ив. пустоши Матищевскія съ правомъ перезывать населеніе изъ другихъ княженій: «И тѣмъ людемъ и пришлымъ... не надобѣ моя дань, ни. ямъ, ни подвода».

чалъ съ спасскимъ архимандритомъ Пименомъ, подтвердилъ грамоту дѣда своего Θеодора Ростиславича Чернаго (до 1299 г.): «А кого перезоветъ игуменъ изъ иные волости, то люди св. Спаса, а мнѣ ся въ нихъ не вступати». Въ 1383 г. Витовтъ дозволилъ Карачевскому устроить новое село Княжую Луку, — «допустили садити на сыромъ корени», въ Кременецкомъ повѣтѣ и дали землю съ лѣсами, дубровами полями и сѣножатьти[161]); Князья, отдавая въ пользованіе земли изъ оброка промышленнымъ людамъ, не могли удерживать этихъ насельниковъ, если не имѣли на нихъ кабалы. Черные люди свободно и безпрепятственно выходили изъ области въ область, и только лишались земли, переходившей въ собственность областнаго князя: «слугамъ вольнымъ воля». Права княжескихъ поземельныхъ владѣній были ограничены; только холопы и рабы и люди купленные были собственностью князей, когда были на нихъ грамоты. Лица же, подпавшія частной власти князя на время, освобождались въ свою область. Къ этимъ людямъ относятся, *половники*, *закладники*, *третники* и оброчники разнаго рода. Земледѣльцы, которые садились на чужихъ земляхъ съ правомъ получать половину произведеній обработанной ими земли, назывались половниками; если же брали отъ трудовъ своихъ третью часть, носили названіе третниковъ. Изъ грамоты, данной Вас. Димитріевичу на черный боръ, видно, что брался этотъ поборъ *постаринѣ*, какъ вѣроятно, было при Донскомъ, тутъ сказано: «а кто сидитъ на исполовьи, на томъ взять за полсохи»[162]). Оброчники ходили иногда обработывать земли въ другія области, поэтому князья, нуждаясь въ народѣ, старались поставить условія, чтобъ эти половники, закладники и оброчники не оставались у другихъ владѣльцевъ и платили дани своимъ князьямъ. Такъ ярославскій князь Василій Давыдовичъ, основываясь на грамотѣ дѣда своего, пишетъ: «А кто будетъ людій моихъ въ св. Спаса въ половницы, а тѣ люди потянуть ко мнѣ данью и войною, до кого что дойдетъ, а игумену ся не вступати». Въ своихъ договорахъ князья старались ограждать рабочихъ людей отъ вмѣшательства другихъ

[161]) Истор рос. іер. VI, 229.

[162]) А. Арх. Э. I. № 32.

князей. Новгородцы сдѣлали условіе съ тверскимъ княземъ 1270 г: »А холопа и половника не судити твоимъ судіямъ, судити князю въ Новѣгородѣ, тако пошло»... А холопъ или половникъ забѣжитъ въ тферскую волость, а тѣхъ, княже, выдавати» [163]). Въ другихъ грамотахъ князья дѣлали оговорки: «А кто будеть закладень, позоровать ко мнѣ...,. Ни закладневъ ти, ни оброчниковъ не держати, ни грамотъ ны не давати» [164]). Землю обработывали также посредствомъ *закупней* и *наймитовъ*: закупень получалъ плату за трудъ впередъ, былъ обязанный наемникъ въ качествѣ временнаго холопа, а наймитомъ назывался свободный рабочій [165]). Закупы и наймиты, испомѣщенные на частныхъ или вотчинныхъ земляхъ, по окончаніи срока условій, имѣли право перехода на другія земли; хозяинъ не могъ ихъ задерживать, только бы закупъ возвратилъ ему его орудія, и опредѣленнаго времени на этотъ счетъ не было назначено. Въ Русской Правдѣ есть постановленіе о растратѣ имущества господина его закупомъ: «аже у господина ролейный закупъ, а погубить войскій конь, то не платить ему; но еже далъ ему господинъ плугъ и борону, отъ него же купу емлетъ, то то погубивши платити; аже ли господинъ отслетъ на свое орудье, а погибнетъ безъ него, то того ему не платити» [166]). Слѣдов. закупъ у хозяина получалъ орудія земледѣльческія и за ихъ растрату подвергался платѣ, когда онѣ находились въ его непосредственномъ надзорѣ и пропадали отъ его недосмотра. Кромѣ постоянныхъ ролейныхъ закуповъ, уборка хлѣба до XV ст. производилась наймомъ работниковъ и роботницъ: въ Русской Правдѣ опредѣлено «женкѣ съ дчерью, тѣмъ страды на 12 лѣтъ, по гривнѣ на лѣто, 20 гривенъ и 4 гривны кунами» [167]).

---

[163]) Истор. Рос. Іерах. VI, 229 Собр. гр. I. № 6. стр. 14. № 8. стр. 10. Ист. Гос. рос. VI, пр. 207.

[164]) Собр. гр, I, стр. 5. Закладнемъ называется рабочій, который за сдѣланный заемъ обязывается производить работы своему должнику по кабалѣ на условленный срокъ. Истор. Гос. рос. IV, пр. 187.

[165]) Закупень и закладень могъ сдѣлаться обелнымъ холопомъ, если закладывался самъ на цѣлую жизнь, или когда бѣжалъ отъ господина, не исполнивъ условій.

[166]) Рус. Прав. II, 53. Къ числу наймитовъ, кажется, относились *рядницы* или *рядовичи*. Сбор. Мух. 137.

[167]) Рус. Прав. III. 64. Слуги и *работницы* упоминаются въ ярлыкѣ 1267 г.. Для означенія людей, обработывающихъ землю, встрѣчаются слѣд. названія:

Какъ колонизація Россіи постоянно шла съ юго-запада на сѣверо-востокъ; такъ точно подвигалась и культура страны и разработка естественныхъ богатствъ земли. Развитію культуры много содѣйствовали русскіе монастыри, которые основывались среди дикихъ лѣсовъ и болотъ, гдѣ не было людей, «а лѣсъ отъ вѣка не паханъ», гдѣ блуждали одни *звѣри дивіе*. Заслышавъ о проявившемся подвижникѣ, народъ стекался толпами, селился около обители, разработывалъ земли — и мѣстность изъ прежней дикой становилась обработанной и населенной. Антоній Римлянинъ говоритъ о себѣ: «не пріяхъ ***ни имѣнія ото князя***, ***ни отъ епископа***, но токмо благословеніе отъ Никиты епископа, и паша по чужой землѣ ни вдвое, ни во едино, ни себѣ покоя не дахъ, и братіи и сиротамъ и здѣ крестьянамъ досаждая: да то все управитъ Мати божія, что есмь бѣды принялъ о мѣстѣ семъ [168])». Владѣтели земель косо смотрѣли на вновь поселившихся монаховъ и не рѣдко старались согнать ихъ съ мѣстъ, зная напередъ, что всѣ ихъ угодья современемъ будутъ принадлежать монастырю.

Впрочемъ, разработка земли совершалась также помимо дѣятельности крупныхъ землевладѣльцевъ. Крестьяне шли со своими не хитрыми орудіями — топоромъ, косою и сохой — пробирались по лѣсамъ, садясь на дѣвственной почвѣ, заводя починки и деревни. Разъ обработанную землю считали своею и измѣряли границы своихъ владѣній, «покамѣстъ плугъ ходилъ и коса». Дѣвственная хлѣбородная почва находилась подъ лѣсомъ; чтобы воспользоваться ею, для этого нужно было очистить ее, сдѣлать доступною. Поэтому первоначальный способъ воздѣлыванья земли былъ самый трудный, посредствомъ ***роздерти***, ***росчисти***, ***роскоси***, ***гари***;[1] новые починки сажа-

---

[1] *Орачи*, *ниварі*, *ратаи*, *тяжари*, *изорники*—названія, которыя въ переводныхъ памятникахъ отвѣчаютъ словамъ: *γεωργος*, *αγρικολα*. Сл. И. И. Срезнево.

[168]) Кириллъ Бѣлозерскій выбралъ мѣсто «и скудно и пусто», гдѣ не было населенія, и скоро началась разработка лѣсистой мѣстности, явилось земледѣліе и рыбная промышленность. Димитрій Прилуцкій поставилъ обитель въ дикомъ лѣсу на многихъ путяхъ, которые шли отъ Вологды до Сѣвернаго океана и скоро этотъ дикій край началъ обработываться. Сергій Радонежскій въ глухомъ лѣсу основалъ обитель, гдѣ еще водились бобры, куда вела одна тропинка; скоро населили это мѣсто земледѣльцы и проложена была большая дорога отъ Москвы. Ист. Рос. іер. III. 125. Рукоп. Рум. Муз. № 152, л. 38.

ли по лѣсамъ, или по древнему выраженію XIV стол. «садили села на сыромъ корени» [169]). Новая земля, на которой сожгли лѣсъ, не нуждалась въ удобреніи; расчищенныя земли назывались *притеребами* и при продажѣ земли ставились въ число угодій. Такъ въ купчихъ XIV в. означено: «Се купи вотчину, дворъ и дворище, орамыи земли *съ притеребы*, и пожни съ притеребы, и путики того села» [170]). Какъ въ настоящее время цѣльная земля считается неизмѣримо выше воздѣланной, такъ въ старое время было наоборотъ. Даже въ XVII стол. въ вологодскомъ уѣздѣ расчистка и распашка земли цѣнилась дорого; это видно изъ слѣдующихъ словъ: «что росчиститъ лѣсу и распашетъ пашни и сѣнныхъ покосовъ раскоситъ и крестьянъ населитъ, а послѣ выкупитъ; то взять свои деньги за вотчину 200 руб., а за лѣсную росчистку и земляную роспашку и за сѣнную роскоску и за всякое новое прибылое строеніе» и прочее особо [171]). Земледѣльцы, особенно въ сѣверо-восточной полосѣ Россіи, постоянно передвигались съ мѣста на мѣсто, углублялись въ лѣса, завоевывали непроходимые мѣста; непочатыхъ лѣсовъ было вдоволь; почва не обѣщала продолжительнаго плодородія: выжжетъ земледѣлецъ лѣсъ, посидитъ года три—и идетъ на другое мѣсто, чтобъ трудъ его былъ легче, производительнѣе; лучше было дѣлать новую гарь, чѣмъ заниматься удобреніемъ; чуть трудъ станетъ тяжелѣе, земледѣлецъ идетъ искать новаго мѣста на просторѣ, гдѣ полюбится. Оттого въ древнихъ памятникахъ до XV в. не встрѣчается ни одного намека, чтобъ земли гдѣ—нибудь добрялись [172]).

---

169) А. Зап. Р. I, № 6. А. Э. I, № 15. Сбор. Мух. 195.

170) Времен. XXII, стр. 45, Времен. кн. XVI. Новгор. купчія XIV в.

171) Времен. XX; списокъ съ дѣлъ Прилуц. мон. 1677 г. Въ древнее время «новые починки сажали по лѣсамъ... На пустошахъ дворы поставляли.» А. Юр. №№ 8. 9.

172) Г. Бѣляевъ мѣтко характеризируетъ, по нашему мнѣнію, веденіе древняго земледѣлія слѣд. словами: «Поднимать цѣлину, чертить, подсушивать и выжигать лѣса было въ обычаѣ на Руси даже въ XIV и XV столѣтіяхъ, въ IX же, X, XI и XII вѣкахъ по всему вѣроятію этотъ обычай былъ еще сильнѣе, ибо тогда и Славянскаго народонаселенія на Руси было меньше, и непочатыхъ, невоздѣланныхъ лѣсовъ несравненно больше. О сбереженіи лѣсовъ въ старое время Русскіе нисколько не думали, лѣсъ у нихъ считался ни почемъ.... Ежели въ XVI стол. возможно было бросать расчищенную землю и селиться на другой, конечно въ X, XI и XII стол. это было гораздо удобнѣе.

Орудія, которыми производилась обработка земли, были въ употребленіи тѣ же, какія мы видимъ и теперь въ крестьянскомъ быту. Это — плугъ, который вѣроятно былъ чаще въ ходу, чѣмъ соха, потому что дѣвственная дерновая почва требовала болѣе крѣпкаго и надежнаго орудія для разрыхленія. Соха называлась *раломъ*. Вятичи платили дань отъ рала по шлягу, а Радимичи — отъ плуга. Пашня носила названіе *ролья*, *рали*. Въ 1107 г. Мономахъ говорилъ на съѣздѣ князей: «Хощеть погубити смерды и ролью смердомъ? Но се дивно ми, брате, оже смердовъ жалуете и ихъ коней, а сего не промышляюще, оже на весну начнеть смердъ тотъ орати лошадью тою, и пріѣхавъ Половчинъ... пойметь лошадь ту... и гумно его зажжеть»[173]) Такимъ образомъ, пахали въ кіевской области на лошадяхъ сохами; но вѣроятно употребляли и воловъ для воздѣлыванья земли; въ древнемъ языкѣ сохранилось названіе — *рало волово*. Въ Русской Правдѣ упоминается въ числѣ земледѣльческихъ орудій *борона*; въ другихъ памятникахъ встрѣчается названіе *косы* и *серпа*[174]). При этомъ можно припомнить, что въ Бронницкомъ уѣздѣ московской губ. въ 1855 г. при селѣ Авдотьинѣ на берегу рѣчки Сѣверки при разрытіи кургана найденъ серпъ вмѣстѣ съ остовомъ, погребеннымъ по способу языческому. «При пятомъ остовѣ, пишетъ г. Нечаевъ, по взрытіи оказался въ правой рукѣ довольно большой перержав-

---

и для тогдашняго хозяйства выжиганіе лѣса и подыманіе цѣлины представляло болѣе выгодъ, нежели удобреніе земли истощенной многократными посѣвами. Тогдашній земледѣлецъ, вѣроятно, возвращался на прежнюю свою пашню не иначе, какъ послѣ продолжительнаго перелога, когда она успѣла собраться вновь съ силами нужными для плодородія; да и къ этому средству наши земледѣльцы стали прибѣгать не вдругъ; но смотря потому, какъ уменьшилось количество непочатыхъ земель, лежащихъ по близости... Отъ этого сельское народонаселеніе было у насъ самое подвижное, что доказываютъ и изумительныя по своей многочисленности ряды пустошей, селищъ и деревнищъ, а также починковъ и новоселковъ, свидѣтельствами о которыхъ переполнены дошедшіе до насъ старые офиціальные памятники; такъ что при первомъ чтеніи свидѣтельствъ о пустошахъ, деревнищахъ и селищахъ можно подумать, что моръ, война и другія бѣдствія ежегодно опустошали русскую землю, тогда какъ на самомъ дѣлѣ главною причиною таковаго множества пустошей и селищъ былъ указанный нами древній порядокъ сельскаго хозяйства». Нѣсколько словъ о земледѣліи др. Р. Врем. XXII. отд. I.

[173]) Лавр. 10. 13. Ипат. I.

[174]) Въ правилахъ Владимірскаго собора упомянуто о жатвѣ и сѣнокосѣ «или на жатву, или сѣна сѣчи». Рус. Дост. I. 112. А, Юр. 6. I. № 66, стр. 442.

ленный желѣзный серпъ, вѣроятно, имѣвшій деревянную рукоятку, ибо при немъ найдено, у нижняго конца, металлическое, довольно толстое, кольцо, которое вѣроятно было нагнато на дерево»[175]).

Сжатый или скошенный хлѣбъ складывали въ копна, свозили на гумна и клали въ скирды (стырты) или въ стога. Въ 1146 г. въ сельцѣ Мельтековѣ Игоря Ольговича Давыдовичи повелѣста имати себѣ на возы и воемъ (товаръ) и потомъ повелѣста зажечи дворъ и церковь св. Георгія, гумно, въ немъ же стоговъ 900[176]). Передъ молотьбою хлѣбъ просушивался въ овинахъ. Употребленіе овиновъ для сушки хлѣба встрѣчается въ самую раннюю пору. Еще въ уставѣ Владиміра упомянуто, что кто молится подъ овиномъ подлежитъ суду церковному. Въ слове Христолюбца (до XV ст.) обличается народъ, «что молятьея огневи подъ овиномъ»[177]). О молотьбѣ хлѣба въ древнюю пору можно судить по выраженію Слова о Полку Игоревѣ: «На Немизѣ снопы стелятъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла»[178]). Обмо-

[175]) Форма серпа изображена во Времен. XXII, смѣсь стр. 8. По сказанію лѣтописца, въ Липицкой битвѣ 1216 г. Ростиславичи враговъ, «яко на нивѣ классы пожинаху».

[176]) Ип. 27. Въ Рус. Правдѣ уже упомянуто о гумнѣ, на которомъ хранится хлѣбъ немолоченый. У Торческа въ 1093 г. Половцы «пожигаху села и гумна». Рус. Пр. II, 39. Лавр. 95. Ипат. 1. Въ 1143 г. бурею около Котельнича разнесло хоромы, товаръ, клѣти, «и жито изъ гуменъ и не остася у клѣтехъ ничтоже». Ипат. 19.

[177]) Доп. къ А. Истор. I, № 1. Лѣт. Литературы, Тихонр. IV.

[178]) Рус. Достопам. III. Въ древнихъ памятникахъ упоминаттся слово: *мелы*, т. е. плева, полова, мякина. Изображеніе древняго ратая находится въ былинѣ «Микула Селяниновичъ»:

Молодой Вольга Святославовичъ
Выѣхалъ въ раздольице чисто поле,
Онъ услышалъ во чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ...
Съ край въ край бороздки пометываетъ;
Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать;
Коренья, каменья вывертываетъ,
А великія-то каменья въ борозду валитъ,
Кобыла у ратая соловая,
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые.

лоченый хлѣбъ хранили въ клѣтяхъ и въ ямахъ. Въ Русской Правдѣ, приписываемой Изяславу, опредѣлено: за кражу хлѣба съ гумна или изъ ямы штрафу 3 гривны и 30 рѣзанъ; а за пожогъ гумна ссылка въ заточеніе, отдача на грабежъ дома виновнаго. Весной сѣяли хлѣбъ яровой, а осенью озимый. Дружина Святополка говорила въ 1103 г. Владиміру Мономаху: яко не годно нынѣ веснѣ ити хочемъ, погубити смерды и ролью ихъ. Подъ 1127 г. означено въ лѣтописи: «на осень уби морозъ вѣрьшь всю и озимицѣ [179].» Въ показаніи, извѣстнаго уже намъ старожильца, Микулича объ отбываніи Брушанами повинностей въ пользу в. к. Витовтовой сказано: «а по 3 гроши житщины... а къ жниву 3 дни и на ярь три жъ дни, а сѣны 4 стырты ставятъ старинажъ». На порядокъ звиледѣлія существовавшій въ древней Руси можно указать, какъ онъ выставляется въ грамотѣ Кипріана 1392 г. «большимъ людемъ изъ монастырскихъ селъ... игуменовъ жеребей весь рольи орать възгономъ, и сѣяти, и пожати, и свести... а пѣшеходцемъ изъ селъ къ празднику рожь молоти и хлѣбы печи, на сѣмя рожь молотити.» Рабочее время называлось страдою, страданьемъ, тяжкой работой, а земли—страдомыми[180]).

Изъ хлѣбныхъ растеній, разводимыхъ нашими предками, извѣстны: рожъ, овесъ, пшеница, просо, ячмень, полба, горохъ, соцевица или чечевица, конопля, ленъ. Слово: *жито* употреблялось и въ общемъ значеніи хлѣба, и служило названіемъ для яровой ржи [181]) Всѣ означенные по-

---

Эту сошку Микулы вся дружина храбраго Вольги не могла съ земельки повыдернуть, а только вокругъ повертѣла за обжи (оглобли у сохи); а Микула одной рукой забросилъ ее за ракитовъ кустъ и похвалился:

А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драни надеру, да и пива наварю.

Пѣсни Рыбник. 1, 18—22.

[179]) Рус. Пр. II, 39. III. 31. Во время голода «въ Плесковѣ почаху грабити недобріи людіи села и дворы и клѣти въ городѣ», гдѣ чуяли рожь. 1 Псков. 71. I Новг. 13. Слово *леха* наводитъ на мысль, что при посѣвѣ землю лешили, т. е. проводили правильные борозды, чтобы лучше разсѣвать, какъ дѣлаютъ теперь

[180]) А. Ю. и Запад. Рос. I, № 23, А. Экс, I, № 11. Пам. XII в. 200. Рус. Прав. III, 65.

[181]) Въ лѣтописи замѣчено, что во время засухи «жито пригорѣ,» т. е. хлѣба. I Новг. 10. Жито означало иногда особый родъ хлѣба. Въ арханг. губ. житомъ доселѣ называется ячмень.

роды хлѣбныхъ растеній извѣстны были русскому человѣку въ раннюю пору. Изъ житія Θеодосія видно, что въ Печерскомъ монастырѣ употребляли въ пищу сочиво и варекную пшеницу; изъ сѣмени льнянаго били масло; бояринъ присылалъ инокамъ сочиво и пшено [182]). Старикъ бѣлогородскій, по словамъ лѣтописца, давалъ совѣты жителямъ въ 997 г: «сберѣте аче и по горсти овса, или пшеницѣ или отрубъ». Въ Руской Правдѣ упоминается пшеница, овесъ, жито, горохъ и пшено [183]). Нѣтъ нужды доказывать, что упоминаемыя здѣсь хлѣбныя растенія разводимы были на Руси, а не вывозились изъ другихъ странъ. О разведеніи льна и конопли Русскими сохранились свѣдѣнія въ церковномъ уставѣ 1051—1054 г: «аще мужъ иметъ красти конопли, или ленъ, или всяко жито; митрополиту у винѣ съ княземъ на полы, такожь и жонка, аще то иметъ красти». О существованіи проса въ кіевской области говоритъ краника лѣтописца подъ 1095 г., что саранча шла «къ полунощнымъ странамъ, ядуща траву и проса». Въ землѣ Болоховской Татары не тронули жителей (1241 г.), «да имъ орють пшеницу и проса» [184]). Въ одной изъ редакцій Руской Правды (XV в.) упомянуто о полбѣ и ячменѣ: «а полбы немолоченые 15 копенъ, а на то прибытка на одно лѣто семь копенъ. А ячмень молоченый 6 половникъ, а на то прибытка на одно лѣто три половникы» [185]). Слѣд. до XV ст. Русскіе сѣяли рожь, овесъ, пшеницу, просо, полбу, ячмень, ленъ, коноплю, горохъ, чечевицу; о гречѣ нѣтъ помину [186]).

Сѣно убирали такъ же, какъ и теперь: косили косой, клали въ копна и стога; въ XIV ст. въ стогу полагали

---

[182]) Чт. въ общ. истор. 1858 г. кн. 3.

[183]) Лавр. 55. Рус. Пр. I, 7. Въ Вопросахъ Кирика замѣчено: «А крестити на блюдѣ, развѣ сочива, вся: горохъ, боръ, сопевица, равифъ на 4 части всопше со пшеницею и съ конопляни, а овощь, который имѣюче.» Пам. XII в. 180. Сказ. Рус. Нар. II, VIII, 12. 18.

[184]) Полн. Собр. Лѣт. VI, 82. Въ 1289 г. Мстиславъ установилъ на Берестьянахъ со всякаго ста по 15 десятковъ льну, по сту хлѣба, по 5 цебровъ овса, по 5 цебровъ ржи. Ипат. 225. Лавр. 98. Ипат. 180. О гречѣ упоминается уже въ 1561 г. А. Эксп. 1, № 258.

[185]) Рус. Пр. III, 60, 62.

[186]) Эти хлѣба упоминаются въ юго западной Россіи, но всѣ ли эти виды хлѣбныхъ растеній разводились въ сѣверо-восточной Руси,—это неизвѣстно.

30 кучь. Обножати, наволоки, пожни или *рели* продавали и отдавали по завѣщанію [167]).

О мельничномъ производствѣ въ древнюю пору на Руси мало сохранилось свѣдѣній, извѣстно только, что тогда употреблялись жернова ручные домашніе для приготовленія муки, соли, какіе и теперь нерѣдко встрѣчаются у крестьянъ по селамъ. Въ житіи Ѳеодосія Печерскаго, по списку XIII или XIV в., говорится, что у матери его, богатой вдовы, были такіе жернова. Когда Ѳеодосій хотѣлъ съ странниками уйти въ Іерусалимъ, «мати же его увѣдѣвши біющи и влекущи приведе и, прикова и къ жрьнъвамъ и повелѣ представляти ему жита да мелеть, инѣщи тѣмъ посрамити его, онъ же безпрестани я меля труждшесе». Въ Печерскомъ монастырѣ всѣмъ монахамъ раздавали жито и они приготовляли муку ручными жерновами: «жито купяху, и се раздѣляхуть, да къждо въ нощи свою часть измеляшеть на строеніе хлѣбомъ». Ѳеодосій по своему трудолюбію мололъ за всѣхъ во время ночи: «смиляше коегождо жито и полагаше на мѣсто его.» Количество хлѣба, которое смалывалось на ручныхъ жерновахъ, иногда доходило до значительной степени: инокъ Ѳедоръ былъ очень трудолюбивъ, разсказываетъ Патерикъ печерскій, «постави же въ пещерѣ жерновы, и отъ сусѣка пшеницу взимая, и своими руками измеляше; по вся нощи безъ сна пребывая, тружаяся въ дѣлѣ и въ молитвѣ, заутра жъ въ сусѣки муку даяше... Нѣкогда привезену бывшу житу отъ селъ; инокъ Ѳедоръ 5 возовъ ссыпа жито въ сосуды, нача молоти въ жерновы... Бѣсъ за него все измололъ» [168]). Кромѣ ручныхъ жерновъ, устроивались и мельницы, кажется, исключительно водяныя. О мельницахъ юго-западной Руси упоминается въ древнихъ актахъ такъ же, какъ и о мельницахъ сѣверо-восточной половины, съ XIII столѣтія. Въ ярлыкѣ хана Менгу-Темира (1267 г.) въ числѣ предметовъ владѣній духовенства говорится и о мельницахъ. Въ жалованныхъ грамотахъ XIV

---

[167]) А. Юж. и Зап. Рос. I, №№ 1 и 6. А. Экспед. I, № 11. № 16. *Релью* называется лугъ, затопляемый полою водою. I Новг. 81. Доп. къ А. Ист. I, № 22. Рус. Пр. II, 78. *Наволокомъ* называется низменный лугъ, вдающійся въ воду. Изв. Акад. II, 199. Грам. ок. 1350 г. въ А. Юрид. № 409. 111, V

[168]) Ркп. Рум. Муз. № 319 л. 111. Также въ Чт. общ. ист. 1858 кн. 3. Патерикъ Рум. Муз. 1462 г. № 305 л. 228. Ник. IV. 217.

в. нерѣдко упоминаются села съ ставы и *мельницы* [189]). По духовному завѣщанію 1389 г., Д. Ив. Донской отказалъ княгинѣ село Семцинское на Яузѣ съ мельницею. Смолотую муку просѣвали сквозь рѣшето или сито, потому что подъ 997 г. лѣтописецъ упоминаетъ объ отрубахъ. Въ житіи Ѳеодосія келарь говоритъ настоятелю: «яко азъ самъ пометохъ сусѣкъ тъ, и нѣсть въ немъ ничьсо же развѣ мало отрубъ въ углѣ единомъ» [190]).

Землей въ древней Руси могли владѣть всѣ классы общества, исключая несвободныхъ людей; рабочихъ было мало и землевладѣльцы наперерывъ стремились перезывать ихъ, давая имъ льготы. Кромѣ рабовъ, земли обработывались оброчниками — половниками и наймитами, которые имѣли право свободнаго перехода съ одной земли на другую; обработка производилась подъ гарь и такъ же, какъ и теперь, и тѣми же завѣтными орудіями, и хлѣбныя растенія разводили тѣ же, какія теперь сѣятся, исключая гречи. Мельницъ упоминается очень мало и то уже въ XIV столѣтіи; болѣе употребительны были ручные жернова.

е) огородничество и садоводство.

Огородничество и садоводство въ древней Руси плохо процвѣтало и едва ли восходило на степень промышленно-

---

[189]) Въ 1375 г. марта 17 подольскій князь Александръ Коріатовичъ далъ Смотрицкому-Доминиканскому монастырю жалованную подтвердительную грамоту на мельницу съ находящеюся при ней землею и угодьями и съ обязательствомъ, чтобы монастырскіе люди участвовали въ исправленіи городскихъ укрѣпленій и въ платежѣ татарской дани. «Дали есмо на вѣки той млинъ и мѣсто у млина къ церкви.... А кого коли испрячуть людій къ себѣ у томъ мѣстѣ у млина, тыѣ люди далъ есмь имъ со всѣмъ правомъ: але то што жъ коли вси бояре и земляне будуть городъ твердити, тогды тыи люди такожъ имають твердити городъ Смотричь.... Што дуброва межи Ходорковымъ селомъ, тоѣ доброва половина къ млину, а въ полѣ когдѣ собѣ проорутъ нивы, то ихъ имѣеть прислушати». Зубрицкаго, о червон. Руси; грам. № 3. А. Зап. Р. 1, № 4: Собр. грам. II. 6.

[190]) Въ духовной грамотѣ князя Владиміра Андреевича 1410 г. упомянуты села: «Поповское на Коломенкѣ съ мельницею; Колычевское на Неглиннѣ мельница; Курьясово съ луги, да на устьи Мьстици мельница, Косино съ тремя озеры да мельница на усть Яузы». Собр. грам. 1, № 34. № 40. Въ с. Луцинскомъ на Яузѣ была мельница. Ник. IV, 189. Лавр. 55. Чт. въ общ. Ист. 1858. кн. 3. Подъ *сусѣкомъ* разумѣется закромъ въ клѣти или въ амбарѣ.

сти. Плодовъ своихъ было мало и добывали ихъ отъ Грековъ. Олегъ захватилъ въ 907 году съ собой въ Русь плоды изъ Царяграда: «неся золото, и паволокы, и овощи, и вина и всяко узорочье.» Въ 1228 году Ярославъ жаловался на Псковичей: «везлъ есмь былъ въ коробьяхъ дары, поволокы и овощь, а они мя обьсчествовали» [191]). Здѣсь овощь разумѣется иностранный, потому что относится къ числу дорогихъ подарковъ вмѣстѣ съ паволоками. Впрочемъ о существованіи огородовъ на Руси сохранились извѣстія изъ отдаленныхъ временъ. Монахи Кіево-печерскіе при Ѳеодосіѣ въ XI ст. занимались огородничествомъ: «въ оградѣ копаху зелейнаго ради растенія» [192]). Епископъ суздальскій Симонъ пишетъ, что келья, огородъ и книги Николы-Святоши еще цѣлы были въ его время. Въ сказаніи о чудесахъ Бориса и Глѣба повѣствуется о хромомъ сынѣ огородника: «Бысть мужъ именемъ Миронѣгъ, иже бѣ огородникъ Вышегородѣ»... Въ другомъ спискѣ читаемъ: «Бяше человѣкъ Вышегородѣ старѣй огородникомъ, зовемь бяше Жьдань по мірскому, а въ крещеніи Никола»... На основаніи этого можно заключить, что огородничествомъ занимались въ городахъ отдѣльные промышленники и овощи шли въ продажу. Огороды обокновенно разбиваемы были около городовъ *въ болоньи*, подъ которымъ разумѣется низменное мѣсто около рѣки ([193]). Въ житіи Авраамія смоленскаго, писанномъ ученикомъ его Ефремомъ (1224—37 г.), сказано, что Игнатій епископъ смоленскій внѣ града нашелъ мѣсто ровное, чтобъ создать церковь и монастырь, «и скупи огради овощныя окрестъ града и постави церковь». Значитъ, огороды шли въ продажу и составляли частную собственность. Въ договорной грамотѣ Василія Димитріевича съ дядей 1389 г. выговорено условіе: «А кого собѣ вымемъ огородниковъ и мастеровъ и мнѣ в. князю съ бра-

---

[191]) Лавр. 13. Новг. 43.

[192]) Рум. Муз. ркп. № 305 л. 38. Объ огородѣ упоминается въ ярлыкѣ 1207 г.; въ грам. 1192 г. Варлаама Хутынс. I Новг. 80. Ипат. 24. 101. 114. Въ 1151 г. Черные Клобуки около Кіева «села пожгоша и огороды вcѣ присѣкоша».

[193]) Пам. XII в. стр. 252. Сказ. о Бор. и Гл. 73. 77. Ипат. 43. Лавр. 139. Ист. г. рос. II, стр. 174. Въ 1091 и 1169 г. родилось много плодовъ; а въ вопросахъ Кирика замѣчено о плодахъ приносимыхъ въ церковь. Ник. I, 116. Пам. XII в. стр. 180.

тьею два жеребья, а тобе брате треть»[194]); изъ этого видно, что огородниками князья очень дорожили.

Въ новгородской области въ огородахъ и въ поляхъ разводили рѣпу; *рѣпища* были иногда рядомъ съ огородами и гумномъ. Въ купчихъ XIV стол. упоминаются постоянно рѣпища, напр. вотъ образчикъ: «Купилъ Михайло Ofрамѣевичь у попа Ортемья село въ Кехтѣ Малой, дворъ, дворище, на горѣ орамыи земли, притеребы, въ островѣ орамыи земли, пожнѣ, рѣпища, притеребы, тони и прикупныя земли и ловища всякія того села, далъ 9 сороковъ бѣлкѣ а теличу пополонка». Игуменъ Василій, Николаевскаго Чухченемскаго монастыря, далъ своей обители гумнище Урвановское «двое гоны (заговы) земли Урвановской.... За овиномъ гоны земли, а овинъ стоитъ и гумнищѐ», идучи къ Кутцу притеребы на *рѣпищи*, притеребъ и вобчихъ треть и дву мѣстѣ съ переложки.» Рѣпа въ Новгородѣ продавалась иногда дорого, особенно въ голодные годы, когда она могла служить подспорьемъ хлѣбу; такъ въ 1215 г. былъ «рѣпѣ возъ по двѣ гривнѣ» [195]). Кромѣ рѣпы, въ употребленіи у нашихъ предковъ была капуста; въ 1150 г. смоленскій князь Ростиславъ Мстиславичъ пожаловалъ еп. Мануилу «на горѣ огородъ съ капустникомъ и съ женою и съ дѣтьми» [196]). Въ XI в. въ Кіевѣ сѣяли макъ, потому что онъ былъ въ употребленіи у кіевскихъ иноковъ; имѣли также понятіе Русскіе о тыквѣ, бобахъ, чеснокѣ и лукѣ [197]). Употребленіе хмѣля извѣстно было тамъ еще во времена Владиміра, который заключилъ миръ съ Болгарами (987 г.),» пока камень начнетъ плавати, а хмѣль погрязнетъ». Въ новгородской области разводили хмѣль на поляхъ, и мѣста эти называемыя *хмѣльниками* продавались вмѣстѣ съ землею, какъ и рѣпища. Въ купчихъ XIV—XV в. упоминаются хмѣльники,

---

[194]) Прав. Собес. 1859 г. Окт. и Дек. — Житіе напечатано по рукописи, писанной въ 1558 г. въ Калугѣ. Собр. грам. I. № 35. стр. 64.

[195]) А. Юр. № 469, V. Времен. XVI. Новг. душ. грам. XIV в. I Новг. 83.

[196]) А. Ист. I, № 4. Подъ 1477 г. лѣтописецъ говоритъ: «повезе-Псковитинъ съ огорода капусту черезъ Торгъ мимо княжей дворъ и шестникъ похитивъ силою наручье тое капусты, даде княжему борану». II Пск. 37. *Свекла* извѣстна была нашимъ предкамъ: ея древнее названіе (*севклъ* — σεῦτλον) показываетъ, что она принесена въ Россію изъ Греціи.

[197]) Житіе Өеодос. въ Чт. общ. Ист. 1858 г. кн. 3, 43. Сл. И. И. Срезн.

которые составляютъ необходимую принадлежность селъ вмѣстѣ съ выгономъ: на низу куплены 3 села у Яковли курьи и «ловища тихъ селъ и кнѣльники тихъ селъ и подскотины (выгонъ), половина той подскотины другимъ тремъ селамъ» [198]).

Хотя о садахъ упоминается въ древнихъ памятникахъ не рѣдко; но въ самыхъ неопредѣленныхъ чертахъ, такъ что нельзя составить точнаго понятія о размѣрахъ древняго садоводства. Только можно сказать, что на югѣ Россіи оно было сильнѣе развито, чѣмъ на сѣверѣ. Въ Кіевѣ были сады у монаховъ Печерскихъ. У монаха Григорія былъ свой садикъ: «имѣяше же сей блаженный малъ оградецъ, идѣже зеліе сѣяше и древа плодовита и на сей паки пріидоша татіе». Но попытка ихъ—ночью обобрать плоды, не удалась: одинъ воръ влѣзъ на яблонь и сталъ рвать яблоки, но сорвался и «летя, ятся ризою за вѣтвь и удавися ожереліемъ» [199]). Въ житіи Авраамія смоленскаго сказано: «Бывшу же бездождію великому во градѣ, яко иасыхати земли и садамъ и нивамъ и всему плоду земному»,—Игнатій епископъ смоленскій молился. Въ 1259 г. въ Холмѣ Данилъ «посади садъ красенъ» [200]). Въ XIV стол. были сады въ Москвѣ, потому что въ завѣщаніи Владиміра Андреевича сказано: «А князю Ивану на Москвѣ.... *Бутовъ садъ*.... князю Семену за Неглимною *Тереховъ садъ*.... Ярославу, Ондрею ... Василію далъ есмь имъ *Чичаковъ садъ* на трое». Конечно, это завѣщаніе писано въ 1410 г. и въ 10 лѣтъ можно развести два сада; но сады въ Москвѣ были и до XV в., что можно видѣть изъ договорной грамоты в. к. Семена Ивановича съ братьями, въ ней упоминаются садовницы [201]). Подъ 1421 г. въ новгородской лѣтописи говорится: «За умноженіе воды еще же.... и ограды садовные разбіени быша, и иже въ нихъ древеса плодовита искоренена и погублена, отъ бури вѣтреныя». Безъ всякаго сомнѣнія, эти сады по Волхову разведены были не вдругъ и не съ XV стол., а существовали раньше, какъ можно предположить на ос-

[198]) А. Юр. I, № 71. VII и др.

[199]) Патер. по сп. 1462 г. Рум. Муз. № 305, л. 181. 184.

[200]) Прав. Соб. 1859 г. кн. 12. Ипат. 197.

[201]) Собр. гр. I, № 23. № 40. 36. 74. 76. 79. Въ древнемъ языкѣ есть слова: *вишня, черешіе, яблъко.*

нованіи одного простаго упоминанія о яблокахъ. Лѣтописецъ подъ 1159 г. отмѣтилъ: «На туже осень зѣло страшно бысть, громъ и молвія, градъ же яко яблъковъ болѣ». Въ 1392 г. крестьяне Константиновскаго монастыря были обязаны «сады оплетать»[202]). Въ поученіи, начало котораго можно относить къ XIV вѣку, по преслѣдованію суевѣрій говорится: «Бѣса глаголемаго трясцею творять, отгоняюще и еллинска пишутъ на яблоцѣ слова и кладуть и на престолѣ въ годъ службы»[203]). Въ словѣ о Донской битвѣ есть такого рода выраженіе: «И въ саду Панфиловѣ сынове рустіи наступиша поля коломенскія»[204]). Кажется, этотъ садъ существовалъ въ предѣлахъ Коломны, и Панфилъ не есть лицо выдуманное.

Но во всякомъ случаѣ, въ сѣверо-восточной Руси плодовъ и овощей было мало; если разводились они, то преимущественно для домашняго обихода. Итальянскій путешественникъ Іосифъ Барбаро, бывшій въ Москвѣ 1439 г. говоритъ: «Плодовъ здѣсь никакихъ нѣтъ, кромѣ небольшаго количества яблоковъ, орѣховъ и лѣсныхъ орѣшковъ«.[205]).

7) Солевареніе.

Въ юго-западной Руси соль добывалась при Карпатскихъ горахъ — въ Удечѣ, Коломыѣ и Перемышлѣ и доставлялась въ Галичь и кіевскую область. Въ печерскомъ Патерикѣ сохранился драгоцѣнный фактъ въ отношеніи русской соляной промышлености: «Егда же Святополкъ съ Давыдомъ Игоревичемъ рать зачаста про Василькову слѣпоту, его же ослѣпи Святополкъ, и слушавъ Давыда Игоревича съ Володиміромъ и съ самимъ Василькомъ, и не пустиша гостей изъ Галича, ни людей изъ Перемышля— и не бысть соли во всей Русской земли, сицевая неуправленія быша; ксему же и грабленія беззаконная... Ни имѣяху бо ни пшеницы (ни жита), ни соли, чѣмъ бы скудость

---

[202]) II Новг. 139. 1 Новг. 12. А. Эксп. I, № 11.
[203]) По спис. XV или XVI в. Прав. Собес. 1859 г. кн. 4.
[204]) Рус. Истор. Собрн. III, 22.
[205]) Библ. иност. пис. о Рос. т. 1, стр. 58. Спб. 1836 г. изд. Семеновъ.

препроводити»... Инокъ Прохоръ раздавалъ народу соль даромъ; «и бѣ видити торжище упражнено, монастырь же полнъ приходящихъ на пріятіе соли,—и оттого воздвижеся зависть отъ продающихъ соль... мнѣвше собѣ въ тыи дни богатство много пріобрѣсти въ соли... прежде драго продаваху—(цѣняше) по двѣ *головажени на куну*, нынѣ же по 10,—и никто взимаше (не обрѣтошѣ). И ставше вси продающе соль, придоша къ Святополку и навадиша на мниха... Мы обнищахомъ», говорили князю; онъ же захотѣлъ имъ угодить, и распорядился-было ограбить чернеца и возвысить цѣну многу соли. Святополкъ сослалъ Прохора въ Туровъ, но возвратилъ съ честію, убоялся Мономаха. «Тогда совѣща Святополкъ съ совѣтники своими да цѣна соли будетъ многа и да отъемъ у Прохора, самъ продаетъ оную чрезъ своихъ.» [206]). Изъ этого разсказа можно вывести заключенія, что 1) въ кіевскую область шла соль главнымъ образомъ изъ галицкой и перемышльской стороны; 2) Печерскій монастырь снабжалъ жителей Кіева солью изъ своихъ запасовъ; 3) князья торговали въ Кіевѣ солью изъ барыша и Святополкъ, по совѣту корыстолюбивыхъ людей, хотѣлъ монополіей выручить много прибыли; 4) въ Кіевѣ существовали продавцы соли, которые хотѣли безчеловѣчно воспользоваться недостаткомъ соли, «мнѣвше собѣ въ тыи дни богатство много пріобрѣсти», и возвысили цѣну соли въ 5 разъ выше обыкновенной; 5) князь позволялъ себѣ вмѣшиваться въ торговыя дѣла и мирволилъ купцамъ, отъ которыхъ, вѣроятно, была ему пожива: «хотя имъ угодити»... На привозъ соли изъ галицкой области указываетъ еще слѣдующее обстоятельство: въ 1164 г. «Божіимъ попущеніемъ умножившюся дождю, внезапу въ одинъ день и нощь, пойде вода изъ Днѣстра велика въ болонье, и взиде оли до Выковаго болота, и потопи человѣкъ болѣе 300, иже бяху пошли съ солью изъ Удеча, и многы человѣкы снимаху съ древъ и кола, иже бѣ вода възметала; много же иніи потопе; и бысть въ нихъ жатва дорога рамяно на ту зиму». — Въ 1242 г., когда Доброславъ принялъ все Понизовье въ галицкой землѣ, а Григорій Васильевичъ Горную страну, — в. к. Данилъ

---

[206]) Рки. Рум. Муз. № 305 л. 207 — 210. Также въ печат. Патер. 145.

послалъ стольника къ Доброславу сказать: землю грабите; черниговскихъ бояръ не велѣлъ я принимать, но волости дать галицкимъ, «а коломыйскую соль отлучити на мя». А Доброславъ отдалъ Коломыю Лазарю Доманиричу и Ивору Молибожичу. Яковъ стольникъ сказалъ: «како можеши безъ повелѣнія княжа отдати ю сима, яко велицiи князи держать сію Коломыю на раздаваніе оружьникомъ; си бо еста недостойна ни Вотьнина держати»; а они отъ племени смердья. Солеломни эти находились близь сѣвернаго берега Прута. Соль добывали Русскіе также въ Крыму: тамъ Рубриквисъ видѣлъ въ 1252 г. большія соленыя озера, приносившія богатыя выгоды ханамъ татарскимъ; и. ч. соль оттуда развозилась по всей Россіи, а моремъ по всему Черноморью, какъ продолжается до настоящаго времени [207]).

Въ сѣверной Руси добывалась соль въ Поморьи сѣвернаго океана и оттуда шла она въ Новгородъ и Псковъ. Въ уставной грамотѣ князя Святослава Ольговича, данной новгородскому Софійскому собору въ 1137 году, опредѣлено собирать доходу съ соляныхъ варницъ: «*на мори отъ чрена и отъ салы по пузу*» [208]). Въ новгородской области соль добывалась до XV стол. гдѣ-то въ Новоторжской волости. Димитрій Донской, послѣ нашествія Тохтамыша, взялъ *черный боръ*, а въ чемъ состоялъ этотъ черный боръ показываетъ грамота, данная Василіемъ Васильевичемъ по новгородскимъ волостямъ. Условія остались тѣже, конечно, потому что Новгородцы сильно всегда стояли за старину, и въ самой грамотѣ сказано: «Брать в. князя черноборца, на новоторжскихъ волостяхъ на всѣхъ, *куда пошло по старинѣ* съ сохи по гривнѣ новой, да писцу княжому мортька съ сохи... лодья за двѣ сохи, црѣнъ за двѣ сохи». Выварка соли производилась также въ двинской области, о чемъ

---

[207]) Ипат. 62. 179. Ист. гос. р. IV. 20. Чт. общ. Ист.1862 г. 3. IV, 171.

[208]) Рус. Дост. I, 82—85. Црѣномъ или чреномъ называлась большая желѣзная сковорода, въ которой кипятили морскую воду или разсолъ и вываривали соль; теперь эта чаша носитъ названіе *цырены*. *Салою* называется большой котелъ, употребляемый также для выварки соли въ двинской области. Ист. Гос. р. II, пр. 267. *Пузомъ* доселѣ зовется въ архангельскихъ соловарняхъ мѣшокъ соли въ два четверика. Рус. Дост. I, 139. Всеволодъ новгородскій далъ Юрьеву монастырю пятно да 10 конюховъ соли. Ист. р. Цер. III, I, 467.

свидѣтельствуетъ купчая Чухченемскаго монастыря: игуменъ Василій купилъ за волокомъ земли съ водами «и соляныя мѣста» [209]. Въ новгородской области дѣлали частые опыты по производству соли. Къ пергаменной закладной XIII или XIV в. пришивъ лоскутокъ бумаги съ письмомъ одного почерка съ закладной;—на немъ написано: «А что есть на бору колодезь солоной, отъ а колодязь Ѳедору и Лаврентѣю и Обросиму истьцистити да и цѣрѣнъ наставити да пытати варить по досугу, а будетъ въ росоли прокъ, а иметъ быти, дасть Богъ, соль—ино Ѳедору у Обросима и у Лаврентѣя и до сроку своихъ кунъ взяти половина, 5 сороковъ бѣлъ, а земли половина студьти цистъ безъ брани, а половина земли по записи владѣти Ѳедору другою до срока 10 лѣтъ» [210]. Въ Старой Русѣ соль добывали съ раннихъ поръ; подъ 1363 г. лѣтописецъ сдѣлалъ отмѣтку: «на Рухѣ поставиша двѣ варници соль варити,—и не бысть и повергоша». Въ 1403 г. поставиша купци новгородскіи, *прасолы*, въ Русѣ церковь каменну св. Борисъ и Глѣбъ [211]. Если въ началѣ XV в. была цѣлая богатая корпорація въ Новгородѣ купцовъ торгующихъ въ Русѣ, поставившихъ каменную церковь; то на извѣстіе о двухъ брошенныхъ варницахъ можно смотрѣть не какъ на первую неудачную попытку выварки соли, а скорѣе какъ на опыты—завести еще новыя варницы въ другихъ мѣстахъ. Въ XIV в. въ псковской области соль добывалась, кажется, у посада *Сольцъ*: въ 1390 г. Новгородцы пошли на Псковъ, но «взяша миръ и воротишася отъ *Сольцъ*» [212]. Въ Галичѣ (костр. губ.) соль добывалась, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, еще въ началѣ XIV стол. Въ духовной грамотѣ галицкаго князя Юрія Димитріевича (около

---

[209]) А. Э. 1, № 32. А. Юр. 1, № 71, XXVI. П. С. Лѣт. VI, 123. *Прибыточныя мѣста* были также у р. Созвы, впадающей въ Бѣлое море недалеко отъ Архангельска. А. Юр. стр. 113. А. Ист. 1, № 17. Другія мѣстности, наприм. *Соломбала*, *Соленая рѣчка* (А. Ист. IV, стр. 405), *Соловецкій островъ*, *Солодыревщина*, *Соломанъ* въ обонежск. пят., *Солоозеро*, *Соляное оз.* (А. Ист. 1, 23. 69. 453. II, 98. 113), *Солецкій* погостъ, *Усолка* р., *Усолье*, *Усольскій* островъ, *Усоличи*, Усольскій волокъ (А. Эксп. 1, 73. 133. 416. III, 165. 167. 452. А. Ист. III, 316)—получили названіе отъ соли, добываемой въ этихъ мѣстахъ, равно какъ и *Солотча*; см. Чт. Общ. Ист. 1846 г. № 3. смѣсь, 95.

[210]) А. Юр. б. II, стр. 3—4.

[211]) 1 Пск. 192. 1 Новг. 102.

[212]) 1 Новг. 95. Здѣсь названіе можетъ служить опорой мнѣнія.

1434) читаемъ: «А чѣмъ мя благословилъ отецъ мой великій князь Галичемъ, *дѣда своего куплею*, и азъ благословляю сына своего Димитрія меньшаго городомъ Галичемъ и съ станы городскими и со всѣми волостями и солью съ варницами и съ серебромъ, что на людяхъ опричь церковныхъ варницъ».... [213]) Извѣстно, что Галичь купленъ дѣдомъ в. к. Димитрія, И. Д. Калитою; въ то время варницы въ Галичѣ уже существовали, потому что упомянуты въ числѣ купли. Владѣльцы соляныхъ галицкихъ варницъ были различные, смотря по тому, кому жаловалъ ихъ в. князь московскій. Въ завѣщаніи Димитрія Ивановича 1389 г. отдается княгинѣ «у князя Юрья изъ Галича соль». Въ кормовой книгѣ 1643 г. сказано, что Д. И. Донской далъ Симонову монастырю воды на Волгѣ, да у Соли Галичской колодязи соляные, да варницы, да дворище дровяно, да дворъ на пріѣздъ старцамъ и слугамъ; да сельцо Борисовское съ деревнями по своей душѣ на поминокъ въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ» [214]). А что дѣйствительно это вѣрно и фактъ заимствованъ изъ древнихъ грамотъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія: есть указаніе, что Донской раздавалъ монастырямъ села, земли и воды, какъ пришелъ съ Мамаева побоища [215]); въ началѣ XV в. монастырь Симоновъ дѣйствительно имѣлъ свои варницы у соли Галицкой. Въ 1391 г. уже были варницы тамъ Троицкаго-Сергіева монастыря, перешедшія къ нему въ этомъ году по данной грамотѣ частнаго владѣтеля: «Се азъ Семенъ Өедоровичъ, далъ есмь св. Троици и старцю Сергѣю и Игумену Никону зъ братьею половину своее варници и половину колодязя, что у соли у Галицкіе, что на подолцѣ, что варилъ мой соловарь на мене, со всими тѣми пошлинами» [216]) Посмотримъ не было ли еще гдѣ соляныхъ варницъ на Руси. Въ духовной грамотѣ Владиміра Андреевича 1410 г. читаемъ: «а соль на Городцѣ дѣти мои князь Семенъ.... Ярославъ вѣдаютъ съ одного, а дѣлятъ себѣ на полы, опричь Өедоровскія варници, безъ повѣленія дѣтей моихъ». Слѣдовательно на Городцѣ было нѣсколько варницъ, которыми

---

[213]) С. грам. I, № 51.

[214]). С. г. гр. I, № 34. Ист. гос. р. V, пр. 122 137, 222. 244. 428. П. С. Лѣт. VI, 122

[215]) Ник. л. IV. 227. 230.

[216]) А. Юрид. б. I, № 63, стр. 441.

владѣлъ князь до 1410 г. По духовной грамотѣ в. к. Василія Димитріевича 1423 г. отказаны княгинѣ изъ Костромы Иледамъ, да Нерехта и съ варницами и съ бобровниками и съ бортниками [217]). Въ 1447—53 в. к. Василій Васильевичъ далъ льготы «по отца своего грамотѣ» варницамъ Троицкаго Сергіева монастыря; а также въ 1425—28 г. освободилъ отъ всякихъ пошлинъ ихъ же 4 варницы у соли Переславской. Въ 1447—56 г. Симонову монастырю въ Ростовѣ у Ростовской соли принадлежала варница съ црѣномъ, чернецъ далъ [218]). Лично мы увѣрены въ томъ, что соляныя варницы существовали до XV стол. въ Городцѣ, Нерехтѣ, у Ростовской соли и у соли Переславской, хотя на это нѣтъ фактовъ ранѣе первой половины XV стол. Производство соли шло очень просто: въ мѣстахъ богатыхъ солью рыли колодязи, дѣлали въ нихъ растворъ, ставили около нихъ большіе желѣзные котлы или *салги* и желѣзныя сковороды или *црѣны*, наливали въ нихъ разсолъ, посредствомъ кипяченія выпаривали воду — и оставалась одна соль. На соляныхъ варницахъ существовали дровяные сараи.

Стало быть солевареніе производилось преимущественно въ сѣверо-восточной Руси и въ Галиціи, и составляло отрасль промышленности.

в) Приготовленіе пищи и питья.

Въ XI ст. на Руси изъ ржаной муки пекли хлѣбы кислые, подмѣшивая дрожжи; по преданію, въ Кіево-печерскомъ монастырѣ при Ѳеодосіѣ, «бѣсы овогда муку разсыпающе, иногда же поставленный квасъ на устроеніе хлѣбомъ разливаху». [219]). Съ раннихъ поръ умѣли Русскіе растить и приготовлять солодъ,

---

[217]) Собр. гр. I, № 40 и № 41.

[218]) А. Юрид. б. I, № 31, 34 и 63. Въ болѣе позднее время упоминается соль *русская, соль нѣмецкая*, соль *морянка*, т. е. добываемая изъ морской воды. А. Эксп. I, № 282.

[219]) Ркп. Рум. Муз. № 305, л. 43. Житіе Ѳеод. 21. Хлѣбы дѣлали въ видѣ ковригъ и короваевъ; краюха носила названіе укруха Лавр. 79. Опис. Рум. 228. Ковриги дѣлали особой формы, *на три углы*. Лавр. 193. О преп. Сергіѣ замѣчено: «просвиры самъ печаше, и пшеницу толчаше и меляше, и муку сѣяше и тѣсто месяше и квасяше.» Ник. IV, 222.

онъ шелъ для варки пива; въ постановленіи Ярослава вирнику положено «брати 7 ведеръ солоду на недѣлю». Подъ 1413 г. говорится, что бѣдные употребляли въ пищу овсяные хлѣбы.[220]). Изъ овса дѣлали кисель и ѣли его съ сытой; по преданію, сообщаемому начальной лѣтописью, старикъ бѣлгородскій, при осадѣ Печенѣгами города въ 997 г., велѣлъ сдѣлать женщинамъ *цѣжь* изъ отрубей, овса и пшеницы: «И повелѣ женамъ сотворити цѣжь, въ немъ же варять кисель... и повелѣ искати меду и разсытити *велми* и въльти въ кадь... и яко свариша кисель и почерпоша сыти, и почаша ясти». Объ употребленіи пшена свидѣтельствуетъ Русская Правда. При Ярославѣ вирнику велѣно давать 7 хлѣбовъ на недѣлю, *пшена 7 уборокова*, *гороху 7 уборокова*, овса на 4 лошади. Въ Кіевѣ во времена Өеодосія уже извѣстно было пшено, и изъ него навѣрно приготовляли кашу, какъ было позже: въ 1224 г. «оженися князь Олександръ сынъ Ярослава въ Новгородѣ поя въ Полотьскѣ у Брячеслава дчерь, и вѣнчася въ Торопчи, ту кашю чини, а въ Новгородѣ другую».[221]). Въ монастырѣ Кіево-печерскомъ былъ въ ходу горохъ; въ посланіи Симона къ Поликарпу 1223 г. написано: «Свидѣтель ми Богъ, яко ни чему же не присяглъ ко иному брашну, развѣ четверти укруха хлѣба и гороху устроеннаго на св. братію».[222]). Изъ пшеничной муки приготовляли просфоры и продавали ихъ: Өеодосій въ Курскѣ початъ пещи просфоры и продати — болѣе двухъ лѣтъ онъ занимался этимъ; на вырученныя деньги покупалъ снова муку для просфоръ, а остатокъ раздавалъ убогимъ. При Өеодосіѣ въ Курскѣ часто не бывало богослуженія по недостатку просфоръ; по этому можно думать, что тамъ или не умѣли ихъ печь, или не было хорошей муки. Въ Печерскомъ кіевскомъ монастырѣ дѣлали хлѣбы пшеничные; Өеодосій въ нѣкоторые дни позволялъ инокамъ готовить пищу хорошую: «Хлѣбы чисты зѣло, друзіи же отъ

---

[220]) Рус. Пр. II, 7. Никон. лѣт. V, 48. Въ древнемъ языкѣ упоминается хлѣбъ *ячень*.

[221]) Лавр. 55. Рус. Прав. II, 7. I Новг. 52. Овсяная крупа также употреблялась въ пищу и называлась *засной*. Ист. Гос. Рос. VI, пр. 362. Въ древнемъ языкѣ встрѣчается названіе *крупъ пшеничемъ*. Уборокъ въ Ист. Гос Р. II. пр. 104

[222]) Памят. XII в. 85.

нихъ съ медомъ и съ маномъ творени», въ родѣ сладкихъ пироговъ. Онъ же говорилъ келарю: «свари пшеницу и смѣсивъ съ медомъ представиши на трапезѣ братіи». Кутья приготовлялась въ видѣ каши изъ пшеницы. Въ правилахъ Владимірскаго собора 1274 г. находится извѣстіе, что въ новгородскихъ странахъ, «нѣціи несвященіи освящаютъ приносимая къ церкви плодоносія, рекше крупы, или кутья за мертвыя» [223]).

Изъ конопляннаго и льнянаго сѣмени наши предки выбивали масло. Въ вопросахъ Кирика есть повелѣніе епископа Нифонта—не давать масла чернецамъ въ среду и пятокъ, хотя будутъ тропари. Очевидно, масло здѣсь разумѣется постное. За недостаткомъ деревяннаго масла, выбивали иногда масло изъ льнянаго сѣмени для освѣщенія церкви. Въ житіи Θеодосія упомянуто, что однажды зеліе сварено было безъ масла, потомъ далѣе прибавлено: «помысли строитель въ сѣмени льнянѣмъ избити масла». За недостаткомъ масла, приправой пищи служили растенія; ихъ ѣли вареныя и сырыя. Въ Печерскомъ монастырѣ въ XI стол.. «ови ядуще хлѣбъ съ водою, ови зелье варено, друзіи сыро». Въ Патерикѣ 1462 г. сказано объ инокахъ Кіево-печерской лавры: «не обрѣтше сочива, зеліе сваривше и то ядяху» [224]). О приготовленіи кушаньевъ изъ огородныхъ овощей и плодовъ не сохранилось почти свѣдѣній. Исакій Печерскій два года былъ боленъ «ни хлѣба вкуси, ни воды, ни отъ какого брашна, ни овоща». Въ 1229 г. «Данилъ взя дворъ Судиславль (подлѣ Галича) якоже вино, и овоща, и корма, и копій и стрѣлъ пристраньно видѣти». Сухой виноградъ или изюмъ доставали изъ Греціи: «Подобая сухою стафиліею (виноградомъ) служити или ни?» спрашивалъ Θеогностъ епископъ Сарайскій

---

[223]) Ркп. Рум. Муз. № 305 л. 69. Пам.XII в. 109. Мука пшеничная въ греч. подлин. σεμίδαλις. Жит. Θеод. въ Чт. Общ. Ист. 43: Лавр. 118. Опис. Рум. Муз. 229. Въ XIV в. упоминается глѣбы крупичны (Архивъ Калачова 11, полов. 1, въ статьѣ о ражаницахъ); слѣд. до XV в. умѣли Русскіе приготовлять муку бѣлую и мягкую, извѣстную доселѣ подъ именемъ крупчатки.

[224]) Пам. XII в. 174. Въ древнемъ языкѣ употреблено выраженіе—*изобилье конопное*; масло растительное называлось *олу*, *олеумъ*. Ип. 165. Ркп. Рум. Муз. № 305. л. 31. О Θеодосіѣ замѣчено: «бѣ же самъ ѣда хлѣбъ сухъ и зеліе варено безъ масла». Жит. Θеод. въ Чт. Общ. И. 1858, кн. 3, 39. Въ языкѣ встрѣчается названіе—*сочиво квашено*.

у восточныхъ патріарховъ (до 1353 г.) [225]). Вѣроятно, трудно было доставать церковное вино, по этому епископъ и предложилъ такой вопросъ.

Изъ постоянныхъ жалобъ духовенства о неяденіи недозволяемой пищи видно, что дикіе звѣри и птицы служили для Русскихъ предметовъ продовольствія въ значительной степени. Лука Жидята въ 1036 г. убѣждалъ Новгородцевъ: «братіе, не ядите скверна». Въ церковномъ правилѣ митрополита Іоанна Якову Черноризцу (до 1089 г.) объясняется, какую пищу считали скверною, незаконною для ѣды: «а еже емлемыя животны отъ пса ли, или отъ звѣри, или отъ орла, или отъ иноя птича, а умираетъ не зарѣзано будетъ человѣкомъ,—не подобаетъ ясти. И въ великое говенье *мяса* ядятъ и *скверное:* подобаетъ всякымъ образомъ направляти и возбраняти ту злобу наказаніемъ... Аще кто что поганое ясть у своей воли или *медвѣдину* или иное что поганое: митрополиту у винѣ и въ казни». Въ вопросахъ Кирика, предложенныхъ епископу Нифонту до 1156 г., находится между прочимъ извѣстіе, что смерды по селамъ новгородской области ѣдятъ веверечину: «оже то друзіи ядять веверечину и ино» [226]). Изъ этого видно, что употребленіе такъ называемыхъ нечистыхъ животныхъ русское духовенство считало обычаемъ Латинянъ, при сношеніи съ которыми наши предки позволяли себѣ подражать имъ. Конечно, тутъ подражаніе основывалось на давней языческой привычкѣ Русскихъ ѣсть, по словамъ лѣтописца, «вся нечисто». При обиліи дичи въ древнюю пору, страннымъ кажется употребленіе Русскими мертвечины, въ чемъ обвиняли ихъ пастыри церкви; трудно допустить, чтобы была за-

---

[225]) Сказ. о Бор. и Гл. стр. 8. Лавр. 83. Ип. 169. Пр. Филар. ист. Р. Ц. Ш, П. § 18. Объ овощахъ упоминается въ Лавр. 89. П. С. Лѣт. IX, 68. Ник. I. 163. II, 367.

[226]) Рус. Достопам. 1, 10, 90, 91, 100. Въ посланіи Никифора къ Ярославу Святославичу до 1121 г. говорится, что Латины «давленину ядять и звѣроядину и мрътвечину и кровь, медвѣдину, и веверечину, бобровину и вся гнуснѣйшее сего». Истор. Рус. Церк. Макар. II, 322. Въ посланіи Ѳеодосія къ Изяславу Латины укоряются въ томъ, что ядятъ удавленину и бобровину. Уч. Зап. II Отд. Акад. Наукъ II, 2, 212. Въ новгородскомъ чиновникѣ XIV в. предлагается вопросъ въ послѣдованіи исповѣди: «(ци) не ядалъ ли *вѣкшину* или *бобровину* или *конину* въ погани?» Рукоп. Сл. И. И. Срезневскаго. Пам. XII в. 191.

бавная наклонность и смѣшной вкусъ ѣсть мертвыхъ и несвѣжихъ животныхъ, когда ихъ много было живыхъ. Это объясняется тѣмъ, что мертвечиной называли удавленину, животныхъ не зарѣзанныхъ. Къ числу подобныхъ животныхъ относили тетеревовъ, которыхъ обыкновенно ловили силками; о епископѣ Нифонтѣ (до 1156 г.) замѣчено: «а *тетеревину* принесли ему бяху на пиръ и повелѣ ему преметати чресъ тынъ, и причащатися недостоитъ, рече, ѣдше». Сарайскій епископъ Өеогностъ спрашивалъ патріарховъ: «аще ли будетъ ядомый звѣрь, или птица снѣдомая удавится въ силѣ, достоитъ ли то ясти»? Патріархи отвѣчали: «при нужи и потомъ кается» [227]). Въ древнее время употребляли въ пищу зайцевъ, какъ можно видѣть изъ словъ лѣтописи о Владимірѣ, которому внушали проповѣдники не ѣсть заячины. Въ XV столѣтіи на Бѣлоозерѣ продавали зайцевъ на рынкѣ вмѣстѣ съ гусями и другими домашними птицами [228]). Какую дичь и домашнихъ птицъ приготовляли въ домахъ людей зажиточныхъ въ старое время—видно изъ описанія обѣда богача въ словѣ о богатомъ и убогомъ (до 1200 г.): «тъ богато на земли живяше.... на обѣдѣ же служба бѣ многа, сосуди златомъ скованни и сребрьмъ, брашно много и различно: тетеря, гуси, жеравіе, ряби, гулуби, кури, заяци, елени, вепреве, дичина, чамъри, трътъве, печени, кръпанія, шемълизи, пирове, потъкы, множъство *сакачіи* (поваровъ) работаюче и дѣлающе съ потъмь и мнози текуще и на пьрстѣхъ блюда носяще, ини же махающе съ боязнію» [229]).

Изъ Русской Правды видно, что въ древней Руси употреблялись въ пищу говядина и баранина: то и другое поджаривали на угляхъ, какъ Святославъ съ своими воинами, а также варили въ котлахъ [230]). У Владиміра на пирахъ «бываше множество отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины, бяше бо по изобилью отъ всего». Изяславъ спрашивалъ Өеодосія: «аще есть подобно въ день воскресный, еже есть

---

[227]) Пам. XII в. 191. Ист. Рус. Церк. Филар. II, § 18.

[228]) Лавр. 36. Устав. гр. бѣлоз. таможникамъ 1497 г. Ак. Эксп. 1, № 134.

[229]) Изв. Акад. Н. Х., стр. 548. Слово *сокачій, сокаль* значитъ поваръ, *ὁ ὀψονοιός, μάγιρος*—coquus; сокачница, сокальца—coquina, socina. Сл И. И. Срез.

[230]) Рус. Пр. 1. 42, 11, 7.

недѣля, закалати ли волъ, ли овенъ, или птицу, или что отъ тѣхъ, и иже подобно мяса ихъ ясти?» [231]). Очень достовѣрный разсказъ есть у Татищева, что когда Святославъ въ 968 г. выступилъ изъ Переяславца, воевода Волкъ остался въ городѣ и, собираясь убѣжать, «велѣлъ порѣзать всѣхъ коней и солить мяса». Значитъ, соленіе мяса было извѣстно Русскимъ еще въ глубокой древности. Во времена Владиміра шло въ пищу свиное мясо, изъ котораго Русскіе умѣли приготовлять ветчину[232]).

Наши предки, вѣроятно, имѣли также понятіе о приготовленіи свинаго сала, какъ можно заключить изъ словъ митрополита Никифора о Латинахъ, что они ядятъ свиное сало, еже при кожи [233]). Въ XI в. ѣли молоко и яйца; одна бѣдная и больная женщина не ядуще ничтоже, развѣ токмо раздвигаше ей уста, и тако вливаху лжицею или млеко или воду. Изъ молока приготовляли сыръ и масло; въ 1168 г. митрополитъ» запретилъ бѣ Поликарпа игумена Печерскаго про Господскыѣ праздникы, не веля ему ясти масла, ни молока.... князю черниговскому многажды броняшеть ѣсти мясъ въ Господскыѣ праздникы» [234]). Въ древнемъ словѣ, приписанномъ Златоусту, по списку XIV стол. говорится: нроповѣдающе мясъ и молоко и масла и яйца и вся потребная бѣсомъ и на пещь и льюще въ бани, мытися имъ велятъ». Въ церковномъ уставѣ замѣчено: «аще про дѣвку сыръ будетъ краяпъ: за сыръ гривна» [235]).

Рыба была у нашихъ предковъ въ большомъ употребленіи. Въ древнемъ житіи Θеодосія приводится случай, что бояринъ Іоаннъ наполнилъ 3 возы брашна, хлѣбы и рыбу, сочиво жь и пшено, еще и медъ. Въ 1213 г. Данилъ съ

---

[231]) Лавр. 36, 54. Уч. Зап. Акад. Н. II, 2. стр. 213. Истор. Рус. Ц. III, пр. 88. Въ древнемъ языкѣ встрѣчается названіе: стягъ мяса, косякъ мяса, полоть мяса и окорокъ мяса. Собр. гр. II. 54, 55. А. Истор. I, стр. 156, 321.

[232]). Истр. Гос. Рос. I, пр. 398. Рус. Пр. II, 7. Слово: ветчина, вядчина значитъ вяленое мясо.

[233])Истор. рус. Ц. II, 313. Пам. XII в. 138.

[234])Сказ. о Бор. и Глѣб. Лавр. 151.

[235]) Тихонр. лѣт. литер. и древ. кн. IV, л. 108. II. Собр. л. VI, 84. Пам. XII в. 179, 185, 190, 191. Здѣсь есть указаніе, что въ XII в. роду и рожаницѣ краяли хлѣбъ, сыръ, медъ и рыбу. Объ употребленіи масла во время масляницы свидѣтельствуетъ самое ея названіе. Ипат. 3, 14, 107. Ник. 1, 236.

своими приближенными «насытишася рыбъ и вина, привезенныхъ изъ Олешья» [236]). Но какимъ образомъ приготовляли рыбу на продажу, умѣли ли солить ее и какъ производилось это соленіе, — ничего неизвѣстно, по недостатку данныхъ; достовѣрно только, что и въ XII в. умѣли приготовлять Русскіе икру. Въ вопросахъ Кирика означено: «въ чистую недѣлю достоить медъ ясти прѣсный, квасъ житный, а икра по все говеніе бѣльцемъ». Нѣтъ сомнѣнія, что съѣстными припасами торговали отдѣльные промышленники: хлѣбъ, мясо и рыбу продавали на рынкѣ; когда въ 1228 г. Ярославъ привелъ войско къ Новгороду, собираясь идти на Ригу, всѣ съѣстные припасы вздорожали: «и вьздорожиша все по търгу и хлѣбъ, и мяса, и рыбы, и оттолѣ ста дороговь» [237])

Напитками, которые приготовляли Русскіе въ древнее время, были квасъ, медъ и пиво. Русскіе любили встарину выпить, какъ засвидѣтельствовалъ Ибнъ-Фоцланъ. Великій князь Владиміръ «повелѣ пристроити кола, вкладше хлѣбы, мяса, рыбы, овощь разполичный, медъ въ бчелкахъ, въ другихъ квасъ, возити по городу» для дряхлыхъ и больныхъ нищихъ. Иноки Кіево-печерскаго монастыря употребляли также иногда медъ на подаяніе нищимъ вмѣстѣ съ другими припасами. Изъ этого видно, до какой степени распространено было въ древней Руси употребленіе меда. Варка меда, какъ по мужскимъ, такъ и по женскимъ монастырямъ, производилась въ большихъ размѣрахъ; князья и бояре присылали на утѣшеніе братіи медъ бочками. Лѣтописецъ удивляется аскетизму княгини Василисы 1365 г., что она «въ монастырѣ живяше, пива и меда не пьяше, на пирѣхъ, на свадьбахъ не биваше» [238]). Въ вопросахъ Кирика нахо-

---

[236]) Ркп. Рум. Муз. № 305, л. 69. Ипат. 2, 161.

[237]) Пам. XII в. 175, 179. 1 Новг. 43. Въ 1262 г. подъ Юрьевымъ изъ Новгородцевъ «мужа добра застрѣлиша изъ города и Петра убиша Мясниковича». I Новг. 57. На фамиліи Мясниковыхъ, Кожевниковыхъ, Калашниковыхъ надобно смотрѣть, какъ на заимствованныя отъ практическаго занятія разными промыслами или тѣхъ лицъ, которымъ онѣ усвоены, или ихъ предковъ.

[238]) Лавр. 54. И. Гос. Рос. V, пр. 4. Вивліоѳ. XVIII, стр. 78. О преподоб. Сергіѣ говорится, что онъ «боярина княжа Володимерова обличи, иже ялъ отъ бращенъ, и отъ меду пилъ, яже бѣ кормити монастыря его послалъ князь». П. Собр. л. VI. 122. А самъ Сергій «пива и меду никогдажъ вкушаше или обнюхаше.» Ник. IV. 206. 209 Словомъ—*перевара* навѣрно означается теперешній

дится такого рода замѣчаніе: мужу грѣшну связану епитиміей, «отнюдь ему не ясти мясъ, ни меду пити и на великъ день». Здѣсь предполагается, что медъ пилъ каждый взрослый. Медовые запасы значительны были у бояръ московскихъ, а также и по другимъ областямъ. Въ 1378 г. за р. Пьяной русскіе воины ѣздили безпечно, »а гдѣ наѣхаша въ зажитіи медъ и пиво, испиваху до пьяна безъ мѣры, и ѣздять пьяни—за Пьяною пьяни». При нашествіи Тохтамыша «недобріи человѣци начаша обходити по дворомъ и износяще изъ погребовъ меды господскыя и упивахуся до великаго піана» [239]). Но особенно много меду было у князей. При освященіи церкви въ Василевѣ, Владиміръ приказалъ сварить 300 варь меду (въ позд. сп. берковець); въ 1146 г. Изяславъ съ братьями «раздѣли дворъ Святославль на 4 части, и скотьницѣ и бретьяницѣ и товаръ, иже бѣ не мочно двигнути, и въ погребѣхъ было 500 берковцевъ меду, а вина 80 корчагъ». Медъ служилъ угощеніемъ особенно во время пировъ и семейныхъ радостей въ родѣ свадьбы. Въ 1233 г. умеръ князь Ѳедоръ «и еще младъ, и кто не пожалуеть сего? Свадьба пристроена, меды изварены, невѣста приведена» [240]). Относительно приготовленія меда извѣстно, что его заставляли бродить послѣ перевара и сыпали въ него хмѣль, отчего онъ пріобрѣталъ крѣпость и силу. Въ правилахъ нѣмецкой конторы постановлено (XIV в.): «кто остается (въ Новгородѣ) до времени варки меда, когда смѣшивается вода, медъ и хмѣль, тотъ долженъ участвовать въ общихъ издержкахъ». Меды бывали *сладкіе*, *прѣсные*, *чистые пѣпряные* [241]). Приготовленіе пива также развито было значительно въ древнее время; варили его такимъ же образомъ, какъ варятъ и теперь по селамъ съ солодомъ и хмѣлемъ. Высчиты-

---

еззарець—напитокъ, приготовляемый изъ пива и меда, отличающійся необыкновенной крѣпостью. П. С. Лѣт. IX, 68.

[239]) Пам. XII в. 183. IV Новгор. 73. Пол. Собр. л. IV, 120.

[240]) Лавр. 54. Ипат 27. 1 Новг. 49. Дружина въ походахъ пила медъ. 1 Новг. 1.

[241]) Cod. juris dipl. Lubecens. II, 703 и дал. Въ словѣ XII в. о житьѣ богача сказано: «питіе же многое: медъ и квасъ, вино, медъ чистый *пѣпряный*, питія обиощная съ гусльми и свирѣльми, веселіе многое». Изв. Акад. X, 548. Въ словѣ о Задонщинѣ читаемъ: «братія бояре и воеводы и дѣти боярскіе, то ти ваши *сладкіе* меды». Пам. XII в. 179.

вая обязанности монастырскихъ крестьянъ, митрополитъ Кипріанъ пишетъ: «а пѣшеходцамъ изъ селъ къ празднику рожь молоти и хлѣбы печи, солодъ молоть, пива варить» [242]).

Какъ плоды, такъ и вина, Русскіе добывали изъ Греціи,—какъ было при Олегѣ, и хранили ихъ въ погребахъ. Убійцы Боголюбскаго зашли сначала въ погребъ и для храбрости выпили вина: «шедше въ медушю и пиша вино; сотона же веселяшеть ѣ въ медуши— и служа имъ невидимо... и тако упившеся виномъ поидоша на сѣни». Медъ, пиво и вино служили предметами торговли; это видно изъ того, что еще Ѳеодосій Печерскій вооружался противъ корчемнаго прикупа, а въ грамотѣ Ростислава 1150 г. упоминается о сборѣ *корчмить* [243]). Продажа напитковъ была свободная до Іоанна III, который присвоилъ казнѣ исключительное право варить пиво и медъ, употреблять хмѣль, какъ свидѣтельствуетъ Іосифъ Барбаро [244]).

При недостаткѣ хлѣба, во время голода, наши предки прибѣгали къ разнымъ растеніямъ и изъ нихъ приготовляли себѣ пищу. Въ Кіевѣ, Черниговѣ и, вѣроятно, въ другихъ южно-русскихъ областяхъ была въ ходу лебеда съ давнихъ поръ. Послѣ нападенія на Кіевъ Святополка и разграбленія его, «гладъ былъ крѣпокъ и скудота велія во всей русской землѣ»; черноризецъ Печерскаго монастыря, Прохоръ, родомъ изъ Смоленска, не вкушая овощей, «хлѣба себѣ лишивъ, сбираетъ убо лобеду и своима рукама стирая, хлѣбъ себѣ творяше, и самъ питашеся.... И сего видѣвъ нѣкій человѣкъ сбирающа лобеду, начатъ и той сбирати лобеду, ее же ради и домашнихъ своихъ, да тѣмъ препитаются въ гладное время». Прохоръ лебедные хлѣбы раздавалъ многимъ неимущимъ,—«и всѣмь сладко являшеся, яко съ медомъ суще» [245]). Въ 1230 г. былъ моръ въ Новгородѣ отъ голода таковъ, «яко иніи простая чадь рѣзаху люди живыя и ядяху, а иніи мьртвая мяса и трупіе

---

[242]) А. Эксп. 1, № 11. О пивѣ упом. въ Пам. XII в. 55, въ Рус. Дост. 1, 63.

[243]) Ип. 47. Доп. къ А. И. 1, № 4. Въ псковской Судной Грам. 1467 г. постановлено: «а княжимъ людемъ по дворамъ корчмы не держать, ни во Псковѣ, ни на пригородѣ, ни въ ведро, ни въ корецъ, ни бочкою меду не продавати».

[244]) Библ. иносстр. пис. о Рос., стр. 59.

[245]) Ркп. Рум. Муз. № 305, л. 204.

обрѣзающе ядяху, а друзіи конину, псину, кошкы, ины же иъхъ ядяху, ушъ, сосну, кору липову и листъ ильмъ, кто что замысля»[246]). Во время голода не обращали вниманія на запрещенную пищу, и конинное мясо продавалось иногда по дорогой цѣнѣ; также и туземныя растенія спасали часто народъ отъ голодной смерти,—особенно толченая солома и полова (пелы).

Такимъ образомъ, въ старое время даже князья не имѣли хорошо приготовленныхъ кушаньевъ, но вели суровый образъ жизни; особенно прославился съ этой стороны Святославъ съ своей дружиной. Да и на роскошныхъ пирахъ Владиміра не замѣтно изысканности въ приготовленіи кушаньевъ, а только одно большое количество припасовъ: «бяше по изобилію отъ всего». Также нужно смотрѣть и на поварское искусство древняго времени. О поварахъ сохранилось первое извѣстіе отъ XI стол. «Бѣ же за святымъ (Глѣбомъ) сѣдяше старѣйшина *поваромъ*, и повелѣша тому нечестивіи заклати Глѣба». Готовить вкусную пищу были изстари искусны по монастырямъ, такъ что князь Изяславъ завидовалъ печерскимъ инокамъ и спрашивалъ: «отъ чего есть сладость въ брашнѣ вашемъ?»[247]) Промышленное производство кушанья и напитковъ въ древней Руси было весьма ограничено въ народѣ. При суровой простотѣ образа жизни, Русскіе не любили *разносолы*, какъ говорится, и только у князей и ихъ приближенныхъ, и по монастырямъ встрѣчаются нѣкоторые зачатки изысканности въ приготовленіи кушанья. Вкусъ и достоинство напитковъ цѣнили по силѣ и крѣпости ихъ.

Изъ всего этого обзора промышленности, удовлетворяющей потребности пищи и питья, выходитъ прямое заключеніе:

1) Пища русскаго народа въ древнюю пору была болѣе разнообразна, чѣмъ въ послѣдующее время, и предки наши въ этомъ отношеніи были разборчивѣе большинства своихъ потомковъ.

2) Въ раннее время народъ питался преимущественно мясной пищей, чувствовалъ себя обезпеченнѣе и довольнѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ въ послѣдующее время, когда исключительно почти употреблялъ пищу растительную.

---

[246]) 1 Новг. 47.

[247]) Патер. Рум. Муз. л. 66. У м. Кипріана былъ свой поваръ. А. Эксп. 1, № 11. По монастырямъ были хлѣбники и повара. Ник. IV, 225.

II. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ,

касающаяся жилища, построекъ, орудій и удобствъ домашней жизни.

Въ странѣ холодной, какъ Русь, въ которой почти половину года стоитъ зимняя стужа, промышленность относительно построекъ должна была развиться рано. Конечно, въ началѣ большею частію сами земледѣльцы строили себѣ жилье, не прибѣгая къ чужой помощи; но потомъ мало по малу началъ выдѣляться классъ людей, которые занялись строительнымъ мастерствомъ и возвели свое ремесло на степень промысла. Такъ образовалась промышленность плотниковъ, кирпичниковъ, кузнецовъ и. т. д.

1) плотничество.

Во времена язычества Русскіе выдѣлывали изъ дерева кумиры, которымъ кланялись: эти болваны, по свидѣтельству Ибнъ-Фоцлана, были большіе и малые; Владиміръ въ Кіевѣ поставилъ Перуна древяна; Варягъ укорялъ русскихъ язычниковъ, что они покланяются деревяннымъ богамъ; новгородскій Перунъ тоже былъ деревянный, иначе не могъ бы плыть по водѣ[248]). Всѣ эти факты говорятъ о раннемъ существованіи плотническаго мастерства у русскихъ Славянъ.

Еще въ началѣ X стол. Русскіе строили себѣ деревянныя жилища не только въ своей землѣ, но и тамъ, куда

---

[248]) Лавр. 34. 35. III Новг. 207.

пріѣзжали для торговли [249]). Въ памятникахъ старины вотъ какія передаются свѣдѣнія о различныхъ постройкахъ, существовавшихъ у Русскихъ. Названіемъ—*хоромы* означались большіе дома въ нѣсколько комнатъ, наприм. хоромы владычни, хоромы князя; но большею частію слова: *хоромъ*, *храмъ*, *храмина*, *храмница* употреблялись для означенія дома и ими замѣнялись въ переводныхъ памятникахъ слова—domus, οἶκος. Горница иногда означалась словомъ *повалуша*. [250]). Зимнее жилье съ печью носило названіе *исътопъки*, *истобки*, а иногда—*подницы*; подъ 1098 въ лѣтописи отмѣчено: «Присла Володимеръ отрока своего Бандюка по Итлареву чадь, зоветъ вы князь Володимеръ, рекъ тако: обувшеся *въ теплѣй избѣ*, заутрокавше у Ратибора, пріѣдите ко мнѣ. И рече Итларь: тако буди; яко влѣзоша *въ истопку*, *прокопаша верьхъ* и тако Олбегъ Ратиборичъ пріима лукъ свой, и наложивъ стрѣлу, удари Итларя въ сердце.» [251]). Стало быть, избы имѣли соломенную крышу, которую прокопать было не трудно. Отъ избы отдѣлялась сѣнями *клѣть*, подъ которою и досслѣ разумѣется горница холодная, или лѣтній покой; клѣть въ тоже время служила вмѣсто кладовой [252]). Эти же клѣти, помѣщаемыя черезъ сѣни отъ избы или устроиваемыя отдѣльно на дворѣ, назывались *ложницами*, *одринами*; одрина означаетъ спальню и простую избу или хижину, которая иногда означается словомъ *хлѣвина* [253]).

---

[249]) Ибнъ Фоцланъ пишетъ:»приплывая изъ земли своей, бросаютъ якорь на широкой рѣкѣ Итилѣ (Волгѣ), выходятъ изъ судовъ и строятъ себѣ большіе деревянные домы на обѣихъ ея сторонахъ. Въ каждомъ живетъ человѣкъ 10 и 20». Ист. Гос. Рос 1, пр. 364.

[250]) 1 Новг. 1. 3. 5. 6. 13. 105. А Эксп. 1, № 9. Сказ. о Бор. и Глѣб. 50. 131. Пам. XII в. 195. Ипат. 10. Лавр. 181. И. Гос. р. VI, пр. 338. Въ XII в. богачи имѣли повалуши росписныя. Изв. Ак. X, 550.

[251]) Лавр. 97. Ипат. 7. Никон. 11. 331. 332. Изв. Акад. X, 635.

[252]) Ист. Гос. Р. с. 1. пр. 154. 244. Подъ клѣтью разумѣется всякая горница, изба теплая и холодная: тѣло Бориса спустили, провмавше помостъ между двумя клѣтьми. Лавр. 56. Пам. XII в. 50. 195. Клѣти служили кладовыми и амбарами и запирались замками. Ип. 19. Пск. 71. Рус. Дост. 1, 82. Изв. Акад. X, 635. Сарторій вѣрно означилъ Kleten словомъ-Warenhäuser, т. е. кладовыя. Hans. U. Bund. стр. 272.

[253]) Лавр. 81. Ист. Гос. Р. III, пр. 116. «Иде съ Лукъ съ маломъ дружины въ Лотыголу на торопѣ и засташа я въ одринахъ.» 1 Новг, 25. «А тіуну твоему судити въ одринѣ съ новгородскими приставы.» А. И. 1, стр. 62. 71. Въ Бѣлоруссіи одриной называется сѣнной сарай. Труд. общ. ист. 1, 78.

Сѣни, которыми отдѣлялась изба отъ клѣти, служили пріемной комнатой; къ нимъ придѣлывалось высокое крыльцо на столбахъ, называемое также *сѣнями*. Въ послѣднемъ смыслѣ употребилъ лѣтописецъ это названіе, когда говорилъ, что Кіявляне подрубили сѣни подъ варяжскими мучениками во времена Владиміра [254]). Въ монастыряхъ устроивались особыя *хлѣбни*, *поварни* или *пекельницы* [255]). Слова: *теремъ*, *келья*, *колиба*, *хыза*, *трапеза* зашли въ русскій языкъ изъ греческаго и наводятъ на мысль, что наши предки подражали византійскимъ постройкамъ и имѣли греческихъ мастеровъ, что несомнѣнно въ отношеніи постройки церквей и часовень [256]). Кладовая, назначенная для храненія хлѣба, называлась *амбаромъ*, а когда она устроивалась въ нижнемъ этажѣ жилья, то носила названіе *подклѣта*; для храненія жизненныхъ припасовъ дѣлались *погреба*, *медуши*, *брѣтьяницы* [257]) *Порубъ* назначался для содержанія въ немъ плѣнныхъ и преступниковъ [258]). *Бани* строились нашими предками издáвна: по преданіямъ, занесеннымъ въ начальную лѣтопись, еще апостолъ Андрей видѣлъ въ новгородской землѣ «бани древяны,» а Ольга угощала пословъ древлянскихъ баней [259]). Люди зажиточные дворы огораживали *тыномъ* или *столпьемъ*; а большею

[254]) Лавр. 35. Ипат. 21. 50. 72. 113. 114. 127. Сѣни назывались также *сѣнницей*. Ипат. 49, 56.

[255]) III Нов г. 247. 1 Новг. 28. 45, 114. Въ IV Новг. лѣт. встрѣчается названіе *повалуша*. стр. 252.

[256]) Теремъ, теремецъ—οἶκος, τέρεμνος termes, замокъ. Лавр. 141. 166. I Новг. 77. 1 Пск. 8. Келья, колиба—καλύβη, tugurium хыза—casa.

[257]) А. Юр. № 409, XI. Изв. Акад. II, стр. 207 въ прилож. Амбары строились съ закромами или *сусѣками*. Ркп. Рум. Муз. № 305. л. 184. Ип. 5. Слово— Potklet Сергорій не вѣрно перевелъ сл. Trinkstube, т. е. питейной комнатой: H. Urk B. стр. 272. Подклѣтъ служилъ иногда спальней. Др. рос. ст. 222. О погребѣ упоминается въ грам. 1136 г. Д. къ А. И. 1, № 3. Ист. Г. Рос. 11, пр. 119. Въ кіевопечерскомъ Патерикѣ говорится о погребѣ, въ которомъ монахъ Григорій творилъ молитву. Рк. Рум. Муз. № 305 л. 78. Слово: *бретьяница* (бортьяница?) употребляется въ смыслѣ медуши, погреба, гдѣ хранились меды и вина. Ипат. 26, 27. Изяславъ и союзники его «пондоста на Игорево сельце, идѣже бяше устроилъ добрѣ дворъ, бѣ же ту готовизнины много въ бретьяницѣхъ... И ту дворъ Святославль раздѣли (въ Путивлѣ) на 4 части и скотницы (казну) и брегьяницѣ, и въ погребѣхъ 500 берковецъ меду».

[258]) Порубъ строился съ окнами. Ипат. 19. Ист. Псков. Княж. М. Евгенія. 1, 27. 57.

[259]) Лавр. 4. 25. О банномъ строеніи (?) упомянуто въ Лавр. л. 89.

частью какъ дворы, такъ и огороды обносились кольями и плетнями; на дворахъ устроивали *хлѣва* для помѣщенія скота [260]). Матеріалы, изъ которыхъ строились деревянныя зданія, извѣстны по названіямъ, сохранившимся въ языкѣ, именно: *берьвна*, *плахы*, *доски*, *тесницы*, *колья*, *столпье*, *брусья*, *жерди*, *хврастіе* [261]).

Деревянныя постройки, существовавшія въ древнюю пору на Руси, необходимо предполагаютъ развитіе плотническаго мастерства. Нѣтъ сомнѣнія, что мастерами спера были сами нуждающіеся въ постройкахъ, какъ можно удостовѣриться изъ описанія жизни русскихъ подвижниковъ, которые при началѣ обителей строили сами себѣ кельи, потомъ при большихъ постройкахъ впослѣдствіи призывали мастеровъ. Вотъ, напр. въ житіи Авраамія сказано, что онъ пришелъ къ Ростову и поставилъ *колибицу*; а Александръ Свирскій въ XV в. въ лѣсу «возградивъ себѣ хлѣвину малу.... древа посѣкая и нивы творя понужаяся самъ». Нѣтъ сомнѣнія также, что плотничество взошло на степень ремесла и промысла съ раннихъ поръ; Владиміръ въ 988 году «повелѣ рубити церкви;» слѣд. въ то время уже существовали плотники; Новгородцевъ укоряли еще въ 1016 г.: «А вы плотницы суще, а приставимъ вы хоромъ рубити» [262]). Значитъ, новгородскіе плотники занимались постройками не въ одной своей области, но ходили, вѣроятно, на заработки и въ другіе города и нанимались, а чрезъ это смотрѣли на нихъ низко, какъ на людей подчиненныхъ, какъ на каменьщиковъ, которыхъ называли въ XII стол. *холопами*. Какъ производились постройки, видно изъ слѣдующихъ фактовъ. Когда въ кіево-печерскомъ монастырѣ задумали соорудить церковь,

---

[260]) Ркп. Рум Муз. № 305. л. 77. 158. Лавр. 68. 73. 1 Новг. 51. 77. Никон. IV, 216. 1 Пск. 52. Пам. XII в. 191. Троиц. л. 223. Рус. Пр. Ц, 37. Далѣе нужно упомянуть, что скотъ содержали *въ забоѣ*, т. е. мѣстѣ, обнесенномъ кольями или тыномъ. Кромѣ означенныхъ построекъ, были въ древнее время часовни, овины, сѣнники. Названіе *гридницы* означало комнату, въ которой помѣщалось придворное княжеское войско, а слово: *палаты*, кажется, исключительно относилось къ каменнымъ постройкамъ. *Голубницы* и *вѣжи* (вышки), равно какъ и *стрѣхы*, не были особенными пристройками, а только означали мѣста въ домѣ и на дворѣ.

[261]) Ипат. 48. 107. IV Новг. 97. Ник. I, 137. 218. IV, 153. 255. Лавр. 111. Пам. XII в. 191. 1 Пск. 52 и др.

[262]) Р. Рум. Муз. № 397 и 156. Ник. IV. 217. 1. Новг. 1. Лавр. 51.

то пригоняли лѣсъ водою въ *плотахъ* по Днѣпру къ городу: «Платомъ привезеннымъ на берегъ на строеніе церкви и всѣмъ келіямъ и извозникомъ нанятымъ возити на гору, и Ѳедоръ на себѣ нача носити древа».... привезено было великое дубье... Наймиты-извозники просили уплаты и за то дерево, которое, по слову Ѳедора, взошло на гору[263]). Въ Вышегородѣ Ярославъ «повелѣ древодѣлямъ, да приготовятъ древа на сograженіе церкви, *бѣ бо уже время зимно*. Они же повелѣнное имъ отъ христолюбца приготовиша древо и наставшу лѣту, возградиша во имя блаженую страстотерпцу Бориса и Глѣба». Изъ этого видно, что рубили и готовили лѣсъ на постройки и возили его зимою, если не было водяныхъ путей сообщенія, а лѣтомъ приступали къ самой работѣ. [264]) Изяславъ «пришедъ въ единъ день, видѣ церковь святую ветху сущу, призвавъ старѣйшину древодѣлямъ повелѣ ему церковь возградити.... Старѣйшина ту абіе собра вся сущая подъ нимъ древодѣля, скончавъ же повелѣнное ему отъ благовѣрнаго, и въ малѣ дній возгради на назнаменанѣ мѣстѣ» [265]). Слѣдовательно существовали особые артели, которыя занимались постройкою церквей подъ управленіемъ рядчика или старѣйшины. Въ Русской Правдѣ положено за убійство *ремественника и ремественницы* 12 гр., т. е. вдвое болѣе сравнительно съ платой за голову простаго человѣка. Изъ этого видно, что мастеровые были рѣдки въ то время и ими очень дорожили; такой взглядъ на мастеровыхъ не измѣнился и въ XIV в. Въ договорной грамотѣ Василья Дмитріевича съ дядей 1389 г. означено: «А кого собѣ вымемь огородниковъ и *мастеровъ*,—и мнѣ князю в. зъ братьею дра жеребья, а тобе брате треть.»[266]) Въ житіи преп. Сергія передается: во время голода, «веземъ святый сѣкиру иде къ старцу своему, иже хотяте сѣнци дѣлати, и рече ему святый: слышахъ, яко сѣни хощеши дѣлати, сего ради пріидохъ. — Онъ же рече: желаю да жду плотника, а уже все приготовано,— святый же рече: азъ сотворю, якоже хощеши, мзду возму у

[263]) Рум. Муз. патер. № 305. л. 229.
[264]) Сказ. о Бор. и Глѣбѣ, 28.
[265]) Тамъ же, 31—2. П. С. лѣт. III, 214.
[266]) С. грам. 1, № 35. стр. 64. О сл. *рядчикъ* см. И. Госуд. Рос. VII, пр. 383.

тебя, аще хлѣбъ имаши.. И изнесе ему хлѣбы гнилы.» Въ житіи св. Кирилла Бѣлозерскаго сообщается извѣстіе, что когда собралась къ нему братія на Бѣлоозеро, въ концѣ XIV в., то стали молить о созданіи церкви: «понеже мѣсто оно далече человѣческихъ жилищъ отстояша и древодѣльнякамъ же позвани бывше пріидоша и тако церковь поставлена бысть» [267]). Отсюда вытекаетъ, что плотники были рѣдки, что они составляли отдѣльный промышленный классъ людей. [268]).

Плотники и вообще мастера въ XIV стол. обязаны были работать на Татаръ, но мастеровые, принадлежавшіе духовенству, освобождались отъ этихъ работъ; въ ярлыкѣ хана Узбека (ок. 1313 г.) сказано: «А что будутъ церковные люди-ремесленници.... или писцы, или каменные здатели, или древяные или.... мастеры каковы.... а въ нихъ никто не вступаютца и на наше дѣло да не емлютъ. [269])» Изъ этихъ словъ видно, что во времена татарскаго господства мастерство и ремесло обложены были податью, какъ и вообще всѣ производства, т. е. плотники обязаны были отбывать эту подать своей работой. Но не на однихъ Татаръ обязаны были плотники работать: князья и духовенство имѣли право давать работы мастеровымъ по особымъ условіямъ съ народомъ и могли освободить отъ нихъ въ видѣ льготы. Въ грамотѣ Владиміра галицкаго (1288 г.) читаемъ: «Аже будетъ князю городъ рубити, и ни къ городу, т. е. не обязаны выходить на работу. М. Кипріанъ, высчитывая обязанности крестьянъ, которымъ *наряжали дѣло по пошлинѣ*, писалъ: «большимъ людемъ изъ монастырскихъ селъ церковь наряжати, монастырь и дворъ тынити, хоромъ ставить. «В. К. Василій Димитріевичь съ м. Кипріаномъ обыскали (1392 г. или позже), что Луховцы

---

[267]) П. Собр. Лѣт. VI, 121. Ркп. Рум. Муз. № 152. л. 40. Здѣсь въ житіи Кирилла Бѣлозерскаго замѣчено, что князь Бѣлозерскій Михаилъ и супруга его Марья многу милостыню присылали преподобному, какъ говорили одному человѣку, а тотъ человѣкъ мнѣ сказалъ, прибавляетъ авторъ. Слѣд. житіе написано вскорѣ послѣ смерти Кирилла. Тамъ же л. 57—58.

[268]) Въ псков. Судной грам. говорится о мастерахъ плотникахъ, которые имѣли у себя учениковъ. стр. 11.

[269]) Собр. грам. II, № 7. Плано-Карпини пишетъ, что Татары, гдѣ владѣютъ, «какъ будто у себя берутъ всѣхъ лучшихъ ремесленниковъ и заставляютъ ихъ работать на себя, а другіе платятъ имъ подать отъ своей работы». По изд. Языкова, стр. 1195—97.

прежде не отбывали повинностей плотничествомъ и ихъ начали не по старинѣ принуждать ставить хоромы на князя и вслѣдствіе этого освободили—«хоромъ имъ не ставити» [270]).

Мастера, занимающіеся въ древнее время деревянными постройками и издѣліями, носили слѣд. названія: *древодѣли* или *древодѣльцы*, *плотници*, *кораблетворящіи*, *мостники*, *древяные здатели* [271]), *городники*, т. е. мастера укрѣпляющіе города, мастера *порочные*, которые приготовляли стѣнобитныя орудія, *лучницы*, дѣлающіе луки и стрѣлы, мастера *крестечные* [272]). Эти названія показываютъ, что даже въ древнее время промыслъ плотничествомъ занималъ много рукъ и мастеровые дѣлились на разряды по роду издѣлій, которыми они занимались исключительно. На эти частныя занятія мы сдѣлаемъ подробныя указанія.

Нѣтъ нужды говорить о необходимыхъ принадлежностяхъ дома стараго времени, каковы: ворота, двери, лавки, окна, полки, полати [273]),—посмотримъ, какія деревянныя издѣлія и какая посуда находились въ хозяйствѣ нашихъ предковъ, чтобы опредѣлить степень развитія столярнаго промысла.

Русскіе въ древнее время имѣли *столы*, *кровати*, *скамьи* и даже *стулья* [274]). Относительно посуды, которая была въ обиходѣ у нашихъ предковъ, сохранилось нѣсколько древнѣйшихъ извѣстій. Лѣтописецъ разсказываетъ, что при осадѣ Бѣлгорода Печенѣгами (въ 997 г.) одинъ хитрый старикъ «повелѣлъ колодязь ископати, и вставити тамо *кадь* и нальяти кадь... И приведоша ко кладязю, идѣ-

---

[270]) Ипат. 215. А. Эксп. 1, №11. и № 9.

[271]) Ник. II, 227 Собр. грам. № 7. Рус. Пр. 1, 43.

[272]) 1 Новг. 59, 81. О разныхъ мастерахъ упоминается въ Ипат. л. 88, 153, 188, 196. 1 Новг. 111, 112. Собр. грам. I, стр. 64, 92.

[273]) Лавр. 33. Ипат. 72. 117. 196. Полка, на которую ставили иконы въ домѣ или въ церкви называлась *тябломъ*, такъ называется и доселѣ въ сѣверныхъ губерніяхъ. I Пск. 191. II Новг. 154. Годъ на сѣверѣ, Максимова. стр. 394. Упоминается въ древнемъ языкѣ сл. *коникъ*. Сказ. Сахар. II, VIII, 65.

[274]) Въ 1230 г. во время землетрясенія въ Кіевѣ, въ трапезѣ Печерской лавры падали камни и раздробили и *столы* и *скамьи*. Лавр. 193. О тесовой *кровати* упомянуто въ Словѣ о Полку, стр. 108, о *постели* см. Ипат. 138. 218. Лавр. 58. *Одръ* — κλίνη, κράββατος означаетъ и кровать и постель. Лавр. 80. 131. Сказ. о Бор. и Гл. 16. *Стулъ*, вѣроятно, дѣлался въ видѣ табурета и назывался *столъ*, *стольць*: когда хотѣлъ спать Θеодосій, то «сѣдяше на столѣ». По смерти Владиміра (1152 г.), вернули съ дороги посла Петра, «и поставиша Петрови *столецъ* и сѣде.» Ипат. 72. 219. Лавр. 193. Ист. Гос. рос. II, 212.

же цѣжь, и почерпоша *ведромъ* и льяша въ латки» (котлы). Владиміръ велѣлъ возить по городу для бѣдныхъ между прочимъ медъ *въ бчелкахъ*, а въ другихъ квасъ [275]). Кромѣ этой посуды, въ древнюю пору были въ употребленіи на Руси *жбаны*, *ушаты*, *лохани*, *блюда*, или *миски*, *чашки*, *ковши*, *ложки* [276]). Далѣе къ числу домашнихъ принадлежностей и орудій, выдѣланныхъ изъ дерева, нужно присоединить *лари* или *сундуки*, которые находились какъ въ хозяйствѣ частныхъ лицъ, такъ и по церквамъ [277]), *ступы*, *колыбели*, *донца* и *гребни*, *лопаты*, *лѣстницы*, *носилки*, *фонари* и *гробы*. [278]). Присутствіе всѣхъ поимено-

---

[275]) Лавр. 54. 55. 91. *Кадь, кадка*—cadus. Хожд. Дан. 27. Въ древнемъ языкѣ существуютъ названія: *чанъ, тшанъ, шайка*; кадочка называлась *лукномъ, лукошкой*. Ипат 225. Пск. Суд. Гр. 21. На Чешскомъ нарѣчіи lukno—modius означаетъ мѣру въ четверикъ. Слов. И. И. Срезневс. Голважа значитъ ведро; *бадья* также извѣстна была въ древней Руси. *Бочка* носила названіе въ древнемъ книжномъ языкѣ: *делвь, делва*-dolium, cadus. О бочкѣ см. Никон. III, 211. 1 Новг. 26. Въ XIV в. Новгородцы утвердились межъ собою крестнымъ цѣлованьемъ, чтобъ имъ «игранія бѣсовскаго не любити и бочекъ не бити.» IV. Новг. 63.

[276]) Жбаномъ называется въ тамбов. губ. боченокъ ведра въ полтора особой формы: дно онъ имѣетъ очень широкое, а бока короткія, не больше четверти аршина. Въ древнемъ языкѣ слова: *жбанъ*, *чванъ*, *чьванъ*, *чванецъ* однозначущи. Ушатъ назывался въ югозапод. Руси *цебромъ*, *цаберомъ* (Ипат. 223. Опис. Рум. Муз. 136.) отъ нѣмецкаго слова—zober. Лохань переводилась иногда словомъ: *коноб*—olla, lebes; а корыто—*сребны* (σκάφη). О блюдѣ упомянуто въ Пам. XII в. 180; *миса* (отъ слова mensa) въ русскомъ, чешскомъ и польскомъ яз. употребляется въ значеніи посуды, чашки, а хорватское—*миза*, *мизица*—въ смыслѣ стола. *Судно*, *судина* означаетъ вообще сосудъ деревянный, чашку. Ист. Рус. Ц. Макарія, 11, 297—298. О чашѣ см. Пам. XII в. 95. Ипат. 171. Рус. Пр. 1, 3. Теперь слово: *ставецъ* въ тамбовс. губ употребляется въ значеніи большой деревянной чашки. Чаша или бокалъ назывался кратырь. О корцѣ упомянуго въ псков. Судной грам. стр. 26. Слово: *чрьпальникъ*, вѣроятно, означаю, какъ теперь, ведро насаженное на длинную палку. Дружина Владиміра роптала:» Зло есть нашимъ головамъ, да намъ ясти деревянными *лъжицами* ..» Лавр. 54. 71. Сказ. о Бор. и Гл. 36. Пам. XII в. 177.

[277]) 1 Псковс. 232. Ник. V. 50. *Ларь* значитъ ящикъ, поставецъ, сундукъ; оттуда слово—ларчикъ, который на древнемъ языкѣ означается словомъ *коробка*, *крабица*. Слов. Ц. Слав. Яз. 11, 245.

[278]) Слово: *ступа*, *колыбелька* и *донце* встрѣчаются въ древнемъ языкѣ и слѣдоват. знакомы были нашимъ предкамъ не одни названія этихъ вещей, а самыя вещи. Опис. Рум. Муз. 654. Хотя о гребнѣ, на которомъ прядутъ ленъ, не упоминается въ древнихъ памятникахъ; но существованіе донца необходимо связано съ существованіемъ гребня. *Лопата*-uentilabrum служила для вѣянія хлѣба. *О лѣстницѣ* упомянуто въ Патерикѣ. Ркп. Рум. Муз. № 305, л. 238. Ипат. 115. 134. 199. Ист. Г. рос. 111, пр 23. Гробъ назывался *будою*, *корстою*; слово: корста замѣняетъ греч. σόρος; корсты бывали деревянныя и каменныя.

ванныхъ издѣлій въ обыденной жизни нашихъ предковъ необходимо предполагаетъ существованіе столяровъ и бондарей, и даетъ знать, что нынѣшняя сельская промышленность деревянными издѣліями недалеко подвинулась сравнительно съ древнимъ временемъ. Деревянныя издѣлія и посуда приготовлялись мастерами встарину не для одного собственнаго употребленія, но онѣ шли на продажу и составляли предметъ промысла съ раннихъ поръ. Такъ лѣтописецъ сдѣлалъ замѣтку подъ 1092 г.: былъ моръ силенъ, »якоже глаголаху продающе *корсты*, яко продахомъ корсты отъ филипова дне до мясопуста 7000» [279]). Такъ какъ большая часть названій для деревянныхъ издѣлій у индо-европейскихъ народовъ одного корня (Ист. Гос. р. 1, пр. 246); то по праву можно заключать, что такія издѣлія искони знакомы были единоплеменникамъ Славянъ и не заимствованы отъ другихъ народовъ.

Помимо постройки церквей и жилищъ съ ихъ обстановкой, плотникамъ древней Руси много было дѣла по постройкѣ городовъ: князья сильно заботились объ этомъ начиная съ Олега; Владиміръ въ 988 г., въ огражденіе отъ набѣговъ печенѣжскихъ, «нача ставити городы по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ,» заложи Бѣлгородъ и Изяславль[280]). Необходимость построекъ въ защиту отъ враговъ вызвала въ древнее время особый родъ промышленниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ *городниковъ*, т. е. строителей городовыхъ укрѣпленій[281]). Такъ

(279) Лавр. 92. Нѣтъ нужды говорить о выдѣлкѣ деревянныхъ крестовъ и крестиковъ въ древнее время: промышленность этими предметами необходимо должна была существовать при сильномъ развитіи потребности въ нихъ. Отъ XIV в. сохранились кресты въ Новгородѣ съ рѣзными изображеніями святыхъ. Изв. Археологич. общ. II, 90. Употребленіе деревянныхъ церковныхъ сосудовъ при богослуженіи также не сомнѣнно: деревянный потиръ и дискосъ сохранились въ ризницѣ Троицкой Сергіевой Лавры; на нихъ, говорятъ, священнодѣйствовалъ препод. Сергій. Важнѣе въ этомъ случаѣ обратить вниманіе на то обстоятельство, что наши предки занимались вырѣзкой украшеній церковныхъ и изображеній святыхъ, равно какъ деревянные сосуды умѣли покрывать краскою.

280) Лавр. 10. 52. Другіе князья заботлись также о сооруженіи крѣпостей: въ 1095 г. Святополкъ повелѣ городъ рубити на Витечевѣ холму; въ 1098 г. Мономахъ заложилъ городъ на Востри; въ 1192 г. построенъ Суздаль; въ 1279 г. князь Димитрій срубилъ г. Копорью и т. дал. Лавр. 97. 116. 131. 172. 1 Новг. 63. Ник. II, 260. IV, 43.

281) Подъ 1276 г. лѣтописецъ упоминаетъ о мужѣ хитромъ Алексѣ, который мастеръ былъ строить крѣпости: «И посла Володимеръ (галицкій) мужа хитра именемъ Алексу, иже бяше при отцѣ его многы городы рубя и посла и Во-

какъ крѣпости имѣли важное значеніе для нашихъ предковъ, то даже законодательство заботилось, чтобы трудъ городниковъ вознаграждался и народъ заботился объ ихъ содержаніи. Въ Русской Правдѣ опредѣлено городнику «закладаючи городню, куну взяти, а кончавше—ногата, а за кормъ и за вологу и за рыбы 7 кунъ въ недѣлю, 7 уборококъ пшена, 7 луконъ овса на четыри кони, имати же доколѣ городъ срубятъ, а солоду одину дадятъ 10 луконъ»[282]). Крѣпости и церкви рубили большею частію изъ самаго крѣпкаго туземнаго дерева—дуба: въ 1374 г. Владиміръ Андреевичъ заложи градъ Серпуховъ дубовъ въ своей отчинѣ и повелѣ въ единомъ дубу срубити его [283]).

Изъ числа военныхъ вооруженій, приготовляемыхъ изъ дерева, извѣстны *самострѣлы*, съ которыхъ пускали въ непріятеля, а также *пороки*, *стрикусы* и *тараны*, т. е. стѣнобитныя орудія. Но мастеровъ, умѣющихъ дѣлать эти вещи, было не много; потому что въ XII в. нужно было искать ихъ даже въ новгородской области, издавна отличающейся плотничествомъ: тамъ въ 1262 г. для починки стѣнобитныхъ орудій «изыскаша мастеры порочныи»[284]). Народная былина сохранила извѣстіе, что Новгородцы отличались приготовленіемъ мѣткихъ дорогихъ стрѣлъ:

Потому тѣмъ стрѣламъ цѣны не было:
Колоты онѣ были изъ трость—дерева,
Строганы тѣ стрѣлки въ Новѣгородѣ,
Клеены онѣ клеемъ осетра—рыбы,
Перены онѣ перьицемъ сиза—орла.[285])

лодимеръ съ толемцы въ челнохъ во вверхъ рѣки Лосны, абы кдѣ изнаѣти таково мѣсто г родъ поставити». Ипат. 206.

[282])Рус. Прав. 11, 90

[283])Никон. 1. 230; IV. 38. П. С. Лѣт. VII. 205. Въ 1373 г. Псковичи заложили новую стѣну «подлѣ старой стѣнкѣ, что была стѣнка съ дубомъ мало выше мужа» 1 Пск. 193. Вообще въ новгородской и псковской области постройка и укрѣпленія городовъ велись очень часто. Города имѣли на крѣпостяхъ башни или *вежи* и *костры* или *бойницы*, о которыхъ можно читать въ Ист. Княж. Псков. IV, 97; Ист Гос. рос. IV, пр. 358; 1 Пск. 51.

[284]) Сл. о Полку Игор. 150. Въ 1065 г. Всеславъ осаждалъ Псковъ: «много тружався со многими замысленіи и пороками шибавъ отыде ничтоже успѣвъ». 1 Нов. 2. 59. Ипат. 173. Ник. IV, 135.

[285]) Древн. Рос. стихотвор. 93. А что стрѣлы бывали перены, это видно изъ словъ лѣтописца: въ 1375 г. татаринъ Сарайка въ Новгородѣ едва не застрѣлилъ владыку; «и шедъ бо стрѣла и коснуся періемъ мандіи его, а самаго

Въ странѣ болотистой, изрѣзанной во всѣхъ направленіяхъ рѣками, пути сообщенія составляли предметъ большой важности; поэтому законодательство заботилось о рабочихъ, которые мостили мосты и рубили ихъ. Въ Русской Правдѣ положено: Аще помостивше мостъ, взяти отъ дѣла ногата, а *отъ городницы ногата*, аще же будетъ ветхаго моста потвердити нѣколико *доскъ*, или 3, или 4, или 5, то тое же [286]). Постройка мостовъ особенно чрезъ широкія рѣки была весьма затруднительна, обращала на себя вниманіе всего народа и отмѣчалась лѣтописцами, какъ важное событіе; въ X стол. уже упомянуто о мостахъ во Вручьемъ и Василевѣ; въ 1115 г. Володимеръ устрои мостъ черезъ Днѣпръ [287]). Въ Новгородѣ постоянно ломало волховской мостъ, не рѣдко истребляли его пожары, и его дѣлали новый и поправляли; а что онъ строился наемными плотниками, можно видѣть изъ слѣдующаго замѣчанія: въ 1229 г. дѣлали новый мостъ, а куны побрали на Ярославлихъ любовницѣхъ, и на Городищанѣхъ. Кромѣ того по берегу Волхова мостили улицу, какъ видно изъ устава о мостовыхъ. Подъ 1134 г. отмѣчено: погорѣ торговый полъ отъ ручья Плотницкаго до конця хълма, якоже и прежде бяше погорѣлъ [288]). Слѣдовательно для новгородскихъ плотниковъ довольно было мостовой работы въ городѣ.

Сухопутныя сообщенія у Русскихъ съ незапамятныхъ временъ производились лѣтомъ на телѣгахъ, а зимой на саняхъ, что необходимо предполагаетъ существованіе мастеровъ—санниковъ и колесниковъ. Въ 907 г., во время похода подъ Царьградъ, «повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса издѣлати и вставити корабля на колеса; и бывши покосну вѣтру, успяша прѣ съ поля» [289]); значитъ въ войскѣ Олега

не вреди». П. Соб. Л. VIII, 21. Можно еще упомянуть о простомъ деревянномъ оружіи въ родѣ дубины, называемой *рогдицею, палицей* и *кіемъ*.

[286]) Рус. Пр. 1. 43.

[287]) Лавр. 32, 977 г. 53, 996 г. 127.

[288]) I Новг. 45. Въ немъ назначено мостить «тысяцькому до вощникъ, отъ вощникъ посаднику до великаго ряду, отъ великого ряду князю до нѣмецкаго вымола, Нѣмцемъ до Ивания вымола, Гтомъ до Гелардора вымола, огнищаномъ до Будитьна вымола, и. т. д.». Рус. Прав. III. 134. 1 Новг. 6.

[289]) Лавр. 12.

находились люди, умѣющіе гнуть обеди и дѣлать колеса. Телѣги въ древнее время были четвероколесныя или *двоеколки* и одноколки. [290]). Употребленіе саней, а слѣдоват. и выдѣлка ихъ начались ранѣе временъ Ольги [291]). При Владимірѣ Мономахѣ уже умѣли дѣлать сани не простыя, а красивыя, какъ было при перенесеніи мощей Бориса и Глѣба. Въ 1220 г. «вывезоша Твердислава больнаго къ церкви *на санкахъ* [292])»; стало быть, богатые люди въ Новгородѣ имѣли легкія санки для выѣзда, которыя выдѣлывали тамошніе мастера.

Водныя сообщенія производились въ древнее время на Руси на разныхъ судахъ. Строеніе судовъ значительно развито было у нашихъ предковъ еще во времена доисторическія и здѣсь-то плотническое ремесло находило большое приложеніе. Торговыя сношенія съ Греціей и военные набѣги Русскихъ на Царьградъ производились въ корабляхъ и лодкахъ; еще Аскольдъ и Диръ въ 866 г. ходили на Грековъ водою, хотя потерпѣли неудачу: » безбожныхъ Руси *корабль* смяте, къ берегу приверже»; въ 907 г. «пойде Олегъ на конѣхъ и кораблѣхъ, и бѣ числомъ кораблій 2000» [293]). Въ это время корабли русскіе уже отличаются отъ лодокъ, какъ видно изъ договора Олега съ Греками; точно также русскія *лодки* не смѣшиваются съ лодками греческими, а корабли русскіе съ кубарами: «И возвратися въ Русь ссѣдавшеся *въ корабль свой*» [294]). Русскія суда

---

[290]) Слово *возъ* въ древнее время употреблялось вмѣсто назв. повозки. Лавр. 24. 25. Телѣга часто носила названіе *кола, колесницы*. Лавр. 111, 138. Ипат. 21. 34. 92. *О двоеколкѣ* упомянуто во II Новг. 173. Названіе *телѣга* существовало въ древнемъ языкѣ. Сл о П. Иг. 42.

[291]) Лѣтописецъ говоритъ: «Сани Ольги стоять въ Плесковѣ и до сего дне». Лавр. 70. Сани vegiculum — по словамъ Марко-Поло, были съ гладкимъ и ровнымъ дномъ спереди загнутымъ полудугою кверху. Чт. Общ.-И. 1862 г. 4, 487. Сани обшивали рогожей и называли *пошевомъ*; такія сани въ тамб. губ. доселѣ носять названіе *пошевней*

[292]) «Вставивше на сани на красни, яже бѣша на то учинены, повезоша прежде св. Бориса.... бѣше устроено коромъ по обѣма сторонама, уду же влечаху честнѣ рацѣ». Сказ. о Бор. и Гл. 87. 1 Новг. 38.

[293]) Лавр. 9. 12. 18.

[294]) Названіе *корабль* происходитъ отъ слова коробъ, греч. *καραβία*. Лавр. 19. 59, 67. Корабли были у Грековъ, у Свѣевъ и у Фрягъ; 1 Новг. 26. 52. 53. Ипат 78; были и у Русскихъ свои—*ῥούσικα καράβια*. Ист. Гос. рос. I, пр. 508. Сл. о Пол. 216. Словомъ: *корабицъ, кораблецъ* означается простая рѣчная лодка. Сказ. о Бор. и Гл. 15. 23.

въ X в. были меньше судовъ греческихъ, такъ что, по словамъ Ліутпранда, «греческія большія суда не могли гнаться за русскими лодками, плавающими въ самыхъ мелкихъ мѣстахъ.» Корабль русскій былъ не что иное, какъ большая лодка, поднимающая человѣкъ 60—40:» а въ корабли по 40 мужъ» [295]). Лодія русская была еще менѣе; иногда она выдалбливалась изъ одного дерева; впрочемъ лодіи были разныхъ родовъ: однѣ назначались для плаванія по морямъ и назывались *морскими*, другія ходили только по рѣкамъ и носили названіе простыхъ лодій. Была еще въ древнее время лодія *набойная*, у которой на краяхъ набивались вверхъ по нѣскольку рядовъ доски (набои) [296]). Какъ въ корабляхъ, такъ и въ лодкахъ Русскіе въ древнюю пору плавали съ цѣлями торговыми и ходили на войну [297]); какъ тѣ, такъ и другія мало различались по формѣ постройки и оснащивались одинаково. Корабль имѣлъ *мостъ* или *помостъ*, т. е. палубу, также мачту и реи; доски судовъ скрѣплялись гвоздями и просмаливались [298]). Въ 1151 г. «бѣ бо исхитрилъ Изяславъ лодьи дивно: бѣша бо въ нихъ гребци невидимо, токмо весла видѣти, человѣкъ бяшеть не видѣти, бяхуть бо лодьи покрыти досками, и борцы стояше горѣ въ броняхъ и стрѣляюще, а кормника два бѣста—єдинъ на носѣ, а другый на кормѣ, аможе хотяхуть,

---

[295]) Ист. Гос. рос. I, пр. 341. 508. Лавр. 18. Константинъ Багрянородный пишетъ, что въ 949 г. въ греческомъ флотѣ, отряженномъ къ острову Криту, находилось 584 человѣка Руссовъ, у коихъ было 45 рабовъ; или они на 9 корабляхъ. Memor. popul, II, 973. Слѣд. на каждомъ русскомъ кораблѣ было ок. 50 человѣкъ.

[296]) Рус. Дост. 1, 51. Соб. гр. 1, 67. 99. *Лодія, лоди, олядія, лотка* (отъ сл. лотокъ)—nauis, σκάφος, πλοιον. Лавр. 10. 19. Никон. II, 331. Лодьей называется въ договорѣ Игоря и греческое судно. *Лодійникъ* значитъ гребецъ, а *лодейщикъ*—сборщикъ пошлинъ съ торговыхъ судовъ. Ипат. 164 Ярлыкъ 1357 г. Лодки назывались также *суды*. I Новг. 94. А что дѣйствительно лодки выдалбливались, изъ одного дерева, показываетъ названіе μονοξύλα. О набояхъ на лодкѣ см. Ист. Гос. рос. XI, 60.

[297]) I Новг. 46. 79. Грам. 1199 г. Изв. Акад. VI, 155. Лавр. 72. 79. III Новг. 209. Соб. грам. I, стр. 2.

[298]) Мачта на древнемъ языкѣ называлась *катартъ*, а иногда *щогла*, рея—*райна, рая*. I Новг 28. «Корабнии гвоздіе истръгошася, катаргъ преломися»: Ex naui clavis perdiditis, arbor abscissa est. Слов. И. И. Срезневс. подъ сл. *катартъ*. Изв. Ак. X, 426. «Требѣ бо є кръмнику корабль творещь, яко рыба творещу, иже дрѣво и кръчіе, и иже *неколъ* творитъ». Екз. Болгар.

тано пойдяхуть, не обращающе лодій [299])» Слѣдов. форма лодки была одинакова съ нынѣшней, имѣла носъ и корму; кромѣ того, у нея устроивались руль, *уключины* и *упруги* или дуги, пришитыя ко дну, чтобы лодка не коробилась [300]). Корабли и лодки имѣли паруса, хотя были гребныя и шли на веслахъ: «спотружаемся гребцемъ тоя лодьи». Необходимой ихъ принадлежностью также были якори и канаты; въ договорѣ Олега съ Греками постановлено условіе: «пойдуть же Русь домови, да емлютъ у царя вашего на путь брашно, и *якоря*, и *ужа* и *прѣ* и елика надобѣ [301])». По свидѣтельству Константина Багрянороднаго, на каждый парусъ русскаго корабля въ 949 г. выходило полотна по 30 локтей, а на парусъ меньшаго судна шло 28 локтей [302]). Легкая лодка, извѣстная подъ именемъ *челна*, упоминается уже въ Русской Правдѣ, приписываемой Изяславу (1054) [303]).

Въ раннее время встрѣчается также большое судно рѣчное—насадъ въ которомъ ходили на войну и предпринимали далекія путешествія; въ 1015 г. Глѣбъ плылъ отъ Смоленска по Днѣпру въ насадѣ; [304]) въ 1149 г. послалъ Изяславъ по Ростислава насадъ свой, «и что съ нимъ дружины, влезе въ насадъ, съ тѣми же и превезоша.» Изъ этого видно, что насады были довольно помѣстительны. Въ

---

[299]) Ипат. 59. Эта хитрость заимствована едва ли не отъ Грековъ; у нихъ такія лодки были еще въ 581 г. Memor. popul. II, 49.

[300]) Объ оснащиваніи лодокъ русскихъ есть извѣстіе у Конс. Богрянор. Memor. popul. II, 972. 974. Изв. Визант. Истор. III, 27—29. Левъ діак. Kalonc. 68. 84. 92. Названіе упруга встрѣчается въ Лавр. л. 48. см. Учен. Зап. Казанс. Универс. 1839 г. 2.

[301]) Лавр. 10. 13. 19. Паруса, прѣ назывались *вѣтрила*—λαίφη, vela; канаты—*ужи*; это названіе доселѣ слышится въ словѣ гужи; якорь иногда означается словомъ—*укотъ*, anchora. Кораблемъ правилъ рулевой—*кормникъ*, *кормчій* Изв. VI, 155. Корабли имѣли весла: «Весло гребьцемъ въ корабихъ.» Когда плылъ Глѣбъ, «не вѣстіи приближишася и имше корабль *ключи* и привлекоша къ себѣ, и иже быша о святомъ корабли, то ти положше *весла*, сѣдяху сѣтующеся». Сказ. о Бор. и Гл. 19.

[302]) Memor popul. II 274. Изв Визант. истор. III. 30.

[303]) Рус. Дост. 1, 51. Грам. 1229 г. Собр. гр. II, № 1. Новг. 107. Суда упоминаются въ Ник. 1, 174.

[304]) Лавр. 59. Этотъ насадъ въ отдѣльномъ сказаніи названъ кораблемъ. стр. 19. Довмонтъ ѣздилъ въ погоню *съ малою дружиною въ пяти насадахъ* противъ непріятеля. 1 Пск. 182. 199. Насады ходили по Днѣпру, Деснѣ, Дунаю, Волхову, Ладожскому озеру и Дону. Лавр. 59. Ипат. 83. 84. 143. Переясл. 63. Никон. II, 338. 343; IV, 53, 199. 1 Пск. 45. 1 Новг. 42. 49. 61. 106. Сл. о Пол. 218.

насадахъ Новгородцы плавали по Балтійскому морю съ торговыми цѣлями [305]). Отъ насада отличается *стругъ*, который оцѣненъ въ Русской Правдѣ (1054 г.) вдвое дешевле набойной ладьи; постройка струга, вѣроятно, была сходна по формѣ и величинѣ со стругомъ нынѣшняго времени; теперь стругъ поднимаетъ до 2000 пудъ грузу. Назначеніе струга и насада совершенно одинаково и они встрѣчаются вмѣстѣ въ древнихъ памятникахъ [306]).

Дощаникъ, отличный отъ лодки и отъ другихъ большихъ судовъ, назывался въ древнее время *учаномъ*; извѣстіе о немъ встрѣчается въ XII в. Хотя это судно было въ употребленіи и у волжскихъ Болгаръ; но названіе показываетъ, что оно русскаго происхожденія, какъ насадъ и стругъ. [307]) Водоходное судно, похожее на учанъ, носило названіе *мишана* [308]). О существованіи *паузковъ* нѣтъ извѣстій ранѣе XIV в. и они являются исключительно на Волгѣ, какъ суда товарныя. Въ 1372 г. тверской князь пограбилъ павозки торговцевъ новгородскихъ въ Торжкѣ; «а животовъ и товара 40 павозковъ свезе во Тверь» [309]). Слѣдоват. въ это время на Волгѣ павозковъ ходило уже значительное количество. Въ XIV также вѣкѣ являются *ушкуи*, легкія лодки, на которыхъ разгуливали новгородскіе разбойники по Балтійскому морю, по Волгѣ, Камѣ и Вяткѣ. Въ 1375 г. въ 70 ушкуяхъ помѣщалось

---

305) Ипат. 41. 1 Новг. 42. 69. Въ Сильвестр. Сборн. XIV в. русскій насадъ нарисованъ на подобіе глубокой лодки съ высокимъ носомъ и кормой.

306) Рус. Дост. 1, 51. Сл. о Пол. 240. А. Эксп. 1, № 14. Въ 1392 г. изъ Рязани въ Воронежъ везли «три струги да насадъ на колесѣхъ» и на нихъ ѣхали по Дону. Сказ. Сахар. II, VIII. 99. Стало быть, въ описаніи похода Олега въ Царьградъ мало сказочнаго: если въ XIV в. возили струги да насады, то и Олегъ могъ поставить свои лодки на колеса и ѣхать сухимъ путемъ. О стругахъ торговыхъ упоминается въ Воскр. л. 103; въ Собр. грам. 1, 67. 99. О нынѣшнихъ стругахъ см. Сѣвер. Арх. 1822 г. № 3. стр. 25.

307) 1 Новг. 80. 81. Пер. л. 93. Ипат. 126. Лавр. 165. Никон. II. 29. 1 Пск. 181. 242. 243. *Учянъ*, учанъ происходитъ отъ сл. *чанъ* и названіемъ показываетъ, что это судно было плоскодонное. Учаны ходили по Двинѣ съ товарами, какъ видно изъ смоленскаго договора съ Ригой 1229 г: «у кого ся избіетъ учанъ, а любо челнъ»....

308) Воск 103. Никон. IV, 12. Мишанъ имѣетъ корнемъ сл. *миса*.

309) IV Новг. 125. Собр. Грам. I, №17. II, № 13. Теперешніе паузки на Двинѣ строятся длиною въ 8 саж; шириною въ 3 саж; глубиною въ саду болѣе сажени; грузу несутъ болѣе 1000 пудовъ. Годъ на Сѣв. Максимова. Стр. 524. Названіемъ—*суды* означались и лодки и насады. Ник. II, 333.

2000 человѣкъ; значитъ, каждый ушкуй поднималъ около 30 человѣкъ [310]). Морское судно—*лойва* было нѣмецкаго или шведскаго происхожденія, впрочемъ употреблялось и Новгородцами, которые заимствовали его отъ иностранцевъ. Въ лойвахъ ходили Новгородцы воевать шведовъ и торговать по Балтійскому морю и Ладожскому озеру: «въ 1310 г. «ходиша Новгородци въ лодьяхъ и въ *лойвахъ* въ озеро» [311]). Два морскія судна, которыя находились у Шведовъ Чуди, Нѣмцевъ, Мурманъ и Ливонскихъ рыцарей, называются въ лѣтописяхъ *шнекой* и *бусой*. На этихъ судахъ иностранцы постоянно ходили войною противъ Новгородцевъ; Русскіе, кажется, этихъ судовъ не строили и не имѣли.[312]) Морское судно—*галея* (галера?) извѣстно было Русскимъ въ XII в.; вмѣстѣ съ насадами и учанами на галеяхъ производились по Волгѣ нападенія на Болгаръ. Нѣмецкое войско ходило въ галеяхъ опустошать новгородскую область: «иніи же кораблѣ ихъ и галеѣ стояху назадѣ.» [313]) Изъ греческихъ судовъ упоминаются въ русскихъ лѣтописяхъ *кубары*, *скедіи*, *дромоны*, *сандальцы*, *барки и катарги*. Хотя нѣкоторыя изъ этихъ судовъ и были въ употребленіи на Руси, но строились ли нашими предками,—на это нѣтъ опредѣленныхъ данныхъ[314]).

---

[310]) «Нѣмци избиша ушкуи Игнатя Малыгина.» 1V Новг 4. 49. 65. 71. Никон. IV, 12. 30. 44. Ист. Гос. рос. V, пр. 106.

[311]) 1 Новг. 9. 42. 64. 69. 11 Новг. 167. Подъ 1143 г. Лойва встрѣчается у Корелъ. Это шведская лайба. Ист. Гос. рос. II, пр. 282. IV, пр. 214.

[312]) 1 Новг. 9. 13. 20. 64. «Пришедше Мурмане воиною въ бусахъ и шнекахъ.» 1 Новг. 108. Ник. 1. 167. 231. «А иныхъ на мори въ бусахъ много побиша». 1 Пск. 213. Слѣд. буса есть судно морское. *Пабусы* встрѣчаются у восточныхъ купцовъ, торговавшихъ въ Нижнемъ Новгородѣ въ 1366 г., точно также *кербати* (карбасы) и *баѣты*. Ограбивъ Татаръ и Армянъ въ Нижнемъ, ушкуйники «съсуды ихъ *кербати* (*и паузски и кербасы*) и ладьи и учаны (и *мишаны* и *баѣты*) и *пабусы* и *струги*, то все посѣкоша, также и новгородскихъ (нижегородскихъ купцовъ) и жены и дѣти ихъ избиша и товаръ ихъ безчислено пограбиша и суды ихъ вся изсѣкоша.» Воскр. 103. Никон. IV. 12. Ист. Гос. рос. V, пр. 8.

[313]) 1 Новг. 128. Ипат. 25. Въ былинѣ о разбойникахъ говорится, что они «грабятъ бусы, галеры, разбиваютъ червлены корабли». Др. Рос. ст. 169.

[314]) *Кубара* есть греческій корабль (κηρβάριον, cubra, gombaria); въ кубарахъ ѣздили торговцы по Черному морю и Дунаю съ товарами. Лавр. 22. 47. 76. Въ 1159 г. Иванъ Берладникъ «шедъ съ Половци и ста въ городѣхъ Подунайскихъ, и изби двѣ кубарѣ и взя товара много въ нею.» Ипат. 83. 86. 143. Ник. 1, 212. *Скедія, олядія*—σχεδια, schedia—лодка: въ 941 г. «послаша Болгаре вѣсть ко царю, яко идуть Русь на Царьградъ скедій 10 тысящь».

О количествѣ различныхъ лодокъ, бывшихъ у нашихъ предковъ, можно судить по слѣдующимъ даннымъ: у Олега во время похода на Грековъ 907 г., по русскимъ извѣстіямъ, «бѣ числомъ кораблей 2000;» а по показанію греческихъ писателей, болѣе 1000 судовъ; у Игоря въ 941 г. было 10,000 судовъ во флотѣ, если вѣрить сказанію лѣтописей[315]). Въ 1158 г. Дручане, встрѣчая Рогвольда Борисовича, «выѣхаша противу ему болѣе 300 лодій Дрьючанъ и Полчанъ». Въ 1224 г. Галичане, Волыняне, Куряне вошли въ море и въ Днѣпръ на лодкахъ,— «бѣ бо лодій тысяща»[316]). Выше означено, что въ XIV в. павозковъ на Волгѣ было 40; о количествѣ ушкуевъ есть свидѣтельства, что ихъ въ 1374 г. было 96, а въ 1366 г. 150[317]). На основаніи этихъ не многихъ данныхъ можно заключить, что строеніе судовъ въ древней Руси было развито въ значительныхъ размѣрахъ. Это подтверждается и простымъ соображеніемъ, что, при плохомъ состояніи сухопутныхъ сообщеній въ древнюю пору, потребность въ судахъ была очень велика. Впрочемъ Русскіе имѣли только рѣчныя и озерныя суда собственнаго изобрѣтенія, а мореплаванію и устройству морскихъ лодокъ учились у иноземцевъ. Оттого у Новгородцевъ были лайбы шведскія, шнеки и т. п. Что же касается до вопроса: было ли строеніе судовъ древней Руси отраслью промышленности,— на это прямой отвѣтъ находится у Константина Багряно-

---

Лавр. 12. Изъ этого названія нельзя заключать, будто у Русскихъ въ то время были греческой постройки суда. Шлец. III. 33. 35. 38. 50. 58. Тамъ же см. о дромонахъ. *Сандалецъ—σανδαλις, σανδαλιον*, sandalus—челнокъ или родъ небольшаго судна. «Поидохомъ въ сандаліяхъ къ Царюгороду», пишетъ діаконъ Игнатій въ 1392 г. Сказ. Рус. нар. II, VIII, 98. 99. Въ повѣсти о Митяѣ (1380 г.) разсказыватеся, что онъ «разболѣся въ корабли и умре на мори..... и вложиша въ *варку*, еже есть въ меньшее судно и привезоша мертваго въ Галату». Пол. Собр. Лѣтоп. VIII, 29. О катаргахъ говорится, что онѣ были у Турокъ: «царь турскій приходилъ въ кораблехъ и *катаргахъ*». 1 Новг. 133; «имѣютъ же катарги веселъ 200, а иныя 300 веселъ. Въ тѣхъ судѣхъ рать по морю ходитъ». Путеш. Зосимы 1420 г. Сказ. Сах. II, VIII, 53.

[315]) Лавр. 12. Ліутпрандъ пишетъ, что у Олега было болѣе 1000 судовъ. Ист. Гос. р. 1, пр. 341. Лавр. 18.

[316]) Ипат. 82. 164. «Вящше двою тысящь.» Ник. II, 351.

[317]) Ист. Гос. рос. V, гр. 106. «Пройдоша Волгой изъ Новагорода изъ Великаго 150 ушкуевъ Новгородци разбойници ушкуйници, избиша Татаръ множество, Бесерменъ и Орменъ въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ, женъ и дѣтей.» Ист. Гос. рос. V, пр. 8. Въ 1409 г. у Новгородцевъ на Камѣ было 100 насадовъ да на Волгѣ 150. Ник. V, 29.

роднаго. Онъ пишетъ, что «Славяне, Кривичи, Лучане и другіе данники Руссовъ вырубаютъ зимою на горахъ своихъ лодки однодеревки и, обработавъ ихъ въ приличный видъ, отводятъ на ближайщія озера; какъ скоро растаетъ ледъ во время теплое и хорошее, они сплавляютъ ихъ на Днѣпръ и потомъ по этой рѣкѣ ведутъ до Кіева; здѣсь вытаскиваютъ, подвѣшиваютъ и продаютъ Руссамъ, которые покупаютъ однѣ только лодки. Снаряжаютъ же ихъ для употребленія уже сами, придѣлывая къ нимъ весла, уключины и прочее изъ ветхихъ разобранныхъ судовъ.» Потомъ далѣе онъ описываетъ плаваніе этихъ судовъ по Днѣпру въ Черное море и прибавляетъ: При устьѣ рѣки (Днѣпра), гдѣ находится островъ св. Еферія (Березань), снабжаютъ опять свои однодеревки не достающими потребностями: парусами, мачтами и кормовыми веслами, которыя привозятъ съ собою и т. д.[318]). Такимъ образомъ промышленность судостроительная началась съ древнѣйшихъ временъ; снасти у судовъ были тѣ же, какія видимъ теперь. Военныя лодки и торговыя не различались между собою; корабли княжескіе и лицъ высшихъ дѣлались красивѣе обыкновенныхъ судовъ[319])

---

[318]) Ист. Гос. рос. I, пр. 513. и текстъ. Въ Греціи купеческія суда были круглѣе, чѣмъ военныя. Изслѣд. Лерберга. 327.

[319]) Г Соловьевъ говоритъ: «Естественно, что корабль княжескій (Игоря) и другіе везшіе бояръ и слугъ княжескихъ были красивѣе, чѣмь корабли простыхъ воиновъ». Ист. Рос. I, стр. 107. Подъ 1043 г. отмѣчено: «бысть буря велика и разби корабли Руси, и княжъ корабль разби вѣтръ.» Лавр 66. Корабли окрашивались въ красную краску. Василій Буслаевъ и дружина его

Походили на червленъ корабль,
Подымали тонки парусы полотняные....
А и тычками къ берегу притыкалися,
Сходни бросали на крутой бережокъ....
Бросали они якори крѣпкіе,
Съ носу якорь, съ кормы другой,
Чтобъ крѣпко стоялъ, не шатался онъ.

Древн. Рос. Стих. 167—169. 173. 178. Вообще корабли любили дѣлать фигуристо; таковъ былъ соколъ—корабль Соловья Будимировича:

Носъ, корма — по туриному,
Бока взведены по звѣриному.,

Др. Рос. Ст. 2. Подобную форму корабля можно видѣть на печати г. Любека XIII в. Cod. dipl. Lubec. T. II. въ прилож. Образъ корабля-звѣря обязанъ своимъ происхожденіемъ скандинавскому міросозерцанію; на Руси украшались корабли по обычаю Скандинавовъ. Скандин. корабль на Руси. А. Котляревскаго. Древност. 39 и дал.

Въ дополненіе къ статьѣ о деревянномъ производствѣ, остается сказать о существованіи въ древней Руси лубяныхъ и мочальныхъ издѣлій. Относительно этихъ вещей сохранились въ языкѣ слѣд. названія: *лубіе*, *лыко*, *рогозина*, *коробья*. О коробьяхъ часто упоминается въ древнихъ памятникахъ; по всей вѣроятности, онѣ не рѣдко были и деревянныя въ видѣ сундуковъ и лубяныя; въ нихъ торговцы держали и развозили разные товары. Въ договорѣ 1265 г. упоминаются *коробы* химѣльные и льняные; въ самомъ Новгородѣ товаръ хранился въ коробьяхъ; въ пожаръ 1385 г. «вельми много погорѣло у купцевъ въ коробьяхъ всякого товара.» Сюда же нужно отнести различныя мѣры и сосуды, выдѣланные изъ бересты, какъ то: зобни, берестены, убороки или бураки, сита и рѣшета. Новгородцы, занимаясь плотничествомъ, навѣрно промышляли выдѣлкой и лубяныхъ издѣлій; въ Новгородѣ встрѣчается вмѣстѣ съ Плотинскимъ концомъ и Лубяницкая улица [320]). Если первое названіе дано отъ промысла жителей Плотянскаго конца, то нѣтъ основанія думать иначе и о названіи Лубяницы.

Вообще въ древней Руси промыслъ плотниковъ, поддерживаемый частыми пожарами, былъ выгоденъ; работы производили плотники артелями; существованіе лодокъ, деревянной посуды, мѣръ, телѣгъ и саней указываетъ на присутствіе въ древнемъ обществѣ особыхъ судостроителей, столяровъ, бондарей, колесниковъ. Но большая часть деревянныхъ издѣлій въ народѣ приготовлялась самими земледѣльцами; а суда морскія заимствованы были отъ другихъ народовъ.

2, КИРПИЧНОЕ И КАМЕННОЕ ДѢЛО.

О каменныхъ постройкахъ на Руси нѣтъ извѣстій ранѣе X вѣка. ([321]) Со времени распространенія христіанства, мастер-

---

([320]) Собр. Гр. 1, № 1. IV Новг. 92. I Новг. 74—75. *Зобня*—берестяный коробокъ, въ который насыпаютъ овесъ для лошадей. Труд. общ. 1, 199. Ист. Гос. р. 11, пр. 104, IV, пр. 247. V, пр. 283. VII, пр. 383.

([321]) Лавр. 21. Можно думать, что Русскіе вмѣстѣ съ деревянными подо-

ство кирпичное прилагалось долгое время почти исключительно къ сооруженію церквей. Положимъ, что главные архитекторы и художники въ X и XI в. были изъ Грековъ; но нѣтъ сомпѣнія, что постройки церквей производились при посредствѣ русскихъ плотниковъ, каменьщиковъ и столяровъ; иначе трудно объяснить, какъ при Ярославѣ сооружено было много церквей по городамъ и селамъ. Это подтверждается разсказомъ о созданіи кіевской Дестинной церкви. Предъ освященіемъ соборной церкви въ Печерскомъ монастырѣ не доставало каменной доски для престола, кто-то тайно пожертвовалъ и положилъ эту доску въ алтарѣ; игуменъ съ братіею долго и напрасно искали жертвователя; наконецъ рѣшили послать »тамо, идѣже дѣлаются таковыя вещи 3 гр. серебра, да тоя мастеръ возметъ за свой трудъ» [322]). Но пожертвовавшій мастеръ все-таки не сказался. Изъ этого видно, что въ то время были уже мастерскія и особыя артели, занимавшіяся постройкой каменныхъ зданій. Въ XII в. церквей каменныхъ было уже много по городамъ, такъ что въ одномъ Новгородѣ насчитывается до 25; кромѣ иностранныхъ мастеровъ, тамъ были и свои. Въ 1119 г. заложена въ новгородскомъ Юрьевѣ монастырѣ церковь Георгія каменная,» а мастеръ трудился Петръ.» Хотя лѣтописецъ замѣчаетъ объ Андреѣ Боголюбскомъ что» по вѣрѣ его и по тщанью его къ св Богородицѣ, приведе ему Богъ изъ всѣхъ земль мастеры;» но извѣстно, что каменьщики у него были Владимірцы. Въ другихъ городахъ тоже встрѣчаются русскіе мастера; въ 1373г. во Псковѣ самъ мастеръ Кирилъ постави въ свое имя церковь св. Кирила у смердья моста надъ греблею; въ 1399г. по распоряженію княгини Аксиньи переложена церковь въ Твери, а князь Михаилъ Алексѣевичъ позлатилъ ее и сотвориша каменосѣчцы *отъ плиты зженыя и убѣлиша* [323])

ми имѣли и каменные. Когда Авраамій пришелъ отъ предѣловъ галицкихъ въ Ростовъ, тамъ еще покланялись каменному идолу Велесу: «Видѣ преподобный прелесть идольскую сущу; не убо бѣ еще пріяша св. крещеніе, но чудскій конець поклоняшесь идолу каменну.» Ркп. Рум. Муз. № 397 л. 338 и № 156.

[322]) Лавр. 65. Посл. Симона въ Рукп. Патер. Новг. Соф. библ. № 502, л. 9. Фундаментъ церкви назывался иногда *подклѣтомъ*. П. С. Лѣт. IX. 169. Ник. I, 169. 171.

[323]) III Новг. 214. Лавр. 150. 1 Пск. 193. Ник. II, 255. IV, 284. Глина называлась ся *зѣдъ*, отсюда—*зданіе*; кирпичъ—плинтъ, плита—πλίνθος. Кирпичъ

По уцѣлѣвшимъ древнимъ церквамъ или развалинамъ нѣкоторыхъ церквей можно судить, какимъ образомъ производилась древняя каменная постройка. Стѣны Тмутороканской церкви, сооруженной Мстиславомъ въ XII в. состоятъ изъ дикаго кремнистаго камня, смазаннаго въ швахъ крѣпкимъ цементомъ красноватаго вида. Хоры или *палати* поставлены на осьми сѣраго мрамора колонахъ, а на хорахъ находились другія мраморныя колоны четырехгранныя, подпиравшія сводъ церкви до средняго купола. Въ каменномъ храмѣ св. Софіи, заложенномъ Ярославомъ, своды и хоры поддрживались колонами, большею частію сложенными изъ кирпича, и только двумя мраморными. Полъ церкви устланъ былъ плитами изъ бѣлаго мрамора и краснаго лещедника. На хорахъ уцѣлѣли небольшія мраморныя колоны и перила изъ гранита и лещедника съ вырѣзанными на нихъ обронной роботы орлами и другими изображеніями. Полъ въ средней части найденъ мозаическій, частію поливной горшечной работы, составленный изъ четыреугольныхъ плиточекъ. Стѣны клались толстыя и прочныя изъ разновидныхъ кирпичей, которыя связывались весьма вязскимъ и толстымъ растворомъ и по мѣстамъ перекладывались рядами отесаныхъ крупныхъ камней. Полы были изъ разнородныхъ камней или кафельные. Образцомъ древнихъ построекъ могутъ служить остатки древнихъ церквей. Димитріевскій соборъ во Владимірѣ, построеный въ 1194—7 г. сложенъ весь изъ извѣстковаго бѣлаго мягкаго камня. Выведены паралельно двѣ стѣны, промежутокъ между ними наполненъ булыжникомъ, обломками бѣлаго камня и залитъ известковымъ растворомъ, часто съ примѣсью ячменной или ржаной мякины. Этотъ цементъ такъ окрѣпъ отъ времени, что оказался тверже стѣны. Въ Новгородѣ и Кіевѣ ставили въ стѣну кирпичь по цареградскому обычаю, въ штукатуркѣ встрѣчаются клочки пакли. На постройку владимірской и боголюбской Покровской церкви добывали камни изъ каменоломенъ болгарскихъ, которыя послѣ знаменитой побѣды Боголюбскаго надъ Болгарами (1164), стали вывозить по его приказанію въ землю суздальскую въ

приготовляли изъ глины и обжигали. Пам. XII в, 117. Известь жгли изъ камня, какъ дѣлали Греки. Изслѣд. Лерберга. 326—227.

теченіе двухъ лѣтъ и послужили здѣсь для многихъ важныхъ построекъ. Вообще на сооруженіе церквей шелъ простой и часто обтесанный камень плитнякъ и булыжникъ, а по мѣстамъ и кирпичь и все это заливалось чрезвычайно вязкой известью, смѣшанною съ мелко набитымъ камнемъ [324]).

Постройка церквей шла очень быстро; такъ въ 1197 г. построена церковь каменная въ Русѣ, «нацяша дѣлати мѣсяця маія въ 21, а конциша мѣсяца іюля въ 31»; въ 1334 г. «создана бысть церкви св. Михаила на Москвѣ одиного лѣта». Но по пословицѣ, что дѣлается скоро, то бываетъ не споро: многія церкви разрушались и обваливались спустя немного времени, послѣ ихъ постройки. Это обстоятельство служитъ доказательствомъ, что искусство каменныхъ мастеровъ стояло на нисшей степени [325]).

Изъ камня Русскіе умѣли тесать кресты и выдѣлывать на нихъ разныя изображенія; доселѣ сохранилось нѣсколько такихъ крестовъ. Такъ есть крестъ Бориса полоцкаго (послѣ 1128 г.), найденный на Двинѣ; крестъ Святослава Всеволодовича (1224 г.) хранится въ Юрьевѣ польскомъ съ рѣзнымъ распятіемъ и рѣзными изображеніями святыхъ [326]). Издавна также на Руси были въ употребленіи каменныя и мраморныя гробницы и надгробные камни: св. Владиміра похоронили въ мраморномъ гробѣ, который называется *корстою*, а Ярослава положили *въ рацѣ* мра-

---

[324]) Подробно описаны древнія постройки въ Ист. Рус. Ц. 1, гл. 2. и друг.

[325]) I Новг. 24. Троиц. 230. Въ 1105 г. обрушилась церковь св. Андрея, построенная Всеволодомъ; въ 1123 г. упалъ переяславскій Михаиловскій соборъ, воздвигнутый митрополитомъ Ефремомъ; въ концѣ XII в. или въ началѣ XIII обрушилась ростовская церковь св. Богородицы, построенная Мономахомъ и суздальская Богородицкая, созданная Юріемъ Долгорукимъ; въ 1230 г. обвалилась церковь въ Переяславлѣ русскомъ. Въ 1380 г. упала новая церковъ въ Коломнѣ, построенная Донскимъ. Лавр. 119. 128. 193.

[326]) Рогвольдовъ камень 1175 г. находится въ 19 верстахъ отъ г. Орши, на немъ находится изображеніе креста и надпись. Зап. и труды общ. др. II, 195—197. Каменный крестъ съ надписью (1224 г.) хранится въ Никольской часовнѣ Софійскаго новгор. собора; крестъ съ рѣзными изображеніями праздниковъ и надписью (не ранѣе 1360 г.) вдѣланъ въ западную стѣну Софійскаго новгородскаго собора; до 1400 г. каменный надгробный крестъ съ надписью, выражающею желаніе здравія и спасенія, находится ок. Новгорода близъ Аркажа монастыря. Изв. Археол. общ. II, 94; III, 423. Изв. Акад. X, IV, 270.

морянѣ [327]). Рѣзныя украшенія по камню дѣлались въ церквахъ, въ которыхъ иногда устилали полъ разноцвѣтнымъ мраморомъ; въ 1223 г. въ Суздали церковь «измощена мраморомъ краснымъ разнюличнымъ»; въ 1262 г. ростовскій владыка Игнатій при князѣ Борисѣ Васильковичѣ «нача церковь крыти оловомъ и дно мостити мраморомъ»; въ 1291 г. Мстиславъ создалъ гробницу камену надъ гробомъ бабки своей Романовой, а въ г. Чарторыйскѣ заложилъ столпъ каменъ [328]). Мраморъ добывали съ юга Руси изъ Крыму и изъ земли угорской; въ галицкой области впрочемъ былъ свой разноцвѣтный камень, какъ упоминаетъ лѣтопись подъ 1259 г. о бѣломъ камнѣ галицкомъ и зеленомъ холмскомъ [329]).

Послѣ удовлетворенія религіознаго чувства, стремящагося принести высшему существу лучшій трудъ и драгоцѣнности, почтить прахъ любимыхъ почестями, для народа на первомъ планѣ было желаніе спокойной жизни и крѣпкой защиты отъ нападенія враговъ. И вотъ мы съ раннихъ поръ видимъ каменныя постройки около городовъ. Въ 1090 г. Ефремъ епископъ построилъ Переяславль городъ, зданіями украсилъ «и каменіемъ огради, потому что Ефремъ во Греціи бо бывъ и тамо всякой красотѣ научився» [330]). Въ 1190 г. Рюрикъ Ростиславичъ за-

---

[327]) Лавр. 56. 70. 78. 86. 88. Въ 1078 г. Изяслава въ Кіевѣ положили въ ракѣ мраморной. Въ 1175 г. игуменъ Арсеній о мертвомъ тѣлѣ Боголюбскаго сказалъ: «вложимы и любо си *въ буду* (деревянный гробъ), любо си въ гробъ... и вложиша въ гробъ каменъ». Ипат. 115. Въ 1178 г. Мстислава Ростиславича въ новгород. Софійскомъ соборѣ хоронили «и устроиша гробъ аспидной». Новг. III, 216. *Аспидомъ* назывался камень темносиняго цвѣта изъ рода яшмы.

[328]) Лавр. 196. Житіе Петра Ордынс. Прав. Соб. 1859, кн. 3, Ипат. 226. В. к. Всеволодъ «на своемъ дворѣ постави церковь рѣзанымъ каменіемъ вмч. Димитрія». Ник. II, 313. Тоже сдѣлалъ Юрій Долгорукій въ 1230 г. Тамъ же. 365. «Бѣ бо извну около всея церкве по каменю рѣзаны святыя чудны вельми».

[329]) Ипат. 196.

[330]) Лавр. 89. Ник. III, 213. IV, 284. Въ рукописномъ житіи Константина муромскаго сказано, что Муромъ имѣлъ прежде стѣны каменныя и *мраморныя*, отъ коихъ и названъ Муромомъ. Каменныя еще можно допустить, но мраморныя стѣны были бы роскошью и не для древней Руси, когда полъ въ церкви изъ мрамора былъ рѣдкостью. Если лѣтописецъ говоритъ о мраморной церкви кіевской въ XII в., то это названіе она получила, вѣроятно, отъ внутренней отдѣлки разныхъ частей ея мраморомъ. Ник. I, 176.

ложи стѣну камену подъ церковью св. Михаила у Днѣпра, иже на Выдобичи, о ней же мнози не дерзнуша помыслити отъ древнихъ, али на дѣло ятися. Говоря, что Рюрикъ «имѣя любовь не сыту о зданьихъ», лѣтописецъ прибавляетъ: «Изобрѣте бо подобна дѣлу и художника во своихъ си прiятелехъ, именемъ Милонѣгъ, Петръ же по крещенiю, акы Моисей древле оного Веселеила, и приставника створи богоизволену дѣлу и мастера не проста стѣны; и тако ятся зданiю не тощьно, во соблюденiе честнаго храма, ни отъ кого же помощи требуя». Изъ этихъ пышныхъ фразъ можно вывести заключенiе, какою рѣдкостью были, какъ каменныя постройки, такъ и русскiе мастера: до Рюрика даже не дерзали помыслить о постройкѣ стѣны [331]). Но съ XIV в. построенiе каменныхъ крѣпостей начинаетъ быстро подвигаться по разнымъ городамъ [332]).

Каменная постройка домовъ до XV стол. составляла большую рѣдкость; даже въ Новгородѣ и Псковѣ, городахъ торговыхъ и богатыхъ, почти вовсе небыло каменныхъ зданiй. Въ Кiевѣ былъ теремъ каменъ княжескiй и дворъ теремный; о немъ говорится въ 945 г., а подъ 1110 г. въ Печерскомъ

---

[331]) Ипат. 152—153. До XIV в. встрѣчаются постройки крѣпостей въ Новгородѣ, гдѣ основанiе каменнаго Дѣтинца приписывается Ярославу и относится къ 1044 г.; въ 1116 г. посадникъ заложилъ «Ладогу городъ камянъ», а въ 1199 г. Русу обложили камнемъ. I Новг. 4. 25. Довмонтъ построилъ плитяную стѣну во Псковѣ. Въ 1271 г. князь Димитрiй «обложи городъ каменъ Копорiю». I Новг. 63. Данилъ галицкiй также занимался постройкой крѣпостей.

[332]) Каменный Дѣтинецъ въ Новгородѣ построенъ въ 1302 г.; а въ 1331 г. «Заложи владыка Василiй городъ каменъ отъ св. Владимiра до св. Богородицы, а отъ Богородицы до Бориса Глѣба». Въ 1333 г. архимандритъ новгородскiй поставилъ стѣны «силою 40 саженъ съ забородами». I Новг. 66. 68. 69. Новг. III, 211. I Новг. 75. 76. Въ 1335 г. часть Славенскаго конца обнесена была каменною стѣною отъ церкви св. Ильи до Павла, а въ 1361 г. поновили городъ Каменъ. I Новг. 77. Въ 1365 г. задумали сдѣлать городъ каменный Москву и повезоша тое же зимы каменье къ городу, а въ 1367 г. стали ставить кремль. Ник. V, 13. 14. Въ 1372 г. суздальскiй князь Димитрiй заложи Новгородъ—нижнiй каменъ. Въ 1309 г. во Псковѣ заложили стѣну каменную; въ 1375 г. противъ Запсковья сдѣлана стѣна изъ плиты; въ 1377 г. два костра каменныхъ; въ 1386 г. три башни у новой стѣны; въ 1330 г. Псковичи поставили Изборскъ каменный. I Пск. 184. 198. Новг. III, 224. Такимъ образомъ въ XIV в. воздвигнуто было много крѣпостей; по обилiю камня въ псковской области, каменныя постройки встрѣчаются чаще, чѣмъ въ другихъ областяхъ.

монастырѣ упоминается трапезица каменная[333]). Отъ недостатка сосредоточенія капиталовъ въ рукахъ частныхъ лицъ, не могло возникнуть лишнихъ потребностей и прихотей, не могло быть стремленія къ удобствамъ жизни; поэтому и не доставало способовъ строить каменныхъ теремовъ, а ограничивались деревянными, удовлетворяющими необходимой потребности защиты отъ холода. Когда болѣе и болѣе стали скопляться богатства въ монастыряхъ и у не многихъ князей; то естественно явилось и болѣе желаній относительно построекъ и роскошныхъ украшеній. Въ Новгородѣ, благодаря торговымъ оборотамъ, и частныя лица могли строить каменныя церкви отъ себя[334]). Болѣе всѣхъ сѣверныхъ князей прославился скопленіемъ матеріальной силы суздальскій князь Андрей Боголюбскій и мы видимъ, что въ его княженіе болѣе всего построено зданій каменныхъ и украшено церквей. По убіеніи Андрея въ 1175 г., «разграбиша домъ княжь и дѣлатели, иже бяху пришли къ дѣлу.» Владиміръ населенъ былъ людьми ремесленными, которые держали сторону Боголюбскаго и жили отъ его строительной дѣятельности. Народъ ожесточенъ былъ противъ князя и его приверженцевъ, вѣроятно, за излишніе поборы, на которые Андрей совершалъ значительныя постройки, казавшіяся народу безполезными. Потому-то и случилось такого рода происшествіе: Владимірцы «не хотяче покоритися Ростовцемъ и Суздальцемъ и Муромцемъ, зане молвяхуть: пожьжемъ Володимерь, аль пакъ иного посадника въ немъ посадимъ: то суть нашѣ холопѣ *каменьници*»[335]). Изъ этого видно, что Владимірцы преимущественно занимались постройками зданій, какъ Новгородцы отличались плотничествомъ; у нихъ существовалъ даже конецъ плотинскій. Мастерства составляли промышленное достояніе разныхъ областей: въ каждой области, вѣроятно, была своя

333) Лавр. 23. 121. Выраженіе—подъѣдати на камени — значитъ выстроить на каменномъ фундаментѣ. Подъ 1142 г. упомянуто о каменной темницѣ. Ник. 1, 179.

334) Напримѣръ, въ 1050 г. построилъ церковь Сатко Богатый; 1115 заложилъ гость ц. кам. св. Ѳедора среди Щирковы улицы; 1192 г. поставила кам. церковь Широжкина дщи и проч. I Новг. 4. III Новг. 207. 213. 217. 225. I Новг. 30. 57. 69. 88. 95. 97.

335) Лавр. 157. Ипат. 117.

спеціальность. Постройкой занимались Данилъ галицкій и Владиміръ Васильевичъ; оба они имѣли достаточныя средства для этого. Данилъ построилъ и украсилъ знаменито городъ Холмъ 1259 г.; тамъ была церковь его постройки; а въ ней камень разноцвѣтный, мраморъ... «Двери же ей помостъ бѣ слитъ отъ мѣди и отъ олова чиста, яко блещатися яко зерцалу; двери же ей двоя украшены каменьемъ галичкымъ бѣлымъ и зеленымъ холмскимъ тесанымъ, узоры тѣ нѣкымъ хытрецемъ Авдьемъ, прилѣпы отъ всихъ шаровъ (красокъ) и злата... Вѣжа же средѣ города высока, подздана каменьемъ въ высоту 15 лакотъ»... При церкви Козмы «4 столпы изъ цѣла камени истесанаго держаща верхъ, съ тѣхъ же другыи, и въ олтарь пресв. Дмитрея стоить же ти предъ бочными дверми красенъ, *принесенъ издалеча*; стоитъ же столпъ поприще отъ города каменъ, а на немъ орелъ каменъ изваянъ»... Впрочемъ нужно замѣтить, что всѣ эти каменныя издѣлія были не русскаго мастерства. Тотъ же Данилъ въ 1260 г. принесъ въ Холмъ «чашю отъ земля Угрьскыя мрамора багряна, изваяна мудростью чюдну, и зьмьевы главы бѣша округъ ея». Подъ 1288 г. обозначено, что Владиміръ галицкій въ Каменцѣ создалъ столпъ каменный въ 17 саженей высоты, а Каменецъ построилъ на берегу Лысны въ 1276 г., «зане бысть земля камена». Въ Берестьи онъ тоже построилъ каменный стопъ одинаковой высоты съ каменецкимъ.

Итакъ мастерство каменьщиковъ имѣло только приложеніе къ постройкамъ церковнымъ и уже только къ концу XIV столѣтія стали болѣе и болѣе появляться зданія кирпичныя, особенно въ домахъ архіерейскихъ и по монастырямъ. Неутомимый владыка новгородскій Василій поставилъ у себя на дворѣ каменную ключницу, палатку [336]). Въ житіи митрополита Алексѣя послѣ 1378 говорится, что онъ «на Москвѣ церковь каменну во имя св. архистратига Михаила украси иконами и книгами и съсуды священными и просто рещи всякими узорочіи церковными и устрои ту общій монастырь, и постави въ немъ трапезу велію камену и погребы камены, еже есть и донынѣ».

---

[336]) Ип. 196—197, 222—223. I Новг. 76. 103. 112. 113. 114. О кременецкомъ столбѣ см. статью И. И. Срезневс. въ Запис. Акад.

и хрусталь не умѣли приготовлять на Руси до XV в., а добывали его изъ другихъ странъ.

По всему замѣтно, что промыселъ кирпичниковъ и каменьщиковъ въ раннюю пору былъ на нисшей степени развитія, и работа ихъ ограничивалась постройкой церквей и крѣпостей; только въ XIV вѣкѣ дѣятельность ихъ усилилась. Горшечное производство съ раннихъ поръ было значительно, а стекляннаго вовсе не существовало; стекло добывали отъ другихъ народовъ. Главные мастера каменныхъ зданій большею частію были или Греки или Нѣмцы.

з) Металлическое производство.

Финны издавна извѣстны были, какъ искусные кузнецы, и потому образовалось мнѣніе, будто сѣверные народы научились отъ нихъ кузнечному искусству. Но разныя названія, относящіяся къ *кузнечному* дѣлу, *ковкѣ* и *литью* металлическому, у славянскихъ народовъ самобытнаго, а не чуждаго происхожденія; напротивъ въ финскій языкъ зашло слово-*руда* славянскаго корня. Вообще есть болѣе данныхъ принимать, что индо-европейскія племена пришли въ Европу съ умѣньемъ обработывать металлы, не исключая желѣза, что кузнечное мастерство возникло у нихъ сомостоятельно, а не заимствовано отъ другихъ народовъ. [341])

а) *Желѣзныя и мѣдныя издѣлія.*

Множество названій русскихъ и славянскихъ разныхъ желѣзныхъ орудій убѣждаетъ въ томъ, что Русскіе умѣли издавна плавить желѣзную руду и выдѣлывать изъ нее желѣзо. Устюжна-желѣзнопольская самымъ названіемъ по-

---

[341]) О значительномъ и раннемъ металлическомъ производствѣ у финскихъ племенъ см. Шегрена—Zur metallkunde der alten Finnen und anderer tschudischer Yolker, въ его Gesammelte Schriften. Спб. 1861 г. I, 623 и дал. Эйхвальда «О Чудскихъ копяхъ» въ Зап. Арх. общ. IX, 2, стр. 270 и дал. О самостоятельномъ возникновеніи и образованіи бронзовой и желѣзной культуры на Руси весьма дѣльную статью написалъ А. Котляревскій: «Металлы и ихъ обработка въ доисторическую пору у племенъ индоевропейскихъ.»

называетъ, что поселенцы въ этомъ мѣстѣ занимались разработкой желѣзной руды. [342]) Въ Ненoксѣ также были желѣзныя руды и продавалась руда для выплавки, что дѣлали сами крестьяне. Въ новгородской купчей XIV или XV вѣка говорится, что Чевака купилъ Исаковское перевѣсище въ Ненoксѣ и поженку на Нижней рѣкѣ, далъ 30 бѣлъ, «пополника два сугреба желѣза въ Ненoксѣ» [343]). Какимъ образомъ совершался первоначальный способъ выплавки желѣза, можно безошибочно заключить, наблюдая простые пріемы выдѣлки въ настоящее время въ Устюжнѣ, въ которой доселѣ желѣзное производство своей патріархальностью напоминаетъ первобытныя времена. Тамъ собираютъ бѣловатую землицу, пережигаютъ въ ступкахъ горна, послѣ чего она превращается въ краснобагровую, потомъ въ темносиній крѣпкій металлъ [344]).

Употребленіе въ древней Руси различныхъ желѣзныхъ вещей свидѣтельтвуетъ о существованіи кузнечнаго промысла у нашихъ предковъ. Чтобы имѣть понятіе о размѣрахъ и степени этого промысла, нужно обратить вниманіе, какъ великъ былъ кругъ этихъ вещей; при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду уже самыхъ названій желѣзныхъ издѣлій: если у нашихъ предковъ сложилось понятіе и выразилось въ языкѣ словомъ, то безъ сомнѣнія, это зависѣло отъ знакомства ихъ съ самымъ предметомъ. Въ древнее время кузнецъ назывался иногда *ковалемъ*. Изъ желѣзныхъ издѣлій встрѣчаются въ употребленіи въ древней Руси *топоръ* или *сѣкира*, *ножъ и ножницы* [345]), *заступъ* называется *рога-*

[342]) Лѣтописецъ говоритъ подъ 1096 г., что ему разсказывалъ Новгородецъ Гюрята Роговичь, посылавшій отрока своего въ Югру, будто Югра ходятъ къ горамъ непроходимымъ, въ которыхъ сидятъ люди, «и въ горѣ той просѣчено оконце мало, но кажутъ на желѣзо и помаваютъ рукою, просяще желѣза; и аще кто дасть имъ ножь ли, сѣкиру ли, дають скорою противу.» Лавр. 107. Изъ этого видно, что сношенія съ приуральскими народцами начались рано и что сибирскіе народы вымѣнивали у Русскихъ желѣзныя орудія на мѣха. Кромѣ того, этотъ фактъ подтверждаетъ мнѣніе, что горная разработка для финскихъ племенъ была не доступна.

[343]) А. Юр. № 71, III.

[344]) Архивъ историко-юрид. Калачева, 1859 г. кн. 5.

[345]) Встарину кузнецомъ называли и золотыхъ дѣлъ мастера. Топоръ и ножъ употреблялись и въ домашнемъ быту и для вооруженія на войнѣ; устройство тѣхъ и другихъ было не одинаково. Ножи были поясные и засапожники. Лавр. 63. 75. 111. 116. Сл. о Пол. 140. Ник. I, 21. Ипат. 176. 185. Слово—ножницы

мей, *мотыкою* и *лыскаремъ*, а не рѣдко *киркою* — словомъ греческаго происхожденія (κίρκος) [346]); изъ кухонныхъ желѣзныхъ издѣлій очень рано упоминается *котелъ*, какъ принадлежность воина во время походовъ, *трьногъ* или *таганъ*, *сковрада*; большой котелъ, употреблявшійся для выварки соли, назывался *црьномъ* [347]). Нѣтъ нужды доказывать, что эти простыя издѣлія выковывались русскими мастерами: *вѣсы* и гири или *ставила*, *пуды* въ Смоленскѣ выдѣлывали свои кузнецы; нѣтъ основанія думать, чтобы и другія поименованныя желѣзныя вещи не умѣли дѣлать на Руси. Въ смоленской грамотѣ 1229 г. говорится:» *пудъ* дали Нѣмцы Волочаномъ... коли исказиться, а подругъ его лежить въ нѣмецской божницы, а другыи *ковати* изверньши тѣмь» [348]). Какъ принадлежность домашняго хозяйства, въ древнихъ памятникахъ упоминаются *косари*, *гвозди*, *шила* и *удочки* [349]).

Изъ земледѣльческихъ желѣзныхъ орудій въ древнемъ языкѣ существуютъ названія *лемеха*, *рала*, *косы и серпа* [350]). Плотничество и столярное мастерство, бывшее у нашихъ предковъ, необходимо предполагаютъ, что инструменты для веденія этого мастерства выдѣлывались кузнецами также съ ранняго времени. Въ древнихъ памятникахъ встрѣчаются названія *пилы*, *долота*, *сверла и тесла*; изъ кузнечныхъ орудій упоминается *наковальня*, *молотъ и клещи* [351]).

замѣняется названіемъ: *рѣзальникъ* теперь *рѣзакомъ* или рѣзальникомъ называются ножницы у мѣдниковъ, прикрѣпляемыя одной ручкой не подвижно къ столу и назначаемыя для рѣзанія листоваго желѣза и т. п.

[346]) »Азъ же врстроихъ 7 дній *рогалие*, ими же копати,» говоритъ Несторъ. Лавр. 84. По словамъ житія. къ Исакію приступали бѣсы,» страхъ ему творяче въ мечтѣ, яко се многъ народъ съ мотыками, лыскарѣ, глаголюще: раскопаемъ печеру сію.» Лавр 90.

[347]) Лавр. 27. Въ котлѣ варили пищу Кіевопечерскіе монахи при Θеодосіѣ. Ркп. Рум. Муз. № 305 л. 66. Пол. Собр. Лѣт. VI, 100. Ник. V, 38.

[348]) Собр. Грам. II, № 1. Грам. касающ. снош. съ ганз. гор. № VII. Ист. Гос. р. I, пр. 506. Ник. I, 223.

[349]) Лавр. 13. I Новг. 26. 28. IV Новг. 148.

[350]) 1 Новг. 101. Пам. XII в. 83.

[351]) Въ словѣ о небесныхъ силахъ, приписываемомъ Авраамію, изображается явленіе смерти так. образомъ: «явится смерть, оружіе носяще всякое, и мечь и пилы, и сѣкиры, и рожвы, и пришедъ е разъемлетъ вся уды человѣческія по составамъ». Изв. Акад. IX, 188. Пам. XII в. 238. *Сверломъ* называется теперь большой буравъ, а *тесломъ* — полукруглое долото, насаживаемое на ру-

Кромѣ этихъ вещей, въ большомъ употребленіи въ древней Руси были *желѣза*, т. е. цѣпи для заковыванія плѣнныхъ[352]). *Замки* также были въ ходу съ раннихъ поръ[353]).

Но самое большое и, вѣроятно, выгодное занятіе кузнецы должны были находить въ выдѣлкѣ военныхъ вооруженій. Еще въ 861 г. Новгородцы прогнали воинственныхъ Варяговъ за море; это необходимо предполагаетъ, что у нихъ было много оружія и въ то время. Извѣстно, что у князей въ кладовыхъ хранилось въ запасѣ много желѣза; такъ въ 1146 г. разграбили Ольговичи сельцо и дворъ князя Игоря, «и что тяжкаго товара всякаго, до желѣза и до мѣди, не тягли бяхуть отъ множества всего того вывозити» [354]). Эти запасы, конечно, готовились преимущественно для выдѣлки изъ нихъ оружія. Въ воинственную средневѣковую пору оружіе дорого цѣнилось; оно было разнообразнѣе до открытія пороха; по множеству встрѣчаемыхъ опасностей, и распространено было оно въ народѣ сильнѣе, чѣмъ въ послѣдующее время, какъ стали организоваться постоянныя войска.

Русскіе воины вооружались, кромѣ топоровъ и ножей, *мечами*, *саблями*, *копьями*, *рогатинами*, *кончарами*, *сулицами* [355]); оборонительное ихъ оружіе состояло изъ

коятку на подобіе топора; тесло употребляется для выдалбливанія ульевъ, корытъ и т. под. Ипат. 5.

[352]) Мать Θеодосія заковывала сына въ желѣза. Ркп. Рум. Муз. № 319, л. 110. Сказ. о Бор. и Гл. 81—82. Лавр. 110. Ипат. 80, 86. 1 Новг. 18. 43.

[353]) Въ 1169 г. Θедорецъ велѣлъ «церкви всѣ въ Володимери затворити и ключѣ церковныя взя, и не бысть ни звоненья, ни пѣнья». Лавр. 152. Святославъ въ Кіевѣ 1194 г. «пріиде къ отни гробници и хотѣ внити по обычаю; попови же отшедшю съ ключемъ». Ипат. 114—115. 117. 143. Ник. 1, 254.

[354]) Ипат. 26.

[355]) Мечи, сабли, копья упоминаются въ договорѣ Игоря 945 г. Лавр. 20. 28. Ник. I, 31. 249. *Мечи* дѣлались съ рукоятью и носили ихъ въ ножнахъ. Рус. Пр. I, 4. 17. Лавр. 144. Они были вороненые или харалужные. Сл. о Пол. въ Рус. Дост. ч. III, 136. Мам. побоищ. въ Рус. Ист. Сборн. III, 23. Ипат. 22. 64. 109. 115. 172. 1 Новг. 73. IV Новг. 106. *Сабля*—оружіе восточныхъ народовъ: печенежскій князь подарилъ саблю Претичу. Лавр. 28. 88. Ипат. 24. 64. 90. 109. 115. 172. Собр. грам. I, 51. Сл. о Пол. 84. Никон. IV, 31. *Копья (лущи)* дѣлались гранныя, насаживались на древко или *оскепище*. Ипат. 9. 169. 172. Ист. Гос. р. II, пр. 225. III, пр. 346. Сл. о Пол. 84. Копья упоминаются харалужныя. Мам. поб. 23. *Рогатины* были боевыя и охотничьи. Лавр. 140. 1 Новг. 16. Ипат. 47. 192. *Кончаръ* или *кончанъ* отъ татарск. сл. *ханд-жаръ*—кинжалъ, оружіе съ длиннымъ клинкомъ, назначаемое для пробиванія броней. Рус. Ист. Сбр. III, 23. Ист. Гос. рос. IV, пр. 428. Копья назывались *сулицами*, *оск-*

щитовъ, *шлемовъ и броней* [356]), а метательное изъ *луковъ* и *стрѣлъ* [357]). Оружіе у Русскихъ не все было собственнаго издѣлія: немало употребляли они вооруженій иностранной работы, какъ европейской, такъ и азіатской. Уже Ибнъ-Фоцланъ замѣтилъ, что мечи у Руссовъ были работы европейской; въ древнихъ памятникахъ въ числѣ вооруженій упоминаются *сулицы ляцкія*, *шеломы латинскіе*, *колчары фряжскіе* [358]). Извѣстно, что шведскій король Биргеръ II, во время размолвки съ Новгородцами, запрещалъ провозить въ Россію оружіе чрезъ Балтійское море. Слѣд. Русскіе добывали оружіе не рѣдко отъ европейцевъ и поэтому нѣтъ основанія отвергать показаніе Татищева, что Изяславъ въ 1151 г. «довольно отъ Грековъ оружія купилъ и войскамъ своимъ раздавалъ» [359]). Изъ восточнаго оружія упоминаются въ нашихъ памятникахъ *копія аравитьская*, *шеломы оварскыя;* колантыри, байданы, кончары, сабли,

---

пами, совнями. 1 Новг. 49. Ник. III, 330. Сказ. о Бор. и Гл. 21. Сл. о Пол. 164 IV Новг. 106. Ист. Гос. рос. II, пр. 215. III, пр. 343.

[356]) *О щитахъ* упомянуто въ договорѣ Игоря. Лавр. 20. 28; въ Рус. Пр. I. 17; Лавр. 144. 153. Щиты дѣлались изъ булата и желѣза и сіяли «яко зоря», Ипат. 178 186. Воскр. 90. Щиты раскрашивали, какъ можно видѣть изъ Сл. о Пол: «Русичи великая поля *чрълеными щиты* прегородиша», стр. 46. Мам. Поб. 28. *Чечакъ*, *шишакъ* дѣлался изъ стали и мѣди: воины Даниила отлично были вооружены въ 1251 г.: «шеломъ же ихъ, яко солнцю восходящу». Ипат. 186. Лавр. 144. Шеломъ назывался *прилбицей*. Ист. Гос. рос. III, пр. 2. 272. IV. пр. 386. V, пр. 76. Ипат. 104. 180. Ник. VI, 118. Шлемы отличались блестящими украшеніями: «Камо туръ поскочяше своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая,— тамо лежать головы половецкыя». Сл. о Пол. 136. Собр. грам. I, 40. 42. *Брони* русскія упоминаются въ договорѣ Игоря. Лавр. 20. 28. 142. Тровц. 213. Ник. II. 353. Онѣ были *досчатыя и кольчатыя* (кольчуги). Брони назывались *колантырями*. Пов. о Мам. Поб. 23. Ист. Гос. рос. V, 428. Ibn-Foszlan. 115. 1 Новг. 47, 82. *Панорзи—паперси* тоже означаютъ родъ латъ. Сл. о Пол. 164. *Байдана*—доспѣхъ въ видѣ рубахи изъ плоскихъ колецъ. Мам. Поб. 23. Опис. одеждъ и вооружен. рус. войскъ. I, стр. 40. 45. пр. 96. 109. Истор. Гос. рос. V, пр. 428. Брони, вѣроятно, были очень тяжелы, потому что во время отступленія или побѣга ихъ обѣзывали и бросали. IV Новг. 57. Древн. рос. гос. III, № 4.

[357]) *Луки* называются иногда *рожанци*; они дѣлались изъ стали. Ипат. 186. Сл. о Пол. 82. Ист. Гос. рос. III, пр. 6. *Самострѣлъ* означаетъ стальной большой лукъ, вдѣланный въ деревянную соху: у Кончака «бяху луци тузи самострѣльніи, одва 50 мужь можашеть напрящи». Ипат. 26, 28. Самострѣлы бывали псковскаго и московскаго дѣла. Ист. Гос. рос. V, пр. 94. *Стрѣлы* принадлежали къ числу дорогихъ подарковъ. Лавр. 28.

[358]) Сл. о Пол. 164. 172. Въ Пов. о Мам. Поб. говорится, что грянули *шеломы нѣмецкія*, *байданы бесерменскія*, *колчары фряйскія*, *корды лятцкіе*. 23.

[359]) Cod. diplom. Lubec. I, DCXXXI, стр. 570. Ист. Рос. Татищева, кн. III, стр. 40.

чечаки перешли въ Россію изъ Азіи, какъ показываютъ самыя названія. У Данила галицкаго отлично вооружены были воины, и всѣ дивились ихъ оружію татарскому [360]). Самые кузнецы и слесари въ Россіи были иноязычники, по выраженію лѣтописи. Когда основалъ Данилъ галицкій г. Холмъ (1259 г.), то «нача призывати прихожаѣ—Нѣмцы, Русь, иноязычникы и Ляхы; идяху день и во день и уноты и мастерѣ всяціи бѣжаху изъ татаръ, сѣдельницы и лучницы, и тульницѣ и кузнецѣ желѣзу и мѣди и сребру, — и бѣ жизнь, и наполниша дворы окрестъ града поле и села» [361]). Впрочемъ иностранныя издѣлія и оружіе были у князей и у высшихъ классовъ въ древней Руси, а большая часть народа пробавлялись своими желѣзными издѣліями. Кузнецы русскіе существовали въ Кіевѣ уже въ XII стол. и составляли особый классъ мастеровыхъ; они имѣли кузницы около городскихъ воротъ, которыя поэтому и назывались *кузнечими*. Еще ранѣе сообщается свѣдѣніе о кузнецахъ, бывшихъ въ Курскѣ: когда тамъ жилъ Θеодосій, онъ «шедъ къ единому отъ кузнецъ и повелѣ ему желѣзо съчепато сковати, иже вземъ препояса имь по чреслѣхъ своихъ» [362]). Преп. Несторъ для раскопки могилы Θеодосія самъ дѣлалъ заступъ. Оружіе, иногда съ различными украшеніями и надписями, приготовлялось собственными мастерами, что наглядно доказываетъ булатный шлемъ Ярослава—Θедора древней русской работы, сохранившійся отъ 1216 г. [363]). Лу-

---

[360]) Мам. Поб. 23. Сл. о Пол. 66. Самое слово *харалужный*, прилагаемое къ мечамъ, копьямъ и другому оружію, турецко-татарскаго происхожденія: *харалугъ* значитъ черное желѣзо, вороненое. Рус. Дост. III, 136. Ипат. 196.

[361]) Ипат. 196.

[362]) Ипат. 44. Ркп. Рум. Муз. № 319 л. 110. Въ кузницахъ раздували огонь *мѣхами*, какъ можно заключать изъ выраженія Заточника: «Не огнь творитъ разженіе желѣзу, но надыманіе мѣшное.» Копенгаг. спис. Изв. Акад. X, 111. Встрѣчается названіе *горна* или *горнила* въ древнемъ языкѣ.

[363]) Лавр. 84. Шлемъ Ярослава Всеволодовича переяславскаго обложенъ чеканными серебряными и позолоченными бляхами, имѣетъ на верхней части вычеканенныя изображенія Спасителя, великомуч. Георгія, Василія В. и Θеодора. Спереди изображенъ арх. Михаилъ съ чеканной надписью: «Великій архистратиже господень Михаиле, помози рабу своему Θедору.» Этотъ шлемъ найденъ подъ кочкой близъ рѣки Колокши вмѣстѣ съ скипѣвшейся отъ ржавчины кольчугой, гдѣ Ярославъ разбитъ былъ Мстиславомъ новгородскимъ и въ побѣгѣ сбросилъ съ себя для облегченія оружіе и одежду. Древн. рос. гос. III, № 4.

ки или самострѣлы бывали московскіе и псковскіе; мастера щитовъ были и въ Новгородѣ: въ сраженіи съ Литвой 1234 г. убили Новгородца Гаврила Щитника, а нѣсколько позже—Якова Гвоздочника [364]). Промышленность оружіемъ началась съ ранняго времени, такъ что его продавали на торгу [365]).

Все это приводитъ къ заключенію, что въ древнее время изъ желѣзной руды, добываемой на Руси, приготовляли различныя вещи для домашняго обихода, земледѣльческія орудія, плотническіе инструменты и воинскія вооруженія. Хотя Русскіе до XV в. пользовались иностранными желѣзными издѣліями или вещами, выдѣлываемыми кузнецами—иностранцами на Руси; но эти издѣлія распространены были не во всѣхъ мѣстностяхъ и не во всѣхъ классахъ общества, а преимущественно у высшихъ лицъ. Главнымъ образомъ желѣзныя вещи въ оборотѣ массы народной были русскаго мастерства, можетъ быть, менѣе искусной выдѣлки сравнительно съ работой чужихъ мастеровъ.

Что касается до другихъ металловъ, которые извѣстны были Русскимъ въ древнее время, то можно указать на мѣдь, олово и свинецъ [366]). Мѣдное и вообще литейное производство на древнемъ языкѣ называлось *котельнымъ*, а мастера—*котельниками*. Въ курганахъ и кладахъ постоянно открываются мѣдныя вооруженія, кольца и обручи въ видѣ жгутовъ изъ проволокъ. Грубая не искусная работа обличаетъ первоначальные пріемы мастерства; но какъ древни эти вещи, рѣшить мудрено [367]). Литейщики или котельники древней Руси находили для себя достаточно работы по производству колоколовъ, которые являются очень ран.. Въ 1067 г. Всеславъ Брячиславичъ полоцкій напалъ на Новгородъ и «пойма все у св. Софіи и паникадила и колокола и отъиде» [368]). При разграбленіи городовъ въ числѣ воен-

[364]) Ист. Гос. рос. V, пр. 94. Мам. Поб. 23. 1 Новг. 50.

[365]) Рус. Прав. II,28.

[366]) Хожд. Дан. 22. Лавр. 173. Ипат. 196. 197.

[367]) Оружіе въ древнюю пору бывало мѣдное; это можно заключить изъ того, что въ древнихъ памятникахъ упоминаются *сѣкира мѣдяна*, *рожанци мѣдяны*. Сл. И. И. Срезн. Въ былинѣ описывается палица Ильи Муромца тяжкая мѣднолитная въ 3000 пудъ. Древн. Рос. Стих. 249.

[368]) 1 Новг. 2. Въ 1146 г. Ольговичи взяли колокола въ Кіевѣ; въ 1171г.

ной добычи очень часто упоминаются колокола; по этому можно судить, что колоколовъ было не много и ими очень дорожили. Отъ 1284 г. сохранилась даже грамота смоленскаго князя Өедора Ростиславича о судѣ про колоколъ[369]). Въ древнихъ памятникахъ часто упоминается о колоколахъ большихъ, существовавшихъ въ разныхъ городахъ; но эта величина очень сомнительна: въ 1342 г. новгородскій владыка Василій «повелѣ съліяти *колоколъ великъ* къ св. Софіи, и приведе мастера съ Москвы человѣка добра, именемъ Бориса». Этотъ великій колоколъ не вѣсилъ и ста пудовъ [370]). Первоначальпо, по всей вѣроятности, литейщики колоколовъ были изъ Грековъ, потомъ явились и собственные мастера. Лѣтотисецъ пишетъ подъ 1259 г. о пожарѣ г Холма: «Прилучижеся за грѣхы загорѣтися Холмови отъ окаяньныя бабы.... и вси иконы погорѣша въ церкви св. Іоанна, одинъМихаилъ остася чудный, и колоколы и то все огнь попали, внутренній ей помостъ бѣ слитъ отъ мѣди и отъ олова чиста.... Колоколы принесе (Данилъ) изъ Кіева, другія ту солье, то все огнь попали.... И мѣдь отъ огня яко смола ползущь». Владиміръ галицкій (до 1288 г.) «полія колоколы дивны слышаніемъ». На колоколѣ соборной Юрьсвской церкви въ Львовѣ есть надпись: «6849 г. (1341 г.) сольянъ бысть колоколъ сіи Юрью при князи Дмитріи игуменомъ Евфимьемъ» [371]). Въ 1346 г. на Москвѣ слиты быша 3 колоколы большихъ, да два малыхъ, «а лилъ мастеръ Бориско». Мѣдныя издѣлія, какъ и желѣзныя, у иностранцевъ были лучше и потому въ Русь южную призывали мастеровъ изъ Греціи, а въ восточную отъ Нѣмцевъ, или вывозили вещи ихъ выдѣлки; такъ св. Владиміръ, идя изъ Корсуня въ 988 г., взялъ «мѣдянѣ двѣ капищи и 4 конѣ мѣдяны, иже и нынѣ стоять за св. Богородицею», добавляетъ лѣтописецъ [372]); врата новгородской Софійской церкви

Мстиславъ Андреевичъ ограбилъ Кіевъ, «и колоколы изнесоша вся». Ипат. 27. 100. См. также. Собр. грам. I. № 13. № 17.

[369]) Ник. I, 238. Грам. кас. до снош. съ Ригой. № IV.

[370]) I Новг. 81. Подъ 1272 г. перелается, что въ Нижнемъ Новгородѣ у св. Спаса большой колоколъ самъ о себѣ позвонилъ трижды; въ 1305 г. «избишась въ Ростовѣ два колокола великая». Ипат. 196—197. Троиц. 232. Ник. III, 182.

[371]) Ипат. 223. Изв. А. Н. X, IV, 297.

[372]) Лавр. 50.

дѣланы шведскими мастерами. Вообще Русскіе называли иностранныя издѣлія *корсукскими*, какъ названы и эти врата. Впрочемъ мѣдныя двери устроивали и своими мастерами: въ XIII в. Владиміръ галицкій «двёри соліа мѣдяные»; въ 1344 г. въ тверскомъ соборѣ устроены были мѣдныя залоченыя двери [373]). Литьемъ мѣдныхъ паникадилъ, крестовъ, образковъ и окладовъ на иконы занимались въ древней Руси, кажется, по монастырямъ. Мѣдный крестъ Авраамія ростовскаго хранится въ Ростовѣ; мѣдный литой крестъ преп. Сергія Радонежскаго хранится въ вологодскомъ Павлообнорскомъ монастырѣ; этотъ крестъ далъ въ напутствіе Сергій ученику своему Павлу Обнорскому, отправлявшемуся (ок. 1399) въ дремучіе лѣса сѣверной Руси искать себѣ новаго мѣста для пустынножительства [374]). Дѣлались изъ мѣди вещи и для домашняго обихода, какъ напр. подсвѣчники, рукомойники, обручи, таганы. Въ житіи новгородскаго епископа Іоанна описывается мѣдный рукомойникъ съ двумя ручками, въ которомъ онъ поймалъ бѣса; въ 1216 году подъ Переяславлемъ убили изъ Новгорода «Онтона Котельника» [375]).

Къ котельному или литейному дѣлу можно отнести выдѣлку изъ свинца и олова различныхъ вещей. Въ XII в. на Руси уже существовали мастера способные лить свинцовыя доски для крышъ церковныхъ: въ 1151 г. еп. Нифонтъ обилъ свинцомъ Софійскую новгородскую церковь; въ 1125 г. еп. Іоаннъ поновилъ церковь св. Богородицы

---

[373]) Ипат. 223. Ник. III. 181. Въ 1336 г. владыка новгородскій Василій «у св. Софіи двери мѣдяны золочены устроилъ». I Новг. 77. Эти двери дубовыя, покрыты мѣдными золочеными листами; находятся онѣ теперь въ Успенскомъ соборѣ г. Александрова владим. губ., а перенесены туда Грознымъ въ 1570 г. Древн. Рос. Гос. VI, № 23. стр. 72—84. Ж. М. Нар. Просв 1837 г. Дек.

[374]) Ист. р. цер. Филар. 1, 5—6. Въ 1293 г. во Владимірской церкви было «чудное дно мѣдное». Ник. III, 90. О кадилахъ и паникадилахъ см. I Новг. 2. Сказ. о Борисѣ и Глѣбѣ, 32. Лавр. 78. 193.

[375]) I Новг. 35. 77. Въ 1243 г. въ Псковѣ мvро шло отъ иконы Спаса надъ гробомъ княгини Евпраксіи. Гробница княгини и нынѣ стоитъ въ псковскомъ монастырѣ св. Іоанна, гдѣ показываютъ древній мѣдный подсвѣчникъ, на коемъ вырѣзано описаніе упомянутаго чуда. Въ языкѣ встрѣчаются выраженія: *мѣдяны трьноги, мѣдяны обручи*, также слово *колокольци*. Въ XIII в. дѣлали мѣдныя печати изъ пластинокъ и привѣшивали на шелковыхъ снуркахъ къ грамотамъ. Такова печать смоленс. кн. Ѳедора Ростиславича 1284 г. Грам. Кас. снош. съ ганз. гор № IV.

въ Суздалѣ и покрылъ свинцомъ, «и то чуду подобно, не ища мастеровъ отъ Нѣмець, но налѣзе мастеры отъ клевретъ св. Богородицы и отъ своихъ—иныхъ льяти, иныхъ крыти, иныхъ извѣстью бѣлити» [376]). Изъ свинца въ древней Руси выдѣлывали печати и привѣшивали къ грамотамъ: такъ при договорной грамотѣ Новгорода съ к. Ярославомъ 1270 г. сохранилась одна печать свинцовая неясной чеканки; при рядной Тѣшаты и Якима находится печать князя псковскаго Довмонта-Тимофея (1229 г.) свинцовая, темносиняя, сплочена изъ двухъ пластинокъ, похожая на пломбу, какія привѣшиваютъ къ товарамъ; среди, нея пеньковая веревочка; чеканка печати вышла очень неловко [377]).

Мѣдныя и свинцовыя издѣлія въ домашнемъ быту мало были распространены и только значительную отрасль промышленности составляло колокольное мастерство и литье свинцовыхъ или оловянныхъ листовъ для покрытія церквей.

б) *Золотыя и серебряныя издѣлія.*

Русскіе въ X в. имѣли золотыя и серебряныя украшенія и печати: въ договорной грамотѣ съ Греками (945 г.) Игоря сказано, что русскіе послы «ношаху печати златы, а гостье серебряны.... Русь полагають щиты своя и оружья, да кленутся». А что эти обручи были золотые, видно изъ послѣдующихъ словъ: «Игорь приде на холмъ, кдѣ стояше Перунъ, покладоша оружье свое, и щиты, *и золото*». Владиміръ велѣлъ украсить Перуна золотомъ и вы-

[376]) I Новг. 11. Лавр. 173. Въ 1262 г. въ Ростовѣ покрыта церковь оловомъ; въ 1345 г. въ Новгородѣ церковь Георгія покрыта новымъ свинцомъ; до 1396 г. Антонова монастыря церковь Богородицы побита была свинцомъ. Правосл. Собес. 1859 г. кн. 3. III Новг. 255. II Новг. 134.

[377]) Собр. грам. I, № 3; II, стран. 6. Запис. Арх. об. III, стр. 248. На свинцовой печати кн. Александра 1326 г. имя *Олександръ* вырѣзано въ обратномъ порядкѣ по ошибкѣ или неумѣнью мастера. Печати новгородскихъ владыкъ, посадниковъ, тысяцкихъ и всѣхъ пяти концовъ были свинцовыя. На печатяхъ есть между прочимъ такія надписи: Семенова печать Андрѣевича.... Степанова печать. Изъ этого можно заключить, что въ Новгородѣ не одни лица, облеченныя властью имѣли свои печати, но и лица вліятельныя частныя. Собр. грам. 1, стр. 4. 20. II, стр. 6. Зап. Арх. общ. III, стр. 248. У новгородскихъ купчихъ XIV в. привѣшены также свинцовыя печати. А. Юр. № 71.

ковать серебряныя ложки для своей дружины [378]). Все это заставляетъ не сомнѣваться, что въ X в. уже были на Руси золотыхъ дѣлъ мастера. По принятіи христіанства Владиміръ украсилъ церковъ въ Кіевѣ и въ другихъ городахъ дорогими сосудами иконами и крестами; тоже сдѣлалъ и Ярославъ. Очевидно, первая потребность въ дорогихъ украшеніяхъ была религіозная. Владиміръ Мономахъ (6610 г.) «пришедъ ночью премѣри гроба (Бориса и Глѣба), расклепалъ же дьскы сребряныя, позлати златомъ...: а послѣди исковавъ убо сребреныя доски и святыя по нимъ издражавъ и позолотивъ, покова сребромъ и златомъ... имущи верху по обилу злату, свѣтилына позлащенѣ.» Въ 1155 г. Андрей Боголюбскій взялъ въ Суздаль икону св. Богородицы «и въскова на ню болѣ 30 гривенъ золота, проче серебра.» Въ смоленской церкви Михайловской, построенной княземъ Давыдомъ Ростиславичемъ (1158 г.), иконы были украшены золотомъ и серебромъ [379]). Крестъ препод. Ефросиніи полоцкой (1161 г.), обложенный золотыми и серебряными вызолочеными листами, хранится доселѣ въ Спасскомъ тамошнемъ монастырѣ. Владиміръ галицкій для разныхъ церквей «съсуды служебные сребряные скова,» оклады на иконы дѣлалъ золотые и серебряные, кресты золотые и кадила серебряныя [380]). Перебирая другія лѣтописныя извѣстія, мы видимъ, что у нѣкоторыхъ церквей верхи, двери и внутренность церкви были вызолочены, а нѣкоторыя части церкви окованы золотомъ и серебромъ, наприм. амвонъ и сѣнь [381]).

---

[378]) Лавр. 23. 20, 22. 24.

[379]) Лавр. 52. 66. Сказ о Бор. и Гл. 84—85. Ник. I, 228. 229. Ипат. 7. 78.

[380]) Жур. Мин. народ. Пр. 1841 г. Кн. I. Ипат. 219—222. 223. Въ Новгородѣ также встрѣчаются кресты и иконы, окованные золотомъ и серебромъ, какъ напр. крестъ епископа Антонія послѣ 1211 г. Церкви украшались тамъ кованіемъ. 1 Новг. 80. Оклады иконъ назывались *крутою*. 1 Новг. 80. О золотыхъ и позолоченыхъ вещахъ см. I Новг. 77. 86. Ипат. 112. Объ—иконахъ съ золотыми и серебряными окладами, хранившихся у князей, см. Собр. Грам. I, № № 21. 25. стр. 41. 86.

[381]) Ркп. Рум. Муз. № 319, л. 100. 152. Особенно прославился Андрей Боголюбскій щедростью на украшенія церквей. Въ Боголюбовѣ онъ украсилъ церковь иконами многоцѣнными, золотомъ »и всякими узорочьи удиви ю, свѣтлостью же не како зрѣти, зане вся церкви бяше золота, и украсивъ ю сосуды золотыми и многоцѣньными, тако яко и всимъ приходящимъ дивитися,• и вси бо видѣвше ю не могуть сказати изрядныя красоты ея: златомъ и финиптомъ и всякою добродѣтелью и церковнымъ строеніемъ украшена, и всякими со-

Кромѣ иконъ, крестовъ и евангелій, золотыми и серебряными обложками украшивались гробницы; подсвѣчники покрывали позолотой, сосуды церковные и дорохранительницы устроивали изъ чистаго золота, а кадила и паникадила— серебряныя. Но такихъ богатыхъ церквей въ древней Руси было очень мало: мелочныя подробности лѣтописныя объ-ихъ украшеніи свидѣтельствуютъ, что такая роскошь была рѣдкостью и удивляла современниковъ, какъ дѣло чрезвычайное.

Многіе изъ золотыхъ и серебряныхъ церковныхъ вещей въ древнее время были иностранной работы. Въ Патерикѣ печерскомъ упоминается о сокровищѣ и сосудахъ, найденныхъ въ Кіевѣ; Мстиславово евангеліе (послѣ 1125 г.) строено греческими мастерами; Мстиславъ поручилъ Наславу нарочно ѣхать въ Царьградъ, оковать евангеліе золотомъ и серебромъ, «цѣну же евангелія сего единъ Богъ вѣдае,» пишетъ самъ Наславъ [382]). На Руси также первыми мастерами золотыхъ и серебряныхъ вещей были Греки и Нѣмцы; въ половинѣ XIII вѣка Данилъ галицкій призывалъ изъ Нѣмцевъ, иноязычниковъ и Ляховъ «кузнецѣ желѣзу и мѣди и сребру». Впрочемъ и Русскіе съ ран-

---

суды церковными и ерусалимъ златъ, и рѣпидіи многоцѣньнными, каньдѣлы различными, изъдну церкви отъ верха и до долу, и *по стѣнамъ и по столпомъ ковано золотомъ, и двери же и ободверье церкви златомъ же ковано, бяшеть же и сѣнь златомъ украшена отъ верха и до деисуса* и всею добродѣтелью церковьною исполнена, изъмечтана всею хытростью. Онъ же въ Володимерѣ *ворота златая доспѣ, а другая серебромъ учини.* И доспѣ церковь камену сборную святыя Богородица, пречюдну велми, и всими различными виды украси ю *отъ злата и сребра, и 5 верховъ ея позлати, двери же церковныя трои золотомъ украси*, каменьемъ дорогымъ и жемьчюгомъ украси ю многоцѣньнымъ, и всякыми узорочьи удиви ю, и многими *паникадѣлы золотыми и серебряными* просвѣти церковь, *а онъбонъ отъ злата и сребра устрои, а служебныхъ судъ и рипидьи и всего строенья церковнаю, златомъ* и каменьемъ драгимъ и жемчюгомъ великимъ, *велми многою, а тріе ерусалими велми велиціи, иже отъ злата чиста*, отъ каменья многоцѣньна устрои, и всякими виды и устроеньемъ подобна бысть удивленію Соломоновѣ Святая Святыхъ; и въ Боголюбомъ и въ Володимерѣ городѣ *верхъ бо златомъ устрои, и комары позолоти, и поясъ златомъ устрои*, каменьемъ усвѣти и *столпъ позлати изовну церкви, и по комарамъ же потки золоты и кубкы и вѣтрила золотомъ устроена постави, по всей церкви и по комаромъ около»*. Ип. 111. Все это сгорѣло во Владимірской церкви въ пожарѣ 1158 г. и *паникадила сребреная и сосуды золотыя и серебреныя и иконы золотомъ кованыя*, имъ же нѣсть числа. Лавр. 165.

[382]) Патер. 153. Изв. Акад. Н. X, II, 90. Антоній привезъ въ Новгородъ изъ Рима церковные серебряные сосуды: «Въ житіи св. отца Антонія повѣдается варяжскіи поклажаи, понеже ссуди латинскіи суть.

нихъ поръ дѣлали разныя церковныя вещи, какъ показываетъ надпись на крестѣ Евфросиніи полоцкой; этотъ крестъ дѣлалъ Лазарь Богши [383]).

Золотыя и серебряныя вещи въ домашнемъ быту встрѣчаются только у князей и не многихъ другихъ лицъ. Изъ столовыхъ принадлежностей XII вѣка упоминаются *блюда* серебряныя; такъ около 1130 г. Всеволодъ князь пожертвовалъ новгородскому Юрьеву монастырю «блюдо серебряно въ 30 гривнь серебра, велѣлъ бити въ не на обѣдѣ, коли игуменъ обѣдаетъ»; подъ 1288 г. о Владимірѣ Васильковичѣ волынскомъ въ лѣтописи замѣчено, что онъ во время болѣзни «блюда великая сребряная» перелилъ въ гривны; много серебряныхъ и золотыхъ блюдъ большаго и малаго размѣра было въ распоряженіи князей московскихъ XIV в. [384]). *Чаши* серебряныя или чарки, изъ которыхъ пили въ древнюю пору, были значительныхъ размѣровъ: сохранившаяся до нашего времени серебряная позолоченная чаша Владиміра черниговскаго (до 1151 года) имѣетъ 2½ вершка въ глубину и 7 вершковъ въ поперечникѣ; вѣсу въ ней 3 фунта 63 золотника. У московскихъ князей чаши были золотыя, украшенныя жемчугомъ [385]). Удѣльныя князья имѣли *кубки* золотые и серебряные, какъ напр. Владиміръ волынскій, который «кубъкы золотые и серебряные самъ предъ своима очима поби и полья въ грив-

---

[383]) Ипат. 196. Въ XII в. въ Новгородѣ церковные мастера были изъ Нѣмцевъ, а въ Суздалѣ находились «изъ всѣхъ земель мастеры». 1 Новг. 12. Ипат. 150. Оклады нѣкоторыхъ евангелій XIV в. обличаютъ греческую работу. О крестѣ Евфросиніи см. Жур. Мин. Нар. Просв. 1841 г. кн. 1. Икону и крестъ для князей московскихъ дѣлалъ Парамша. Собр. грам. I, стр. 41. 86. Подъ 1288 г. говоритъ лѣтописецъ о Владимірѣ галицкомъ: «икону списа на золотѣ намѣстную св. Георгія и гривну златую възложи нань».... Ипат. 222—223.

[384]) Изв. Акад. Н. VIII, 239. Ипат. 119. Иванъ Даниловичъ ок. 1228 г. завѣщалъ сыну своему Семену «блюдце золото съ жемчугомъ и каменьемъ... а изъ судовъ изъ сребрьныхъ далъ ему три блюда серебрьно.... Блюдо серебрьно ѣздниньское, 4 блюдци меньшіи».... сыну Андрею «изъ блюдъ—блюдо серебрьно, а два малая.... А блюдо великое серебрьное о 4 кольця далъ св. Богородици Володимерской». Собр. грам. I, № 21.

[385]) Зап. Археол. общ. III, стр. 157. Въ завѣщаніи И. Д. Калиты упоминаются «двѣ чаши золоты съ жемчуги.... двѣ чашки круглыи золоты... двѣ чари золоты»; Иванъ Ивановичъ въ 1357—1359 г. завѣщалъ сыну чашку золоту. Собр. грам. I, №№ 21. 25. стр. 32. 40. Въ московской оружейной палатѣ хранится серебряная золоченая чаша съ надписью: «князь Семенъ Ивановичъ». Нѣкоторые относятъ ее къ 1340—1351 г. Опис. Моск. оруж. пал. 1844 г. стр. 114.

ны». Не одни князья, но и богатые люди въ XII вѣкѣ щеголяли серебряными чашами и кубками; неизвѣстный проповѣдникъ, обличая роскошь богача своего времени, пишетъ: «на обѣдѣ же (его) служба бѣ многа, съсуди златъмь съковани и съребръмь..... чашѣ срѣбрьны великыи позлащены, кубци и котьли» [386]). Серебряныя *ложки*, по словамъ лѣтописца, ковали еще во времена Владиміра и для всей дружины; у московскихъ князей XIV вѣка передавались отъ отца къ сыну *наливки* (разливныя ложки), *овкачи*, *чумы*, *ковши*, *стаканы* золотые и серебряные: а въ завѣщаніи Ивана Ивановича упоминается даже *бадья* серебряная [387]). Въ словѣ о Полку говорится о златокованномъ столѣ кіевскаго князя, а въ лѣтописи—о златомъ посохѣ митрополита московскаго XIV вѣка [388]). Златокованный столъ царскій дѣлалъ для монгольскаго хана русскій мастеръ въ 1245 г. [389]).

Къ числу серебряныхъ и золотыхъ издѣлій относятся печати, которыя употреблялись Русскими съ раннихъ поръ: еще до 944 г. в. к. кіевскій давалъ печати посламъ и гостямъ, отправлявшимся въ Царьградъ; о нихъ упоминается въ договорѣ Игоря: «посли ношаху печати златы, а гостье серебряны.» Опечаткахъ, прилагаемыхъ къ грамотѣ въ удостовѣреніе дѣйствительности условій, постановленныхъ грамотою, упомянуто въ договорѣ: «Се же имѣйте въистину, яко же написахомъ на харатьи сіи и своими

[386]) Кубокъ — сербск. *купа* — чаша. Ипат. 112. 119. Изв. Акад. Н. X, 548. Турьи рога, служившіе вмѣсто стакановъ въ древнее время, оправляли въ золото: «даде Псковичемъ турей рогъ окованъ златомъ, да икону локотницю». II Пск. 43.

[387]) Лавр. 24. Иванъ Даниловичъ завѣщалъ до 1328 г. сыну своему Семену «два чума золота большая», Ивану—«два овкача золота», Андрею—«два чумка золота меньшая». Въ духовной Ивана Ивановича до 1357 г. упоминаются: «два овкача золота, ковшъ великій гладкій золотъ.... бадья серебряна съ наливкою серебряною... ковшъ великій золотъ гладкій, овкачикъ золотъ, достоканъ царьгородскій золотомъ кованъ». Донской далъ сыну два ковша золоты, вѣроятно, тѣ же, которые передалъ ему отецъ. Собр. г. ам. I, №№ 21. 24. 34. *Овкачемъ* называется ковшикъ; *чумъ*, *чумка* татарск. *джамъ*—половникъ металлическій съ длинной ручкой, который доселѣ называется въ тамб. губ. *чумичкой*. См. Библ. для Чт. 1836 г. XVII, ч. I, отд. I, іюль, стр. 25. Когда Даниилъ галицкій пріѣхалъ въ станъ Батыя 1250 г, то ханъ «присла чюмъ вина». Ипат. 185.

[388]) Сл. о Пол. 154. Ник. IV, 66.

[389]) Путеш. къ татар. Языкова, 55.

печатьми запечатахомъ.» До нашего времени сохранились печати при многихъ грамотахъ; древнѣйшая изъ нихъ находится при грамотѣ, данной Юрьеву монастырю Мстиславомъ новгородскимъ (1130 г); она состоитъ изъ двухъ круглыхъ тонкихъ серебряныхъ позолоченыхъ листовъ, которые скрѣплены другъ съ другомъ и скрѣпляли шелковый снурокъ, на которомъ была привѣшена печать къ грамотѣ. Къ договору князя смоленскаго Мстислава съ Ригой 1229 г. привѣшены двѣ двухсторонніе печати, составленныя изъ двухъ тонкихъ серебряныхъ пластинокъ спаянныхъ вмѣстѣ [390]). Псковскія серебряныя печати сохранились при грамотахъ; онѣ довольно толсты и походятъ на медали. Печати тверскихъ князей XIV вѣка серебряныя вызолоченыя; а печати московскія состоятъ изъ серебряныхъ и золотыхъ пластинокъ. Духовныя лица имѣли также свои серебряныя печати [391]).

Въ древней Руси изъ золотыхъ и серебряныхъ вещей были нѣкоторыя иностранной работы, какъ напр. у в. к. Ивана Даниловича находилось блюдо *ъѣздникское*, стаканъ *царегородскій*. Выдѣлка этихъ вещей за границей была удачнѣе русской простой не затѣйливой работы, по этому и цѣнилась дорого нашими предками, какъ видно по означенію происхожденія вещей. Большая же часть серебряныхъ и и золотыхъ издѣлій приготовлялась русскими мастерами, которые умѣли ковать ложки еще при св. Владимірѣ: галицкій князь Владиміръ приказалъ при себѣ нолить въ гривны кубки и блюда, по всей вѣроятности, тоже знающимъ дѣло мастерамъ; подъ 1234 г. лѣтопись упоминаетъ объ убіеніи Литвой Нежилы *серебреника*. Плано-Карпини, путешествовавшій въ землю Монголовъ (1245 г.), при дворѣ хана видѣлъ русскаго золотыхъ дѣлъ мастера: «Господь послалъ намъ въ помощь, пишетъ онъ, одного Русса, золотыхъ дѣлъ мастера, по имени Козьму, котораго императоръ очень любилъ и который помогалъ намъ нѣсколько. Онъ показывалъ намъ сдѣланный имъ императорскій престолъ,

---

[390]) Лавр. 18. 20. Собр. грам. Ц, № 1. Гр. кас. снош. съ ганз. гор. №№ III, V.

[391]) Въ Собр. грам. II, см. предисловіе; снимокъ съ печати тверской 1301—1302 г. см. Собр. грам. I, № № 4 и 5. Снимки съ печатей московскихъ и духовныхъ лицъ находятся въ Собр. грам. I, стр. 33. 35. 38. 41. въ Грам. кас. снош. съ ганз. гор. № VI. Собр. грам. I, № 30.

прежде нежели поставили его на мѣсто и императорскую печать сдѣланную имъ же» [392]). Изъ другихъ мастеровъ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій извѣстны имена Лазаря Богши, Макара, Шишки и Парамши. Московскіе князья въ XIV в. заставляли мастеровъ ковать для себя нѣкоторыя золотыя и серебряныя вещи [393]). Въ Москвѣ въ 1410 г. существовала уже пошлина *съ серебрянаго литья;* слѣдовательно оно въ это время было уже въ значительныхъ размѣрахъ. Серебро и золото пускалось въ торговые обороты съ иностранцами, равно какъ и серебряные сосуды и издѣлія не лежали безполезно у промышленныхъ людей. Въ смоленскомъ договорѣ 1229 г. постановлено: «Аже латинскіи купить суды серебреные, дати ему вѣсцю отъ гривны серебра по ногатѣ смоленской». Если бы не было торговли въ Смоленскѣ серебряными вещами, то не могло бы существовать подобнаго правила. Въ томъ же договорѣ означено: «Аще дасть вѣсцю сребро пожигати, дати ему отъ гривны серебра куна смоленская» [394]). Значитъ, въ Смоленскѣ въ XIII в. существовали торговые вѣсцы, знатоки достоинства серебра, которымъ не безъизвѣстна была проба металловъ; такіе же знатоки были и въ Новгородѣ: подъ 1200 г. отмѣчено въ лѣтописи, что въ сраженіи съ Литвой убили «Страшка серебрьника вѣсця» [395]).

Ввозъ иностранныхъ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій и обработка дорогихъ металловъ внутри Россіи не составляли потребности народной, а только обращались въ кругу князей и ихъ приближенныхъ, мало имѣя вліянія на развитіе ремеслъ и художствъ въ народѣ. Даже у городскихъ жителей было очень ограниченное количество вещей изъ благородныхъ металловъ; въ 1150 г., когда Владимірко осадилъ Мичскъ и «рече Мичаномъ: дайте ми серебро, что вы язъ хощу, пакы ли я възму вы на щитъ,—они не имѣяхуть дати чего у нихъ хотяше, они же емлюче серебро изъ ушью и съ шіи (мониста), сливаюче же серебро дая-

---

[392]) 1 Новг. 50. Ипат. 219. Собр. путеш. къ татарамъ, Языкова. 1825 г. 55.

[393]) Собр. грам. I, №№ 34. 39. 41. 86.

[394]) Тамъ же I, стр. 75. II, № 1.

[395]) 1 Новг. 25. Серебро литое упоминается въ жалованной грам. жидамъ 1388 г. А. Зап. Р. I, № 9.

хуть Володимеру. Володимеръ же поимавъ серебро и пойде такоже емля серебро по всимъ градомъ, оли и до своей земли»[396]). Очевидно, Владиміру нечего было взять по селамъ, если городскіе жители вынуждены были отдавать послѣднія свои украшенія. Сельское народонаселеніе богато было естественными произведеніями страны, на добываніе которыхъ истрачивало весь свой трудъ и бѣдно дорогими металлами; только въ высшемъ слоѣ общества появилось стремленіе къ роскоши, и тамъ исключительно встрѣчаются золотыя и серебряныя вещи. Понятіе о роскоши относительно въ каждое время; при Владимірѣ ѣли деревянными ложками, не носили лишнихъ золотыхъ украшеній; лѣтописецъ жалуется подъ 1204 годомъ, что дружина современная ему стала предаваться роскоши, пошло не такъ, какъ было въ старые годы: «Не жадаху: мало ми есть, княже, 200 гривьнъ; не кладаху на своя жены златыхъ обручей, но хожаху жены ихъ въ сребрѣ». При простомъ образѣ жизни и ограниченности прихотливыхъ желаній, роскошь мѣряли не по утонченности изобрѣтательнаго вкуса, а по величинѣ, массивности и количеству цѣнныхъ предметовъ. Металлы были дороги и предметы роскоши имѣли тѣсный кругъ; мода отличалась устойчивостью и постоянствомъ. Въ старое воинственное время болѣе всего обращали вниманіе на красоту оружія, кубковъ и сосудовъ, служившихъ для попойки: здѣсь была роскошь своего рода[397]). Вообще золотыя и серебряныя вещи даже у князей были въ небольшомъ количествѣ и передавались изъ рода въ родъ, по завѣщанію, какъ драгоцѣнная рѣдкость, вмѣстѣ съ селами, поземельнымъ владѣніемъ и другими промышленными статьями.

Можно думать, что добываніе серебра въ Сибири инородцами производилось въ XII стол.; о Юграхъ записано подъ 1193 г., что когда Новгородцы осадили ихъ городъ то «высылаху къ нимъ льстьбою, рекуще тако: яко копимъ сребро и соболи и ина узорочья, а не губите своихъ смердъ, а своя дани». Слѣд. Новгородцы получали отъ Югровъ

---

[396]) Ипат. 56.

[397]) П. Собр. л. V, 87. Игорь, напр., вспоминалъ въ плѣну у Половцевъ: «гдѣ кони и оружья многоцѣнная»? Ипат. 131.

мѣха и серебро [398]). Вѣроятно, Иванъ Даниловичъ Калита намекалъ на это серебро, когда просилъ у Новгородцевъ серебра закамскаго: «Великій князь Иванъ приде изъ орды, а възверже гнѣвъ на Новгородъ, прося у нихъ серебра закамьскаго». Но главнымъ образомъ добывали благородные металлы отъ другихъ народовъ посредствомъ торговой мѣны и войны, на которую въ старое время смотрѣли, какъ на промышленность, какъ на легкое средство обогащенія. Владиміръ велѣлъ выковать серебряныя ложки и сказалъ: «яко сребромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мой и отецъ мой доискася дружиною сребра и злата»; нѣмецкіе послы говорили Святославу въ 1075 г. о богатствѣ: «се бо лежить мертво: сего суть кметье луче, мужи бо ся доищуть и болше сего»; въ 1103 г. половецкій ханъ Бедлюзъ давалъ Русскимъ выкупъ за себя золотомъ и серебромъ; въ 1175 г. князь Олегъ въ походѣ на Половцевъ пріобрѣлъ себѣ золота и серебра [399]). Слѣд. и война съ Половцами доставляла Русскимъ золото и серебро. Даже отъ Ятвяговъ и Чуди Русскіе доставали серебро: во время голода они просили хлѣба и обѣщали серебра и кунъ; въ 1223 г. князь Ярославъ «повоева всю землю чудскую, города Колываня не взяша, а злата много взяша». Еще въ 885 г. Радимичи «вдаша Ольгови по щьльгу, яко же Козаромъ даху»; Вятичи въ княженіе Святослава давали дань «по щьлягу отъ рала». Слѣд. Радимичи и Вятичи имѣли монету [400]). Но главнымъ образомъ золото добывали Русскіе отъ Грековъ: въ 907 г. Олегъ, послѣ войны съ Греками, «неся золото и паволокы, и овощи, и вина, и всяко узорочье» [401]). По этому въ древней Руси были

---

[398]) I Новг. 21. Въ горахъ по Енисею находятся изгарины и плавильни древнихъ тамошнихъ рудокоповъ, доказывающія, что сибирскіе народы издавна плавили серебро и золото, дѣлая всѣ нужныя для того орудія не изъ желѣза, а изъ мѣди. Путеш. Палласа, ч. III, стр. 512. Эти старыя рудокопни обыкновенно называются въ Сибири Чудскими копями.

[399]) I Новг. 76. Лавр. 23. 54. 85. 119. Ип. 95. «Помчаша красныя дѣвкы половецкыя, а съ ними злато». Сл. о Пол. 48.

[400]) Ипат. 208. IV Новг. 27. Лавр. 27. Щьлягъ — по мордовски *шелягъ*, монета, носимая на груди женщинами, какъ украшеніе.

[401]) Лавр. 10. 13. Константинъ Порфирородный свидѣтельствуетъ, что Русскіе часто за малую услугу требовали у греческихъ царей одежды и вѣнцовъ.

въ обращеніи металлическія вещи и монеты арабскія, греческія, германскія и монгольскія. Не имѣя собственныхъ рудниковъ въ своей странѣ, Русскіе естественно дорожили золотомъ и серебромъ, — и оттого цѣнность благородныхъ металловъ, должна быть выше на Руси, чѣмъ въ Европѣ. Тамъ до открытія Америки цѣнность золота и серебра была дороже въ 7 разъ; а у насъ можно обозначить въ 8 разъ [402]).

Въ нашихъ лѣтописяхъ нерѣдко встрѣчаются выраженія, что у князей было безчисленное множество золота и серебра; такъ въ 1067 г. во дворѣ князя Изяслава разграбиша «безчисленное множество злата и сребра, кунами и бѣлью»; Святославъ въ 1075 г., величаясь предъ послами нѣмецкими короля Генриха IV, показалъ имъ «безчисленное множьство злато и сребро и паволокы» [403]). Подобныя выраженія имѣютъ относительную важность: что по положенію стариннаго быта, на взглядъ лѣтописца, казалось огромнымъ богатствомъ, то для насъ можетъ быть ничтожнымъ количествомъ, судя по современному движенію капиталовъ. Въ начальной лѣтописи находится извѣстіе, что св. Ольга получила въ подарокъ отъ греческаго императора много золота; между тѣмъ извѣстно, что подарокъ этотъ состоялъ изъ 30 миліарезій, т. е. изъ полфунта золота [404]).

Теперь сдѣлаемъ обзоръ фактовъ, какіе они дадутъ выводы относительно количества денегъ, обращавшихся въ народѣ въ древнюю пору. Богатая область новгородская при Ярославѣ платила дани 300 гривенъ; въ половинѣ XII ст. 2500 гривенъ; Татарамъ давала 2000 гривенъ серебра; великимъ князьямъ 7000, 8000 и не выше 12,000; съ заволочской области при Донскомъ собрали 5000 р. [405]). Пла-

Изв. Визант. Истор. Штриттера. ч. 3, стр. 44. подъ 949 г. Въ 1043 г., по извѣстію византійскихъ историковъ, Владиміръ просилъ у Грековъ на каждаго воина по 3 литры золота. Cedr. т. II, р. 760; у Штриттера ч. III, стр. 111.

[403]) Рус. Нар. и Госуд. Лешкова, стр. 183.

[404]) Лавр. 74. 78. 85.

[404]) Критич. розыск. Круга. 208. 209.

[405]) Въ 882 г. Олегъ «устави Варягомъ дань даяти отъ Новагорода гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославлѣ даяше Варягомъ». Лавр. 10. 52. 56. По уставу Святослава 1137 г. дано епископу за десятину 100 гривенъ новыхъ кунъ и всего сбора до 250 гривенъ. Карамзинъ замѣчаетъ при этомъ: когда новгородскій епископъ имѣлъ ежегоднаго дохода 250 гр., то

ту производили большею частію съ разсрочкой; въ случаѣ нужды обращались къ кассѣ церковной, изъ которой однажды взяли 3000, а въ другой разъ 5000 р. Съ двинской области за измѣну Новгородцы взяли 2000 р.; Порховичи доканчали за себя 5000 р.; смоленская область въ XII в. давала дохода князю 3200 гривенъ; Татарамъ платили въ 1383 г. 8000 р.; и сборъ этотъ считался тяжелымъ [406]). Всѣ эти суммы не значительны для жителей цѣлыхъ областей. Если бы извѣстно было хотя приблизительно количество народонаселенія древней Руси, можно бы было доказать эту мысль цифрами. Но такъ какъ этотъ вопросъ ожидаетъ еще ученаго долговременнаго труда, то мы ограничимся слѣдующими соображеніями. По новгородскимъ волостямъ разъ собирали съ 10 человѣкъ по рублю, (коп. 82 съ человѣка на наши деньги), чтобы вышло 6000 р. и изъ разсказа лѣтописца видно, что такой сборъ въ свое время считали не легкимъ; при Тохтамышѣ (1383 г.) дань, собираемую во владимірской области по полтинѣ съ деревни, лѣтописецъ называетъ данью великою, слѣд. бѣдность денегъ въ народѣ была значительная. Первыми богатыми владѣтелями денегъ въ древней Руси были князья, которые получали отъ 2500 до 3200 гривенъ доходу и въ состояніи были отказывать въ монастырь скопленное богатство, простиравшееся до 700 гривенъ серебра и 100 гривенъ золота. Особенно московскіе князья въ XIV в. отличались скопленіемъ денегъ, такъ что могли уплачивать по 10,000 рублей долгу за другихъ князей [407]). Нѣтъ нужды упоми-

---

князю надлежало имѣть 2500 гр., слѣд. 6250 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей, если гривна кунъ была и тогда четвертою частью гривны серебра. Рус. Дост. I, 82. Ист. Гос. рос. II, пр. 267. Въ 1224 г. Новгородцы в. князю дали 7000 новую, а по другому списку 700. I Новг. 41. Въ 1317 г. заплатили 12,000 р. IV Новг. 48. 90. Собр. грам. I, № 12. I Новг. 71. 72. 74. 80. 94. Въ 1340 г. дали они боръ по волости 1000 руб. на Новоторжцѣхъ. I Новг. 82.

[406]) IV Новг. 100. У Двинянъ Новгородцы взяли 2000 р. I Новг. 99. 101. А. Ист. 1, № 4. Въ договорѣ съ дядей 1389 г. Василій Димитріевичь пишетъ: «А дати ти, брате, мнѣ князю в. съ своее отчины въ 5000 рублевъ, 300 р. и 20... а съ Волока дати мнѣ 170 р.» Собр. гр. 1, стр. 63. По завѣщанію Донскаго съ Можайскихъ волостей въ татарскую дань шло 167 р., съ Звенигородскихъ 272 р., съ Коломенскихъ 342 р. Собр. Грам. I, стр. 60—61. Въ 1399 г. Татары съ Кіева взяли окупа 500 р. I Новг. 101. Ник. IV, 144.

[407]) Въ 996 г. Владиміръ роздалъ убогимъ 300 гривенъ, вѣроятно, серебра. Лавр. 52. Въ 1097 г. Давыдъ далъ Владиславу польскому 50 гр. золота; а въ

нать о высшемъ духовенствѣ, которое получало десятую часть княжескихъ доходовъ, и о древнихъ монастыряхъ, въ которые нерѣдко переходило все имущество князей и другихъ богатыхъ лицъ. Что же касается до денежнаго имущества частныхъ лицъ, то у приближенныхъ къ князю, которые обогащались отъ войны, мы видимъ тоже большія суммы денегъ, на напр. въ семействѣ Симона Варяга. Дружинники получали отъ князя въ XIII в. по 200 гривенъ и были этимъ недовольны. Далѣе богатыми владѣльцами денегъ были новгородскіе торговцы, потому что могли дѣлать вкладъ въ общину торговую по 50 гривенъ серебра, и обязывались уплачивать по купчимъ за неустойку по 10 и 20 гр. золота [408]).

Оказывается на безпристрастный взглядъ, что и въ древней Руси не было равномѣрнаго распредѣленія въ народѣ богатства, если судить по неравномѣрному распредѣленію благородныхъ металловъ.

1100 г. Давыду Игоревичу Владиміръ Мономахъ далъ 200 гр., а другіе 200 дали Давыдъ и Олегъ. Лавр. 114. 116. Владиміръ Мономахъ поднесъ отцу своему въ подарокъ 300 гр. золота. Ник. лѣт. подъ 1078 г. Карамзинъ сомнѣвается въ величинѣ этого подарка. Ист. Гос. рос. II, пр. 134. Въ 1123 г. Василько далъ выкупу Ляхамъ за Володаря перемышльскаго 1200 гр серебра; а въ 1125 г. Олегъ далъ Всеволоду 300 гр. Густ. л. 292. Лавр. 103. Въ 1144 г. «вда Всеволоду (Ольговичу) Володимерко за трудъ 1000 и 400 гр. серебра». Въ 1146 г Иванъ Берладникъ взялъ у Святослава 200 гр. сер. и 12 гр. золота. Ипат. 20. 28. Въ 1155 г. Андрей Боголюбскій вковалъ въ икону 30 гр. золота. Лавр. 148. Въ 1158 г. Глѣбъ Всеславичь полоцкій вкладу сдѣлалъ въ Печерскій монастырь 600 гр. серебра и 50 гр. золота; а по смерти его, туда же пожертвовала его супруга 100 гр. серебра, а 50 гр. золота. Ипат. 82. Въ 1174 г. Ярославъ галицкій за помощь Ляхамъ далъ 3000 гр. серебра. Ипат. 108. Около 1225 г. Верхуслава не жалѣла и 1000 серебра ради Поликарпа. Пам. XII в. 250. В. к. Димитрій Донской уплатилъ въ орду за Ивана Тверскаго 10,000 руб., которые тотъ задолжалъ. Ник. IV, 31. П. С. Л. VI, 123.

[408]) Патер. Рум. Муз. № 305. л. 110. Варягъ Шимонъ далъ на построеніе Кіевопечерской церкви 100 гр. золота и золотой поясъ въ 50 гр., а боярскій сынъ Захарія пожертвовалъ на сооруженіе церкви Предтечи 200 гр. золота и 200 гр. серебра. Сынъ Шимона Варяга; суздальскій тысяцкій Георгій, въ 1130 г. прислалъ въ Кіевопеч. лавру 500 гр. серебра и 50 гр. золота для украшенія гробницы преп. Θеодосія. Въ 1137 г. въ Новгородѣ взяли съ бояръ—пріятелей кн. Всеволода съ полуторы тысяще гривенъ. I Новг. 8. Въ 1141 г. Новгородцы взяли съ Якуна 1000 гр., а съ брата его 100 гр. I Новг. 9. Рус. Дост. 1, 82. А. Юр. № 257, стр. 270. 274. Въ рядной Тѣшаты и Якима, псковскихъ частныхъ лицъ, назначено 100 гр. серебра на случай неустойки; слѣд. предполагалось, что лица, заключающія между собой условіе, въ состояніи были уплатить подобную сумму. Зап. Арх. общ. кн. III, стр. 225. О богатствѣ купцовъ см. Ibn-Foszl. стр. 5. I Новг. 30. IV Новг. 100.

*

Въ заключеніе статьи о промышленности, касающейся жилища, построекъ, орудій и удобствъ домашней жизни, слѣдуетъ сказать, что она была мало развита между народомъ и стремилась удовлетворить только первымъ потребностямъ жизни духовной и матеріальной [409]).

---

[409]) Въ этомъ отдѣлѣ слѣдовало бы говорить о производствѣ смолы, мыла, свѣчей, равно какъ о выдѣлкѣ разныхъ домашнихъ принадлежностей изъ рога, рыбьяго зуба и т. под. Но объ этихъ предметахъ такъ мало сохранилось свѣдѣній, что не возможно составить опредѣленное понятіе. Есть только извѣстіе, что выдѣлкой свѣчей занимались по монастырямъ; въ жизнеописаніи преп. Сергія замѣчено, что онъ «и кутію самъ варяше и свѣчи скаше». Ник. IV, 222. О выдѣлкѣ золы и смолы и торговлѣ ими въ XV в. см. А. Зап. Р. 1, № 175.

III. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ,

относящаяся до одежды и обуви.

Одежды нашихъ предковъ древняго періода, по непрочности своего матеріала, который обыковенно легко поддается истребляющему вліянію времени и обстоятельствъ, не сохранились почти во все до нашего времени; поэтому о промышленности, относящейся до одежды, не много найдется свѣдѣній. По разнымъ же извѣстіямъ древнихъ памятниковъ трудно составить опредѣленное понятіе о производствѣ матерій въ древнюю пору. Сохранилось свѣдѣній больше всего о мѣховомъ промыслѣ, который развитъ былъ значительно въ древнюю пору, такъ что мѣха шли изъ Россіи и въ западную Европу и на Востокъ. Во всякомъ случаѣ мы воспользуемс ятѣми данными,по которымъ бы можно было судить, хотя не до отчетливости, о степени развитія промышленности древняго періода, касающейся одежды и обуви, ея особенностяхъ сравнительно съ послѣдующимъ временемъ, и тѣмъ означимъ нѣкоторыя черты экономическаго быта нашихъ предковъ.

1) Льняныя и конопляныя издѣлія.

Въ нашу древнѣйшую лѣтопись занесено интересное преданіе, что Олегъ, возвращаясь изъ Царяграда съ добычею,

велѣлъ сшить Русскимъ парусы изъ шелковой матеріи (прѣ паволочиты), а Славянамъ полотняные (кропиные); но вѣтеръ разодралъ ихъ и Славяне сказали: «Руси не даны прѣ паволочиты, имемся своимъ тълстинамъ (холстинамъ)». Изъ этого видно, что Русскіе имѣли свои полотна, которыя отличались отъ греческихъ толстотою, прочностью и вѣроятно были очень грубы. Положительно извѣстно, что въ самую раннюю пору наши предки приготовляли свои полотна изъ льна и канопли, которыя разводили издавна; въ уставѣ Ярослава 1051—1053 г. прямо говорится: »Аще мужъ иметъ красти коноопли или лень, или всякое жито, митрополиту у винѣ, съ княземъ на полы; такожь и жонка, аще иметь то красти. Аще мужъ крадетъ *бѣлые порты* или полотна, или портища понявы, такожъ и жонка: митрополиту у винѣ съ княземъ наполы» [410]). Изъ этого видно, что необходимою принадлежностью хозяйства были ленъ и пенька и разныя полотняныя издѣлія, приготовляемыя дома. Въ древнюю пору и по монастырямъ сами монахи пряли ленъ, дѣлали полотна и шили изъ нихъ себѣ бѣлье. Такъ въ житіи Ѳеодосія разсказывается, что кіевопечерскіе иноки сами пряли и приготовляли себѣ бѣлье, «платна дѣлая.» [411]) Но главнымъ образомъ пряденье, тканье и шитье въ древнее время было занятіемъ женщинъ, по пословицѣ: «жена пряди рубашки, а мужъ вей гужъ.» О Февроніи муромской передается, что когда она жила въ селѣ Ласковѣ рязанской области, то занималась приготовеніемъ холстины: «юноша вниде въ храмину и узрѣ видѣніе чудно,—сѣдяше бо едина дѣвица и ткаше красна, предъ нею же заецъ скача» [412]). Рукодѣлье, или по древнему выраженію *ручное ременьство*, было развито сильно по женскимъ монастырямъ; подъ 1365 г. въ лѣтописи отмѣчено: »Княгиня Василиса нача жити въ монастырѣ у св. Зачатья... тружаяся рукодѣльемъ, въ мовню

---

[410]) Карамзинъ думаетъ, что парусы *кропиные* приготовлялись Греками изъ полотна, пряжа котораго была изъ крапивы. Ист. Гос. р. I, пр. 315. Слово: *хластъ. хлыстъ, холстъ* однородно съ словомъ — *холостъ* и замѣняетъ слово—innustus (необузданный); поэтому можно думать, что холстомъ называлось полотно не бѣленое, холостое, а *полотномъ*—выбѣленное, очищенное. Не для различія ли холста отъ полотна прибавлялось къ слову порты —*бѣлые*, а къ слову платна—*небѣлена*? П. Собр. Лѣт. VI, 85—86.

[411]) Лав. 76.

[412]) Сборн. Соловец. Библ. № 826, л. 558. Памятн. стар. Лит. I, 32.

не хожаше, въ срачицѣ не хожаше, но власяницу на тѣлѣ своемъ ношаше.» Способъ приготовленія полотна былъ похожъ на нынѣшній, какъ онъ ведется въ простонародьи; объ этомъ можно судить по названіямъ и выраженіямъ, сохранившимся въ древнихъ памятникахъ [413]). Встарину такъ же, какъ теперь, пряли ленъ и коноплю, красна ткали и холсты бѣлили. Холстъ и полотно были разныхъ сортовъ въ древнее время и для означенія этихъ сортовъ употреблялись слова: *яригв* или грубая ряднина, *тѣлстина*, *частина*, *тончица*. Такимъ обр. полотняное производство у нашихъ предковъ находилось уже не на первой степени развитія. Въ грамотѣ 1150 г., данной смоленскимъ княземъ Ростиславомъ Мстиславичемъ епископу Мануилу, означено брать подать въ Торопцѣ рыболовными снастями и между прочимъ въ числѣ урока упоминается «полавочникъ, двѣ скатерти, три убрусы» [414]). Слѣдовательно тамъ до половины XII в. извѣстно было такъ называемое *гирное* тканье, если жители занимались производствомъ скатертей. Можно думать, что эти полавочники и убрусы не были простыми кусками полотна, а обшивались кружевомъ, плетенье котораго также, навѣрно, извѣстно было нашимъ предкамъ: слово—*кружево* встрѣчается въ раннихъ памятникахъ [415]). Образчикомъ древняго полотна можетъ служить доселѣ сохранившійся антиминсъ новгородской церкви Николы Дворищенскаго 1149 г; онъ находится теперь въ Александро-невской лаврѣ и состоитъ изъ куска толстаго полотна, обрубленнаго съ трехъ сторонъ [416]).

Изъ холста и полотна въ древнее время дѣлали *шатры*, которые во время военныхъ походовъ употреблялись для

---

[413]) Слова эти слѣдующія: *повѣсма*, *поесмо льну*, т. е. пасма, пусма, какъ доселѣ употребляется въ тамб. губ., *десятокъ льну*, *кудель*, *утокъ*, *копоруля* или бердо, какъ принадлежность женщинъ, *прясти*, *бѣльникъ*, *бѣлильникъ*, занимающійся бѣленьемъ холста, *красна*, *поставъ* (красенъ), т. е. цѣлый холстъ или кусокъ, штука, *художьство тъкальчьское*, *тъкати*—pungere, texere, *точай*—ткачь—textor, *ткалія*, ткачиха—textrix. Сл. И. И. Срезневс.

[414]) Доп. къ А. И. I. № 4.

[415]) *Полавочникомъ* называется широкое полотенце, которое разстилается по лавкѣ и свѣшивается бокомъ почти до пола. О кружевѣ упомянуто въ Ипат. л. 187.

[416]) Изображеніе и описаніе этого антиминса находится въ Христ. Древн. кн. 4. стр. 1—4.

цѣлаго войска [417]). Полотно и холстъ шли также на *паруса* и *знамена* [418]), на *покрывала*, *саваны* [419]), на нижнее бѣлье мужское и женское [420]) Въ 1016 г. Ярославъ заказывалъ Новгородцамъ: знаменайтеся, повивайте собѣ *убрусы* голову, чтобы можно было во время ночи различать своихъ отъ враговъ. Слѣдоват. платки въ то время были бѣлые полотняные, иначе цвѣтныхъ нельзя было бы разсмотрѣть ночью и цѣль не могла бы быть достигнута [421]). Кромѣ этихъ вещей, въ древнюю пору изъ полотна приготовлялась верхняя одежда мужская. Еще Ибнъ-Фоцланъ замѣтилъ, что Русскіе носятъ грубую верхнюю одежду полотняную; повсей вѣроятности, это была таже одежда, которая называлась вотолой. О кіево-печерскомъ монахѣ Исакіѣ, презрѣвшемъ всякую красоту мірскую, лѣтописецъ говоритъ, что онъ надѣвалъ на власяницу *свиту вотоляну* [422]). Вотола приготовлялась изъ самой грубой ткани, такъ что митроп. Кипріанъ писалъ Псковичамъ: »А мужи бы къ святому причастью въ вотолахъ

---

[417]) О Святославѣ и его воинахъ замѣчено, что они не употребляли шатровъ въ походахъ. Лавр. 58. Въ 1207 г. войска Всеволода разбивали палатки на берегу Оки, «а самъ князь великій сѣде въ полстници». Лавр. 182. Здѣсь шатеръ полотняный отличается отъ шатра войлочнаго, который служилъ спальней для князя.

[418]) Лавр. 25. Какъ къ шатру прилагается эпитетъ— *бѣлый*, такъ иногда и къ знамени: *бѣла хорурѣ*. Сл. о Пол. 29. О стягахъ упоминается въ Ипат. 101. 104. 115. 154.

[419]) Покрывало называлось *паполомою*, греч. παπλωμα: «Върху же мьртвеца простирается два папалома». Рус. Дост. Ш, стр. 74. Какъ покрывало, такъ и саванъ носили названіе *понявы*. Ист. Гос. Р. Ш, пр. 366. Въ 1237 г, одна женщина «взя тѣло князя Василька и понявицею обитъ, реку саваномъ». Лавр. 199. Сл. понява равносильно сл. *плащаница*. Пам. XII в. 35. 37.

[420]) Рубашка называлась срачица, рубы; *порты*-нижнее мужское бѣлье. Лавр. 111. «Веземъ льну учинитъ ми срачицу, порты и полотенцо». Жит. Февроніи, Памят. стар. Лит. I, 32. Въ одномъ словѣ (до 1200 г.) противополагается одежда богатаго платью бѣдняка: «убогый руба не имать на тѣлеси». Изв. Акад. X, 552. Въ 1216 г. Новгородцы предъ Липицкой битвой сбросили съ себя сапоги и порты. Ипат. 179. Никон. II, 331. Пам. XII в. 196.

[421]) 1. Новг. I. Доп. къ А. И. I, № 4. III Новг. 218. А. И. 1. № 263. Сл. *платъ* показываетъ, что это былъ кусокъ *платна*. Изъ полотняныхъ домашнихъ вещей упоминаются *полотенца*, *наволочки*, *пеленки*, *чехлы*, *мѣшки* и *сумки*. Никон. IV, 81. Ип. 214. IV Новг. 74. Воскр. VIII т, 25. Доп. къ А. И. I, № 4, «Чехолъ и убрусъ вѣшающе въ мовници» (въ мовници). Лѣт. Литер. IV, стр. 108. В. к. Изяславу дали монахи «*кладкы*, нанейже кланешеся» Никола Святоша, т. е. подручникъ въ родѣ подушки, употребляемый въ время молитвы. Патер. Рум Муз № 305 л. 158.

[422]) Лавр. 84.

не приходили, но снимая вотолы» [423]). Изъ льна и пеньки приготовляли сѣти для ловли птицъ и рыболовныя снасти, равно какъ веревки, канаты и паклю для различнаго употребленія [424]). Кромѣ того, Русскіе до XV в. умѣли дѣлать *крашенину*, какъ можно заключить изъ тото, что нѣкоторыя священныя одежды, сохранившіяся до настоящаго времени, имѣютъ крашениннуюо подкладку. [425])

Такъ какъ въ древней Руси каждая отрасль промышленнаго производства обложена была податью, то и разведеніе льна и пеньки, а также и издѣлія изъ нихъ подлежали общему окладу съ самыхъ раннихъ поръ. Извѣстно, что еще св. Владиміръ далъ десятину духовенству *отъ всякаго жита*; а въ XII и XIII в. существовали сборы льномъ и издѣліями изъ него, каковы: платки, полотенца, скатерти, неводы, бредники, сѣжи и дѣли. Кромѣ того, монастырскіе крестьяне обязаны были прясть данный имъ отъ монастыря ленъ и приготовлять изъ него разныя вещи [426]). Нужно также замѣтить, что ленъ и пенька разводились не для своего только домашняго обихода, но служили предметомъ промысла и торговли; равнымъ образомъ и издѣлія льняныя и конопляныя продовали на торгу и сбы-

---

[423]) А. Ист. I, № 8. Вотолой называется въ тверс. губ. грубая ряднина изъ льну и поскони, употребляемая на мѣшки (Обл. Слов.), а въ тамб. губ. — холстинная лѣтняя верхняя одежда преимущественно плохая и поношенная. Въ словарѣ И. И. Срезн. упомянуто *о котыгь льняной*, подъ сл. котыга.

[424])» А ленъ даетъ игуменъ въ села и они прядутъ, сѣжи и дѣли неводные наряжаютъ.» А. Арх. Э. I, №11, стр. 7. Въ древнемъ языкѣ есть сл. *обрать*, т. е. узда изъ веревокъ. Когда Никонъ кіевопечерскій строилъ книги, то Өеодосій прялъ вервіе,» еже на потребу таковому дѣлу.» Рвп. Рум. Муз. № 305, л. 167. О приготовленіи перевѣсовъ, судовыхъ снастей и употребленіи веревокъ въ разныхъ случаяхъ см. Рус. Пр. II, 74. III Новг. 207. Лавр. 66. 78. 149.

[425]) Можетъ быть, въ древнее время приготовлялась и *пестрядь* (въ тамб. губ. тяжовина), такъ какъ это слово находится вдревнемъ языкѣ. Въ домашнемъ быту наши предки имѣли также *тесьму* (δεσμος), ленты, *смурки*, (паворозы) или *гайтаны*. IV Новг. 24. Въ былинѣ о Соловьѣ Будиміровичѣ говорится:

> Голой Шапъ Давыдъ Поповъ
> Приходилъ ко ласкову князю съ подарками,
> Принесъ сукно смурое
> Да крашенину печатную. Др. рос. стих. 9.

[426]) Доп. къ А. И. 1, № 1. № 4. Мстиславъ жителей Берестья обложилъ податью и между прочимъ со ста— *десятокъ льну*. Ипат. 225. А. Эксп. 1, № 11, стр. 7. Сюда же нужно отнести обычай брать *новоженный убрусъ*.

вали изъ Россіи за границу. [427]) Но объ—этомъ подробнѣе будетъ изложено въ особомъ отдѣлѣ настоящаго сочиненія.

Всѣ эти отрывочныя и скудныя свѣдѣнія о льняномъ и конопляномъ производствѣ древней Руси удостовѣряютъ только въ одномъ, что обработка льна и пеньки, а также и приготовленіе издѣлій изъ нихъ, похожи были на нынѣшнее сельское производство этого рода.

2) Суконныя и шерстяныя издѣлія.

Ибнъ—Фоцланъ, посланный въ 921 г. калифомъ Муктадиромъ изъ Багдада въ столицу волжскихъ Болгаръ, видѣлъ тамъ русскихъ торговцевъ и пишетъ объ—ихъ одеждѣ: «они не носятъ ни кафтановъ, ни камзоловъ; мужчина накидываетъ на себя сбоку *грубую одежду*, такъ что одна рука остается свободною; впрочемъ употребляютъ они и полотняныя одежды.» Здѣсь, очевидно, арабскій писатель грубую одежду отличаетъ отъ полотняной; значитъ, она была суконная, которую на Руси называли сермягой или *зипуномъ*[428]). Изъ этого извѣстія вытекаетъ, что Русскіе до 921 г. приготовляли толстыя сукна, изъ которыхъ шили себѣ одежды [229]). Болѣе ясныя свѣдѣнія о суконныхъ и шерстяныхъ издѣліяхъ, существовавшихъ въ древней Руси, мы имѣемъ отъ XI и XII в. При перенесеніи мощей Бориса и Глѣба, Владиміръ Мономахъ «повелѣ метати паволокы, *фофудью* и *орничь*, бѣль людемъ.» Орница или орнича была или суконная одежда или суконная ткань, потому что въ студійскомъ уставѣ XII в. инокамъ дозволяется носить одежды

([427]) Торговля льномъ производилась между новгородскою, суздальскою и тверскою областями ранѣе 1236 г. Собр. грам. 1, № 1 и № 15, стр. 1. 20. Не извѣстно, до какихъ размѣровъ простиралось приготовленіе полотна въ древней Руси, только о значительномъ употребленіи его свидѣтельствуетъ извѣстіе восточныхъ писателей, что войска Тамерлана при нашествіи на Русь грабили золото, серебро, мѣха и куски тонкаго антіохійскаго и русскаго полотна. Ист. Гос. рос. V, пр. 156 и текстъ.

[428]) Ист. Гос. рос. 1, пр. 364. Зипунъ, запанъ, жупанъ, запона, опонникъ, зипунникъ—слова однородныя. Ист. Г. р. VII, пр. 399.

[429]) Слово—*сукно* встрѣчается въ древнихъ памятникахъ въ значеніи uestis lamae.

«толстыя *изъ чернаго орница* учащены». Эта черная орница напоминаетъ власяницы и сукняныя одежды монаховъ и ризы черны отъ сукна створены, о которыхъ говоритъ Кириллъ Туровскій[430]). Но такъ какъ по монастырямъ запрещали носить одежды изъ иностранныхъ суконъ, то подъ орницей должно разумѣть свое простое сукно домашняго издѣлія. *Фофудья* также означаетъ теплую одежду, которую впослѣдствіи стали называть *фуфайкой* [431]).

Въ раннюю пору изъ суконныхъ одеждъ Русскіе употребляли *свиты* и *епанчи*. Когда въ 1147 г. Кіевляне напали на князя Игоря, то извлекли его изъ свитки, т. е. изъ теплой верхней едежды, потому что дѣло было зимой [432]). Изображая плѣнъ Половцевъ и разграбленіе богатствъ ихъ, пѣвецъ Слова о Полку прибавляетъ:» орьтъмами и *япончицами* и кожухи начаша мосты мостити». Что эти епанчи не были исключительно одеждой половецкой, но ихъ носили и Русскіе,—объ этомъ пишетъ Рубриквисъ, путешественникъ XIII в., что русскіе мужчины носятъ епанчи подобно Нѣмцамъ [433]). Къ числу суконныхъ одеждъ должно отнести *кочь* или *котыгу:* черниговскій князь Никола Святоша пришелъ къ кіевопечерскимъ инокамъ и «сойма съ себе кочь свой и верже къ нимъ, глаголя: пріимите славу свѣта сего». Изъ этихъ словъ видно, что кочь былъ изъ числа дорогихъ одеждъ; но не слѣдуетъ думать, будто одежда эта была исключительно княжеская: когда убили Михаила тверскаго въ ордѣ (1318 г.) и нагое тѣло его было брошено, то Кавга-

---

[430]) Лавр. 127. Зап. Археол. об. III, 120. Кир. Туровс. 104. 123. сличи Ник. IV, 222.

[431]) А. И. 1, № 5 *Фофудья*—παπουδια. Карамзинъ думаетъ, что орницами назывались опушки у кафтановъ отъ греч. слова—ὄρνα; а фофудья—носимый съ поясомъ кафтанъ отъ сл. φοφουδοτος. Ист. гос. р. I, пр. 330; II, пр. 215.

[432]) Ип. 33. Свита—uestis, верхняя одежда съ рукавами. Свитѣ суконной противополагается свита вотоляна. Свитой называлось и поповское полукафтанье, какъ видно изъ посланія Кипріана 1392 г.: «Міранина попа погрести сице: измывъ его и въ срачицу нову оболокъ и въ свиту, такожде и въ стихарь и петрохиль и фелонь.» А. Ист. 1, № 253. Свиты носили кіевопечерскіе монахи въ XI в. Патер. Рум. Муз. № 305 л. 29. Лавр. 84. Хожд. Дан. 5. Свитой называется въ тамб. губ. длинная, широкая прямая одежда суконная въ родѣ плаща.

[433]) Сл. о Пол. 48. 50. Штрит. III, стр. 44. Епанчей въ тамб. губ. называется плотная суконная свита; тоже названіе имѣетъ большой войлокъ или кошма.

дый сказалъ Георгію, что онъ, какъ старшій братъ его, долженъ бы прикрыть его тѣло; Георгій распорядился,—и нѣкто одѣлъ его своею котыгою, юже ношаше. Карамзинъ думаетъ, что кочь тоже, что *корзно*, теплая княжеская мантія, которая накидывалась сверху одежды и имѣла застежки [434]). Въ XII в. существовала суконная одежда, какъ въ югозападныхъ областяхъ Руси, такъ и въ Новгородѣ, извѣстная подъ именемъ *мятля* или *мятеля*. По смерти Владимірка галицкаго, сынъ его Ярославъ воротилъ назадъ посла Петра (1152 г.); когда же Петръ пріѣхалъ, то «снидоша противу ему съ сѣней слугы княжи вси въ черныхъ мятлихъ... и яже взыде на сѣни, и видѣ Ярослава сѣдяща на отни мѣстѣ въ черни мятли и въ клобуцѣ, такоже и вси мужи его». Мятели носили Новгородцы, какъ видно изъ договора Ярослава съ Нѣмцами 1199 г.: «оже упьхнетъ любо мятель раздретъ, то три гривны старые» [435]). Мятель была широкая одежда похожая на мантію. Суконной одеждой, которую носили князья, былъ *терликъ*: о кашинскомъ князѣ Василіѣ Михайловичѣ говоритъ лѣтописецъ, что онъ бѣжалъ мимо Твери въ одномъ терликѣ и безъ кивера. Эта одежда была восточнаго происхожденія и походила на татарское полукафтанье съ перехватомъ на таліи [436]). До XV стол. Русскіе носили *охабни*,

---

[434]) Ист. Гос. р. IV, пр. 237. Въ 1328 г. И. Д. Калита завѣщалъ сыну своему *кочь* великій съ бармами. Собр. грам. I, № 21. стр. 32. Кочь — копма, попона. Ист. Гос. р. IV, пр. 43. 237. Котыга— χιτων, вилашс. котигъ — tegiculum piratum; *корзно* — tunica ex ferinis pellibus. Ист. Гос. р. II, пр. 7. Въ 1147 г. князь прикрылъ тѣло Игоря, убитаго зимой, слѣд. корзно—одежда теплая. Лавр. 100. 137. 138. Ипат. 33. 34. 114. 115. Корзовина — косматая шерсть. Изв. Акад. VIII, 61. По рисунку Изборника 1073 г., корзно на Святославѣ синяго цвѣта, съ красной подкладкой и застежкой.

[435]) Ипат. 72. Грам. касающ. снош. съ Ригой и ганз. город. № 1. По статуту 1347 г. означено: если кто застанетъ въ своемъ лѣсу сосѣда, «маетъ увяти за первое застанье сокиру; а въ другое застанетъ, ино *мятель*, а любо сукно». А. Зап. Рос. I, № 2, стр. 182. Здѣсь мятель отличается отъ суконной одежды. Мятль — отъ греч. μανδύη, μανδολη—мантія, манатья. Ипат. 33. 199. Жит. Ѳеод. 14. 20. «Вижь твоя мните по имени манны манатья, а мятля на ся не възлагай». Пам. XII в. 110. 112. 114. Патер. Рум. Муз. № 305. л. 38.

[436]) Никон. V, 43. Терликъ—отъ монгол. тэрлик — халатъ, верхняя одежда, похожая на узкій кафтанъ съ короткими рукавами почти безъ сборокъ и съ петлями. Ист. опис. одеждъ и вооруж. I, 18. П. И. Савваитова, Объяснит.

сарафаны, *опашни*, *капелюки*. Въ 1378 г. русскіе воины ѣздили за р. Пьяной, «порты своя съ плечъ спустя (ѣздяху въ охабнехъ и сараѳанехъ), а петли растегавъ, аки росплѣли, бяше бо имъ варно, бѣ бо въ то время знойно». Сарафанъ (перс. *сарапа*—почетная одежда) былъ женскій и мужской»[437]). Въ завѣщаніи великаго князя Ивана 1357 г. упоминается опашень скорлатенъ; въ посланіи митрополита Кипріана во Псковъ 1395 г. находится слѣдующее правило, какъ приступать къ причастію: «а мужи бы къ св. причастью въ вотолахъ не приходили, но снимая ватолы, а на комъ пригодится *опашень* или шуба, ини бы припоясывали [438]). Охабнемъ называлась одежда похожая на однорядку. Капелюкъ есть одежда новгородская; его шили изъ толстаго домашняго сукна и иностраннаго. Сермяга приготовлялась, какъ и теперь, изъ овечьей шерсти [439]). По монастырямъ монахи носили власяницы и сами ихъ приготовляли; это видно изъ Патерика печерскаго, въ которомъ о Ѳеодосіѣ разсказывается, что онъ ночью «сѣдяше прядый волну» для одежды; а «одежда бѣ свита власяна

указат. къ опис. старин. царс. утверей и одеждъ стр. 550 — 551. Ист. Гос. р. VII, пр. 399.

[437]) IV Новг. 73. Никон. IV, 51—52. Объяснит. указат. П. И. Савваитова, подъ сл. *Сарафанъ* и стр. 500—501. Охабень и сарафанъ были одежды лѣтнія, имѣли петли и пуговицы. Сарафаномъ называется въ рязанск. губ. синяя шерстяная шубка, а въ тамбовск. — женское платье шерстяное съ перехватомъ на таліи и сборками. Въ былинѣ о Чурилѣ Пленковичѣ говорится, что у его дружины были однорядочки—голубъ скурлатъ. Древн. рос. стих. 156. *Охабень* — широкая верхняя одежда длиною до пятъ, сзади длинная съ рукавами съуживающимися къ запястью; отъ однорядки отличается только длиннымъ отложнымъ четвероугольнымъ воротникомъ. (Указат. П. И. Савваит. 500—501). Въ вологод. губ. охабнемъ называется сермяжное, а иногда холщевое верхнее платье. Област. Слов.

[438]) А. Ист. I, № 8. А. Юрид. стр. 144. 433. Опашень—епанча (Ист. Гос. р. IV, пр. 386); онъ дѣлался изъ сукна. (Собр. грам. I, стр. 40). Какъ кроили и шили опашень въ XVI и XVII в. можно читать въ Опис. моск. оруж. пал. 1844 г. стр. 38. въ указателѣ; также въ указат. П. И. Савваит. стр. 499. Въ костромс. г. опашнемъ называютъ армякъ или кафтанъ. Обл. Слов. 141. 148.

[439]) Сѣвернорус. Народопр. II, стр. 154. Ник. V, 84. Кромѣ того, въ XV в. упоминается женская одежда — *чупрунъ*. А. Юрид. б. I, № 110, V, стр. 141. Чупруномъ называютъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ тамб. губ. *шушпанъ*, верхнюю одежду деревенскихъ женщинъ бѣлаго сукна похожую на шушунъ. Въ XVI в. упоминаются *сермяги срядныя*, кафтаны суконныя однорядочныя и сермяжныя и новины, новогольскія однорядки. Ист. Гос. рос. VI, пр. 208. А. Юрид. № 74. стр. 93.

остра на тѣлѣ его, изъвнутрь же на ней ина свита»; великій князь Изяславъ надѣвалъ власяницу Θеодосія во время нездоровья. Въ житіи Авраамія ростовскаго (†1010 г.) сказано, что этотъ старецъ въ пекарнѣ «мыяше власяницы на братію тружаяся»; тоже самое говорится въ житіи митрополита Петра. Княгиня Василиса въ иночествѣ (1365 г.) не носила рубашки, а ходила въ одной власяницѣ, прямо на тѣло ее возлагая. Женщины носили понявы или шерстяныя юпки, какъ можно думать на основаніи словъ устава Ярослава, въ которомъ *понявы* отличаются отъ полотна [440]).

Съ раннихъ поръ изъ суконныхъ издѣлій были въ употребленіи у Русскихъ шляпы и шапки; онѣ назывались тогда клобуками и киверами. Въ XI вѣкѣ иноки Кіево-печерскаго монастыря изъ шерсти дѣлали клобуки; придворные князья галицкаго въ 1152 г. по смерти Володимерка всѣ сидѣли въ черныхъ клобукахъ; Рубриквисъ прямо говоритъ о Русскихъ, что они носятъ валеныя острыя, очень высокія шапки [441]). Слѣдовательно валяльное искусство давно извѣстно было Русскимъ. Онучи употребляли Русскіе въ XII в.; о нихъ упоминаетъ Кирилъ Туровскій; въ уставной грамотѣ суздальскаго архіепископа 1382 г. говорится, что монахи должны были брать онучи изъ монастыря: «и обувь и до онущь имати у игумена» [442]). Пояса или кушаки издавна также употреблялись Русскими, равно какъ и шерстяныя рукавицы. Посламъ Владиміра весьма не нравилось, что могаметане въ ропати стоятъ безъ пояса; на рисункѣ, помѣщенномъ въ сборникѣ 1073 г., на всѣхъ

---

[440]) Патер. Рум. Муз. № 305. л. 29. Лавр. 84. Ркп. Рум. Муз. № 397 л. 338. № 153. л. 2. Степен. кн. I, 412. Ист. Гос. рос. V, пр. 4. Вивліоѳ. XVIII, стр. 79. Пол. собр. лѣт. VI, 86.

[441]) Патер. Рум. Муз. № 305 л. 38. Чт. общ. ист. 1859 г. кн. 3, стр. 18. Ипат. 72. Сказан. о Бор. и Гл. 61. Никон. V, 43. Ист. Гос. рос. IV, с. 63. Въ былинахъ упоминается шляпа сорочинская земли греческой. Др. рос. ст. 183. Нужно замѣтить, что не всѣ поименованныя одежды были суконныя: нѣкоторыя изъ нихъ шили и изъ другихъ матерій. Въ древнихъ памятникахъ упоминаются еще одежды преимущественно восточныя: куртка, кафтанъ, армякъ, чекмень, ряса, куколь (κουκούλιον καμιλαύχιον), колпакъ. Ibn-Fozlan. 74. 75. Ист. Гос. рос. VII, пр. 199. Рус. ист. сбор. 1837 г. II, 68. 69. Пам. XII в. 113. Кушакъ сл. татарское. О кушакахъ говорится въ дневн. рос. стих. 156. О поясахъ у Штриттера III, 93. Манатья. IV Новг. 7. Хламида. IV Новг. 63.

[442]) Пам. XII в. 103. А. Ист. I, № 5. Никон. IV, 225.

мужчинамъ семейства Святослава изображены длинные кафтаны съ поясами, о поясахъ также упоминаютъ Ибнъ-Фоцланъ и Константинъ Багрянородный [443]). Приготовляли Русскіе полсти и *попоны* изъ шерсти; Святославу Игоревичу войлокъ подсѣдельный служилъ постелью, а сѣдло изголовьемъ, чему подражали и всѣ воины его: «Ни шатра имяше, но подъкладъ пославъ и сѣдло въ головахъ, такоже и прочіи вои его вси бяху»; Георгій послѣ Липицкой битвы 1216 г. бѣжалъ такъ шибко во Владиміръ, что загналъ трехъ лошадей, прибѣжалъ «въ первой сорочицѣ, подъкладъ (войлокъ или попону) и той вывергъ»; въ 1216 г. подъ Переяславлемъ убили Иванька Прибышиница *опоньника*. Полсти или войлоки употреблялись въ шатрахъ во время походовъ: въ 1207 г. великій князь велѣлъ посламъ сѣсть въ шатрѣ, «а самъ сѣде въ полстници»; въ 1217 г. князь снарядилъ Половцевъ «и скры я въ полстници близь шатра», а по воскр. сп. «въ другій шатеръ въ постельный» [444]). Эти шатры служили спальней для князя и были составлены, вѣроятно, изъ войлоковъ (полстей), отчего и получили свое названіе.

Нѣтъ сомнѣнія, что означенныя одежды и шерстяныя издѣлія приготовлялись внутри Россіи, изъ собственной шерсти и своими швецами или портными; но въ тоже время вывозилось много суконъ и одежды отъ иностранцевъ. Впрочемъ всѣ иностранныя сукна, которыя извѣстны были подъ именемъ нѣмецкихъ, строгіе отшельники запрещали употреблять инокамъ по монастырямъ, а дозволяли имѣть одежду только изъ своихъ простыхъ суконъ [445]). О порт-

---

[443]) Ист. Гос. рос. II, стр. 132. Древн. рос. стих. 156. *Перегибы* и *сустуги*, въ которыхъ Древляне сидѣли, когда несли ихъ Кіевляне, по предположенію г. Соловьева, означаютъ одежды. Ист. Рос. I, пр. 206. Но эти слова употреблены лѣтописцемъ, кажется, для означенія кривляній важничающихъ Древлянъ. Слово: *сустуги* употребляется въ тамбовс. губ. доселѣ въ смыслѣ кривлянья, крючковатости и потомъ скупости. *Перегибень* въ псков. губ. значьтъ изгибъ, кривой путь, а въ переносномъ смыслѣ — повѣса. О рукавицахъ, см. Собр. грам. II, № 1. Учен. Зап. Акад. V, III, стр. 17.

[444]) Лавр. 27. Троиц. 214. Лавр. 186. 188. I Новг. 36. Никон. II, 355. IV, 75. Ипат. 43.

[445]) Объ иностранныхъ сукнахъ и суконныхъ и шерстяныхъ издѣліяхъ, привозимыхъ въ Россію, подробно будетъ изложено въ статьѣ о передаточной промышленности.

ныхъ древней Руси не сохранилось почти никакихъ данныхъ; только извѣстно, что по монастырямъ сами монахи шили себѣ одежду: въ Кіево-печерскомъ монастырѣ въ XI в. былъ черноризецъ, «иже бѣ своими руками работая стяжалъ имѣнія мало: бѣ бо портной швецъ». Принесъ онъ платье и показалъ настоятелю Ѳеодосію, а онъ велѣлъ ему сжечь сшитое, чтобъ отучить его отъ любостяжанія. Слѣд. въ XI в. начали выдѣляться мастера и приготовленіе платья не было исключительно въ семействѣ. Преп. Сергій «обувъ же и порты крояше и шьяше». Въ Бѣлозерскомъ монастырѣ «умѣющіи рукодѣліе дѣлающе, и въ казну относhаху, одѣянія и прочая, яже къ тѣлесной потребѣ». Монастыри нуждались въ запасѣ одежды и другихъ необходимыхъ для нихъ предметахъ потребленія и покупали ихъ на рынкѣ; въ жизнеописаніи Кирилла Бѣлозерскаго передается, что этотъ подвижникъ ученика своего Антонія «единаго лѣта посылаше купити, еже къ тѣлеснѣй потребѣ братіямъ, рѣкше одежду и обущу, масло же и прочая [446])». Точно также издѣлія свои продавали монахи и на вырученную сумму покупали хлѣбъ и способствовали этимъ развитію промысловъ и раздѣленію труда—этому началу, движущему промышленную дѣятельность. Такъ иноки печерскаго монастыря (послѣ 1032 г.) копытца плетяще и клобуки и ина ручная дѣла строяща и тако носяще въ городъ продаяти и тѣмъ жито купяху; а Ѳеодосій прялъ волну на сплетеніе копытцамъ [447]); слѣд. торговля шерстяными издѣліями была уже въ XI в. по городамъ.

Въ древней Руси производствомъ одежды занимались дома и преимущественно женщины, какъ дѣлается и доселѣ въ крестьянскомъ быту. Женщина прядетъ ленъ и пеньку, приготовляетъ холстъ и одѣваетъ свое семейство; точно также приготовляется сукно для кафтановъ, онучь и. т. под. При

---

[446]) Ркп. Рум. Муз. № 305. л. 68. Ист. Рус. Ц. II, 159. Ркп. Рум. Муз. № 152. л. 46. 47. Ник. IV, 217.

[447]) Чтен. Общ. Ист. 1859 г. кн. 3. стр. 18. Ркп. Рум. Муз. № 305, л. 38. Преосв. Филаретъ думаетъ, что *копытца* происходитъ отъ слова *копа*, *копца*—куча и означаетъ покрышку на клобукѣ. Учен. Зап. II отд. II, 2. прим. 146. Но тогда продавать въ городѣ не нужно; скорѣе подъ копытцами можно разумѣть вязаныя носки или чулки, а подъ клобуками—колпаки, какіе доселѣ носятъ лѣтомъ крестьяне; не напрасно сказано: *плетяще*.

такомъ способѣ приготовленія и при ограниченности потребностей массы, не могло развиться улучшеннаго способа производства полотна и сукна, и промышленность стояла на нисшей степени развитія; только въ быту высшихъ классовъ одежда отличалась нѣкоторою роскошью, да и та приготовлялась преимущественно изъ иностранныхъ матерій.

з) мѣховой промыселъ.

Кромѣ суконнаго платья, Русскіе въ зимнее и осеннее время носили постоянно мѣховыя одежды. Поселившись въ странѣ холодной, но богатой пушными звѣрями, они могли употреблять шкуры звѣрей не только на свои одежды, но и надѣлять мѣхами другія страны, вести ими обширную торговлю. Историческія преданія доносятъ до насъ изъ глубокой древности свѣдѣніе о томъ, что для предковъ нашихъ обиліе мѣховъ составляло одинъ изъ главныхъ источниковъ богатства, такъ что мѣхами брали дань съ народа. У св. Ольги былъ складочный дворъ въ Вышгородѣ, куда собиралась дань медомъ и мѣхами; Древляне говорили съ нею въ 946 г.: «што хощеши у насъ? ради даемъ медомъ и скорою. Она же рече имъ: нынѣ у васъ нѣсть меду, ни скоры». Так. образомъ главное промышленное производство Древлянъ состояло изъ добыванія меда и мѣховъ. Дань собирали шкурками соболей, лисицъ, куницъ, бобровъ и бѣлокъ[448]). Мѣха составляли обильный и цѣнный товаръ, служа первымъ предметомъ мѣны; въ X в. Русскіе уже торговали мѣхами съ Востокомъ, Греціей и Болгаріей; мѣха были самыми дорогими подарками для иностранцевъ: Игорь одарилъ греческихъ пословъ въ 945 г. скорою, челядью и воскомъ; Греки выпрашивали себѣ мѣховъ у Ольги въ видѣ подарковъ; Юрій прислалъ въ 1146 г. Святославу ткани, мѣха, дарилъ и жену его и дружину. Собирая дань шкурками пушныхъ звѣрей и имѣя свои мѣста для охоты, князья

(448) Доп. къ А Ист. I, № 4, № 8. I Новг 21. А. Эксп. 1. № 14. А. Зап. Р. I, №14. Ист. рос. іер. VI, 229. А. Юрид. б. I, стр. 90. Руск. Дост. I, 84. Изв. Акад. X, 687.

давали въ подарокъ мѣха собольи, бобровые, куньи, горностаевые, волчьи, песцовые [449]).

Какъ товаръ, имѣющій вѣрный сбытъ, мѣха ходили какъ деньги, мѣхами брали штрафы, платили за проѣздъ и пошлины торговыя, за сорокоустъ священникамъ; даже въ церковь приносъ дѣлали веверицами [450]). Какъ деньги, мѣха занимали подъ залогъ имѣнія; такъ въ XIII или XIV в. Обросимъ и Лаврентій Васильевы взяли у Ѳедора Макарова «10 сороковъ бѣлъ на 10 лѣтъ да на три лѣта, а въ тѣхъ кунахъ заложили отцину свою—село земли на Лодми, орамые земли и пожни, и по купной грамоти по Васильеви, отца своего и *путики*, и тони, и дворъ; а изойдетъ 10 лѣтъ да 3 лѣта, ино Ѳедору своя куны у Обросья и у Лаврентѣя свои куны взяти, а земли отступитися, а грамота отдать купная и закладная; а будетъ Обросиму и Лаврентѣю не до земли, ино имъ у Ѳедора на той земли донятн на той земли 5 сороковъ бѣлъ да 2 пуза ржи семяннъи, а купная грамота имъ Федору на ту землю дать, а въ людехъ имъ кунъ не имати, а выкупити имъ та земля своими кунами» [451]).

Въ самую раннюю пору, Русскіе приготовляли изъ дорогихъ мѣховъ различныя одежды. Арабскіе писатели X в., говоря о торговлѣ Руси съ Болгаріей мѣхами соболей, куницъ, свидѣтельствуютъ, что у самихъ русскихъ купцовъ были мѣховыя одежды; такъ Ибнъ-Фоцланъ видѣлъ, что на мертваго своего собрата они надѣвали *соболью шапку*. Встарину богатые люди имѣли собольи шубы и одѣяла; въ 1328 г. И. Д. Калита завѣщалъ сыну своему «бугай соболій съ наплечки;» Даниилъ заточникъ пишетъ, обращаясь къ князю (1199 г.): «Егда ляжеши на мягкихъ постеляхъ подъ *собольими одѣялы*, а мене помяни, господине, подъ единымъ платномъ лежаще, зимою умирающе и каплями дождевыми, яко стрѣлами пронизающе [452])».

---

[449]) Лавр. 23. 25. 27. Ипат. 29. 86. Ист. Гос. рос. I, пр. 516.

[450]) А. Эксп, I, № 14. Пам. XII в. 174.

[451]) А. Юр. б. II, № 126. стр. 3. По словамъ лѣтописца, въ Польшѣ до 1305 г. «за кожы куплю дѣяху». Густынс. л. 348.

[452]) Ист. Гос. рос. I, пр. 364. Собр. грам. I, № 21, стр. 32. 34.. Бугай былъ въ родѣ епанчи. Тр. Общ. Ист. I, 196. Въ Украйнѣ *бугаемъ* называется епанча съ головной покрышкой безъ рукавовъ; а въ рязанской и тверской губерн. *шугаемъ* зовутъ коротенькую женскую шубку безъ лифа, съ сборками на-

Въ этомъ голосѣ Заточника слышится жалоба бѣдняковъ на разность достатка высшихъ лицъ и нисшихъ, которая отчасти даетъ понять, что одежды изъ дорогихъ мѣховъ были не слишкомъ обыкновенны и распространены и въ древнюю пору. Ту же жалобу повторяетъ проповѣдникъ XII в., обличая богача своего вуемени: «ты облачишися и ходиши въ паволоцѣ и въ кунахъ, а убогый руба не имать на тѣлеси.» [453]) Изъ этихъ словъ видно, что достаточные люди древней Руси щеголяли *въ куньихъ одеждахъ*. *Горностаи* шли на украшеніе одежды и платья; до нашего времени сохранилась шапочка новгородскаго архіеп. Никиты (1108 г.) изъ синей шелковой ткани, опушенная горностаемъ съ нашитыми крестами, херувимами и серафимами. По свидѣтельству Рубриквиса (1253 г.), русскія женщины тоже носили горностаевыя платья или дѣлали изъ нихъ опушки и накладки снизу до колѣнъ [454]). Женскія шубки также бывали *бобровыя*, какъ можно видѣть изъ причитанья Ярославны: »полечу зегзицею по Дунаеви, омочу бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ.» Изъ шкуры бобра дѣлались колчаны: въ 1241 г. князь Андрей разграбилъ гордыхъ слугъ владыки перемышльскаго «и тулы ихъ бобровые раздра» [455]). А что въ XII в. Русскіе носили *медвѣжьи* шубы, можно заключить изъ словъ новгородскаго владыки Нифонта (до 1156 г.), который отвѣчалъ, что »нѣтуть бѣды ходити, хотя въ медвѣжинѣ», когда его спрашивали, какую одежду должны носить священники во время зимы; значитъ свѣтскіе люди имѣли медвѣжьи шубы [456]). *Волчьи* мѣха также были въ употребленіи въ XIII в.; изъ нихъ дѣлали шлемы и торговля ими производилась между Россіей и Европой [457]). Шлемы также дѣлались *барсовые*: лѣтописецъ говоритъ подъ 1241 г., что князь Андрей проучилъ слугъ владыки пере-

---

задн. Обл. Слов. 16. 268. У женщинъ шубы были опушенныя соболемъ. Христ. Древн. и Археол. изд.. Прохоровымъ. 1865 г. кн. 12, 156.

[453]) Изв. Акад. X, 550.

[454]) Изв. Акад X, II, 82. Ист. Гос. рос. IV, пр. 76 и текстъ.

[455]) Сл. о Пол. 122. Ипат. 180. 207. Ibn—Foszlan. 74.

[456]) Пам. XII в. 173.

[457]) Ипат. 180. О торговлѣ Риги съ Витебскомъ овчинами и волчьими мѣхами см. Изв. Акад. X, VI, 634.

мышльскаго, «и прилбицѣ (шлемы) ихъ врачьи и барсуковые раздраны быша» [458]). Теплыя одежды въ древнее время приготовлялись и изъ мѣховъ *бѣличьихъ*, о которыхъ говоритъ Рубриквисъ такъ же, какъ и о мѣхахъ горностаевыхъ, что они шли на украшеніе женскихъ нарядовъ [459]). Изъ разныхъ мѣховъ шили въ древнее время *кожухи*, которые у князей были иногда очень цѣнны, покрывались дорогими иностранными матеріями, такъ что передавались по наслѣдству отъ отца къ сыну [460]). *Шубы* бывали также на различныхъ мѣхахъ; покроемъ походили на опашень и однорядки, имѣли отложной воортникъ и застегивались пуговицами [461]).

Эти одежды дорогихъ мѣховъ были въ употребленіи только у богатыхъ людей; а вообще народъ строилъ себѣ зимніе кожухи и шубы изъ простыхъ *овчинъ*, т. е. овечьихъ шкуръ, а по монастырямъ строгіе отшельники носили иногда зимнюю одежду изъ кожъ козьихъ; кіевопечерскій монахъ Исакій надѣлъ на себя свѣжую козлиную кожу даже безъ всякаго шитья и она присохла на немъ. Бараньи шубы употреблялись по монастырямъ безъ всякихъ украшеній, безъ пуху (безъ опушки?); а подвижники и зимой ходили въ легкихъ одеждахъ. Жизнеописатель Кирилла Бѣлозерскаго говоритъ, что этотъ подвижникъ 9 лѣтъ въ монастырской поварнѣ проводилъ »во всякомъ воздержаніи и злостраданіихъ, въ день отъ огня угараемъ, въ нощи же студеніи померзаемъ; не бо въ тѣхъ лѣтѣхъ взыде овча кожа на тѣло его.»

---

[458]) Ипат. 180. Въ Былинахъ упоминаются черные соболи, зимніе горностаи, бурнастыя (буртасскія?) и печерскія лисицы, бѣлые заморскіе медвѣди, сѣрые бобры. Изъ одеждъ говорится о собольихъ одѣялахъ, о собольихъ шубахъ мужскихъ и женскихъ. Молодцы—дружинники Волха Всеславича для перемѣны имѣли шубы барсуковыя:

Носили они шубы соболиныя,
Перемѣнныя шубы—то *барсовыя*.

(Древн. рос. стих. 2. 3. 7. 14. 21. 48. 124. 136).

[459]) Ист. Гос. рос. IV. с. 63, пр. 76.

[460]) Ипат. 187. Сл. о Пол. 51. Кожухъ—кафтанъ, подбитый мѣхомъ. Въ завѣщаніи И. Д. Калиты сказано: «А исъ портъ моихъ сыну моему Семену кожухъ черленый жемчужный; а Ивану сыну моему кожухъ желтая обирь... А что есмь нынѣча нарядилъ два кожуха.... а то есмь далъ меньшимъ дѣтямъ своимъ». Собр. грам. I, стр. 32. 34.

[461]) Шубу давали въ приданое. А. Юрид. б. I, № 110, V. Въ церковномъ правилѣ м. Іоанна постановлено (до 1089 г.): студенія ради Іереемъ можно облачиться въ порты исподни отъ кожь животныхъ, ихъ же ядятъ и неснѣдныхъ. Рус. Дос. I, 88.

[462]) Овчины служили предметомъ промышленности и составляли богатство для народа; какъ князья въ духовныхъ завѣщаніяхъ перечисляли кожухи на дорогихъ мѣхахъ, такъ простые люди вспоминали объ—овчинахъ [463]).

Такимъ образомъ въ древнихъ памятникахъ упоминаются одежды медвѣжьи, волчьи, куньи, горностаевыя, собольи, бобровыя, бѣличьи, козьи, бараньи. Нѣтъ сомнѣнія, что были въ употребленіи у Русскихъ до XV вѣка одежды и на другихъ мѣхахъ, напр. лисьихъ, песцовыхъ, хорьковыхъ, такъ какъ мѣха эти были значительно распространены въ торговлѣ.

Мѣховой промыслъ въ древней Руси служилъ однимъ изъ первыхъ источниковъ богатства Русскихъ; на мѣха наши предки вымѣнивали иностранные товары: они служили всеобщимъ мѣновымъ товаромъ какъ деньги и шли на роскошныя одежды богатыхъ людей.

4) Кожевенныя издѣлія.

Обувь Русскихъ въ старое время состояла главнымъ образомъ изъ лаптей, потому что лѣсу было много, а кожи особенно въ выдѣлкѣ не дешевы. Объ этомъ сохранилось одно извѣстіе изъ древней Руси: «Рече Добрыня Володимеру: (987 г.) съглядахъ колодникъ, аже суть вси въ сапозѣхъ: симъ дани намъ не даяти; поидемъ искать лапотникъ» [464]). Изъ этого вытекаетъ выводъ прямой, что народъ преимущественно носилъ лапти и особенно инородцы, которыхъ по ихъ неразвитому быту Русскіе подчиняли легко и удобно. Самое производство лыкъ было по преиму-

---

[462]) Лавр. 84. Въ уставѣ (около 1382 г.) суздальскаго архіеп. Діонисія сказано: «А шубы бараньи носити безъ пуху». А. Ист. I, № 5. Ркп. Рум. Муз. № 152. л. 32.

[463]) Въ духовной новгородской XIV вѣка написано, какой долгъ слѣдуетъ взять съ кого и между прочимъ прибавлено: «у Оксентейка въ Ясеничахъ 3½ рубля, у Олферовыхъ 6 руб. *и портище овчинъ*». А. Юрид. № 409, 1.

[464]) Лавр. 36. Въ 1591 г. старцы троицкаго Сергіева монастыря писали, что преп. Сергій поставилъ въ гороховскомъ у. пустынку Зачатіе, когда посылалъ его в. к. Димитрій Ив. въ Нижній къ к. Димитрію Константиновичу,—«и жили въ той пустынкѣ старцы отходники, а *питалися лыками* (sic) и сѣно по болоту косили». А. Ист. 1, № 229.

ществу занятіемъ племенъ финскихъ, которыя прятались въ глубинѣ лѣсовъ. Лѣтописецъ отлично охарактеризовалъ съ этой стороны латышкое племя, приписавъ ему одинъ лѣсной промыслъ; вотъ что онъ говоритъ подъ 1205 годомъ: «Русскіе князи бишася съ Литвою и Ятвяги и побѣдиша ихъ уставиша на нихъ дань, лыко и кошницы и вѣники до бани: не имяху бо сребра, ниже иного чего краснаго». Впрочемъ, обувь Русскихъ была не одна лычная, но и кожаная. Начало кожевеннаго производства на Руси восходитъ ко временамъ отдаленной древности. Это видно изъ преданія о Янѣ Усмошвецѣ, который занимался выдѣлкой кожъ (992 г.). Отецъ разсказывалъ объ немъ Владиміру: «Единою бо ми й сварящю, и оному мьнущю усніе разгнѣвавъся на мя преторже *череви* руками». Въ преданіи о посѣщеніи апостоломъ Андреемъ новгородской земли разсказывается, что тамъ обливаются въ банѣ «квасомъ усніяным», т. е. квасомъ, въ которомъ отмачиваются кожи и обчины [illegible]). На основаніи этихъ лѣтописныхъ извѣстій, можно думать, что до XV стол. въ кіевской и въ новгородской областяхъ занимались дубленіемъ и выдѣлкой кожъ. Слѣдующія соображенія тоже дѣлаютъ достовѣрною эту мысль: чорный боръ давали Д. И. Донскому, Василію Димитріевичу, безъ сомнѣнія, такъ же, какъ В. В. Темному, *куда пошло постаринѣ*, «съ сохи по гривнѣ по новой, да писцу съ сохи мортка.... да *тшанъ кожевничій за соху*, лавка за соху»... Слѣдов. кожевенный промыслъ былъ значительно развитъ, если уже обложенъ былъ сборомъ. А что дѣйствительно были кожевники въ новгородской области даже ранѣе половины XIII в., это видно изъ того, что въ битвѣ съ шведами въ 1240 г. палъ «Дрочило Нездылова сынъ *кожевника*» [illegible]). Да это ясно видно и изъ того, что обувь зажиточныхъ людей стараго времени состояла изъ сапогъ, черевиковъ и башмаковъ или чоботовъ. Въ житіи Авраамія

[illegible]) Густынс. лѣт. 829. Лавр. 453. *Чрево, черьіе*—обувь. Лавр. 84. 87. 102. Ипат. 170. Въ переясл. сп. (32) добавлено: *череви и съ подошвою*; тутъ, конечно, разумѣются башмаки или *черевики*, носимыя крестьянскими женщинами и отличающіяся толстыми прочными подошвами. *Усніе, усма, усніянъ, усміянъ, усменъ, усьянъ, усмарь, кожушникъ* — corium, coriarius, coriaceus. Пам. XII в. 109.

[illegible]) А. Эксп. 1. № 32. 1 Новг. 53. О дубленіи см. Cod. dipl. Lubec. 1, 252.

ростовскаго и Іоанна новгородскаго упоминается о женскихъ сандаліяхъ; о подвижникѣ кіево-печерскомъ Исакіѣ такъ выразился древній писатель: «Егда же приспѣша зима и мрази лютіи, стояше *въ прабошняхъ*, въ черевьяхъ въ протоптанныхъ, яко примерзняшета нозѣ его къ камени» въ церкви. Въ 1154 г. Андрей бѣжалъ съ поля битвы объ одномъ сапогѣ; Новгородцы также ходили въ сапогахъ въ XIII стол.; въ 1216 г. передъ битвой «Новгородьци съсѣдавше съ конь и порты съметавше, боси сапогы съметавше поскочиша [467])». Сапоги шили изъ кожи и сафьяна; въ 1252 г. у Даніила галицкаго были «сапози зеленаго *хза* (хуза) шиты золотомъ». Здѣсь словомъ *хза* означается сафьянъ; но вообще этимъ словомъ называлась не выдѣланная кожа: въ 1042 г. померли кони въ войскѣ Владиміра «и еще дышющимъ конемъ, съдираху *хзы* съ нихъ.» Очевидно, кожи были необходимы для выдѣлки разныхъ вещей иначе не зачѣмъ было бы и сдирать ихъ [468]). Кожа употреблялась на обивку щитовъ; изъ нее дѣлались ремни для удобства вооруженія, бубны или барабаны, сумки и колчаны. Въ 1316 г. войска заблудились «ядяху конину и съ щитовъ кожу сдираючи.... жваху бо тогда голенища своя и ременіе [469]).» До XV стол. изъ кожи дѣлались также пояса: особенно они были въ употребленіи по монастырямъ. Отъ XIV стол. до нашей поры сох-

---

[467]) Ркп. Рум. Муз. № 397, л. 18. Лавр. 84. 1 Новг. 34—35. Въ древнемъ языкѣ слово—*сапогошвецъ* употреблялось им. сапожникъ. Сапоги имѣли голенища, подошвы были другаго товара. Употребленіе сапоговъ не было распространено въ простомъ народѣ.—ихъ носили только богатые люди; у путешественниковъ башмаки назывались калигами. Хожд. Дан. 81.

[468]) Ипат. 187. Лавр. 66. Хъзъ—*χεδιον*, chasdium—кожа. Сафьянные сапоги Русскіе богачи носили до XI в. Ист. Гос. р. 1, пр. 521. Memor. popul. III, 986. Шили сапоги съ острыми загнутыми кверху носками, какъ можно видѣть на рисункѣ при Изборникѣ Святослава. Цвѣта они имѣли желтые, зеленые и красные. Христ. Древн. и Археол. 1865 г. III, 115. Даніилъ Заточникъ пишетъ: »Луче бо ми видѣти нога своя въ лычницы въ дому твоемъ, нежели *въ черленъ сапозѣ* въ боярстемъ дворѣ.» По опис. XIII в. Рус. Бес. 1856 г. стр. 106. Въ былинахъ говорится о сапогахъ и чоботахъ *зеленаго сафьяну* и о женскихъ туфляхъ. Древ. Рос. стих. 45. 125. 141.

[469]) 1 Новг. 71; IV Новг. 48. Воскрес. въ Пол. Собр. л. VII. стр. 187. О бубнахъ см. Ип. 63. 67. Лавр. 83. Троиц. 214. Въ числѣ мастеровыхъ въ Холмѣ были тульники. Ипат. 196. *Тулы, тулы*—колчаны дѣлались изъ кожи. Ипат. 180. О тулахъ упомянуто въ Сл. о Пол. Иг. 220. Въ былинѣ говорится, что у Михаила Казарянина были сумы переметныя сыромятныя. Др. рос. стих. 212.

ранились *парамандъ* и *поясъ* изъ кожи съ натиснутыми изображеніями праздниковъ и подписями, ихъ объясняющими; найдены въ гробѣ въ церкви Спаса на бору въ Москвѣ, при передѣлкѣ стѣнъ, и хранятся въ алтарѣ этой церкви: Такія кожаныя и сафьянныя издѣлія съ оттиснутыми на нихъ фигурами и изображеніями назывались *басманными* [470]). Ременныя пояса съ различными украшеніями употреблялись князьями и переходили по наслѣдству отъ отцовъ къ дѣтямъ; Д. И. Донской отказалъ сыну своему Василію (1389 г.) «поясъ золотъ великій съ каменьемъ безъ ремени, поясъ золотъ съ ременемъ.... Ивану поясъ золотъ *татауръ*», т. е. ременный съ металлическими оконечностями [471]). Не смотря на восточное происхожденіе, эти пояса были и русскаго издѣлія, потому что мастеромъ одного изъ нихъ былъ Макаръ. Изъ кожи наши предки выдѣлывали конскую сбрую. Сѣдла и узды упоминаются въ самую раннюю пору: въ 912 г. Олегъ «повелѣ осѣдлати конь»; Святославъ «ни шатра имяше, но подъкладъ постлавъ и сѣдло въ главахъ; такоже и прочіи вси его вои бяху»; въ 1216 г. кричали суздальскіе бояре на Новгородцевъ: «навѣржемъ ихъ сѣдлы»! При осадѣ Кіева Печенѣгами въ 968 г, молодецъ взялъ узду и пошелъ искать лошадь: «изиде изъ града съ уздою ристаша сквозѣ Печенѣчи». Кромѣ того изъ кожи въ древнюю пору строили хомуты и налобники (личины) [472]). Сѣдло дѣлалось такъ же, какъ теперь,

---

[470]) Древн. рос. гос. I, № 107, стр. 162—166. И. М. Снѣгирева. Памятн. Моск. древн. 128—129. *Парамандъ* есть четвероугольный платъ съ завязками, возлагаемый при постриженіи въ монашество; его дѣлали изъ кожи животныхъ въ знакъ умерщвленія животныхъ побужденій. Татарское сл. *басмак* значитъ бить, чеканить. Кожаныя пояса и даже одежды часто употреблялись иноками: «Поясъ же усьянь, кожаныя ризы являя мертвость». Кир. Туровс.

[471]) Собр. грам. I, № 34. стр. 61. Монгол. *тутуръ* значитъ затяжка, поясъ.

[472]) Лавр. 16. 27. 66. Троиц. 213. Лавр. 28. Узды, по всей вѣроятности, по устройству были похожи на нынѣшнія, онѣ имѣли поводъ и назывались иногда *тьмлыгою*. Лавр. 143, 154. О кожаныхъ налобникахъ и *коярахъ* въ Ипат. 187. Ист. Гос. рос. IV, пр. 101. Еще кожаныя и ременныя вещи упоминаются въ древнихъ памятникахъ слѣд: *упудный рѣмень*, т. е. вѣсы, *калита*, *чаманъ*, *чепракъ*, а въ былинахъ часто говорится *о ременчатомъ стулѣ*. Грам. касающ. снош. съ ганз. город. № 7. 1 Пск. 269. Ник. IV, 31. Древн. рос. стих. 74. Въ житіи Константина муромскаго о Русскихъ говорится, что они «кони закалающе по мертвыхъ, ременныя плетенія древолазная съ ними въ землю погребающе.» Пам. др. рус. литер. 1, 235. Былъ особый разрядъ мастеревыхъ—*сѣдельниковъ*. Ипат. 196.

судя потому, что въ памятникахъ упоминается *лука* у сѣдла и *стремя*; подъ 1149 г. объ Андреѣ замѣчено: «ять бо бѣ двема копеиа подъ нимъ конь, а третьимъ въ передній лукъ сѣдельный» [473]).

Ремесленники, промышлявшіе выдѣлкой сбруи и вооруженій изъ кожъ, а также и сапожники, были на Руси въ древнее время; въ 1259 г. въ Холмъ шли сѣдельники и тульники изъ русскихъ людей и иностранцевъ. По монастырямъ сами монахи шили на братію сапоги, какъ препод. Сергій [474]).

Не смотря на небольшую сумму свѣдѣній о кожевенномъ промыслѣ, которыя сохранились въ древнихъ памятникахъ, все-таки можно сказать утвердительно, что издѣлія кожаныя, какъ обувь и сбруя, выдѣлывались своими мастерами, хотя были въ ходу эти вещи и иностранной выдѣлки; распространены онѣ были въ большомъ количествѣ въ въ высшемъ кругу; объ употребленіи ихъ въ простомъ народѣ молчатъ древніе памятники и лишаютъ изслѣдователя старины всякой возможности составить опредѣленное понятіе объ этомъ предметѣ.

з) Наряды и украшенія.

У князей и бояръ одежда была отличная отъ простонародной. Владиміръ велѣлъ облачиться Рогнѣдѣ въ *утварь* царскую; а мать Θеодосія умоляла сына одѣться въ одежду свѣтлу, вмѣсто плохаго платья, и уговаривала: «яко тако творя укоризну себѣ и роду своему твориши, и облече въ одежду славну свѣтлу, якоже е лѣпо болярамъ;» Митяй попъ «яко нѣкій царь величашеся, многи слуги и отроки имѣя, но вся дни ризами измѣняшесь: никто же бѣ таковая одѣянія ношаше» [475]). Въ чемъ же состояла особенность одеждъ богатыхъ людей древней Руси? Онѣ отличались прежде всего дорогими матеріями, которыя добывались отъ иностранцевъ. Во время Олега Русскіе уже знакомы были съ шелковыми греческими тканями и вывозили ихъ въ Россію, до-

---

[473]) Ипат. 47. Лавр. 140. Ипат. 73. 179. Древн. рос. стих. 297, 361.
[474]) Ипат. 98. 102. 196. Ист. рус. ц. 11, 159.
[475]) Чт. въ общ. ист. 1859 г. кн. 3. П. Собр. л. VIII, 29.

ставая изъ Царяграда при посредствѣ оружія или мирнымъ путемъ торговли и подарковъ. Эти шелковыя ткани извѣстны подъ общимъ именемъ паволоки [476]). Изъ паволоки Русскіе приготовляли церковныя одежды и облаченія священническія; богатые люди шили изъ нее себѣ платье, дѣлали наволочки для подущекъ и перинъ. О богачѣ XII в. говоритъ проповѣдникъ, что онъ ходилъ въ паволоцѣ: «готовять же ему и одръ настьланъ перинъ паволочитыхъ; възлежащю же ему и не могущю уснути, друзіи ему нозѣ гладять, иніи по лядвьямъ тѣшатъ его, инии по плечема чишють» [477]).

Паволоки бывали самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ и сортовъ; у Русскихъ онѣ извѣстны были подъ именемъ *парчи*, *пурпура*, *порфиры*, *червленицы* или багра [478]). Ибнъ—Фоцланъ видѣлъ у Русскихъ богатыя одежды и подушки изъ греческой парчи; въ XII в. платье богача было багряное: «тъ богатъ въ багрѣ и паволоцѣ хожаше»; эта багряная ткань называлась также *грецкимъ оловиромъ* [479]). Изъ червленой или червчатой шелковой ткани Русскіе приготовляли себѣ одежды, которые слыли многоцѣнными: въ одномъ спискѣ начальной лѣтописи разсказывается, что Ольга дарила князю Малу узорчатыя ткани: «Се бо пришедъ Ольга дааше ему пръты *многоцѣньны* червены, вси жемчюгомъ изсаждены и одѣяла чръны съ зелеными узо-

---

[476]) Олегъ принесъ паволоки изъ Цареграда. Лавр 13. Паволоки были дорогими подарками: Греки дарили ихъ русскимъ посламъ и князьямъ, а Русскіе величались ими предъ иностранцами. Лавр. 16. 19. 30. 85. I Новг. 57. Ипат. 29.

[477]) Изв. Акад. X, 548. Въ правилахъ м. Іоанна сказано: «Іереи облачите (во) ризы различныя и во шелковыя.» Ркп. Рум. Муз. XV, или XVI. в. № 231. л. 309. Изв. Акад. X, 512. Даніилъ Заточникъ пишетъ: «Богатъ красенъ несмысленъ, той яко паволочитое зголовье соломы наткано». Изв. Акад. X, III, 548. Пам. XII в. 235.

[478]) Константинъ Багрянородный пишетъ, что паволоки были цвѣтовъ—purpura, alba, rubra, rufa—diversorum colorum et diversorum quoque exemplorum, seu picturam pannis, intextarum, et alba, c'rina, ueneta. У Чеховъ и Поляковъ сл. паволока означалась *порфира*. Изв. Акад III, 274. X, 520. 534.

[479]) Изв. Акад. X, 548. Багряница и брачины упоминаются въ Сказ. о Бор. и Гл. какъ одежды русскихъ князей. Лавр. 16 Пам. XII в. 109. III Новг. 257. Багряница—πορφυρα, червленица—βυσσος. Въ Сл. о Пол. говорится о багряной чолкѣ. 29. Олочиръ—ὁλοπορφυρος—весь багряный. Ипат. 187. 223. Была въ употребленіи на Руси и бѣльчатая паволока. Ипат. 223. Червленая ткань была кровянаго цвѣта; есть выраженіе въ стихирарѣ 1163 г. *кровію очервити*. Изв. Акад. X, 508.

ры» [480]). Шелковая матерія узорчатая, извѣстная подъ именемъ *камки*, употреблялась Русскими на одежды и спальные принадлежности [481]). Какъ эта матерія, такъ и другая, называемая *объярью*, были восточнаго происхожденія, хотя выдѣлывались и въ Италіи. Объярь дѣлалась волнистой струей золотистой и серебристой, съ травами, цвѣтками и различными узорами. И. Д. Калита завѣщалъ сыну изъ одеждъ своихъ «кожухъ желтая обирь» [482]).

На одежды княжескія и церковныя шла дорогая ткань, приготовляемая въ Греціи—аксамитъ. Это—была залотная или серебреная ткань, плстная, ворсистая на подобіе бархата съ травами, разводами и узорами разныхъ цвѣтовъ какъ парча. Въ 1164 г. князю Ростиславу греческій царь прислалъ «дары многы, оксамиты и паволокы и вся узарочья разноличная». Аксамитныя одежды были и у людей приближенныхъ къ князю; Кузьма говорилъ ключнику Андрея Боголюбскаго: «Помнишь ли, жидовине, въ которыхъ портѣхъ пришелъ бяшеть? ты нынѣ въ аксамитѣ стоиши, а князь нагъ лежить» [483]). Впрочемъ, по своей дороговизнѣ, ак-

---

[480]) Переясл. лѣт. стр. 11. У в. к. Ивана Даниловича былъ поясъ на червчатомъ шелку. Собр. грам I, стр. 32. 34. Никон II, 364.

[481]) *Камха* на персидск. языкѣ означаетъ дамасскій шелкъ. У князей одѣяла были камчатыя: «камка на червци бѣлъ шелкъ». Собр. грам. 1, стр. 403, въ грам. 1486 г. Никон. IV, 172. Въ народныхъ русскихъ произведеніяхъ весьма часто упоминается камка бѣлохрущатая узорчатая. Изъ-за синяго моря Соловей Будиміровичъ привезъ дорогія ткани,

Княгинѣ поднесъ камку бѣлохрущатую;
Не дорога камочка—узоръ хитеръ:
Хитрости были царяграда,
А мудрости Іерусалима.

Древн. рос. стих. 3. 5. 21. 97.

[482]) Собр. грам. 1. стр. 32. *Объярь*—персидс. *обдар*—волнистый, струйчатый. Объяснит. указ. т. П. И. Саввантова, 493. Въ родѣ объяри была струистая ткань, изъ которой одежды назывались *свиляными*, (*свила*—шелкъ); она употреблялась богатыми женщинами. Ист. Гос. рос II, пр. 215. Шелковыя ткани назывались также шидяными. Хожд. Пимена 1392 г. Сказ. Рус. нар. II, VIII, 102. *Фофудьи* греческія, вѣроятно, были изъ шелковой матеріи; царь Леонъ дарилъ ими вмѣстѣ съ паволоками русскихъ пословъ. Лавр. 16.

[483]) Ипат. 92. 114. 220. Аксамитъ—Ἑξάμιτον, ткань приготовляемая въ 6 нитокъ—examitum, нѣмец. Sammet. Въ путеш. Симеона Суздальскаго 1437 г. сказано, что во Флоренціи «дѣлаютъ камки и аксамиты со златомъ». Путеш. Рус. людей. 1839 г, II, 103. Иногда аксамитъ добывали отъ Половцевъ; «Помчаша красныя дѣвкы половецкыя, а съ ними злато и паволокы и дорогыя аксамиты». Сл. о Пол. 48. 50. Изъ аксамита были въ церквахъ воздухи и завѣсы. Ипат. 222. 223. Тѣло умершаго Владиміра волынскаго обвили аксамитомъ. Ипат, 220.

самитъ не могъ быть въ большомъ употребленіи на Руси. Съ аксамитомъ не нужно смѣшивать *бархатъ*, который на Руси преимущественно шелъ на церковныя одежды [484]).

Изъ дорогихъ суконъ, изъ которыхъ шили себѣ наряды богатые люди, славился въ древней Россіи *скорлатъ*. О дороговизнѣ его въ древнюю пору составилась даже пословица: «не бывать скорлатому богатому»; одежды скорлатныя передавали по завѣщанію; такъ в. к. Иванъ Даниловичъ завѣщалъ сыну своему *скорлатное портище*, а Иванъ Ивановичъ—*опашень скорлатенъ* [485]). Безъ сомнѣнія, *ипское* сукно, которое въ значительномъ количествѣ вывозилось въ Новгородъ, также употреблялось на богатыя одежды, хотя объ этомъ не сохранилось свѣдѣній.

Шелковыя матеріи—*атласъ*, *штофъ*, *тафта*, *градетуръ* извѣстны были также нашимъ предкамъ; но эти иностранныя ткани не столько служили для нарядовъ, сколько употреблялись на церковныя одежды; нѣкоторыя изъ нихъ сохранились до нашего времени. Облаченіе, приписываемое преп. Никитѣ новгородскому (1108 г), состоитъ изъ фелони, епитрахили, поручь и палицы—штофныхъ кофейнаго цвѣта, изъ пояса гаруснаго-тканаго, бѣлаго омофора и синей градетуровой шапки, опущенной горностаемъ. Мантія новгородскаго архіеп. Іоанна шита изъ матеріи василькового цвѣта на падобіе рытаго бархата; источники на ней атласные двухъ цвѣтовъ краснаго и бѣлаго, а скрижали изъ краснаго бархата и на нихъ два креста изъ золотой и серебряной парчи [486]).

---

[484]) Пам. Моск. древн. 35—36. Діаконъ Игнатій видѣлъ въ Цареградѣ «одѣянія —ови багряни бархаты, а другіе вишневы бархаты, а иніи темносини бархаты». Сказ. Р. Нар. II, VIII, 103. Рытый бархатъ упом. въ Др. рос. стих. 3. Въ пѣснѣ различаются аксамитъ и бархатъ:

Камочка, камочка моя
Мелкотравчатая узорчатая!
Не давайся развертываться
Ни атласу, ни бархату,
Ни тому что аксаменту на золотѣ.

Древн. рос. Вивл. IV, 271. 275.

[485]) Владиміръ Васильковичь до 1286 г. купилъ село Березовичѣ и между прочимъ далъ 5 локотъ скорлата. Ипат. 275. Собр. грам. II, № 5. I, № 21. № 25. Никон. VII 292. Изв. Акад. X, 635. *Скорлатъ*, *шарлатъ* écarlate, scarlatum, scharlach—французское сукно краснаго цвѣта.

[486]) Фелонь препод. Варлаама сшита послѣ 1192 г. изъ кофейнаго мухояра, оплечье у ней вишневаго атласа и на задней сторонѣ крестикъ изъ полоса-

Украшеніемъ одеждъ и нарядовъ въ древнее время служило шитье золотомъ и шелками, которымъ занимались княгини и монахини. Въ уставѣ Ярослава говорится, что въ церкви давали »княгини безцѣнную *кузнь*, порты, золото, каменіе драгое, великій жемчугъ, иконы и евангелія, трапезы съ суды царскими; украсивше обогатѣли, паче и тѣхъ, отъ кого то пріяли.» Татищевъ пишетъ, что жена Рюрика любила шить золотомъ для церквей (въ концѣ XII ст). Этому нельзя не вѣрить: когда во Владимірѣ (1183 г.) сгорѣла церковь, то, по словамъ лѣтописца, въ числѣ другихъ узорочій сгорѣло много портъ золотомъ шитыхъ и жемчугомъ, иже вѣшаху на праздникъ» [487]). Владиміръ Васильковичъ въ Юрьевской церкви въ Любомли устроилъ »индитья (напрестольныя одежды) золотомъ шити вся.... платца оксамитны шиты съ жемчюгомъ херувѣмъ и серафѣмъ,» а во Владимерѣ »завѣсы золотомъ шиты, а другые оксамитные *съ дробницею*» [488]). Кромѣ церковныхъ облаченій, золотомъ шили и обыкновенныя одежды, равно какъ и нѣкоторыя принадлежности, относящіяся

той матеріи; подрясникъ его изъ матеріи кофейнаго цвѣта на крашенинной подкладкѣ; епитрахиль—кофейнаго мухояра шита золотомъ и украшена жемчугомъ; поручи его же шиты золотомъ и шелкомъ по тафтѣ и украшены мелкимъ жемчугомъ. Омофоръ (1325 г. или позже) новгор. владыки Моисея, вышитый золотистымъ шелкомъ, по красному полю, хранится въ ризницѣ новгородскаго Софійскаго собора. Пам. Моск. древ. 35—36. Древн. Рос. гос. I, № 97.

[487]) П. С. Л. VI, 84. Ипат. 27. Лавр. 165. Въ Ипат. л. прибавлено: яже вешали на праздникъ въ двѣ верви отъ золотыхъ воротъ до Богородицѣ, а отъ Богородицѣ до владычнихъ сѣней въ двѣ же верви чюдныхъ. Ипат. 127. Слово *кузнь* означаетъ металлическія, кованыя украшенія и однородно съ словомъ кузнецъ. Собр. грам. I, стр. 47. 74. Опис. Рум. Муз. 295. Въ 1147 г. Изяславъ разграбилъ въ Путивлѣ церковь Вознесенія и церковныя одежды шитыя золотомъ; въ 1203 г. Ольговичи забрали въ Десятинной церкви всѣ одежды, положенныя прежними князьями.

[488]) Ипат. 222—223. Дробницею или дробницами назывались золотыя и серебряныя бляшки, которыми украшались одежды; онѣ были рѣзныя и чеканныя, плоскія и выпуклыя, круглыя и многоугольныя.— При нашествіи Тохтамыша въ московскихъ церквахъ разграбили Татары пелены и ризы шитыя золотомъ. Полн. Собр. лѣт. VI, 101. О Февроніи Муромской записано въ ея житіи, что она предъ своей кончиной «своими руками шіяше воздухъ, на немъ же лики святыхъ», — и скончалась, «единаго святаго ризъ еще не дошивъ, лице же нашивъ, преста, и вотькне иглу, и приверьте нитію». Пам. древ. стар. Лит. I, 34. Изъ сохранившихся доселѣ, самый древній воздухъ хранится въ рязанской крестовой церкви, шитый на шелковой матеріи въ 1486 г. Анною Вас., женою рязанскаго князя Василія Иван., дочерью В. В. Темнаго. Зап. Арх. общ. II, стр. 297—316.

къ нарядамъ: подъ 1024 г. упоминается, что у Якуна Варяга »*луда* бѣ золотомъ исткана.» Карамзинъ говоритъ, что одежды златотканныя не были въ сіе время рѣдкостью или чрезвычайностью для князя владѣтельнаго [489]). Дѣйствительно, нѣкоторыя одежды и украшенія одеждъ съ давнихъ поръ на Руси вышивались золотомъ. При описаніи Липицкой битвы говорится: «Се пришелъ вы товаръ въ руки, вамъ же буди кони, брони, порты.... Аще и золотомъ шито оплечье будеть, убій.» Московскіе князья передавали по наслѣдству *наплечки золоты* съ различными украшеніями; такія же наплечники существовали и у Грековъ [490]). Золотомъ вышивали сапоги и башмаки и украшали одежды обшивками *изъ золотаго кружева;* въ 1252 г. Даниль былъ одѣтъ въ кожухъ «оловира грецкаго и круживы златыми, плоскыми ошитъ и сапози зеленаго хьза, шиты золотомъ». Въ 1288 г. мертвое тѣло Владиміра галицкаго «увиша оксамитомъ со круживодъ, яко же достоить царемъ» [491]). Золотомъ вышивались ожерелокъ или воротникъ и обшлага одеждъ; эти ожерелья были и накладныя, пристегиваясь къ воротнику; такія ожерелья съ священными изображеніями назывались *бармами*, когда они составляли наплечники торжественныхъ одеждъ князей и духовныхъ. Нарукавная обшивка нарядныхъ одеждъ носила названіе *опястья*, *запястья* [492]). Въ завѣщаніяхъ

---

[489]) Лавр. 64. 81. *Лудить* значитъ ковать, *луда*—шитая золотомъ одежда. Въ Дѣяніи Де геніевомъ упоминаются «кожухи сухымъ златомъ шиты». Ист. Гос. рос. II, пр. 27. III, пр. 272; а въ лѣтописи говорится подъ 1340 г. о златокованной одеждѣ во Львовѣ. Густ. 349.

[490]) Троиц 213. Собр. грам. I, стр. 32. 40. 43. 61. Въ путешествіи Игнатія сказано: «Наплечники жъ со златомъ и съ бисеромъ и съ круживомъ.» Сказ. Рус. Нар. II, VIII, 102. Наплечниками называлась часть отложнаго ожерелья, прикрывавшая плечи. Христ. Древн. и Археол. 1865 г. кн. 12. 155.

[491]) Ипат. 187. 220. Кружевомъ называлась узорчатая бахрама или тесьма, тканая, плетеная, вязаная; кружево было коленчатое или зубчатое, колесчатое, кружковое, плоское. Объяснит. Указ. къ опис. стар. одеждъ, стр. 474. Названіе кружева posamentum сохранилось въ нашемъ языкѣ въ словѣ *позументъ, прозументъ.*

[492]) Собр. грам. 1, стр. 32. 34. Ожерелье отличается отъ мониста. Ист. Гос. рос. II, пр. 221. VI, пр. 350. Сл. о Пол. 180. Оплечья архіерейскихъ ризъ въ ряз. губ. называются *барама*. Опястья или запястья шили по атласу и бархату; онѣ походили на браслеты. Пам XII в. 181. Въ числѣ украшеній женскихъ на ядовъ упоминаются *ометы* одеждъ, рядомъ съ ожерельемъ; это—были, вѣроятно, обшивки въ родѣ позумента. Изв. Акад. X, 485. Пам. XII в. 109. 110. Въ древнихъ памятникахъ встрѣчаются слѣд. названія, относящіяся до золотошвейнаго искусства: златыя понявы, синета со златомъ претыкана, тончица преиманы златомъ, обязь золота.

московскихъ князей упоминаются *шапки золотыя* и золотомъ шитыя головныя женскія наряды [493]).

Съ самыхъ древнихъ временъ украшеніемъ для нашихъ предковъ служили золотыя и серебряныя гривны и цѣпи, которыя носили на шеѣ. Когда убили Бориса (1015 г.), то сняли гривну съ шеи слуги его Георгія: «его же любише повелику Борисъ, бѣ бо взложилъ нань гривну злату велику, въ ней же предстояше предъ нимъ». Въ 1147 г. народъ напалъ на Игоря, и когда князь Михаилъ сталъ защищать его, то народъ бросился на защитника: «бьюче же Михаила отторгоша хрестъ на немъ и съ чепьми, а въ немъ гривна золота». У московскихъ князей было много цѣпей, отличавшихся разнообразіемъ [494]). Изъ этого видно, что богатые люди древней Руси не только сами носили цѣпи, но считали достоинствомъ жаловать слугъ и приближенныхъ золотыми гривнами и цѣпями. Золотыхъ цѣпей иногда носили на себѣ по двѣ и по три: въ 1213 г. убили Михаила Скулу, «главу его усѣкоша, трои чепи сняше золоты» [495]).

---

[493]) О шапкѣ золотой говорится въ завѣщаніи Ивана Ивановича и Д. И. Донскаго. Собр. грам. 1, стр. 32. 34. 40. 51. 61. Иванъ Даниловичъ завѣщалъ дочери между другими нарядами *чело*, т. е. головную дѣвичью повязку, носимую на лбу въ видѣ полумѣсяца; челомъ называлась и передняя часть кички. Собр. грам. 1, 32. 308. 406. Опис. Рум. Муз. 660. По всей вѣроятности, украшался золотомъ и *повой*, женскій головной уборъ; супруга князя Глѣба 1158 г. раздала по монастырямъ золото и «и все да и до повоя». Ипат. 82. Изв. Акад. VI, 158.

[494]) П. С. лѣт. IX, 68. Лавр. 58. Ипат. 34. И. Д. Калита завѣщалъ каждому изъ трехъ сыновей своихъ по четыре чепи золоты. В. К. Иванъ Ивановичь отказалъ сыну своему чепи золотыя — *колчату* великую съ крестомъ, *враную, огнивчатую* съ кресты, будущимъ зятьямъ тоже по чепи по золотѣ; цѣпь называлась иногда натруской. Собр. грам. I, №№ 21. 24. 25. Также №№ 30, 34. Никон. IV, 173. 281. 282. А. Юрид. б. I, № 409. Черниговская гривна, которую можно отнести къ XI в., похожа на медаль; она хранится въ эрмитажѣ и имѣетъ чеканную надпись. Древн. рос. гос. 1, № 23. О богачѣ XII в. сказано въ поученіи: «Раби его предтекуще мнози въ брачинѣ, и въ гривнахъ златахъ». Изв. Акад. X, 548. О Владимірѣ Васильковичѣ (1288 г.) записано: «Икону списа на золотѣ намѣстную св. Георгія и гривну золотую възложи нань.... крѣпостью препоясанъ и милостынею, яко гривною, утварью золотою украсуяся». Ипат. 222—223. Въ Греціи тоже носили чепи на шеѣ и на персѣхъ. Сказ. Рус. нар. II, VIII, 203. Князя представляютъ древніе памятники: «гривну цетаву на выи носяща... и обаполы его боляры сѣдеще въ златахъ гривнахъ». Какъ украшеніе, упоминаются *мѣсяца гривенная*.

[495]) Ипат. 161. Сюда можно отнести серебряныя псковскія печати въ видѣ медалей, которыя имѣли вліятельные люди и, кажется, носили ихъ на шеѣ въ знакъ власти и достоинства. Собр. грам. II, въ предисловіи.

Къ числу дорогихъ принадлежностей одѣянія богатыхъ людей древней Руси принадлежали золотые и серебряные *пояса*, которые носили исключительно мужчины. Пояса дѣлались шелковые и кожаные съ коваными металлическими бляхами, застежками и наконечниками и другими украшеніями. Владиміръ Васильковичь (до 1288 г.) все имѣніе свое роздалъ убогимъ, «и поясы золотыя *отца своего* и серебряные, и своѣ, иже бяше по отцѣ своемъ стяжалъ.» Пояса московскихъ князей украшены были *капторгами*, *тузлуками*, *калитами*, застегивались крюкомъ съ петлей или пряжкой [496]). Украшеніемъ одежды служили въ древнее время различныя *пуговицы*, *круги*, *бляхи*, *запанки*, *аламы*, *застежки;* онѣ дѣлались изъ золота и серебра, украшались дорогими каменьями и жемчугомъ; металлическимъ украшеніемъ были также *цяты* или *чаты*, мелкія бляшки [497]).

Необходимой принадлежностью наряда князя и приближенныхъ къ нему мужей было дорогое оружіе, которое льстило гордости прежняго воинственнаго вкуса. Потому оно расписывалось разными золотыми узороми и насѣчками; стрѣлы, луки, сабли, мечи и шлемы были позолоченые съ чеканными золотыми надписями и украшеніями; шлемы иногда дѣлали съ золотыми священными изображеніями, и трубы ковали золотомъ [498]).

---

[496]) Ипат. 223. Пояса, какъ драгоцѣнность, переходили изъ рода въ родъ. И. Д. Калита отказалъ сыну своему Семену «3 поясы золоты,—Ивану поясъ болшій поясъ золотъ *съ конторгами,* поясъ сердониченъ золотомъ окованъ,—Андрею поясъ золотъ фрязскій, поясъ золотъ *съ крюкомъ* на червчатѣ шелку, поясъ золотъ царевскій» (ханскій). Собр. грам. 1, стр. 32 и 34. Въ завѣщаніи Д. И. Донскаго между другими золотыми поясами поименованы: поясъ *сточный*, т. е. тканый, поясъ съ калитою да съ тузлуки, поясъ татауръ. Собр. грам. I, стр. 40. 61. Ист. Гос. рос. IV, пр. 386. *Капторга* значитъ кошелекъ, по объясенію абуковниковъ; у Калмыковъ хапторгою называется футлярчикъ, толстая бляшка на поясѣ. Карамзинъ разумѣлъ подъ капторгой застежки. Ист. Гос. рос. IV, пр. 325. *Калита*—кошелекъ, *тузлуки* — неизвѣстное украшеніе или принадлежность пояса. Іоаннъ екзархъ болгарскій описываетъ князя «*поясомъ вълъмитомъ* поясана».

[497]) Зап. Археол. общ. III, стр. 80—89. *Аламъ*—сл. татарско-арабское—знакъ, значекъ, чеканный образецъ, бляха. Карамзинъ невѣрно назвалъ аламы наплечками съ застежками. Ист. Гос. рос. IV, пр. 225. *Цята* замѣняется словами: златница, пенязь, сребреникъ. Ипат. 111, 112. Теперь въ тамб. губ. *цатами* называются узоры на плечахъ и подолѣ рубашки, вышитые шелками и унизанные *блестками*.

[498]) Въ завѣщаніяхъ московскихъ князей перечисляются сабли золоты, че-

Къ числу женскихъ украшеній, а иногда и мужскихъ относились *обручи* или кольца, о которыхъ сохранились извѣстія отдаленной древности. По свидѣтельству арабскихъ писателей, русскія женщины носили обручи на ногахъ (до 922 г.); а изъ договора Игоря видно, что обручи имѣли и мужчины. Обручи были золотые и серебряные; лѣтописецъ въ 1204 г. укорялъ современныхъ ему князей въ роскоши, противополагая ихъ образу жизни простой бытъ древнихъ князей: «не кладаху на свои жены златыхъ обручей, но хожаху жены ихъ въ сребрѣ» [499]). Золотые и серебряные *перстни*, *серьги* и *подвѣски* также издавна составляли украшеніе наряда русскихъ женщинъ и мужчинъ. По свидѣтельству византійскихъ писателей, у Святослава въ одномъ ухѣ висѣла серьга, украшенная жемчужинами; о перстнѣ и золотыхъ кольцахъ, носимыхъ женщинами въ ушахъ, говорится въ сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ. Перстень имѣлъ иногда чеканный глазокъ и употреблялся вмѣсто печати и тогда носилъ названіе *жиковины* [500]). Исключительною принад-

---

чакъ золотъ, доспѣхъ золотъ, снасть золота. Собр. грам. I, стр. 40, 61. У князя Даніила стрѣлы и сабля были украшены золотомъ. Ип. 187. Мечь злать. Екз. болг. Златые шеломы. Сл. о Пол. 152, 172. «Шеломы на главахъ ихъ златомъ украшены, *еловци* же шеломовъ ихъ, аки пламя огнемъ пашется». Сказ. Рус. Нар. I, IV, 69. *Еловци*—татарс. *елоу* флагъ—лоскутокъ на шлемѣ краснаго цвѣта. Ист. Гос. рос. V, пр. 76. Златокованыя трубы. Пам. XII в. 229. Черенки къ ножамъ и рукоятки къ кинжаламъ дѣлались изъ рыбьяго зуба, по свидѣтельству Герберштейна. Въ былинѣ о Дюкѣ Степановичѣ описывается лукъ и стрѣлы:

Полосы были серебряны,
А рога красна золота,
А и тетивочка была шелковая....
А и еще у тѣхъ стрѣлокъ
Подлѣ ушей перевивано
Аравитскимъ золотомъ.

Др. рос. стих. 23. 25.

[499]) Ibn-Foszl. 562. Лавр. 26. П. Собр. л. V, 87; VII, 267. Обручи носили на рукахъ, какъ показываетъ само названіе; въ Шестодневѣ о князѣ сказано, что у него *обручи на руку*. Екз. болгар. Но обручи носили и на шеѣ, какъ видно изъ путешествія Игнатія: «на перстѣхъ ношаху овіи жемчуженъ, овіи обручь златъ на шеѣ» Сказ. Рус. нар. II, VIII, 103. Никон. IV, 173. Обручами украшали и рабовъ. Изв Акад. X, 548. И. Д. Калита завѣщалъ дочери 14 обручей, т. е. колецъ. Собр. грам. I, стр. 32. Обручи назывались иногда *обеде*. Пам. XII в. 109. Опис. Рум. Муз. 543. Обручи тоже что кольца. Ист. Гос. р. I, пр. 358.

[500]) Сказ. о Бор. и Гл. 37. Собр. грам. I, стр. 40. Усерязь златъ упоминается въ Изборникѣ 1073 г. Изв. Акад. X, 421. 485. Серьги и перстни носили въ

лежностью женскаго наряда было *монисто*—цѣпочка съ крестами и монетами, носимая на шеѣ въ родѣ ожерелья. Мониста были золотыя и серебряныя, переходившія изъ рода въ родъ, Владиміръ Васильковичь «мониста великая золотая *бабы своей* и матери своей все полья въ гривны и розъсла милостыню по всей земли;» жители Мичска имѣли мониста серебряныя [501]).

Конская сбруя у князей и бояръ, сѣдла и узды украшались позолотой и шитьемъ, иногда были кованы серебромъ и золотомъ. Въ одномъ словѣ XII в. о богачѣ того времени замѣчено:» кони его тучьни, иноходи... ликовствующе златыми тварьми украшени, седьла его позлащена»; у Даниила Романовича галицкаго было «сѣдло отъ злата зжена;» стремена у седля дѣлались златокованныя [502]).

Самымъ любимымъ и самымъ распространеннымъ украшеніемъ одеждъ и нарядовъ нашихъ предковъ былъ *жемчугъ.* По большой части, имъ усаживали разныя вещи вмѣстѣ съ дорогими каменьями; крупный жемчугъ предпочитался, и въ памятникахъ старины онъ отличается названіемъ—*великій.* Жемчугомъ и дорогими каменьями украшали наши предки престолы въ церквахъ, царскія двери, иконы, кресты, сосуды, дароносицы, евангелія, священническія обла-

---

Новгородѣ. III Новг. 245. Въ 1150 г. жители г. Мичска «емлюче серебро изъ ушью, сливаюче сребро даяхуть Володимеру». Ипат. 56. Въ духовномъ завѣщаніи новгородца написано: «что перстень и *колтки* (подвѣски) золотые, а то Офимьено». А. Юрид. б. I, № 409, II. Христ. древн. и Археолог. 1865 г. кн. 12, 156. О жиковинѣ см. Ист. Гос. рос. III, пр. 272.

[501]) Ипат. 56. 219 223. 224. *Монисто* — monile, *μαννος* — ожерелье. Монисто называется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи *корольками.* Въ рядной записи XIII в. сказано: «а мониста Тѣшатина у Якымовы жены свободна Тѣшатѣ взяти». Зап. Арх. общ. III, 225. И. Д. Калита завѣщалъ «дчери своей Өетиньи 14 обручи и ожерелье матери ее *монисто новое,* что есмь сковалъ, а чело и гривну, то есмь далъ при собѣ». Собр. грам. I, стр. 32. «У женъ монисты и серги изъ ушей вынимаху и боготяхуся». III Новг. 245. Рабовъ наряжали также въ мониста. Изв. Акад. X, 548. Женскія металлическія украшенія назывались *крутою.* А. Юрид. б. I, № 409. Кромѣ поименованныхъ украшеній и нарядовъ, въ древнее время, были золотые *скипетры* и *опоны.* Христ. древн. и Археол. 1865 г. кн. 12, 156. Ипат. 191. Пам. XII в. 112.

[502]) Изв. Акад. X, 550. Ипат. 187. Въ Словѣ о Полку Игоревѣ упоминаются кованы сѣдла и златокованныя стремена, а въ былинѣ—стремя *вольячатое.* Рус. Дост. III, 70. 154. 159. Древн. рос. стих. 58. Варлаамъ сынъ боярскій поставилъ предъ Өеодосіемъ кіевопечерскимъ коня, суща въ утвари. Патер. Рум. Муз. № 305. л. 30.

ченія, воздухи и пелены [503]). Различныя одежды, напр. бугаи, кожухи, опашни, вотолы, шишаки и пояса, равно какъ и чаши и блюда золотыя, сажены были жемчугомъ и дорогими каменьями [504]). Точно также жемчугъ и каменья находились на бармахъ, наплечкахъ, запястьяхъ, аламахъ, ожерельяхъ, пуговицахъ, запанахъ, серьгахъ и перстняхъ[505]). Самымъ дорогимъ считался въ древнее время жемчугъ *Гурмыжскій* или *Бурмицкій* [506]). Изъ дорогихъ каменьевъ, упоминаемыхъ часто въ числѣ украшеній, до XV в. были: *сердоликъ*, *аспидъ*, *лалъ* и, можетъ быть, *алмазъ* [507]). Украшенія изъ *финифти*, *мозаики* и *хрусталя* и особенно изъ *бисера* также существовали въ древней Руси,—

---

[503]) Въ церквахъ были порты, шитые золотомъ и жемчугомъ. Лавр. 165. Ипат. 127. Ркп. Рум. Муз. № 319, 100. Андрей Боголюбскій въ 1155 г. украсилъ икону каменьемъ дорогимъ и великимъ жемчугомъ; въ смоленской церкви до 1158 г. иконы были украшены жемчугомъ, и драгоцѣнными каменьями Ипат. 78. «Трапезу чудную одрата, драгый камень и велій жемчюгъ». I Новг. 23. Ник. 1, 151. 223 229. II, 326. IV. 60. 79. Крестъ Евфросиніи полоцкой (1161 г.) украшенъ каменьемъ и жемчугомъ великимъ безцѣннымъ .. Во Владимірской церкви в. к. Андрей трое дверей каменьемъ дорогимъ и жемчюгомъ украси многоцѣньнымъ и всякими узорочья удиви ю... а служебныхъ судъ златомъ и каменіемъ драгимъ и жемчюгомъ великимъ, вельми много, а тріе ерусалими велми велиціи иже отъ злата чиста отъ каменья многоцѣньна усгрои. Ипат. 111—112. 223. П. Соб. Л. VI, 101.

[504]) Въ Завѣщаніи И. Д. Калиты 1328 г. перечисляются: чаши золотыя съ жемчюги, блюдце съ каменъемъ и жемчюги; пояса съ каменьемъ и жемчюги, кожухъ съ жемчюгомъ, скорлатное портище сажено. Собр. Грам. I, стр. 32. 33. 40. Въ завѣщ. Д. И. Донскаго говорится тоже о поясахъ и о вотолѣ саженой. Собр. Грам. I, стр. 61.

[505]) У И. Д. Калиты наплечки на бугаѣ были съ великимъ жемчюгомъ, съ каменьемъ, на кожухахъ аламы жемчужные; кромѣ того, круги на наплечкахъ украшались каменьями и жемчугомъ, серьги съ жемчугомъ. Собр. Грам. I, стр. 32. 40. »И что буди примыслилъ при своемъ животѣ золота ли, жемчугу ли, то все далъ есмь своей княгинѣ,» писалъ в. к. Семенъ Ивановичъ. Собр. Грам. I, № 24. Въ Сл. о Пол. упомянуто о жемчугѣ великомъ. 70. 180. Др. рос. ст. 173.

[506]) Гурмыжскій жемчугъ значитъ персидскій, добываемый въ Персидскомъ заливѣ, который назывался Гурмыжскимъ моремъ: »Апское море, еже есть Гурмыжское, въ немъ же жемчугъ Бурмыжской родится.» Сказ. Рус. Нар. П. VIII, 215.

[507]) У московскихъ князей въ числѣ дрогоцѣнностей былъ поясъ сердониченъ золотомъ окованъ. Собр. Грам. I, стр. 34. 40. Ник. I, 144. *Аспидомъ* украшали иконы; Андрей Боголюбскій «устрои церковь различными пятами и аспидными пятами украси.» Ипат. 112. Въ душевной грамотѣ в. к. Василія Димитріевича (1406 г.) отказанъ сыну «ковшъ золотъ *съ лаломъ* да съ жемчуги». Сбор. грам. I, № 39. Лаломъ называется красный яхонтъ или рубинъ.

и всѣ эти драгоцѣнности назывались на старинномъ языкѣ *узорочьемъ* [508]).

Чтобы составить понятіе о полномъ одѣяніи и убранствѣ древнихъ князей, сдѣлаемъ описаніе рисунка, изображающаго семейство Святослава въ сборникѣ 1073 г. Святославъ и сыновья его, Глѣбъ и Ярославъ, представлены въ кафтанахъ не много ниже колѣна длиною, на Святославѣ кафтанъ зеленый, сверху корзно синее съ красной подкладкой, застегнутое на правомъ плечѣ красною запанкою съ золотыми отводами (аламъ?); на сыновьяхъ кафтаны малиноваго цвѣта и золотые пояса съ раздвоенными концами. Воротники, рукава у молодыхъ князей, подолъ у Ярославова кафтана и края Святославова корзна наведены золотомъ; подолъ Святославова и Глѣбова кафтановъ краснаго цвѣта; у маленькаго Ярослава отъ шеи до пояса золотая обшивка съ тремя поперечными золотыми полосами; сапоги у Святослава зеленые, у Ярослава красные востроносые. На сыновьяхъ высокія синія шапки съ красными наушниками и зеленоватымъ подбоемъ; на маленькомъ Ярославѣ шапка не высокая, какъ и на Святославѣ, на которомъ она желтоватая съ синими наушниками и темнокрасною опушкою. На княгинѣ покрывало, завязанное подъ бородою; верхняя одежда краснаго цвѣта съ широкими рукавами съ широкою желтою полосою на подолѣ и съ золотымъ поясомъ; рукава нижней одежды выставляются съ золотыми поручами; башмаки наведены золотомъ[509]). Въ древней Руси употреблялись рукавицы и перчатки; послѣдніе добывались отъ иностранцевъ. Въ смоленскомъ договорѣ 1229 г. между прочимъ постановлено, что когда Готландцы, или Рижане поѣдутъ къ Смоленску, то

([508]) Финифтью украшали церковныя принадлежности. Ипат. 111. 123. 123. *Мусія*—мозаика употреблялась на Руси въ XI в. при устроеніи Кіевопечерской церкви. Патер. Рум. Муз. № 305. і. 30. О мусіи упомянуто въ Странникѣ Стефана 1347 г. Сказ. Рус. Нар. II, VIII, 51. Мономахъ украсилъ гробницы Бориса и Глѣба серебромъ и золотомъ, «съ хрустальными великими разнизаньми устрои». Сказ. о Бор. и Гл. 84—85. У князей была хрустальная посуда. Собр. грам. І, стр. 82. Бисеръ добывали отъ Арабовъ и цѣнили очень дорого, особенно зеленаго цвѣта (Falschen grüne Perlen); употребляли его на ожерелья, украшеніе одеждъ, наплечниковъ и т. под. Ист. Гос. р. I, пр. 364. Лавр. 26. 29. Сказ. Рус. Нар. II, VIII, 102. Изв. Акад. X, 431. I Новг. 21. 26. 66.

[509]) Ист. Рос. съ древн. вр. III, стр. 14. См. также описаніе изображеній XII в. Христ. древн. и Археологія, изд. Прохоровымъ. 1865 г. кн. 12, 155—156.

«тіуну на Волоцѣ дѣти рукавицѣ (перстатыя), ажбы товаръ перевезлъ безъ держанія»[510]). Въ княжескомъ быту употреблялись ковры, еще во времена Владиміра. Когда онъ умеръ тѣло его «обертѣвше въ коверъ и ужи свѣсиша на землю;» при ослѣпленіи Василька 1097 г. упоминается коверъ; ковры любили Русскіе багрянаго цвѣта, а добывали ихъ отъ Грековъ[511]). У богатыхъ людей древней Руси подушки были пуховыя, а наволочки паволочитыя; употреблялись и одѣяла стеганыя, какъ свидѣтельствуетъ Ибнъ-Фоцланъ, который говоритъ, что Русскіе« принесли скамью на ладью съ стегаными покрывалами греческой парчи». Въ словѣ о Полку Игоревѣ упоминается «черная *паполома* (покрывало) на кровати тисовѣ». Ольга дарила Малу черныя одѣяла съ зелеными узорами [512]).

Не смотря на всѣ эти украшенія и наряды, которыхъ какъ будто представляется много, бытъ нашихъ предковъ отличался простотою. Самыя завѣщанія, подробно означающія пояса, бляхи и мелкія украшенія наравнѣ съ поземельными владѣніями и городами, даютъ знать о рѣдкости нарядовъ и украшеній. Извѣстно, какая драма разыгралась изъ-за пояса въ концѣ XIV стол., снятаго Софьей Витовтовной съ Василія Косаго на свадьбѣ. Точно также удивленіе лѣтописцевъ при описаніи украшенныхъ одеждъ и разныхъ мелочныхъ вещей приводитъ къ мысли, что украшенія были рѣдки, такъ что древнему русскому человѣку казалось все это *подобнымъ чуду*, хитростью измечтаною.

Большая часть золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, дорогихъ тканей, нарядовъ и украшеній одеждъ перешли въ Россію отъ иностранцевъ или обработаны были не русскими мастерами, какъ показываютъ самыя названія (поясъ фряжскій, поясъ царевскій—ханскій). Но многія украшенія приготовлялись на Руси и собственными мастерами; такъ

---

[510]) Собр. грам. II, № 1. Въ сборникѣ Кирилло-бѣлозерскаго монастыря XV в. разсказывается, будто бы м. Кипріанъ, когда былъ въ Литвѣ, зашелъ въ избу и забылъ тамъ на окнѣ свои *рукавки*. Разсказъ этотъ очень сбивчивый и невѣроятный, но изъ него видно, что рукавицы употребляли Русскіе издавна. Уч. Зап. II отд. Акад. Н. кн. V, III. стр. 17.

[511]) Лавр. 32. 56. 111, 116. Ипат. 114. Штриттера III, 50. Въ былинахъ упоминаются ковры *сорочинскіе* и потнички бумажные. Др. рос. стих. 141.

[512]) Ист. Гос. рос. I, пр. 364. Сл. о Пол. 116. Переясл. Лѣт. 11.

въ завѣщаніяхъ княжескихъ встрѣчается поясъ *старый* новгородскій, поясъ Шишкина дѣла, поясъ Макарова дѣла; упоминаются также вновь устроенныя украшенія при жизни великихъ князей, наприм. И. Д. Калита сковалъ новое монисто, наряжалъ кожухи съ аламы [513]). Золотое производство на Руси до XV в. было *вольячное*, *рѣзное*, *басманное*, *сканное* и шитье золотомъ [514]).

Въ заключеніе нужно замѣтить, что чѣмъ меньше было мастеровъ, тѣмъ ихъ работа была выгоднѣе и чѣмъ ограниченнѣе былъ кругъ нарядовъ и украшеній, тѣмъ они цѣнились дороже. Это обстоятельство поддерживало промышленность не многихъ лицъ, занимавшихся залотымъ дѣломъ и выдѣлкой различныхъ украшеній, какъ для церковныхъ одеждъ, такъ и для обыкновенныхъ нарядовъ.

Вообще промышленность, стремившаяся удовлетворить потребности въ одеждѣ и обуви, исключая мѣховаго промысла, въ древнее время развита была не значительно, меньше, чѣмъ промышленность относительно пищи. Тамъ мы видимъ промышленность чисто русскую; здѣсь преобладаютъ иностранныя издѣлія въ быту высшаго класса общества; а въ простомъ народѣ матерія для одежды приготовлялась въ семействахъ и производство матерій не могло улучшаться и развиваться по самой простой причинѣ, что въ чужихъ издѣліяхъ рѣдко кто имѣлъ нужду, а для себя дѣлали, лишь бы было прочно, тепло и удобно.

---

[513]) Собр. грам. 1, стр. 32. 34. 40. 61. Серьги и мониста носили женщины во многихъ городахъ древней Руси; нельзя же думать, будто всѣ эти украшенія были иностранныя.

[514]) 1) *Вольячныя*, литыя издѣлія, наприм. запаны, аламы, кольца, отливались въ формы изъ желѣза или глины. 2) *Рѣзныя* дѣлались *рытьею*, рѣзьбой въ глубь или рельефомъ, обронно. Сказ. рус. нар. II, VIII, 102. 3) *Басманныя* чеканились на плющеныхъ листахъ или печатались твердыми какими-нибудь образцами. 4) *Сканная* работа или крученая употреблялась на украшеніе бармъ, евангелій и т. под. Подробнѣе объ этомъ можно читать въ статьѣ г. Забѣлина: «О металлическомъ производствѣ въ древней Россіи». Зап. Арх. Общ.

IV. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ПЕРЕДАТОЧНАЯ

или сбытъ произведеній промышленности.

Всегда и вездѣ повторяющійся, извѣстный законъ раздѣленія труда между различными членами и классами общества, способствуетъ возникновенію и развитію сбыта произведеній промышленности. По природной способности и охотѣ къ извѣстнымъ занятіямъ, равно какъ по условіямъ мѣстной производительности, жители стремятся приготовлять различные предметы, какіе для нихъ сподручнѣе: одни занимаются производствомъ хлѣба, другіе промышляютъ постройкой, третьи добываютъ соль и т. д. Отъ розни занятій появляется въ одномъ мѣстѣ избытокъ произведеній, въ другомъ—запросъ на тѣ продукты и товары, которыхъ не достаетъ у народа извѣстной области, — и образуется мѣна различными произведеніями промышленности. Такимъ образомъ степень развитія промышленной дѣятельности необходимо обусловливаетъ степень сбыта произведеній. Въ этомъ случаѣ самымъ главнымъ двигателемъ служатъ естественныя условія мѣстности: давая направленіе и характеръ промышленности обиліемъ матеріаловъ, онѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣляютъ самое движеніе передаточной промышленности въ извѣстную сторону качествомъ путей сообщенія. Съ появленіемъ въ народѣ класса рабовъ, нарушается единство занятій и распредѣленіе богатства; увеличеніе людей, имѣющихъ своимъ занятіемъ и промысломъ войну, заставляетъ другіе классы общества доставлять имъ

жизненные припасы; выдѣленіе изъ общества опредѣленнаго класса духовенства съ исключительными стремленіями также усиливаетъ развитіе промышленной дѣятельности. Все это имѣетъ большое вліяніе на развитіе производства и сбыта, на образованіе промышленныхъ центровъ и опредѣленныхъ мѣстъ для складки товаровъ. Отъ непріязненныхъ столкновеній съ другими народами, отъ грабежа дорогихъ вещей, не приготовляемыхъ дома, возбуждается охота въ народѣ, особенно въ высшихъ классахъ общества, въ которыхъ усиливается роскошь, доставать рѣдкости произведеній другихъ народовъ посредствомъ мѣны на собственныя издѣлія и произведенія страны. Такъ вездѣ образуется сбытъ товаровъ внутренній и внѣшній: такимъ же путемъ возникъ онъ и въ древней Руси.

1) Сбытъ внутренній.

О сбытѣ произведеній сельской промышленности древней Руси не сохранилось почти точныхъ свѣдѣній; но что онъ существовалъ и что были торговые съѣзды по селамъ и погостамъ, — это можно доказывать на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ. Въ періодъ языческій, когда Русскіе сходились на религіозныя празднества и игрища *межю селы*, сопровождавшіяся жертвоприношеніемъ и пиршествами,— можно думать, что въ то время происходила и торговля, по крайней-мѣрѣ, жертвенными животными, напитками и съѣстными припасами. Съ распространеніемъ христіанства, когда стали рубить церкви по селамъ и погостамъ, окрестное населеніе, стекаясь на богомолье по праздникамъ, привозило домашнія произведенія на продажу и около церквей образовывались торги. Въ этомъ случаѣ много содѣйствовали движенію сельской торговли монастыри, особенно въ эпоху татарскаго владычества; съ одной стороны сами монахи, занимаясь мастерствами и ремеслами, сбывали ихъ на торгахъ; съ другой стороны у монастырей были свои богатыя угодья и волости, въ которыхъ жители работали на монастыри и отправляли товары на продажу. Монастыри имѣли своихъ купцовъ и населеніе ихъ волостей постоянно освобождалось отъ взиманія торговыхъ пошлинъ;

такъ освождены были въ XIV в. люди тверскаго Отроча монастыря, жители вотчинъ и купчины Троицкой-Сергіевой лавры [515]). Въ Русской Правдѣ постановлено искать воря по слѣду: «яже погубять слѣдъ *на гостиньцѣ на велицѣ*, а села не будетъ, или на пустѣ, кдѣ же не будетъ ни села ни люди, то не платити ни продажи, ни татбы» [516]). Подъ словомъ—гостиньца великая—обыкновенно разумѣютъ большую дорогу; но вѣрнѣе, кажется, принимать торговую площадь не далеко отъ жилья, куда въ обычное время собирались для сбыта товаровъ: не напрасно выше говорится о слѣдѣ «или къ селу, или къ товару». Сельскіе жители преимущественно сбывали товары по городамъ, если они находились не далеко отъ нихъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые древніе города на Руси образовались изъ большихъ селъ. Возникновеніе этихъ промышленныхъ центровъ обязано естественному стремленію народа къ устроенію общежитія и экономическаго быта, удобству путей сообщенія и богатству мѣстности естественными произведеніями. Привольная мѣстность привлекала поселенцевъ и доставляла имъ обильные матеріалы для промышленной дѣятельности; накопленіе товаровъ привлекало покупщиковъ, или заставляло самихъ жителей отправлять товары въ другія мѣстности. Такимъ свободнымъ саморазвитіемъ предпріимчивости и труда, путемъ промышленной дѣятельности и производствомъ торговыхъ оборотовъ вольное поселеніе разросталось, богатѣло и становилось центромъ экономическаго движенія цѣлой волости, возрастало сначала въ посадъ, потомъ въ городъ [517]).

Другіе города основывались князьями съ цѣлью обезопа-

---

[515]) А. Эксп. I, № 5 и № 7. Ист. рос. іер. VI, 229. Въ двинской грамотѣ 1392 г. сказано, что церковные люди митрополита освобождаются отъ пошлинъ, какъ было при м. Алексѣѣ: «кто продастъ свое домашнее, тотъ тамги не даетъ». А. Эксп. I, № 13. Тоже повторяется въ жалованной грам. около 1400 г.: «а что купятъ или что продадутъ, и нѣ таможникомъ не являютъ». А. Эксп. I, № 15. По новгородскимъ селамъ были купцы. Грам. договор. 1265 г. Собр. грам. I, №. 1. По селамъ и погостамъ волынской и рязанской обл. существовали мыта; слѣдов. была торговля. Ипат. 228. А. Ист. I, № 2.

[516]) Рус. Пр. 11, 78.

[517]) Дѣйствительность такого развитія городовъ подтверждается самыми названіями нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр. Новый Торгъ, Романовъ Торгъ, Аскый Торгъ.

сить народонаселеніе отъ нападенія враговъ, безъ всякихъ видовъ на развитіе торговли. Но и въ такихъ городахъ сбытъ произведеній промышленности долженъ былъ усиливаться по различію занятій жителей. Приплывъ дружины, жившей войной и не занимавшейся промышленной дѣятельностью, побуждалъ жителей увеличивать количество извѣстныхъ припасовъ и товаровъ. По мѣрѣ требованій, подвозъ запасовъ шелъ изъ окрестныхъ селъ, и сельское населеніе, увлекаясь выгодой сбыта, даже переселялось ближе къ городу. Различные классы городскихъ промышленниковъ и ремесленниковъ много способствовали движенію торговыхъ оборотовъ. Когда князь галицкій Даниилъ построилъ г. Холмъ, чтобы имѣть крѣпкій пунктъ нападенія противъ враговъ, призвалъ въ городъ Нѣмцевъ, Ляховъ, Русскихъ и различныхъ мастеровъ; то образовалась торговля и начался приплывъ населенія, — «и бѣ жизнь, говоритъ лѣтописецъ, и наполнища дворы окрестъ города поле». Но такіе административные города становились торговыми пунктами, благодаря удобству мѣстности, присутствію въ нихъ монастырей, святыни, свѣтскихъ и духовныхъ властей, съ которыми необходимо связано было сельское населеніе [518]).

Сбытъ товаровъ по городамъ производился на рынкахъ или на *торгахъ;* въ Русской Правдѣ (1019 г.) постановлено общимъ правиломъ *закликать на торгу* (заявить) о пропажѣ вещи, а это предполагаетъ, что по многимъ городамъ были рынки [519]); еще въ X в., въ Новгородѣ была торговая сторона [520]); въ XI в. упоминаются торги въ Кіевѣ, Воздвиженскѣ, Курскѣ, Торопцѣ [521]). Конеч-

---

[518]) Ипат. 196. Напримѣръ, Ярославль и Нижній Новгородъ, построенные (въ 1071 и 1221 г.) съ цѣлью огражденія отъ набѣговъ непріятелей, благодаря своему мѣстоположенію, скоро возвысились на степень богатыхъ торговыхъ городовъ. О вліяніи христіанства и администраціи на развитіе городской торговли, см. Городск. сост. рус. нар. Плошинскаго. Спб. 1850 г, стр. 29—30.

[519]) Рус. Пр. II, 26. 28. 32. 51. 111.

[520]) О торговой сторонѣ въ Новгородѣ упоминается въ Іоакимовской лѣтописи подъ 992 г. Ист. Татищева 1, 39. Это извѣстіе очень вѣроятно, п. ч. въ 1030 г. Ярославъ жилъ на торговой сторонѣ; а въ 1151 г. выгорѣла уже вся торговая сторона. П. Собр. Л. III, 210; IX, 65. Рус. Пр. III, 134. I Новг. 5. 11. 12. 33.

[521]) Въ 1068 г. Кіевляне собирали вѣче на Подолѣ на торговищи. Лавр. 37. Адамъ Бременскій называетъ Кіевъ вторымъ Константинополемъ по тор-

по, не во всѣхъ городахъ, которыхъ въ XII стол. упоминается болѣе 300, существовали торги; но въ большей части они были. До XV в. они были во Владимірѣ, Муромѣ, Торжкѣ, Смоленскѣ, Русѣ, Псковѣ, Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Костромѣ, Ярославлѣ, Твери, Кашинѣ, Устюгѣ, Вологдѣ, Переяславлѣ, Владимірѣ волынскомъ, Полоцкѣ, Витебскѣ, Черниговѣ и другихъ [522]). При церквахъ устроивались лавочки, въ которыхъ продавали свѣчи и ладонъ; такъ Новгородецъ Астафій завѣщалъ сыну (въ XIV в.) и брату «*голбецъ* во св. Михаилѣ»; Юрій Бѣлковичь построилъ церковь св. Николы, далъ ей земли «и клѣтку торговую, что поити ладону и темьяну къ церкви» [523]). Въ большихъ городахъ, какъ напримѣръ въ Новгородѣ и Москвѣ, были гостинные ряды, различавшіеся по предметамъ торговли: рядъ хопыльскій, сурожскій, суконный [524]). Торги или ярмарки бывали въ опредѣленное вре-

говлѣ и обширности. Hist. Eccles. lib. II, cap. XIII. Дитмаръ пишетъ, что въ его время было 8 торговъ въ Кіевѣ. Chron. pag. 426. Но по нашимъ извѣстіямъ, въ Кіевѣ находился великій торгъ, Бабинъ торгъ на горѣ, торгъ на Подолѣ. Лавр. 75. Ник. I, 176. Ист. Татищ. II, 124. Ипат. 34. Во Вздвиженскѣ (Волынс. г. Радомысл. у.) былъ торгъ въ 1097 г.; а въ Курскѣ во время юношества препод. Ѳеодосія. Лавр. 111. Чт. въ Общ. Ист. 1859 кн. 3. Объ Исакіѣ печерскомъ замѣчено: «якоже сущю ему въ мірѣ, и богату сущю ему,—бѣ бо купецъ родомъ Торопечанинъ». Лавр. 82.

[522]) Въ 1177 г. во Владимірѣ были купцы, а въ 1218 г. поставлена каменная церковь на торговищи. Лавр. 163. 177. 186. Въ жизнеописаніи Авраамія смоленскаго разсказывается, что, когда ругались надъ нимъ духовные и бояре, то собрался весь городъ,—«и по торгу и по улицамъ вездѣ полно народа». Прав. Собес. 1858 г. окт. по списку 1558 г. Въ 1234 г. Литовцы захватили Русу до самаго торгу. Лавр. 221. I Пск. 30. Во Псковѣ помостили торгъ въ 1308 году. I Пск. 184. Въ другихъ городахъ упоминаются купцы; слѣдов. были и рынки. См. Ипат. 220 А. Ист. I № 3. I Новг. 49. III Новг. 230. Ист. Рос. Іер. VI, 229. Никон. IV, 16. П. С. Л. VII, 226. VI, 99. 102. А. Эксп. I, № 5. № 7. № 13. Собр. грам. I, № 26. № 30. До 1150 г. была торговля въ смоленскихъ городахъ Конысѣ, Анчинѣ, Оболви; въ XIV в. въ Коломнѣ, Звенигородѣ, Можайскѣ, Галичѣ, Бѣлоозерѣ, Дмитровѣ. Доп. къ А. И. I, № 4. № 16. П. С. Л. VI, 108.

[523]) Запись на Еванг. XIV в., Ркп. Рум. Муз. № 72. Юрій Бѣлковичь построилъ церковь при князѣ Михаилѣ Гедиминовичѣ. Мѣста вокругъ церкви, на которыхъ производили торги, обложены были сборомъ, который шелъ въ церковь: «Того буевища, имати куны старостамъ и класть въ домъ Ивана.» Допол. къ А. И. I, № 4. Грам. жалов. Спасо-Яросл. мон. 1345 г. Ист. рос. Іер. VI, 229.

[524]) Въ завѣщаніи новгородца Астафія XIV в. упоминается лавка въ хопыльскомъ ряду. А. Юрид. б. 1, № 409, I. Въ Москвѣ гости дѣлились на суконниковъ и сурожанъ. Собр. грам. I, № 33.

ия года по волостямъ, а по городамъ—въ извѣстные дни недѣли, преимущественно по пятницамъ [525]).

На торгахъ и въ лавкахъ находили сбытъ продукты и товары всѣхъ существовавшихъ на Руси отраслей промышленности. Такимъ образомъ продавались лошади, коровы, овцы, мясо, гуси, утки, дичь, рыба, медъ, воскъ, ладонъ, пшеница, рожъ, пшено, овесъ, пшеничная мука, печеный хлѣбъ, соль, химѣль, овощи, сѣно, ленъ [526]), лѣсной товаръ, дрова, горшки, оружіе, металлическія издѣлія, платье, шапки, сукна, мѣха [527]).

На торговлю и промышленность югозападныхъ городовъ Руси имѣли большое вліяніе жители, состоящіе изъ различныхъ народностей, которые постоянно находились въ нихъ; такъ въ Кіевѣ и Владимірѣ Волынскомъ жили Нѣмцы, Евреи, Поляки, Армяне. Во время литовскаго владычесва Евреямъ даны были большія льготы (1368 г.) и русскіе города стали получать Магдебургское право [528]). По это-

---

[525]) Въ таможенной грам. 1497 г. о бѣлозерской волости сказано: «на Углѣ быти торгу *по старинѣ*». А. Эксп. I, стр. 101. Въ 1194 г. въ Новгородѣ случился пожаръ «въ пятницы въ торгѣ«. I Новг. 22. Церкви во имя св. пятницы, русскія и нѣмецкія, поставляемыя на торгу, имѣли связь со днемъ торговымъ. I Новг. 12. 20. 30.

[526]) Изъ Русской Правды видно, что на торгу продавлись кони, скотъ, порты, оружіе. Рус. Пр. II, 28. 32. Пск. Судн. грам. 27. О продажѣ хлѣба, мяса рыбы и соли см. I Новг. 5. 8. 13. 15. 33. 43. 46. III Новг. 219. Патер, Рум. Муз. № 305, л. 207. О другихъ предметахъ сбыта упоминается въ Дополн. къ А. И. I, № 3; А. Эксп. I, № 16; I Новг. 33. 92; I Псков. 198. 226. II Пск. 35; Собр. грам. I, № 15. По какимъ цѣнамъ продавались различные предметы промышленности, изложено *во II приложеніи* къ настоящему сочиненію.

[527]) Лавр. 92. Лѣсъ въ Новгородѣ складывали на торговой площади. Cod. Lubec. II. стр. 95—101. Дрова, по всей вѣроятности, привозили туда на продажу по Волхову; въ 1143 г. водой разнесло въ Волховѣ сѣно и дрова. I Новг. 9. Рус. Пр. II, 28. III Новг. 207. Патер. Рум. Муз. № 305, л. 38. Чт. Общ. Ист. 1859 г. кн. 3, стр. 18. По недостатку прямыхъ указаній, здѣсь много не поименовано другихъ вещей, которыя продавались на рынкахъ и на ярмаркахъ; можно думать, что въ XIV в. кругъ предметовъ сельской промышленности, обращавшихся въ продажѣ, былъ тотъ же самый, какой существовалъ въ XV и XVI в.; тогда вывозили на продажу—медъ, рыбу, икру, лошадей, коровъ, мясо, гусей, утокъ, барановъ, сыръ, зайцевъ, ленъ, лукъ, чеснокъ, орѣхи, яблоки, макъ, золу, деготь, бренна, дрова, лубье, драпь, тесъ, доски, верен, срубы, колоды, колья, бочки, рогожи, хомуты, лыки, гробы. А. Эксп. I, №№ 134, 230, 342.

[528]) Въ X в. были ворота жидовскія и лядскія въ Кіевѣ и жили тамъ Нѣмцы и Латина. Ипат. 4. 26. 60. 111. 154. I Новг. 26. 50. Ник. 1, 248. Въ 1075 г. уже приходили въ Кіевъ нѣмецкіе послы. Лавр. 85. Объ Армянахъ упоминается въ Па

му торговля и промышленность югозападныхъ городовъ скоро перешла въ руки иностранцевъ, стѣснявшихъ русскихъ промышленниковъ [529]).

На Руси, отличающейся широкимъ пространствомъ и различіемъ климатическихъ условій, одна мѣстность разнилась отъ другой, какъ естественными произведеніями, такъ, само собою разумѣется, и самыми производствами промышленности, которыя необходимо зависятъ отъ природныхъ отличій страны. По этому рано возникла нужда торговыхъ сношеній между областями: жители одной мѣстности старались спускать свои товары въ другую и заботились достать себѣ то, чего у нихъ не доставало дома. Стягивая изъ селъ и погостовъ естественныя произведенія и производства сельской промышленности, городскіе жители отправляли ихъ въ другія области. Народъ привыкъ къ обработкѣ тѣхъ матеріаловъ, которые у него были подъ рукою, дѣлался въ этомъ мастерствѣ искуснѣе жителей другихъ областей и занимался извѣстнымъ промысломъ, находя его для себя выгоднымъ [530]).

Съ другой стороны положеніе и природа мѣстности, которую занималъ народъ, много содѣйствовали торговой предпріимчивости жителей. Передаточная промышленность древ-

---

терикѣ печерскомъ (Ркп. Рум. Муз. № 305. 176.); а въ Сл. о Пол. Нѣмци, Вѣнедици, Греци и Морава. Рус. Дост. III, 110. Г. Холмъ населенъ былъ Русскими, Нѣмцами, Ляхами и вообще иноязычниками. Ипат. 196. Во Владимірѣ Волынскомъ на похоронахъ князя Владиміра Васильковича (1288 г.) плакали между прчимъ Нѣмцы и Сурожцы, «и Жидове плакахуся, аки во взятье Іерусалиму, егда ведяхуть я во полонъ вавилонскій.» Ипат. 220. Истор. Галиц. Руси, Зубрицкаго, въ перев. Бодянскаго, стр. 158.

[529]) Такъ какъ здѣсь излагается исторія сбыта произведеній промышленности, а не исторія торговли вообще, то нѣтъ нужды распространяться о развитіи и отличительномъ характерѣ юго-западныхъ городовъ. Предметъ этотъ такъ важенъ что требуетъ особеннаго ученаго изслѣдованія. О стѣсненіи русской торговли жидами у Татищева. Карамзинъ, не довѣрявшій вообще исторіи Татищева, не вѣритъ и его показанію. будто Евреи въ началѣ XII в. забрали себѣ въ руки промышленную дѣятельность въ Кіевѣ. Ист. Гос. рос. II, пр. 214.

[530]) Въ самыхъ названіяхъ нѣкоторыхъ мѣстностей, рѣкъ и городовъ древней Руси слышится ихъ отличительное промышленное производство или извѣстная отрасль естественныхъ произведеній. Таковы, напр: Бобрица, р. кіевс. обл., Бортници, с. смол. обл., Борсуковъ долъ, въ карпатс. горахъ, Векшенга, Заячье поле, Веприя, Рыболовля курья, новг. обл., Галицкая соль, Садовое сомино, Вишня, Сокольи горы, Мѣдники, Мѣльники, Устюжна желѣзнопольская, Солза, р. ок. Бѣлаго моря, Солодовники смол. обл. и друг.

ней Руси ранѣе и сильнѣе развилась въ мѣстахъ, имѣющихъ удобныя пути сообщенія — преимущественно по берегамъ Днѣпра, Волги, Оки, Волхова, сѣверной и западной Двины. Почва, не удобная для земледѣлія и скотоводства, требуя усиленной обработки со стороны жителей и не вознаграждая труды ихъ, заставляла искать средствъ къ пріобрѣтенію въ передаточной промышленности. Такъ Новгородцы, занимая пространства большею частью низменныя и болотистыя не выгодныя для землепашества, принуждены были доставать хлѣбъ изъ другихъ областей, — и такимъ образомъ возникла низовая торговля. Почва полоцкой и витебской областей тоже не плодородна; онѣ наполнены болотами, озерами и топями; не достаточная производительность хлѣба заставила жителей этихъ мѣстностей искать занятія болѣе выгоднаго, чѣмъ земледѣліе, — и они воспользовались двинскимъ путемъ и обратились къ торговлѣ [531]). Тоже нужно сказать и о смоленской землѣ: половина этой области, лежащая на сѣверъ отъ Днѣпра, не отличается плодородіемъ, за то положеніе на трехъ рѣчныхъ системахъ среди русскихъ областей необходимо условливало раннее развитіе торговой предпріимчивости смоленскихъ жителей.

Пользуясь выгоднымъ положеніемъ при Днѣпрѣ, Кіевъ рано сдѣлался значительнымъ торговымъ пунктомъ, куда тянулись обозы изъ окрестныхъ областей, шли лодки, нагруженныя товарами, сплавлялись лѣсъ и деревянныя издѣлія. Константинъ Багрянородный свидѣтельствуетъ, что Славяне, Кривичи, Лучане и другіе данники кіевскаго князя приводили по Днѣпру въ Кіевъ лодки на продажу [532]). Изъ этого видно, что лѣсная промышленность новгородской области находила хорошій сбытъ здѣсь. Бойкіе новгородскіе купцы въ XII в. имѣли постоянное пребываніе въ Кіевѣ и построили свою церьковь св. Михаила, которая находилась, кажется, на торговой площади. Въ 1161 г. Ростиславъ Мстиславичъ перехваталъ новгородскихъ купцовъ въ Кіевѣ, когда узналъ, что въ Новгородѣ притѣсняютъ его сына Святослава, — «повелѣ поимати

---

[531]) Въ Витебской области доселѣ насчитывается больше тысячи озеръ большихъ и малыхъ.

[532]) Memor. popul. II, 982. Ист. Гос. Рос. I, пр. 513 и текстъ.

Новгородцевъ и вметати ихъ въ погребъ и розвести по городамъ»[533]). Это показываетъ, что новгородскихъ торговцевъ въ Кіевѣ было много. Какіе товары сбывали Новгородцы въ югозападную Русь, можно судить только по дорогимъ подаркамъ, подносимымъ новгородскими князьями другимъ князьямъ. Такъ можно догадываться, что изъ новгородской области сбывали въ Кіевъ различные дорогіе мѣха и рыбьи зубы, а можетъ быть также и сукна заграничныя[534]).

Изъ Галича, Перемышля, Удеча и другихъ галицкихъ городовъ сбывали въ Кіевъ соль еще въ XI в. Въ 1164 г. въ Галичѣ былъ сильный разливъ воды отъ большихъ дождей и въ одну ночь «пойде вода изъ Днѣстра великаго въ болоніе, и взыде оли до Бокова болота, и потопи человѣкъ болѣ 300, иже бяху вошли съ солію изъ Удечева». Значитъ, сбытъ соли изъ Карпатскихъ горъ въ Галичь былъ не малый; оттуда ее привозили въ Кіевъ[535]). Торговый путь изъ суздальской и рязанской области въ Кіевъ лежалъ черезъ Курскъ. Преподобный Ѳеодосій въ началѣ XI в. стремился въ Кіевъ, но «пути не зная скорбѣше; въ единою же изыде на путь и обрѣтше купцѣ грѣдуще съ возы (съ бремены тяжки), и въпроси е — камо грядете? Они же рѣше: въ Кіевъ градъ». Ѳеодосій обрадовался попутчикамъ и пошелъ за ними издали; такъ дошли до Кіева отъ Курска въ три недѣли. Этотъ путь шелъ чрезъ мордовскую землю; по нему ѣздили въ кіевскую область Суздальцы, которыхъ въ 1157 г. избивали тамъ по селамъ и городамъ, а товаръ ихъ грабили[536]).

---

[533]) Ипат. 88. Воскр. 73. Лавр. 138. Путь какимъ Новгородцы достигали Кіева, лежалъ по Ильменю, потомъ волокомъ до Ловати и по Днѣпру.

[534]) Въ 1148 г. «Ростиславъ да дары Изяславу, что *отъ верхнихъ земль* и отъ Варягъ»—соболя, горностаи, куницы, песцы, бѣлые волки, рыбьи зубы. Ипат. 86.

[535]) Ипат. 92. Воскр. 77. Въ словѣ преподобнаго Серапіона есть извѣстіе, что отъ умноженія дождя «въ Перемышли градѣ 200 потопоша.» Поѣздка въ Кириллобѣлоз. мон. 1850 г. II. 37. По всей вѣроятности, это были также торговцы солью, потому что еще въ XI в. соль шла въ Кіевъ изъ Галича и Перемешля: «въ то убо время велію нестроенію сущу и грабленію беззаконному; не пустиша купцевъ къ Кіеву изъ Галича и Перемышля, и не бысть соли во всей Россійской земли, и бѣ видѣти тогда людей сущихъ въ велицѣй печали». Изъ Патерика Печерс. въ Ист. Гос. рос. II, пр. 208.

[536]) Рки. Рум. Муз. № 319, л. 111 об. Ипат. 81. Этотъ путь лежалъ изъ Камской Болгаріи, потому что арабскіе писатели говорятъ, что болгарскіе

Новгородцы добывали хлѣбъ изъ областей смоленской, полоцкой и кіевской, вели торговое сообщеніе съ черниговской землею и пробирались на отдаленный юго-западъ Руси— во Владиміръ волынскій [537]). О сношеніяхъ между юго-западными городами съ цѣлями торговыми, сохранилось не много свѣдѣній; извѣстно только, что Витебскъ, Полоцкъ, Смоленскъ и Кіевъ вели дѣятельную торговлю до нашествія Татаръ. Изъ Смоленска купцы ѣздили сквозь Касплю, проводили ихъ съ Лучанами до Полоцка. Этимъ путемъ сбывали овчины, мѣха волчьи, коней, соль и воскъ [538]). Въ Смоленскѣ, Витебскѣ, Кіевѣ, Дорогобужѣ, Вязьмѣ торговали тверскіе купцы *по давному*, какъ означено въ договорѣ съ Литвой тверскаго князя Бориса Александровича (1393 г.) [539]).

Какіе города и области посѣщали новгородскіе купцы, изъ тѣхъ же городовъ пріѣзжали гости и въ Новгородъ; такъ торговля хлѣбомъ происходила у Новгородцевъ съ Смольнянами, Полочанами и Кіевлянами. Главный подвозъ хлѣба шелъ изъ суздальской области и изъ приволжскихъ городовъ по Окѣ, Волгѣ, черезъ Тверь и Торжокъ; эти торговцы назывались *низовыми* [540]). Въ XII в. смоленскіе, полоцкіе, бѣжецкіе, торжковскіе и вообще низовскіе торговцы, кромѣ хлѣба, сбывали въ Новгородъ

купцы доходятъ до Кіева чрезъ мордовскую землю. Ibn-Foszl. 258. 260. Этимъ путемъ, вѣроятно, Изяславъ Владиміровичъ шелъ изъ Курска къ Мурому 1095 г. и Мономахъ ходилъ къ Ростову «сквозѣ Вятичи.» Ипат. 35. Лавр. 103.

537) Въ 1137 г. Мономаховичи прекратили торговлю съ Новгородомъ; у него не было мира «ни съ Смольяны, ни съ Полоцяны, ни съ Кыяны,—и стоя все лѣто осмьнѣка великая по 7 рѣзань». I Новг. 8. Въ 1224 г. князь Михаилъ говорилъ Новгородцамъ на вѣчѣ, уходя отъ нихъ въ Черниговъ: «Гость ко мнѣ пускайте; а яко земля ваша, тако земля моя». I Новг. 41. Во Владимірѣ волынскомъ Новгородцы плакали на похоронахъ князя Владиміра Васильевича въ 1288 г. Ипат. 220.

538) Изв. Акад. X, 633—636. *Лучане* были, вѣроятно, жители древняго смоленскаго города Лучина; теперь есть село Лучинъ на Днѣпрѣ могил. губ. *Каспля*—слобода, порѣчс. у. на С. В. отъ Смоленска. Матер. для историко — геогр. Слов. Барсова. 89.

539) Сборн. Мухан. № 1.

540) I Новг. 8, Допол. къ А. И. 1, № 5. Въ 1170 г. Андрей Боголюбскій запретилъ вывозить хлѣбъ изъ суздальской земли, и въ Новгородѣ былъ голодъ. I Новг. 15. Ипат. 17. Въ договорѣ 1327 г. постановлено: суздальскому гостю по новгородской землѣ гостить безъ рубежа. Собр. грам. I, № 15.

вскъ [541]). Псковичи получали отъ Новгородцевъ хлѣбъ и особенно запасы соли, которую вывозили они отъ Бѣлаго моря и доставали изъ Руси: когда въ 1233 г. новгородскій князь Ярославъ не пустилъ гостей во Псковъ, то соль сильно возвысилась въ цѣнѣ: «и купяху соль по 7 гривенъ берковьскъ». Въ Русѣ жили постоянно новгородскіе купцы—*прасолы*; туда ходили торговать тверскіе гости [542]). Псковичи долго живали въ Новгородѣ и имѣли тамъ свой гостинный дворъ. Въ новгородской землѣ купцы находились по всѣмъ пригородамъ и пятинамъ; такъ различаются купцы деревскіе, бѣжецкіе, обонежскіе; кромѣ того, были купцы въ Ладогѣ, Корелѣ и Перми [543]). Новый Торгъ, который упоминается уже въ 1136 г., служилъ мѣстомъ размѣна товаровъ низовскихъ и новгородскихъ, и велъ собственную торговлю хлѣбомъ и воскомъ. Въ Торжкѣ имѣли постоянное пребываніе новгородскіе и тверскіе купцы въ значительномъ количествѣ и оттуда по р. Тверцѣ ходили на Волгу. Въ 1215 г. «поби мразъ обилье по волости, а въ Торжку все цѣло быстъ. И зая князь (Ярославъ) вьрьшь (хлѣбъ) на Тръжку: не пусти въ городъ ни воза.... а пути отъ Новгорода всѣ засѣкоша и рѣку Тьхверцу» [544]).

[541]) А. Ист. 1, № 3. Рус. Дост. 1, стр. 76.

[542]) I Новг. 48. Въ 1390 г. Новгородъ со Псковомъ заключалъ договоръ. П. С. Л. V. 244. *Прасолъ* значитъ торговецъ солью, а *прасолити*—вообще продавать, барышничать. Въ 1403 г. купцы прасолы поставили въ Русѣ церковь Бориса и Глѣба. I Новг. 102. Это обстоятельство заставляетъ думать, что торговля солью была выгодна. Собр. грам. I, № 8.

[543]) А. И т. 1, № 3. 1283 г. «Външдоша Нѣмци ратію Невою въ озеро Ладожьское и избиша много Обонижьскихъ купець» I Новг. 64. 1240 г. Нѣмцы въ Копорьи били гостей. 1 Новг. 53. 1337 г. «Кореля, подведши Нѣмецъ, побиша Русь. Новгородцевъ много и Ладожанъ гостей, и кто жилъ христіанъ въ Кореле». 1 Новг. 78. По новгородскимъ пригородамъ были купцы. Собр. грам. 1, № 28.

[544]) А. Истор. 1, № 3. 1 Новг. 33. Когда Мстиславъ сталъ грозить войной Ярославу, то послѣдній пошелъ съ Торжка и «вси мужи и гостьбници изъимавъ я вся, поcла исковавъ по своимъ городамъ, а товары ихъ раздая и конѣ; а бяше Новгородьць болѣ 2000». I Новг. 33. Если припомнить, что въ Переславлѣ, почти неизвѣстномъ городѣ по торговлѣ, нашлось полтораста купцовъ новгородскихъ, то количество это не покажется преувеличеннымъ, тѣмъ болѣе, что изъ 2000 человѣкъ много было и не купцовъ, какъ видно изъ лѣтописи. Кромѣ того, нужно замѣтить, что въ Торжкѣ жили многіе изъ Новгородцевъ постоянно: въ 1225 г Литва ок. Торжка «биша гость многъ;» въ 1364 г. построена была тамъ церковь Преображенія «замышленіемъ богобоязнивыхъ купецъ новгородскыхъ.» I Новг. 42. 88. Въ 1372 г Новгородцы по-

Такимъ образомъ Торжокъ былъ ключемъ хлѣбной торговли низовой для Новгорода.

Суздальская земля служила мѣстомъ сбыта товаровъ изъ разныхъ областей Руси съ давняго времени, особенно при Андреѣ Боголюбскомъ; при немъ, по словамъ древнихъ памятниковъ, приходили гости и иноземные «и отъ иныхъ странъ изъ русской земли». Новгородскіе и новоторжскіе гости торговали по суздальской землѣ въ XII в. и постоянно вели переговоры впослѣдствіи о безопасной торговлѣ; они выхлопотали даже грамоту у хана, чтобы по суздальской землѣ гостить безъ рубежа и на нее опирались въ огражденіе свободной внутренней торговли [145]). Главными предметами сбыта Новгородцевъ въ суздальскую область служили ленъ и хмѣль [146]). Переяславль суздальскій велъ свою торговлю; туда пріѣзжали новгородскіе и смоленскіе купцы: въ 1216 г. Ярославъ запряталъ новгородскихъ купцовъ въ Переяславлѣ въ погребы и ихъ задохлось 150 человѣкъ, а смоленскіе купцы, въ числѣ 15 человѣкъ, запертые отдѣльно, остались живы [147]). Изъ этого обстоятельства видно, что

грабили въ Торжкѣ купцовъ тверскихъ, а князь тверской Михаилъ ограбилъ тамъ же торговцевъ новгородскихъ и новоторжскихъ. III Новг. 230.

[145]) Ипат. 115. Андрей Боголюбскій далъ церкви Богородицы *торгъ десятый*. Лавр. 149. «А гостю нашему гостити по суздальской земли безъ рубежа *по цареви грамотѣ*.» Собр. грам. 1, № 28. Въ 1141 г. во время розмирья съ княземъ Юрьемъ Новгородцы сидѣли безъ хлѣба: «ни жито къ нимъ не идяше ни отколѣ же, и емлюще метахуть и въ погребъ, и посламе Гюргеви мужи своя.» Ипат. 17. Въ 1148 г. архіеп. Нифонтъ ходилъ къ Юрію «и Новотържцѣ всѣ выправи и гость весь цѣлъ.» Въ 1178 г. Всеволодъ зая гость новгородскыи. Въ 1210 г. князь отпустилъ снова задержанныхъ новгородскихъ гостей. I Новг. 8. 31. Никон. II, 238. Въ 1273 г. во Владимірѣ и по Низовой земли отняли товаръ у новгородскихъ гостинниковъ. Никон. III, 57. I Новг. 63.

[146]) Въ договорныхъ грамотахъ Новгородцевъ съ в. к. Ярославомъ (до 1236 г.), его сыномъ Ярославомъ (1265 г.), съ Михаиломъ Ярославичемъ тверскимъ (1316 г.) и его сыномъ Александромъ постановлено въ суздальской землѣ «отъ воза имати по двѣ вѣкшѣ, и отъ лодьи, ото хмѣльна короба и отъ льняна». Собр. грам. 1, стр. 1, 20. Новгородская, псковская и особенно вологодская земли доселѣ славятся производительностью льна. Журн. мануфакт. и торгов. изд. при Минист. фин. 1865 г. т. V, іюль, стр. 514.

[147]) «Не ловлѣ ему о первомъ злѣ, изби въ Новѣгородѣ людій много и въ Торжьцу и на Волоцѣ, но и ту вбѣгъ (въ Переяславль) изыма новгородци и смолняне, иже бяху зашли гостьбою въ землю его, повелѣ въ погребъ иметати ихъ, что есть новгородцевъ, а иныхъ въ гридницу... и издуши ихъ полтораста, а смолнянъ 15 мужъ затвориша кромѣ, тѣ же быша вси живы». Троиц. 215.

торговля въ Переяславлѣ была значительна, если въ немъ нашлось 150 торговцевъ новгородскихъ и 15 смоленскихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и старый городъ Ростовъ, связанный р. Которостью съ Волгой, велъ свою торговлю, но объ немъ не сохранилось свѣдѣній, какъ и обо многихъ другихъ городахъ. И нужно замѣтить, что большая часть свѣдѣній о внутренней торговлѣ передана у лѣтописцевъ въ совершенно случайныхъ замѣткахъ. Слѣд. недостатокъ данныхъ необходимо приводитъ къ мысли, что внутренній сбытъ произведеній промышленности былъ несравненно шире того, какимъ онъ представляется по древнимъ памятникамъ. Поэтому нельзя не вѣрить показанію арабскихъ писателей, что изъ страны Веси привозили въ Булгаръ мѣха, рыбьи зубы, хотя въ русскихъ источникахъ объ этомъ не упоминается ранѣе XV в.; тѣмъ болѣе достовѣрно это, что по Шекснѣ, вытекающей изъ Бѣлоозера и впадающей въ Волгу у Рыбинска, ходили лодки еще въ X в. [548]).

Ока служила также изстари отличнымъ торговымъ путемъ, по которому возили мѣха, медъ и воскъ изъ земли мордовской, муромской и рязанской вверхъ и внизъ по Волгѣ [549]). Ниже Старой Рязани, на берегу Оки, стоялъ городокъ *Исады*, гдѣ была пристань судовъ, какъ показываетъ самое названіе [550]). Въ Рязани изстари собирали съ проѣзжающихъ судовъ мыто и побережное; въ рязанскую область ѣздили торговать московскіе купцы [551]). Москва рѣка, впадая въ Оку, открывала для населенія московской области путь не только въ рязанскую область, богатѣйшую медомъ и воскомъ, но и въ приволжскіе города, которые, въ свою очередь, сбывали въ московскую землю свои товары. Рязань, Новгородъ, Тверь въ договорахъ сво-

---

548) Лавр. 75. Въ первой половинѣ XV в. на Бѣлѣозерѣ торговали сущомъ и рыбой. А. Юр. б. 1, № 5.

549) Въ Муромѣ было свое купечество въ половинѣ XIV в. Воскр. 226. Медъ славился изстари Кадомскій; его, вѣроятно, вывозили рано изъ Кадома по рѣкѣ Мокшѣ, на которой стоитъ городъ: Кадомъ существовалъ уже въ 1209 г. и принадлежалъ къ рязанской обл. О вывозѣ мѣховъ изъ земли мордовской говорятъ арабскіе писатели; объ этомъ подробнѣе будетъ изложено ниже.

550) Воскр. 125. Никон. III, 36.

551) А. Ист. I, № 2. Въ договорѣ 1381 г. между рязанскимъ и московскимъ княжествами утверждены *мыты пошлые*. Собр. грам. I, № 32. Въ Коломнѣ также собирали проѣзжую пошлину—мыто въ 1389 г. Собр. грам. I, № 34

ихъ съ московскими князьями стараются оградить отъ притѣсненій свою торговлю съ московской областью, когда это княжество значительно усилилось [552]). Изъ двинской земли также сбывались товары въ московскую область въ XIV вѣкѣ [553]). Нижній-Новгородъ, Кострома, Тверь, Ярославль, а можетъ быть Рыбинскъ и Молога (упом. 1137—1148 г.), вели хлѣбную торговлю и развивали ее болѣе и болѣе, какъ юго-западная Русь ослабѣла отъ татарскихъ опустошеній и угасало въ ней торговое движеніе. Въ этихъ приволжскихъ городахъ былъ притонъ купцамъ новгородскимъ и московскимъ. Въ 1273 г. въ Новгородѣ былъ хлѣбъ дорогъ оттого, что Татары пограбили «гостинниковъ по низовской земли — и Володимерѣ, и во Твери, и на Костромѣ товаръ отъимаша» [554]). Въ 1366 г. ушкуйники въ Нижнемъ разграбили товары различныхъ гостей и между прочимъ московскихъ купцовъ; князь московскій «про то разверже миръ съ Новгородомъ, река: про что ходили есте на Волгу воевати и гостеи моихъ грабили есте много» [555]). Кромѣ московскихъ и новгородскихъ торговцевъ, въ тверскую область сбывали товары изъ Смоленска, Витебска, Кіева, когда эти города присоединены были къ Литвѣ. Так. обр. до 1393 г. литовскіе гости торговали въ Твери, Кашинѣ, Зуб-

[552]) Въ договорныхъ грамотахъ Москвы съ Рязанью (1381 г.), съ Новгородомъ (1380 г.), съ Тверью (до 1399 г.) постановлено одинаковое условіе: гостю гостить безъ рубежа, новыхъ мытовъ не замышлять, а держать мыты прежніе. Собр. грам. I. №№ 28. 32. 36. А. Эксп. I, № 8. Въ описаніи нашествія Тохтамыша упоминается, что въ Москвѣ были купцы отъ иныхъ городовъ приключившіеся. П. С. Л. VI, 99.

[553]) О торговыхъ сношеніяхъ Двинянъ съ Москвой можно заключать изъ словъ уставной Двинской грамоты в. к. Василія Димитріевича 1398 г.: «А куды поѣдутъ Двиняне торговати, ино имъ не надобѣ во всей моей отчинѣ въ вел. княженіи тамга» и проч. А. Эксп. I, № 13. На Волокѣ Ламскомъ, вѣроятно, производилась также торговля Новгородцевъ. Лавр. 169. Троиц. 215.

[554]) Никон. III, 57. Въ договорѣ Новгорода съ Михаиломъ Ярославичемъ 1375 г. сказано: «А гостемъ и торговцемъ Новгорода В. и Торжку и съ пригородей дати ти путь чистъ безъ рубежа сквозѣ Тферь и тферскіи волости.» Собр. грам. I, № 28. Тоже сказано въ договорѣ московскихъ князей 1356 г. и добавлено: какъ было при нашемъ дѣдѣ. Собр. грам. I, № 8. Преданіе о торговлѣ на Мологѣ и въ Холопьемъ *городкѣ* сообщено Каменевичемъ 1699 год. Ист. Гос. рос. IV, 323.

[555]) III Новг. 229. I Новг. 88. Московскіе купцы ѣздили торговать въ тверскую область, гдѣ до 1398 г. были пограблены ихъ павозки съ товаромъ. Собр. грам. I, № 28. Двиняне возили соль для продажи на Волгу. А. Эксп. I, № 13.

цовъ [556]). Вообще приволжскій край въ XIV в. усиливалъ торговые обороты, и новгородскіе ушкуйники постоянно дѣлали набѣги на купцовъ, ѣздившихъ по Волгѣ, Камѣ, Вяткѣ и Окѣ [557]).

Движеніе новгородской колонизаціи постепенно подвигалось въ суровыя страны, занимаемыя инородцами, въ Югру, Печеру, Заволочье и Пермь. Новгородцы дѣлали поселенія по рѣкамъ Ваги, С. Двины, Пинеги, Мезени, Печоры и временно пробирались до Оби. Нѣтъ сомнѣнія, что въ эти страны ихъ привлекали выгоды промышленныя: эти мѣстности богаты были пушными звѣрями и доставляли драгоцѣнные мѣха, такъ что сложилось въ древнюю пору преданіе, будто тамъ звѣрки падаютъ изъ тучи, растутъ и расходятся по землѣ [558]). Собирая дань мѣхами съ инородцевъ или передавая ихъ сборщикамъ—откупщикамъ, Новгородцы возили къ нимъ разные предметы промышленности для мѣны. На это указываетъ разсказъ Гюряты Роговича и слова лѣтописца: «еще мужи старіи ходили за Югру и за Самоядь» [559]). Новгородцы сбывали туда желѣзныя издѣлія и мѣняли ихъ на мѣха; эти купцы извѣстны были подъ именемъ *югричей, югорцевъ* [560]). Съ помощью своихъ данниковъ, Новгородцы вывозили съ сѣвера соль, морскихъ птицъ и моржевое сало и клыки. Вѣроятно, этимъ занимались купцы обонежскіе, которымъ открытъ былъ путь въ Бѣлое море.

---

[556]) Сборн. Муханова. № I. Въ лѣтописи упоминается *Литовскій купецъ*, т. е. торговавшій въ Литвѣ. Никон. V, 53. 54.

[557]) I Новг. 88. Никон. IV, 30. Воскр. 21. 85. IV Новг. 71.

[558]) Подъ 1114 г. отмѣчено: «Еще мужи стар и ходили за Юргу и за Самоядь, яко видивши сами на полунощныхъ странахъ, спаде туча и въ той тучи спаде вевѣрица млада, аки топерево рожена; и възрастши и расходится по земли; и паки бываеть другая туча, и спадають оленци мали въ ней, и възрастають и расходятся по земли.» Ипат 5.

[559]) Въ XI в. Гюрята Новгородецъ посылалъ отрока своего къ данникамъ Новгорода—въ Печеру и въ Югру; тамъ будто бы въ непроходимыхъ горахъ заклепаны сидятъ нечистые народы и просятъ оружіе, а сами «даютъ скорою противу.» Лавр. 107. Изъ этого видно все—таки, не смотря на полусказочное повѣствованіе, что мѣна товарами Новгородцевъ и инородцевъ Сибири существовала очень рано. Сношенія Новгородцевъ съ Заволочьемъ, Пермью, Югрой, Печерой и Самоядью были часты, но извѣстны болѣе враждебныя столкновенія. I Соф. 1032 г. стр. 136. I Новг. 14. 19. 21.

[560]) Въ 1365 г. «Югорци заложиша церковь каменую св. Троицу на Рядятинѣ улици.» II Новг. 133. Напрасно въ лѣтописи замѣчено, что здѣсь можно разумѣть торговавшихъ купцовъ въ Юрьевѣ ливонскомъ: тогда было бы другое названіе—Юргевцы или Гюргевцы, какъ назывались жители г. Юрьева. Лавр. 97.

На Волокѣ, въ Устюжнѣ, Галичѣ, Вологдѣ, Устюгѣ торговля производилась преимущественно хлѣбомъ и солью. Новгородцы сначала ограничивали торговлю князей; такъ въ 1305—8 г. въ договорѣ съ Михаиломъ Ярославичемъ тверскимъ постановили, чтобы онъ посылалъ за Волокъ только два насада и то не прямо изъ своего княженія, а изъ Новгорода. Потомъ, когда двинская земля поддалась Москвѣ, Новгородцы съ досады грабили тамъ низовыхъ московскихъ гостей [561]). По сѣверной Двинѣ и р. Онегѣ шла соль чрезъ Устюгъ, Вологду и Кострому въ приволжскія области. Въ уставной грамотѣ Двинянамъ 1397 г. опредѣлено давать »сотскому и подвойскому пошлинка съ лодьи по пузу ржи у гостя... съ лодьи на Устюзѣ намѣстникомъ два пуза соли... А на Вологдѣ дадутъ съ лодіи два пуза соли... а въ лодіахъ или на возѣхъ коли поѣдуть, и намѣстници устюжскіе и вологодскіе ихъ не уймають, а на Устюзѣ и на Вологдѣ и на Костромѣ ихъ не судять... А чего кто иметь искати на нихъ... ино учинять исправу имъ на Двинѣ« [562]). На сѣверъ черезъ Вологду съ Волги доставляли хлѣбъ: св. Стефанъ, во время голода у Пермяковъ, доставалъ имъ хлѣбъ изъ Вологды по р. Вычегдѣ и Выми [563]).

О внутреннемъ сбытѣ русскихъ товаровъ и произведеній областныхъ сохранились скудныя свѣдѣнія и большею частію случайно; по этому сбытъ ихъ былъ гораздо шире, чѣмъ онъ представляется по древнимъ памятникамъ. Всѣ предметы промышленности относительно пищи и питья, жилища, одежды и обуви входили въ кругъ торговли внутри Россіи. Торговля ими производилась по селамъ, погостамъ, по пригородамъ, городамъ и между всѣми областями древней Руси. Но при однобразіи промышленныхъ производствъ въ разныхъ областяхъ, сбытъ товаровъ отечественныхъ былъ не широкихъ размѣровъ, исключая хлѣба, мѣховъ и воска.

---

[561]) Въ 1340 г. новгородскіе молодцы разграбили въ Устюжнѣ лодьи съ товаромъ. I Новг. 79. I Соф. 222. Собр. грам 1, № 8. Въ 1339 г., когда Новгородцы разорили Бѣлозерскія волости, Кубенскія, Устюжскія, Двинскія, взяли окупа у низовыхъ гостей князя московскаго 800 руб. 1 Новг. 96. 1 Соф. 250.

[562]) А. Эксп. I, № 13.

[563]) Ист. Гос. рос. V, стр. 116, по изд. 1819 г.

г) Сбытъ внѣшній.

Самыя раннія свѣдѣнія о внѣшнемъ сбытѣ произведеній русской промышленности касаются приднѣпровскихъ областей; Днѣпръ служилъ торговымъ путемъ въ Грецію, по выраженію лѣтописца: «бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру.» По этому пути производились торговыя сношенія еще въ IX в., какъ можно заключать изъ преданія о убіеніи Аскольда и Дира и нападеніи ихъ на Царьградъ; Олегъ послалъ сказать кіевскимъ князьямъ (880 г.): «*яко гость есмь*, идемъ въ Греки отъ Олга и отъ Игоря княжича, да придѣта къ намъ къ родомъ своимъ». Князьямъ показалось это весьма естественнымъ, и они пришли. Въ началѣ X в. уже заключенъ былъ торговый договоръ Русскихъ съ Греками, которые взаимно обязались помогать другъ другу въ мѣновой торговлѣ [564]). Съ тѣхъ поръ въ теченіе всего X в. происходили постоянныя торговыя сношенія Русскихъ съ Греками, были даже ежегодныя, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго. Въ Царьградъ отправляли свои товары купцы изъ Кіева, Чернигова, Любеча, Вышгорода и Смоленска. Въ какомъ количествѣ ходили въ Грецію торговцы изъ этихъ городовъ, можно заключать изъ того, что для путешествія по Днѣпру собирался цѣлый флотъ, что въ свитѣ Ольги находилось 44 купца [565]). Византійскіе писатели говорятъ: «По силѣ заключеннаго договора и родства греческаго царскаго дома съ русскими князьями, дозволено было Русскимъ отправлять свободно торги съ Греціею; по этому безпрерывно бывали въ Константинополѣ купцы отъ того народа. Но около 1043 г. произошла у нихъ въ Царѣградѣ съ Греками ссора, и одинъ знатный Русскій убитъ былъ въ дракѣ» [566]). Изъ этого видно, что торговыя сношенія съ Греками продолжались постоянно въ XI в. Въ XII в. ле-

---

[564]) Лавр. 10. 13—15. 20—21. О договорахъ съ Греками см. Изв. Акад. III, 274.

[565]) Ист. Гос. рос. 1, пр. 513 и текстъ.

[566]) Изв. Визант. истор. 111, 107—108. Вслѣдствіе этого убійства Владиміръ, сынъ Ярослава, ходилъ войной на Грецію, но не удачно.

жала дорога въ Херсонесъ и товары изъ Руси сбывались по прежнему въ Грецію и на пути днѣпровскомъ находились поселенія, служившія пріютомъ проѣзжимъ купцамъ и складочнымъ мѣстомъ товаровъ; таковъ г. Олешье, близъ берега моря. Въ 1160 г. «посла Ростиславъ изъ Кіева Гюргя Нестеровича и Якуна въ насадѣхъ на Берладники, оже бяхуть Олешье взяли, и постиже ѣ у Дциня, избиша ѣ и полонъ взяша». Въ 1184 г. Давыдъ зая *Грькы* въ Олешьи, и зая у нихъ имѣнье, т. е. купцевъ, торгующихъ съ Греками[567]).

Первымъ предметомъ сбыта изъ Россіи въ Грецію были *невольники*, о которыхъ въ договорахъ есть особыя статьи; въ Константинополѣ находилась особая торговая площадь, на которой русскіе купцы продавали челядь [568]). Константинъ Багрянородный подробно описываетъ самый путь, по которому отправляли Русскіе невольниковъ, и пишетъ о тѣхъ опасностяхъ, съ которыми соединена была торговля съ Греціей [569]). Кромѣ невольниковъ, по Днѣпру сбывали *медъ*, *воскъ* и *мѣха*. На эти товары Русскіе вымѣнивали у Грековъ *паволоки*, которыми даже оцѣнивались рабы, добывали *вина*, *овощи*, *золото* и *серебро*, *дорогіе сосуды*, *богатыя одежды*, *ковры*, *сукна*, *сафьянъ* и *перецъ* [570]). Далѣе изъ Царяграда вывозили предметы, относящіеся

---

[567]) Изв. Визант. Ист. IV, 219. Лавр. 88. Ипат. 86. См. подъ 1156 г. Ник. I, 205. Въ 1167 г. «увѣдавши Половци, оже князи не въ любви живутъ, шедше въ пороги начаша пакостити Гречникомъ, и посла Ростиславъ Володислава Ляха съ вои. и възведоша Гречники,» т. е. проводили караваны купцовъ, шедшихъ изъ Греціи. Ипат. 93.

[568]) Въ древнемъ описаніи чудесъ св. Николая сказано: «И всѣдъ на конь доѣха до торгу, идеже Рустіи купци приходяще челядь продаютъ.». Москвит. 1845 г. № 12. Путешественникъ XII в., Веніаминъ Тудельскій, видѣлъ русскихъ купцовъ въ Греціи и въ Александріи и говоритъ, что они ловятъ соболей и торгуютъ невольниками. Ист. Гос. р. III, пр. 279 и текстъ.

[569]) Невольниковъ вели скованными; Печенѣги ждали русскихъ купцовъ у пороговъ днѣпровскихъ и сражались съ ними. «Отразивъ сихъ разбойниковъ, пишетъ К. Багрянородный, и доплывъ до острова св. Григорія (Березани), Русскіе приносятъ богамъ своимъ жертвы благодаренія, и до самой р. Селины, которая есть рукавъ Дуная не встрѣчаютъ уже никакой опасности; но если тамъ вѣтромъ прибьетъ суда ихъ къ берегу, они снова сражаются съ Печенѣгами, и наконецъ, миновавъ Конопу, Константію, также устья болгарскихъ рѣкъ Варны и Дицины, достигаютъ Месемвріи, перваго греческаго города». Ист. Гос. рос. 1, пр. 513.

[570]) Лавр. 28. Ист, Гос. рос. 1, пр. 521. Изв. Визант. Истор. III, 44. Изв. Акад. III, 274. Собр. грам. 1, стр. 32. Можно полагать, что Русскіе получали

до украшенія церквей и принадлежности богослуженія: *священныя одежды, сосуды, иконы, ладонъ, деревянное масло, грецкія губки, мраморъ, краски, мозаику* и т. под.[571]).

Князья заботились о безопасности торговыхъ сообщеній по Днѣпру особенно потому, что сами посылали свои лодки, нагруженныя товарами въ Грецію: собирая съ подвластныхъ имъ областей подати натурою, они сбывали ихъ другимъ народамъ. По этому князья встрѣчали и провожали караваны торговцевъ съ дружиной; вмѣстѣ съ послами они отправляли и своихъ купцовъ въ Грецію[572]). Подъ 1170 г. разсказываетъ лѣтописецъ: «Вложи Богъ въ сердце Мстиславу Изяславичу мысль благу о руской земли... и съзва братью свою и нача думати съ ними, река имъ тако: братье, пожальте ся о руской земли, о своей отцинѣ и дѣдинѣ, оже несуть хрестьяны на всяко лѣто у вѣжѣ свои, съ нами роту взимаюче, всегда преступаюче. А уже у насъ и *Гречьскій* путь изъотимаюіть, и *Соляныи*, и *Залозный*. А лѣпо ны было, братье, поискати отецъ своихъ и *дѣдъ своихъ пути* и своей чести». И люба была рѣчь всей братіи; тотчасъ всѣ вооружились и разбили Половцевъ[573]). Слѣдов. эти три торговые пути были

отъ Грековъ и оружіе, которое такъ прельщало Святослава. Лавр. 27. Изъ плодовъ, получаемыхъ Русскими изъ Греціи, можно упомянуть о тѣхъ, которые знакомы были Даніилу Паломнику: *смоквы, рожцы, финицы, черешія*. Въ Сказ. Рус. Нар. 22. 28.

[571]) Въ Кіевъ привезли греческіе купцы мозаику въ 1083 г. и пожертвовали для украшенія церкви: «вдаша же и мусію, иже бѣ принесли на проданіе». Первый игуменъ Кіевопечерскаго монастыря Варлаамъ, скончавшійся на возвратномъ пути изъ Цареграда, завѣщалъ передать Θеодосію, «яже бѣ купилъ въ Константинѣ градѣ, иконы и иное, еже на потребу». Патер. Рум. Муз. № 305, гл. 22 и 31. Ист. Гос. рос. 11, пр. 158.

[572]) Лавр. 141. Даже въ XIV в. князья посылали свои лодки съ товарами на продажу: «а князей великихъ ладьи пошлинъ нѣтъ». Собр. грам 1, № 86. А. Эксп. 1, № 42. А. Ист. 1, № 17. Хотя нѣтъ прямыхъ указаній о торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ Греціей въ XIII и XIV в., но онѣ едвали прекращались на это время: въ 1389 г. м. Кипріанъ занялъ въ Греціи 1000 рублей и обѣщался уплатить чисто, а не товаромъ чрезъ греческихъ купецъ, проводя ихъ съ торговлею чрезъ землю русскую «своими проторы». А. И. 1, № 252, стр. 473.

[573]) Ипат. 97. «Нача молвити Мстиславъ братьи своей: се, братье, Половцемъ есме много зла створили, поимали есмы и стада и скотъ, а тѣмъ всяко пакостити Гречнику нашему и Залознику; а быхомъ вошли противу Гречнику. И люба бысть рѣчь всей братьи... и шедше сташа у Канева.» Ипат. 98.

изстаринные и всѣ они лежали недалеко отъ мѣстопребыванія Половцевъ, которые могли грабить торговцевъ, проѣзжающихъ по нимъ. *Греческій* путь, какъ выше означено, шелъ по Днѣпру въ Черное море до Константинополя.

Другой торговый путь, называемый *Залознымъ*, подалъ поводъ къ разнымъ догадкамъ: одни толковали, что путь этотъ былъ *заользный*, *заолешный* и шелъ далѣе Олешья; другіе полагали, что онъ лежалъ за лозами или камышами; нѣкоторые думали, что путь этотъ есть *желѣзный* и велъ онъ на Кавказъ. Не останавливаясь на значеніи слова, прослѣдимъ, гдѣ въ древнее время велась торговля и куда могъ вести путь *залозный*.

Самый старинный торговый путь шелъ изъ Руси въ подунайскіе города, гдѣ находилось средоточіе иностранной торговли: «Не любо ми есть въ Кіевѣ быти, говорилъ Святославъ, хощу жити въ Переяславци на Дунаи, яко то есть середа въ земли моей, яко ту вся благая сходятся—отъ Грекъ злато, паволоки, вина, овощеве разноличныя, изъ Чехъ же изъ Угоръ сребро и комони, изъ Руси же скора и воскъ, медъ и челядь» [574]). Этотъ путь къ Подунавью въ XII в. отнимали Половцы и грабили торговыя суда на Дунаѣ: въ 1159 г. Иванъ Берладникъ пошелъ отъ Изяслава въ поле къ Половцамъ,» и шедъ съ Половци и ста въ городѣхъ подунайскыхъ,и изби двѣ кубарѣ и взя товара много въ нею, и пакостяше рыболовомъ галичьскымъ»; отсюда онъ пошелъ къ г. Кучельмину къ Днѣстру [575]). А здѣсь также производилась торговля съ Греціей: въ 1213 году Данилъ князь поѣхалъ изъ Галича; «бывшу же гладу велику, поидоша возы къ Плаву на канунъ св. Димитрѣя, веземше возы накормишася изобильно... Оттуду же придоша ниже Кучелемина, мысляще, кудѣ прейти р. Днѣстръ; божіею же милостію придоша лодья изъ Олешья, и пріѣхаша въ нихъ на Днѣстръ и насытишася рыбъ и вина» [576]). Такимъ образомъ оба пути и по Дунаю и по Днѣстру не безопасны были отъ набѣговъ половецкихъ; тотъ и другой путь они захватывали въ одно время.

---

[574]) Лавр. 28. По Дунаю ходили воевать Грековъ въ 1043 г. Лавр. 66.

[575]) Ипат. 83—84. Г. Кучельминъ въ Галиціи.

[576]) Въ Галичѣ на Днѣстрѣ бывало много торговыхъ судовъ. Ипат. 92. 161.

Слѣдов. *залознымъ* путемъ можно назвать торговый путь по Днѣстру изъ Галиціи и далѣе къ городамъ подунайскимъ. Не напрасно Берладники утверждались между Днѣстромъ и Дунаемъ при Прутѣ [577]). Отправляя по залозному пути свои завѣтные товары—*скору*, *воскъ*, *медъ* и *челядь*, Русскіе вывозили изъ Венгріи и Богеміи *серебро*, *мраморъ*, *стекло* и выводили знаменитыхъ *иноходцевъ* и *скакуновъ*; съ Чернаго моря по Днѣстру доставали *рыбу* и *вина* и вообще греческіе товары [578]).

Третій торговый путь, по которому сбывали товары изъ юго-западной Руси, назывался *солонымъ*; онъ лежалъ рядомъ съ греческимъ путемъ сухопутьемъ до Дона, а по Дону велъ въ Крымъ и къ Азовскому морю. Впослѣдствіи этотъ путь извѣстенъ былъ подъ именемъ *Муравскаго шляха*. На устьѣ Кубани около Азовскаго моря, еще въ X в. основалось княжество Тмуторökанское, которымъ владѣли Русскіе около 130 лѣтъ, и по всей вѣроятности, туда ходили по торговому пути *солоному* [579]). При устьѣ Дона находился г. Тана, Азовъ, а въ самомъ Крыму г. Судакъ (Солдайя) или Сурожъ, въ которомъ сходились купцы изъ разныхъ странъ, такъ что самое море Азовское Русскіе называли *Сурожскимъ* и торговцевъ— *Сурожанами*. Здѣсь Русскіе вымѣнивали на мѣха *соль*, *бумажные* и *шелковые товары*, *пряные коренья*, *овощи*, *травы* и *вина*. По словамъ Рубриквиса, мѣховые русскіе торговцы пріѣзжали

---

[577]) Поселенія русскія по Дунаю, Пруту, Днѣстру и Бугу были изстари. Лавр. 9. 28. Подунайскими городами владѣли русскіе князья, сажали тамъ своихъ посадниковъ, и они имѣли торговыя сношенія съ Русью. Лавр. 113. Ипат. 7. Подробнѣе о поселеніяхъ на Дунаѣ см. Изв. Акад. VIII. 814. въ статьѣ И. И. Срезневскаго.

[578]) Подъ 1129 г. Татищевъ означилъ, что Ляхи ограбили русскихъ купцовъ, ѣдущихъ изъ Моравіи. Невѣроятнаго въ этомъ извѣстіи ничего нѣтъ: при князѣ Даниилѣ Романовичѣ были постоянныя сношенія съ Венгріей. Ипат. 161. Онѣ могли быть и съ Моравіей: въ Словѣ о Полку изображается, что когда Святославъ, отецъ Игоря Сѣверскаго, разгромилъ землю половецкую, и Кобякъ явился во дворцѣ Святослава кіевскаго,—«Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу святъславлю.» Рус. Дост. III, 110.

[579]) И. И. Срезневскій дѣлаетъ замѣчаніе: «Вѣроятно, торговыя связи были одною изъ главныхъ причинъ основанія княжества Тмутороканскаго на устьѣ Кубани.» Изв. Акад. VIII, 314. Въ Сл. о Пол. намѣкается на торговыя древнія мѣста: «Велитъ послушати земли незнаемѣ Влъзѣ, и Поморію и Посулію и Сурожу и Корсуню и тебѣ, тьмутороканскій блъванъ.» Рус. Дост. III, 38.

въ Судакъ въ крытыхъ телѣгахъ, запряженныхъ волами; онъ же свидѣтельствуетъ, что купцы изо всей Россіи пріѣзжали въ Крымъ за солью. По этому, конечно, и путь по Дону назывался *Солоныимъ* [580]).

Еще торговая дорога изъ кіевской области вела въ половецкую землю къ Дону; по ней ходили русскія войска воевать Половцевъ. Она шла на востокѣ за Переяславлемъ къ Донцу черезъ рѣки Сулой, Сулу, Хоролъ, Пселъ, Голтву, Ворсклу къ р. Салницѣ. На этомъ пути находились половецкіе города Шарукань и Сугровъ [581]). А что по этой дорогѣ ходили не одни толпы Половцевъ и русскія войска, но и производилась торговля,—это видно изъ лѣтописи: въ 1184 г. князья Владиміръ и Мстиславъ пошли на Половцевъ; на пути встрѣтились имъ купцы и указали на р. Хоролъ, гдѣ стоялъ Кончакъ. Въ слѣдующемъ году, когда Половцы разбили русскія войска и взяли въ плѣнъ Игоря Святославича, такъ что некому было и вѣсти подать въ Русь, — «и поиде путемъ гость, они же казаша рекуще: поидѣте по свою братью, али мы идемъ по свою братью къ вамъ» [582]). Очевидно, эти гости были Русскіе, которые торговали въ землѣ половецкой; судя по случайнымъ извѣстіямъ, занесеннымъ въ лѣтопись, можно думать, что Русскіе ѣздили къ Половцамъ ежегодно. Но какіе товары сбывали они въ землю половецкую,—на это нѣтъ указаній. По всей вѣроятности, Половцамъ, какъ прежде и Печенѣгамъ, сбыва-

---

[580]) Въ описаніи хожденія Пименова въ Царьградъ 1392 г. сказано: «Тогда же бѣ во Азовѣ живущи Фрязове и Нѣмцы владѣюще тѣмъ мѣстомъ.» Сказ. Сахар. II, VIII, 98.» Идѣже Донъ рѣка втекъ въ море, то убо море зовется *Сурожское.*» Никон. III, 116. I Соф. 210. Гостей ряды, въ которыхъ продаются шелковыя ткани, называются иногда *Суровскими.* Рубриквисъ пишетъ. «Тамъ (въ Судакѣ или въ Сурожѣ) пристаютъ всѣ купцы, ѣдущіе изъ Турціи на сѣверъ и желающіе пробраться изъ Россіи въ Турцію. Послѣдніе привозятъ туда горностаевые и другіе дорогіе мѣха; а первые — шелковыя и бумажныя ткани и пряности.» Рубрикв. въ Ист. Гос. рос. III, стр. 205, пр. 234. Можетъ быть, этимъ путемъ привозили *красное дерево.* Ип. 199.

[581]) Этотъ путь подробно означенъ подъ 1111 годомъ. Ипат. 1—2. Также въ поученіи Мономаха. Лавр. 128. Названныя рѣки протекаютъ въ харьковс., полтавс. и черниговс. губ.

[582]) «Ѣдущимъ имъ и усрѣтоша гость *ѣдущь противу себе изъ Половець*, и повѣдаша имъ, яко Половци стоятъ на Хоролѣ... Придоша къ мѣсту тому, идѣже указаша гостье» Ипат. 129. Лавр. 168.

ли невольниковъ, хлѣба, меду, мяса; а отъ нихъ получали хорошій скотъ [583]).

Югозападная Русь, разоренная Татарами, обезсилѣла и внѣшняя торговля ея ослабѣла; даже въ Кіевѣ, богатѣйшемъ торговомъ городѣ, въ XIII в. насчитывалось не болѣе 200 домовъ. Иностранные купцы только по старой памяти заѣзжали въ Кіевъ. Впрочемъ, на Волыни велась еще иностранная торговля: хлѣбъ отправляли иногда къ Ятвягамъ; въ Галичь пріѣзжали Торнскіе купцы, которымъ съ 1320 г. предоставлена свобода безпошлинной торговли сукнами и другими товарами [584]).

Когда западно-русскіе княжества подчинены были Литвѣ, Русскіе потеряли пути греческій и западный, зато торговля, начатая съ Крымомъ и Татарами, постепенно усиливалась. Изъ Сурожа пріѣзжали купцы въ Москву, откуда ѣздили туда свои торговцы, извѣстные подъ именемъ *Сурожане* [585]). Русскіе купцы въ XIV в. были въ Кафѣ, Одѣ, Греціи; въ Россію пріѣзжали гости *Хопыльскіе* [586]).

---

[583]) Константинъ Багрянородный пишетъ, что Русскіе старались жить въ мирѣ съ Печенѣгами, которые получали изъ Руси товары, а сами сбывали туда коней, овецъ и рогатый скотъ. Ист. Виз. Истор. III, 30, 33. М. Іоаннъ укорялъ до 1088 г. русскихъ купцовъ, что они ходятъ къ поганымъ купли ради и челядь продаютъ. Рус. Дост. I. 88. Ист. Г. рос. III, стр. 206. Въ Сл. о Полку замѣчено, что Русскіе, послѣ побѣды надъ Половцами, помчаша красныя дѣвки половецкія, а съ ними злато и паволоки; орьтмами и кожухы начаша мосты мостити по грязивымъ мѣстамъ». Рус. Дост. III, 51. По всей вѣроятности, Русскіе доставали эти вещи отъ Половцевъ и посредствомъ мѣны, а не однимъ путемъ побѣтъ.

[584]) А. Зап Рос. 1, № 21. Supplem. ad hist. Rus. monum. № XXXVIII, XLI. Вмѣстѣ съ Плано-Карпини отправлялись чрезъ Россію къ Татарамъ купцы изъ Бреславля, Польши и Австріи, ѣздили также купцы Генуэзскіе, Пизанскіе. У Языкова, стр. 217.

[585]) Въ 1356 г. «пріиде на Москву изъ орды Ирынчей и съ нимъ гости Сурожане». Никон. III, 207. Въ 1375 г. изъ Москвы удалился въ Тверь сынъ тысяцкаго Вельяминова съ Некомитомъ сурожаниномъ. Соф. 233. Въ описаніи нашествія Тохтамыша (1382 г.) въ числѣ московскихъ жителей упомянуты Сурожане, Суконники и купцы. Пол. Соб. Л. VI, 99. Собираясь на борьбу съ Мамаемъ, в. к. Димитрій Ивановичъ, «поятъ съ собою отъ Сурожанъ, рекше отъ гостей, яко 10 мужей повѣданія ради дальнихъ земель». Эти гости были Русскіе, какъ видно изъ перечня ихъ фамилій. Рус. Ист. Сборн. III, 25—26. Во Владимірѣ волынскомъ въ XIII в. были Сурожане. Ипат. 220.

[586]) А. Ист. I, № 252. Въ 1327 г. Александръ тверскій сжегъ Шевкала «и торговцы гость хопыльскый изсече». I Новг. 74. Никон. III, 127. *Хопылъ*, *Копысъ*, пограничное укрѣпленіе при р. Кубани въ области черноморскаго войска; Копысъ былъ нѣкогда мѣстопребываніемъ сераскира, начальствовавшаго надъ ку-

Иностранные купцы пробирались по Дону и Воронежу для торговли съ Русскими въ XIII в. Татары приводили коней для продажи въ московское княжество, и Русскіе изъ древней рязанской области ходили по Дону и привозили товары къ Татарамъ за Донъ [467]). Выше было сказано, что по Дону чрезъ Азовъ изъ Руси сбывали *мѣха* и получали *шелковыя* и *бумажныя издѣлія* Италіи и Востока; здѣсь нужно добавить, что въ концѣ XIV в. доставляли изъ Россіи въ Генуюи Венецію *рыбу* и *воскъ* [468]).

Сбытъ товаровъ по Дону находился въ связи съ торговлей по Волгѣ: купцы изъ одной рѣки перевозили свои товары въ другую волокомъ. Оттого, кажется, арабскіе писатели и соблазнялись распредѣленіемъ этихъ двухъ рѣкъ, считая Донъ притокомъ или рукавомъ Волги. Какъ бы то ни было, только волжскій путь на Востокъ изстари знакомъ былъ Русскимъ: «потече Волга на въстокъ и вътечетъ семьюдесять жерелъ въ море хвалиское. Тѣмъ же изъ Руси можетъ ити въ Болгары и въ Хвалиси на въстокъ дойти въ жребій Симовъ.» Русскіе съ Востокомъ имѣли постоянныя столкновенія непріязненныя и сношенія мирныя съ торговыми цѣлями [469]). Современникъ Рюрика и Олега, арабскій писатель Кхордатъ-бегъ (ум. 912 г.) пишетъ:» Русскіе изъ племени

банскими татарами. *Кафа* основана Генуезцами въ 1343 г. Изв. Виз. Ист. III, 118. Когда въ 1312 г. приплылъ корабль къ г. Синопу, то по словамъ Игнатія, «нѣціи изъ града Синопа излезше, посѣтиша насъ и пищею и виномъ угостиша добрѣ, и тамо пребыхомъ два дни». Сказ. Сахар. II, VIII, 98. Вѣроятно, въ это время были въ Синопѣ русскіе купцы, такъ радушно встрѣтившіе своего митрополита. М. Пименъ изъ Москвы шелъ до Рязани по Окѣ, далѣе до Воронежа везли суда на телѣгахъ и потомъ спустили ихъ въ Воронежъ и пошли по Дону.

[467]) Въ 1286 г. Татары воевали въ областяхъ рыльской, воргольской и липецкой и забрали проходимцевъ; но когда узнали, что это были купцы нѣмецкіе и цареградскіе, которые ходятъ по разнымъ землямъ для торговыхъ цѣлей, то отпустили ихъ. Воскр. 177. Никон. подъ 1286 г. Около 1253 г. Рубриквисъ видѣлъ на Дону русскую слободу, населенную Батыемъ и Сартакомъ для того, чтобы ея жители перевозили черезъ рѣку купцовъ и пословъ къ Татарамъ. Чт. Общ. Ист. 1864 г. кн. 3, отд. IV, стр. 171. Не это ли мѣсто въ путешествіи Игнатія названо перевозомъ: «таже и перевозъ минухомъ, и тамо обрѣтохомъ первіе татаръ;» эта мѣстность лежала ниже Бѣлаго Яра. Сказ. Сахар. II, VIII, 98.

[468]) Ист. Гос. рос. V, пр. 215.

[469]) Лавр. 3 Свѣдѣнія объ отношеніяхъ Русскихъ къ Востоку см. Учен. Зап. II отд. Акад. Н. кн. 5. стр. 49. Также Жур. М. Н. Пр. 1835, февраль, 229.

Славянъ вывозятъ мѣха бобровъ и чернобурыхъ лисицъ изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ Славянской земли и продаютъ ихъ на берегахъ Румскаго (Средиземнаго) моря; тутъ царь Румскій (Греческій) беретъ съ нихъ десятину, когда имъ вздумается, они отправляются на славянскую рѣку (Волгу) и пріѣзжаютъ въ заливъ города Хозаръ (Итиля); тутъ даютъ они десятину владѣтелю этой земли, затѣмъ ѣдутъ они въ море Джурджанское (Каспійское) и тамъ пристаютъ къ любому берегу, а это море въ поперечникѣ простирается на 500 фарсаховъ. Иногда случается, что они везутъ свои товары изъ Джурджана черезъ Ибидь въ Багдадъ.» Тоже почти повторяетъ неизвѣстный арабскій писатель «Книги Странъ»[590]). Такъ какъ нѣкоторыя области Руси въ раннее время были въ зависимости отъ Хозаръ, платили имъ дань щлягами, то не удивительно, если имѣли съ ними и торговыя связи, посредствомъ которыхъ добывали щляги[591]). Знаменитый восточный историкъ Массуди, описывая походъ Русскихъ на южные берега Каспійскаго моря 912 года, прибавляетъ, что Русскіе ведутъ торгъ съ Хозарами, и въ Итилѣ, столицѣ хозарской (близъ нынѣшней Астрахани), для Славянъ, Русскихъ и язычниковъ назначенъ особый судья. Изъ описанія путешествія русскихъ судовъ, приведеннаго Массуди, видно, что Русскіе ходили изъ Греціи въ Крымъ, потомъ въ Азовское море, поднимались Дономъ и опускались Волгой до Итиля и пробирались къ берегамъ Каспійскаго моря[592]). Изъ сѣверовос-

[590]) Вѣстн. Геогр. общ. 1854 г. 1, 52. 53. 54. 63.

[591]) Арабскихъ монетъ VIII—X вѣковъ отрыто въ кладахъ громадное количество; онѣ разсѣяны по всей Россіи; а это служитъ яснымъ доказательствомъ значительныхъ связей древней Руси съ Востокомъ. Эти монеты находятъ въ могилевс. губ., тульской, около Витебска, т. е. въ землѣ Кривичей, Вятичей, Радимичей. Въ области новгородской также открывали куфическія монеты, особенно богата ими мѣстность, изъ которой вытекаютъ рѣки, служившія торговыми путями—Двина, Ловать, Днѣпръ, Ока и Волга. Все это заставляетъ убѣдиться, что монеты восточныя приносили какъ русскія гости, ѣздившіе къ азіатскимъ народамъ, такъ и купцы мусульманскихъ странъ, производившіе мѣновую торговлю съ ними; а о мѣнѣ товаровъ русскихъ на монеты въ Хозаріи говоритъ Ибнъ—Фоцланъ. Мухам. Нумизм. стр. XVII, XXV, CIX и др. Вѣст. Геогр. общ. 1854 г. I, 64—68. Ист. Гос. рос., пр. 364.

[592]) О торговлѣ Хозаръ см. Чт. общ. Ист. 1846 г. № 3, III, стр. 47 и дал. Ibn— Fozzl. 71. О древнихъ сношеніяхъ Русскихъ съ Востокомъ подробно изложено въ статьѣ И. И. Срезневскаго. Вѣст. Геогр. общ. 1854 г. I, стр.

точной Руси сбывали товары къ Волжскимъ Болгарамъ, которые сами вели торговыя сношенія съ русскими областями; Константинъ Багрянородный пишетъ, что Русскіе ѣздили торговать въ Болгарію, Хозарію, и Сирію(?) [593]. Арабскіе писатели X вѣка говорятъ, что въ болгарской и козарской столицахъ Русскіе занимали цѣлыя слободы и имѣли складочные амбары, живя тамъ по долгу [594]. Свидѣтельства иностранныя подтверждаются отечественными извѣстіями, что путь въ Болгарію хорошо былъ знакомъ Русскимъ въ XI в. По сказанію сводной лѣтописи Татищева, Владиміръ въ 1006 г. заключилъ торговый договоръ съ Болгарами и позволилъ Русскимъ свободно ѣздить къ нимъ [595]. Сомнѣваться въ этомъ извѣстіи нельзя, потому, что торговыя связи были несомнѣнно въ 1024 году: «бѣ мятежъ великъ и голодъ по всей странѣ (суздальской), идоша по Волзѣ вси людье въ Болгары, и привезоша жито и тако ожиша.» Въ XII в. Болгары также несомнѣнно продолжали вести торговлю по Волгѣ и Окѣ съ землей суздальской, что видно изъ причитанья Кузьмы надъ тѣломъ Боголюбскаго 1175 г.: «иногда бо аче и гость приходилъ изъ Царягорода и отъ иныхъ странъ изъ русской земли, и аче Латинянъ и до всего крестіанства, и до всеѣ

61—63. Обозрѣвъ путешествія Русскихъ къ восточнымъ народамъ, г. Профессоръ замѣчаетъ: «Странствія бывалыхъ торговцевъ должны были предупредить походы удальцовъ не торговыхъ; разсказы ихъ о богатствахъ странъ возбудить надежды охотниковъ на добычу; ихъ путевыя испытанія и наблюденія—отстранять неудачи неопытной удали.» Тамъ же. стр. 63. Но вѣрнѣе принять, что разбойничьи набѣги отчаянныхъ удальцевъ проложили путь къ мирной торговлѣ, потому что въ началѣ торговыя и военныя предпріятія мало различаются между собою; мирныя сношенія бываютъ результатомъ борьбы.

[593]) О Волжскихъ Болгарахъ см. Ж. М. Н. Пр. 1836 г. стр. 97. Окт. О торговлѣ Болгаръ тамъ же. ч. XLIX. «О сѣверовосточныхъ Руссахъ» № XII, стр. 456. Декабрь.

[594]). Ibn—Foszl. 271. Мухамед. Нумизм. Савельева. 1847 г. 22. Предварит. Критич. Изсл. для Рос. Ист. Эверса, стр. 159-160.

[595]) Болгары прислали Владиміру дары, желая свободной торговли; по ихъ прозьбѣ, онъ позволилъ имъ торговать на Окѣ и Волгѣ и далъ имъ для этого печати; русскіе купцы отъ своихъ посадниковъ также могли свободно ѣздить въ болгарскіе города; но болгрскимъ купцамъ позволено было торговать единственно съ купцами по городамъ, а не ѣздить по селамъ и не торговать съ тіунами, вирниками, огнищанами и смердами. Ист. Рос. II, 89. Въ вѣрности показанія Татищева не позволяютъ сомнѣваться подробности разсказа. Ист. Рос. Соловьева. I, пр. 267.

погибли... Болгаре и Жидове и вся погань... и тѣ бо(?) плачуть по тебѣ» [596]). Торговыя связи съ Болгаріей не прекращались и въ XIII в.; въ 1230 г. убитъ былъ тамъ купецъ Авраамій, тѣло котораго перенесли во Владиміръ [597]).

Татарское нашествіе произвело застой промышленной дѣятельности въ юго-западной Руси, такъ что Плано-Карпини даже мало видѣлъ жителей на пути отъ Владиміра до Кіева; но за то торговля по Волгѣ оживилась отъ ихъ поселеній. Русскія суда продолжали плавать по Волгѣ, сбывали свои произведенія Татарамъ, имѣли постоянное жительство въ столицѣ хана — Сараѣ, такъ что въ 1265 г. открыта была отдѣльная сарайская епархія [598]). Въ XIV в. торговля по Волгѣ сильнѣе и сильнѣе развивалась, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивались разбойничьи набѣги ушкуйниковъ на торговые города и суда [599]). Русскіе торговцы продолжали вести товары въ Болгары и жили тамъ, какъ

[596]) Лавр. 64. Ипат. 115. У Татищева находится слѣдующій разсказъ о торговыхъ сношеніяхъ Русскихъ съ Болгарами подъ 1185 г: «Болгары волскіе съ общею Русью имѣя непрестанный торгъ, множество привозили, яко жита, тако разныхъ товаровъ и узорочи, продавая въ городахъ русскихъ по Волгѣ и Окѣ; но Русскіе многіе собрався тайно по Волгѣ купцовъ болгарскихъ грабили, а потомъ по Волгѣ села ихъ и города разоряли, о чемъ Болгары два раза присылали Всеволода о управѣ просить; но не получивъ удовлетворенія, пришли въ лодіяхъ по Волгѣ къ берегамъ въ области бѣлорусскія, которыя около Городца, Мурома и до Рязани, великое разореніе учинили.» Ист. Рос. III, 248. Не по той же ли причинѣ Болгары въ 1087 г. взяли Муромъ? Лавр. 86.

[597]) Лавр. 192. Болгарія подпала подъ власть Татаръ въ 1236 г.; но и послѣ того торговля Русскихъ съ Болгарами не прекратилась: Ибнъ-Батута писалъ (1324 г.), что въ Болгарію привозили изъ Руси серебряные слитки. Ibn-Foszlan. 229—230. Рус. Вѣстн. 1841 г. №2, стр. 462.

[598]) Во время посольства отъ султана Египетскаго къ Хану Монгольскому въ 1263 г. видѣли плавающія суда русскія по Волгѣ. Hist. des Sultans Mamlouks, de l'Egipte, Макризи, въ перев. Картмера, стр. 213 пр. 96. Знаменитый арабскій путешественникъ первой половины XIV в. пишетъ, что онъ видѣлъ въ Сараѣ жителей различныхъ національностей, между которыми упоминаетъ о Русскихъ и о Грекахъ. Voyages d'Ibn—Batoutah, въ перев. съ арабскаго. Paris 1854 г. 11, 440. Рубриквисъ пишетъ, что богатые Монголы одѣваются въ дорогіе мѣха, получаемые изъ Россіи и другихъ сѣверныхъ странъ. Чт. общ. Ист. 1864 г. 3. IV, 190.

[599]) Наприм. въ 1375 г. ушкуйники взяли г. Кострому и разграбили, пограбили Нижній и пошли внизъ по Волгѣ и продали плѣнныхъ въ Болгарахъ, «а сами въ насадѣхъ пойдоша по Волгѣ на низъ гостей бесерменскихъ бьючи, а христіанскихъ грабячи»; такъ дошли до устья Волги, гдѣ избилъ ихъ астраханскій князь Салчѣй. III Новг. 231. Слѣд. въ это время иностранная торговля по Волгѣ была значительныхъ размѣровъ.

замѣтно, въ значительномъ количествѣ; такъ въ 1366 г., когда ушкуйники пограбили на устьѣ Камы болгарскій г. Жукотинъ, то «христіане пограблены быша въ Болгарѣхъ отъ Татаръ.» Въ это время ходили по Волгѣ суда татарскія, армянскія, болгарскія и другихъ восточныхъ народовъ, означаемыхъ нашими лѣтописцами общимъ именемъ *Бесермены*[600]). Вмѣстѣ съ татарскими купцами русскіе промышленники ѣздили въ нынѣшнюю Астрахань, по Каспійскому морю и пробирались въ Азію. Изъ посланія о раѣ владыки новгородскаго Василія (ок. 1347 г.) можно заключить, что предпріимчивые Новгородцы пускались въ торговыя предпріятія далеко по Каспійскому морю; онъ говоритъ: «муки и нынѣ суть на западѣ; много дѣтей моихъ новгородцевъ видоки тому... А то мѣсто св. рая находилъ Моиславъ новгородецъ и сынъ его Яковъ, и всѣхъ было ихъ три юмы, и одина отъ нихъ погибла много блудивъ, а двѣ ихъ потомъ долго носило море вѣтромъ и принесло ихъ къ высокимъ горамъ... А тѣхъ, брате, мужей и нынѣча дѣти и внучата добры здоровы.» Русскіе купцы ѣздили торговать на Кавказъ и возили товары даже въ Самаркандъ[601]). Гости татарскіе также ходили изъ орды въ города русскіе для торговли; въ 1409 г. Едигей писалъ в.

[600]) Въ 1366 г. ушкуйники «много Бесерменъ избиша подъ Нижнимъ Новымгородомъ.» IV Новг. 65. I Соф. 230. «Избиша по Волзѣ множество Татаръ и Бесерменъ и Арменъ... и пондоша въ Каму и проидоша до Болгаръ такоже творяще и воююще.» П. С. Л. VIII, 14. 23. Въ 1376 г. в. к. Димитрій Константиновичъ воевалъ Болгары и посадилъ тамъ *дарагу* и таможника. Тамъ же 25. Въ 1377 г. татарскій царевичъ Арапша велѣлъ перебить въ Болгарахъ русскихъ купцовъ и товары ихъ отграбить. Никон. IV, 54. Въ 1382 г. Тохтамишъ «посла Татаръ своихъ въ Болгары и ту повелѣ торговци русскія избити, а гостей грабити, а суды ихъ и съ товаромъ отъимати и попровадити къ себѣ на перевовъ. Вся гости руския поимани быша и пограблени и удръжани, дабы не было вѣсти.» Ник. IV, 132. П. С. Л. VIII, 42.

[601]) П. С. Л. VI, 88—89. Въ сказаніи о убіеніи в. к. Михаила тверскаго (1319 г.) передается, что когда татарская орда остановилась за Терекомъ на р. Севенцѣ подъ г. Дедяковымъ, который взяли русскіе князья въ 1277 г. въ землѣ Ясовъ (въ южномъ Дагестанѣ, недалеко отъ Дербента); то Кавгадый вывелъ Михаила на торгъ; здѣсь собралась большая толпа Грековъ, Нѣмцевъ, Литвы и Руси. А когда тѣло его привезено было въ Маджары (теперь городище на р. Кумѣ Кавказс. губ. Георгіевс. у.); тогда гости, знавшіе покойнаго страдальца, хотѣли прикрыть его тѣло дорогими тканями. 1 Соф. 214—215. Въ 1404 г. русскихъ купцовъ видѣли въ Самаркандѣ вмѣстѣ съ татарскими торговцами и замѣчали наравнѣ съ купцами Индіи и Китая; слѣд. ихъ торговля была довольно почтенная. Уч. зап. 2 отд. Акад. Н. II, II, 226.

к. Василію Дмитріевичу: «Не право у тебя чинится въ городѣхъ; послы царевы и гости изъ орды къ вамъ пріѣздятъ, и вы пословъ и гостей на смѣхъ подымаете... А прежъ сего гостей держали безъ истомы и безъ обиды. И ты бъ спросилъ старцовъ старыхъ, какъ ся дѣяло прежъ сего» [602]).

Самой главной отраслью торговли Русскихъ съ восточными народами были *меха*, которыми они надѣляли и юго-западную Европу и Азію. Доставляемые въ Болгары, въ Итиль, къ Татарамъ, мѣха развозились оттуда въ Дербентъ, Багдадъ, Берду и проч. Мѣха эти были *собольи*, *бобровые*, *чернобурыхъ лисицъ*, *куньи*, *горностаевые*, *выдровые*. Ихъ привозили изъ земли Визу (Веси?) или Юры [603]). Еще привозили Русскіе на продажу по Волгѣ невольниковъ и невольницъ, о чемъ упоминаетъ Ибнъ-Фоцланъ [604]).

Въ Болгарію доставляли инородцы свинецъ и олово изъ уральскихъ горъ, какъ можно догадываться на основаніи словъ Ибнъ-Гаукаля: «Арса доставляетъ *свинецъ*, и *олово*, и звѣри, называемаго черною куницею или скиескимъ соболемъ» [605]). Соединеніе этихъ товаровъ указываетъ на

---

[602]) Собр. грам. II, № 15. Въ 1327 г. упоминаются татарскіе и хопыльскіе гости въ Твери; они пріѣзжали, конечно, по Дону, Окѣ и Волгѣ, какъ ходилъ князь Михаилъ тверскій въ орду. I Новг. 74. I Соф. 209—210. Подъ 1363 г. въ лѣтописи отмѣчено, что моръ пришелъ «отъ низу отъ Бездежа въ Новгородъ Нижній.» Ник. V, 7.

[603]) Мухамед. Нумизм. введ. стр. 77—79. И. Г. рос. IV, стр. 54. О вывозѣ на Востокъ мѣховъ бобровъ и чернобурыхъ лисицъ говоритъ Кхордатъ-Бегъ,— куницъ, соболей и горностаевъ Ибнъ-Фоцланъ, Истархи, Ибнъ Гаукаль, Казвини. Ibn—Foszl. 66. 71. 147. 207—209. 262. Зап. Археол. общ. VI, стр. 46. Memoires de L'Academie Imper. des Sciens de St. Peterb. 1834 г. VI, 317 и др. «о Массуди и др. мусул. писат. о славянахъ.» Шармуа. Вѣст. геогр. общ. 1834 г. I, 52—54. Ковры и янтарь, которые отправляли въ Хорезмъ изъ земли Славянъ, по свидѣтельству Истархи,—конечно, получались изъ Греціи и Помераніи.

[604]) Ист. Гос. рос. I, пр. 364. Новгородскіе ушкуйники часто продавали Болгарамъ плѣнныхъ мужчинъ и женщинъ: въ 1375 г. они «пришедше въ Болгары, и тамо полонъ христіанскій продаша Бесерменомъ, костромскій и нижегородскій, съ женами и дѣтьми.» III Новг. 231. Преп. Серапіонъ вооружался противъ порабощенія и продажи свободныхъ рабовъ. Прав. Соб. 1859 г. Іюль.

[605]) Эверса критич. изслѣд. для Рус. Ист. 160. Ж. М. Н. Пр. 1836 г. XII, 454 и дал. Татары въ половинѣ XIII в. получали мѣха изъ Россіи, Болгаріи и земли Мордовской. Ист. Гос. рос. IV стр. 54. Чт. общ. Ист. 1864 г. 3, IV, 174.

приуральскую мѣстность, которая могла доставлять ихъ въ избыткѣ. Далѣе изъ Россіи отправляли въ Болгарію *рыбьи зубы*, *медъ* и *воскъ*, которые доставлялись Хозарамъ [606]). Въ половинѣ XIV в. Шегабъ-еддинъ замѣтилъ въ своихъ живописныхъ путешествіяхъ, что *льняныя одежды*, доставляемыя изъ земли русской, были въ ходу и въ почетѣ въ Дели въ сѣверной Индіи на полдорогѣ изъ Самарканда въ Калькутту. Въ 1404 г. русскіе торговцы сами привозили въ Самаркандъ *кожи*, *мѣха* и льняныя ткани. Вотъ и всѣ товары, которые сбывались на Востокъ изъ Россіи [607]).

Въ Россію изъ Болгаріи дѣлали подвозъ *хлѣба* въ XI в.; г. Болгары, вѣроятно, служилъ хлѣбной пристанью, куда обращались Русскіе въ случаѣ нужды. По словамъ Татищева, Болгары «множество привозили, яко житъ, такъ разныхъ товаровъ и узорочи, продавая въ городахъ русскихъ по Волгѣ» [608]). Изъ восточныхъ товаровъ Русскіе получали *пряности*, *плоды*, *цвѣты*, *соки растеній*, *различныя травы*; такъ Ибнъ-Кхордатъ Бегъ говоритъ, что въ его время (до 912 г.) Евреи, проѣзжающіе чрезъ славянскія земли, вывозили съ дальняго Востока *мускусъ*, *алое*, *камфору*, *корицу* и другіе подобные товары. Это извѣстіе подтверждаетъ грамота Всеволода 1137 г.; въ ней означено брать въ Новгородѣ пошлину

---

606) «Die Nahrung der Chasaren besteht vorzüglich in Reis und Fischen. Was sie von Honig und Pelzwerk ausführen, das erhalten sie selbst von den Russen und Bulgaren zugeführt». Ibn—Foszl. 71. Ист. Гос. р. I, пр. 90.

607) Уч. Зап. Акад. Н. кн. II, в. 2, стр. 226. Ибнъ-Кхордатъ-Бегъ пишетъ, что еврейскіе купцы знали языкъ Славянъ и чрезъ ихъ земли съ запада вывозили въ землю Хозаръ и въ Каспійское море рабовъ, золотыя ткани, кожи, мѣха и мечи. Зап. Археол. общ. VI, стр. 46. Руи Гонсалесъ де Клавихо (1404 г.) описываетъ Тавризъ большой пристанью, особливо богато снабженной жемчугомъ, хлопчато-бумажными товарами, шелковыми тканями, нѣжными благовонными маслами. Караваны изъ Индіи привозили сюда шелковыя матеріи, пряныя коренья, жемчугъ и драгоцѣнные камни. Купцы Сиріи, Турціи, Италіи и другихъ христіанскихъ земель покупали здѣсь эти товары и везли дальше. Самаркандъ тоже былъ средоточіемъ торговли: Русскіе и Татары привозили туда кожи, мѣха и льняныя ткани; китайскіе караваны доставляли шелковыя матеріи, мускусъ, драгоцѣнные камни, жемчугъ, ревень; индійскіе купцы везли гвоздику и другія нѣжныя пряности, которыя только этой дорогой приходили въ Европу и не могли покупаться на рынкахъ Александріи. Чт. общ. Ист. 1864 г. 4, IV, 213. 214. 217.

608) Лавр. 64. Ист. Рос. III, 248.

въ низоваго гостя *перцемъ* [609]. Слѣдов. низовые гости мѣняли свои товары на растительныя и другія ароматическія вещества Востока. Оттуда же получали Русскіе дорогія *шелковыя матеріи*, *камки*, *атласныя цвѣтныя ткани*, *шелки* [610]). Въ обмѣнъ на дорогіе мѣха, Русскіе добывали изъ Азіи *дорогіе камни*, *золотыя и серебряныя вещи*, какъ-то: *блюда*, *цѣпочки*, *запястья*, *кольца*, *булавки*, *пуговки*, *бляхи* для украшенія одежды и конской сбруи, также *жемчугъ* и *бисеръ*, какъ любимое украшеніе русскихъ женщинъ. По свидѣтельству Ибнъ-Фоцлана, Русскіе особенно любили зеленый бисеръ, такъ что иногда платили за одну бисеринку по диргему (15—20 к. сер.) [611]). *Оружіе* и *булатныя вещи* также получали Русскіе съ Востока, гдѣ издавна процвѣтало приготовленіе ихъ, особенно въ Дамаскѣ [612]). Къ этому нужно добавить, что изъ Астрахани по Волгѣ привозили *соль* и отъ Татаръ получали *степныхъ* хорошихъ *лошадей* [613]).

---

[609]) Зап. Археол. общ. VI, стр. 46. Вѣст. Геогр общ. 1854 г. 1, 52. «А у гостя имати у низовскаго отъ двуберковска вощаного полгривны серебра за гривенка перцу.» Доп. въ А. И. 1, № 3. Ркп. Рум. Муз. № 305, л. 175. Переясл. л. 34.

[610]) Въ 1319 г. въ Маджарахъ русскіе купцы хотѣли одѣть тѣло князя Михаила *многоцѣнными плащаницами*. I Соф 210. Вѣроятно, они торговали дорогими тканями. Самыя названія матерій показываютъ, что Русскіе добывали ихъ съ Востока: камки *кизильбащскія* (изъ Персіи), шелки и тафты *халяпскіе* (изъ Алепо), *тохатскіе* (изъ Токата), мартабаснаго дѣла и т. под. Собр. грам. 1, 302. Путешественникъ Іосифъ Барбаро (1436 г.) пишетъ объ—Астрахани: «Городъ Цитрахань теперь почти совершенно разоренъ, но прежде славился своею обширностію и богатствомъ. До разрушенія его Тамерланомъ (до 1395 г.), пряныя коренья и шелкъ, отправляемые нынѣ чрезъ Сирію, доставлялись въ Тану (Азовъ) чрезъ Цитрахань и потомъ уже на 6 или на 7 венеціанскихъ галерахъ перевозились въ Италію; ибо въ то время ни Венеціане, ни другіе приморскіе жители не производили еще въ Сиріи никакой торговли.» Библ. иностр. пис. о Рос. изд. Семенова. Спб. 1836 г. I, стр. 56. Торговый путь въ Вост. Индію чрезъ Египетъ и Сирію проложенъ Венеціанами послѣ разоренія Астрахани Тамерланомъ. Бумажныя ткани и полотна антіохійскія также получали Русскіе съ Востока. Ист. Гос. рос. V, пр. 156 и текстъ.

[611]) Ист. Гос. р. I, пр. 364. Названія—*чума*, блюда *ѣздинскаго* (изъ Езды), жемчуга *гурмыжскаго* (изъ Ормузда), *алама* и т. под. потверждаютъ, что эти вещи шли изъ Азіи въ Россію. Собр. грам. I, стр. 406—407. Зап. Археол. общ. III, 122.

[612]) Таковы названія восточнаго оружія: сабля, кинжалъ, шишакъ, байданы. Оружіе татарское было въ славѣ на Руси. Ипат. 196.

[613]) Библ. иностр. пис. о Рос. 56. В. к. Д. И. Донской далъ до 1393 г. Троицкому Сергіеву монастырю *пятно ногайское*. Это служитъ доказательствомъ,

Вообще иностранная торговля Русскихъ съ азіатскими народами обнимала значительный кругъ предметовъ и развита была въ большихъ размѣрахъ, особенно въ XIV в.

Низовые гости доставляли товары мусульманскаго Востока въ Новгородъ; купцы новгородской и псковской областей вывозили произведенія своего отечества и добываемыя изъ другихъ странъ по Балтійскому морю въ скандинавію и въ нѣмецкія земли. Сношенія Новгорода съ Варягами начались до основанія Русскаго государства, иначе не мыслима возможность призванія князей изъ—за моря. Въ скандинавскихъ сагахъ есть намекъ на древнѣйшія торговыя связи Норманновъ съ сѣвернымъ краемъ Россіи и Новгородцевъ съ Поморянами; не напрасно лѣтописецъ указалъ «путь изъ Варягъ въ Греки» чрезъ землю новгородскую [614]). Во времена Святослава и Владиміра скандинавскіе купцы пріѣзжали для торговли въ Новгородъ и тамъ получали богатыя шелковыя ткани, дорогіе мѣха и другіе драгоцѣнные товары. Писатель XI в. Адамъ Бременскій говоритъ, что въ его время изъ Волина или Венеты плавали въ Остроградъ русскій,—и корабли, отправлявшіеся въ Русь, сходились на островахъ Борнгольмѣ и Готландѣ. Какой бы городъ ни разумѣлся подъ Остроградомъ, все—таки извѣстіе говоритъ о раннихъ торговыхъ сношеніяхъ съ сѣвернымъ краемъ Руси. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что эти сношенія существовали уже при Ярославѣ I [615]).

что въ XIV в. существовала на Руси торговля степными лошадьми азіатскихъ народовъ. У Карпини есть даже извѣстіе, что Батый велѣлъ умертвить князя Андрея, будто бы за то, что онъ, вопреки ханскому запрещенію, выписывалъ для себя лошадей изъ Татаріи и продавалъ чужеземцамъ. Ист. Гос. рос. IV, пр. 62 и текстъ. Ник. IV, 270, Въ XV в. сбытъ степныхъ лошадей въ Россіи былъ громадный: въ 1474 г. съ посломъ большой орды Гаранчукомъ пришло «гостей съ товаромъ и съ конми 3200 человѣкъ, и коней съ ними было продажныхъ больши 40,000.» III Новг. 243. Посолъ венеціанскій Контарини (1473 г.) пишетъ, что астраханскій ханъ ежегодно отправляетъ въ Россію своего посла; этому послу обыкновенно сопутствуетъ цѣлый караванъ татарскихъ купцовъ, которые везутъ Джездскія ткани, шелкъ и мѣняютъ ихъ на мѣха, сѣдла, мечи, и имѣютъ при себѣ болѣе 200 заводскихъ лошадей для продажи въ Россіи. Библ. иностр. пис. 1, 91. 97.

[614]) О древнихъ преданіяхъ относительно торговли и о сагахъ см. Сѣверорус. Народопр. 11, стр. 177—179. Рус. Ист. Сборн. IV, 41. Въ сагахъ передается, что въ 1060 г. жили въ Ладогѣ нѣмецкіе купцы и построили тамъ свою церковь. Die Skra van Nougarden, Behrman. Copeng. 1828, s. 39.

[615]) Antiquités Russes 1850—1851 г. стр. 434. По словамъ Адама Бременска-

Въ первой половинѣ XII в. Новгородцы разъѣзжали по Балтійскому морю и вели торговлю на островѣ Готландѣ и въ Даніи [616]). Въ тоже время въ Новгородѣ находились два торговыхъ двора—готскій и нѣмецкій—и двѣ церкви—варяжская и нѣмецкая [617]). Это свидѣтельствуетъ уже о прочныхъ и долговременныхъ связяхъ торговыхъ заморскихъ купцовъ съ Новгородомъ—купцовъ, проживавшихъ тамъ постоянно и въ не маломъ количествѣ. Въ 1158 г. бременскіе купцы начали пробираться къ устью западной Двины и проложили торговый путь во Псковъ, а потомъ стали ѣздить и въ Новгородъ, куда привозили нѣмецкіе товары [618]).

Новгородцы съ своей стороны прочно утвердились въ торговомъ городѣ Визби на о. Готландѣ и имѣли тамъ свой гостинный дворъ и свою церковь; они посѣщали города Любекъ и Шлезвигъ [619]). Въ 1188 г. Новгородцевъ во время розмирья схватили въ землѣ варяжской и на Готландѣ

го, Волинъ былъ «величайшій изъ всѣхъ городовъ Европы; въ немъ жили Славяне со всѣми другими народами греческими и варварскими». Hist. Eclès. lib 11, cap. 12. 15. Urkundl. Geschichte des Hans. Bundes. Th. 1, B. 3, s. 181. Изсл. замѣч. и лекціи, М. П. Погодина. III, стр. 267 и дал. Изсл. Лерберга, 217—219.

[616]) Въ 1131 г. «идуче изъ—заморія съ Готъ топи лодіи 7 и сами истопоша и товаръ, а друзіи вылѣзоша, нъ наги, а изъ Дони прилоша здорови». Въ 1134 г. «рубоша Новгородьць за моремъ въ Дони». 1 Новг. 6. Въ 1142 г. приходи Свьискѣй князь съ епископомъ въ 60 шнекъ на гость, иже изъ заморья шли въ 3 лодьяхъ, и бишася, не успѣша ничтоже и отлучиша ихъ 3 лодьѣ, избиша ихъ полутораста». 1 Новг, 9. Ник. 1, 167. 231. У Саксона Грамматика встрѣчается извѣстіе о пріѣздѣ Русскихъ для торговли въ Шлезвигъ. въ 1157 г. стр. 271. Ж. м. н. пр. 1839 г. Апрѣль и Іюнь.

[617]) Въ 1152 г. въ Новгородѣ «погорѣ весь търгъ... и церквей сгорѣ 8, а 9-я варяжская». 1 Новг. 11. Въ 1181 г. зажжена была варяжская церковь. 1 Новг. 18. Въ 1184 г. построена церковь нѣмецкая: «Поставиша нѣмецкую ропату, и о томъ бысть чудо о посадникѣ Добрыни.» III Новг. 216. Въ Уставѣ о мостовыхъ, приписываемомъ Ярославу, упоминаются Готы, Прусы и Нѣмцы и три вымола нѣмецкихъ; по этому можно думать, что было и три двора торговыхъ. Не было ли двора рижскаго, о которомъ извѣстно только съ 1363 г? Рус. Пр. III, 134.

[618]) Изсл. служащія къ объясн. др. Рус. Исторіи. А. Х. Лерберга. Перев. Д. Языкова. Спб. 1819 г. стр. 219. 220.

[619]) Urkundl. Gesch. Hans. Сарторія 11, 13. Gesch. des gans. Bund. 1, 191. Въ 1157 г датскій король Свенъ IV, при осадѣ Шлезвига, захватилъ много русскихъ судовъ и товары ихъ роздалъ воинамъ своимъ. Ж. М. Н. Пр. 1839 г. Апрѣль и Іюнь. Ист. Г. рос. III, пр. 243. Въ 1187 г. Фридрихъ II далъ русскимъ купцамъ, одинаковыя права съ Готландцами и Норманами, чтобы они пріѣзжали торговать въ Любекъ безпошлинно. Urkund. Gesch. 11, 9.

и посажали въ порубъ; а Новгородцы на весну не пустили къ нимъ своихъ торговцевъ[620]). Подобныя размолвки международныя часто прерывали торговыя связи Новгорода съ иностранцами; но всегда оканчивались миромъ, и эти связи все-таки были постоянныя до XV в. Въ теченіе этого времени съ Новгородцами и Псковичами производили торговлю слѣдующіе города: Бременъ, Визби, Любекъ, Шлезвигъ, Дерптъ, Рига, Ревель, Выборгъ, Вильневъ, Сральзундъ, Стокгольмъ, Мюнстеръ, Ростокъ, Унна, Дортмундъ, Дюизбургъ, Ейнбекъ, Кельнъ, Дудерштатъ, Брауншвейгъ и Магдебургъ[621]). Около 1199 г. заключенъ былъ договоръ Новгорода при Ярославѣ Владиміровичѣ «съ всѣми нѣмецкими сыны и съ Гты и съ всемь латынскымь языкымь». Въ немъ между прочимъ сказано: «Подтвердихомъ мира стараго»; слѣд. этотъ мирный договоръ Новгорода съ Нѣмцами былъ не первый[622]).

Въ статьѣ о сбытѣ произведеній промышленности не мѣсто излагать свѣдѣнія о ходѣ торговли между Новгородомъ и европейскими городами, о ея видоизмѣненіяхъ, какія она принимала съ теченіемъ времени, и ея вліяніи на развитіе общественной жизни. Не касаясь этихъ вопросовъ, мы означимъ пути, по которымъ шелъ сбытъ произведеній, и тѣ товары, какіе отправлялись изъ новгородской и псковской областей въ города европейскіе и какіе приходили въ нихъ обратно.

---

[620]) «Рубоша Новогородьцѣ Варязи, на Гътѣхъ Нѣмьцѣ, въ Хоружку и въ Новотържьцѣ: а на весну не пустиша изъ Новгорода своихъ ни одиного мужь за море, ни съла въдаша Варягомъ, но пустиша я безъ мира». 1 Новг. 20, 25.

[621]) Русскіе торговали также съ Швеціей и Норвегіей. Грам. кас. снош. съ ганз. город. 1857 г. №№ 2. 6. 9. 1 Новг. 74. 88. Доп. къ А. И. 1, № 7. Urk. G. Hans. № CCXXVII. 595. Cod. dipl. Lubec. № DCXXXI. 570. Ж. М. Н. Просв. 1838 г. ч. 17. стр. 590. Antiq. Rus. 11, 492. Въ 1391 г. «нѣмецкіе послове пріидоша изъ—заморія. изъ Любека и изъ Гочкаго берега и изъ Риги и изъ Юрьева и *изъ иныхъ городовъ многыхъ*; тогда взяша миръ съ Нѣмцы». 1 Новг. 95. Въ 1263 г. Александръ Невскій заключилъ миръ съ тремя послами, Нѣмецкимъ (Рижскимъ?). Любецкимъ и Готскимъ, и уступилъ имъ три двора, конечно, торговые. Грам. кас снош. съ ганз. город. № 1. Въ грам. 1363 г. упомянуто о Рижскомъ дворѣ въ Новгородѣ: «Item illi de Riga admissi sunt ad seruandam tertiam partem Curie Neugardensis.» Urkund. G. Hans. II, стр. 524. Иноземный гость былъ *поморскій*, *заморскій*, *нѣмецкій*. 1 Новг. 88.

[622]) Этотъ договоръ съ объясненіями помѣщенъ въ Изв. Акад. VI, стр. 155—166.

Торговые пути къ Новгороду шли *водою и горою*, т. е. по морю и сухимъ путемъ; купцы иностранные также дѣлились *на лѣтнихъ*, пріѣзжавшихъ съ весны, и *зимнихъ*, которые пріѣзжали осенью и гостили до весны. Путешествуя по Балтійскому морю, иностранные торговцы приставали къ Березовымъ островамъ, потомъ къ Кронштадту (Котлину) [623]; когда входили въ Неву, имѣли право рубить лѣсъ по берегамъ ея на свои надобности и торговать съ Корелою и Ижорою; по Невѣ, Ладожскому озеру и Волкову проводили суда иностранныя русскіе лоцманы. На перепутьѣ купцы иностранные приставали въ Ладогѣ, гдѣ имѣли свой гостинный дворъ и церковь св. Николая [624]). Изъ Швеціи и Норвегіи въ XIII и XIV в. ходили корабли къ устью с. Двины и пробирались въ Заволочье [625]). По сухому пути иностранные купцы ѣздили преимущественно изъ Ливоніи и Пруссіи; отъ Балтійскаго моря они пробирались до Новгорода тремя дорогами: въ 1301 г. Новгородцы писали Любчанамъ, Готландцамъ и Рижанамъ, что они дали имъ «*три пути горніи* по своей волости, а четвертый въ рѣчкахъ гости ѣхати безъ пакости.» Два пути шли отъ Ревеля и Дерпта, третій изъ Риги и Ревеля черезъ Псковъ. Суда доходили до Нарвы и шли по р. Пернавѣ и Наровѣ, или перевозились сухимъ путемъ до Эмбаха и далѣе до озера Чудскаго [626]).

Имѣя торговыя сношенія съ Азіей и Цареградомъ, Новгородцы въ раннее время доставляли въ Скандинавію произведенія Востока и Греціи. По мнѣнію Бермана, издателя *скры* (отъ сл. *скора*?), или древняго устава, касающагося

---

[623]) Въ проектѣ 1269 г. Новгородцы обѣщали гостямъ свое покровительство до Березовыхъ острововъ, а впослѣдствіи только до Котлина, когда ихъ владычество на морѣ было слабѣе,—замѣчаетъ Сарторій (стр. 97, пр. 2.); но и въ грам. 1259 г. (Гр. кас. снош. съ ганз. город. № 1) покровительство обѣщано только до Котлина.

[624]) Liul. Urkund. I, 517. о Догов. Новг. Андреевскаго, стр. 20. 21. Ист. Гос. рос. III, пр. 244.

[625]) Ист. Гос. р. III, пр. 246 и текстъ. Antiquit. Rus. II, стр. 492.

[626]) Доп. къ А. И. I, № 6. Между Псковомъ и Новгородомъ грабили Тевтонскихъ купцовъ въ 1288 г. Cod. dipl. Lub. № LXX. Грам.. касающ. снош. съ ганз. город. № 9 въ прим. Около 1406 г. или ранѣе писали Новгородцы въ Колывань (Ревель):» А гостю, братьи вашей, хто поѣдетъ въ В. Новгородъ, и вы имъ велите ѣхати новгорочкимъ путемъ, а на Псковь путь имъ нѣтъ.» Ркп. Рум. Муз. № 44.

торговли Новгорода съ ганзейскими городами, чрезъ Россію въ Скандинавію шли драгоцѣнные камни, восточныя ткани, арабскіе и персидскіе ковры, паволоки и другія греческія издѣлія [627]).

Главными товарами внутренней промышленности, которые Новгородцы сбывали въ западную Европу, были *мѣха*; отпускъ ихъ за границу былъ такъ значителенъ, что ими пользовалась вся Европа въ средніе вѣка, когда мѣха составляли любимое украшеніе одежды и служили щегольскими нарядами [628]). Доставать хорошіе мѣха изъ Россіи было главнымъ стараніемъ Ольдермановъ ганзейскихъ торговыхъ конторъ: объ этомъ предметѣ составлено много правилъ, особенно замѣчательно постановленіе 1342 г., которое направлено противъ подлоговъ и обмановъ въ мѣховой торговлѣ. Къ числу запрещенныхъ мѣховъ, которые не позволялось покупать у Русскихъ, относились не только поддѣльные мѣха; но и волосъ, выщипанный или срѣзанный со шкуръ заячьихъ, бобровыхъ, который пускали въ продажу особо [629]).

---

[627]) Die Skra, стр. 41. Мнѣніе Бермана очень вѣроятно: ломбардскіе купцы сдѣлались посредниками торговли между Азіей и западной Европой уже въ болѣе позднее время и уничтожили посредничество Новгородцевъ. Сами скандинавскія сказанія подтверждаютъ, что изъ Руси привозились дорогія ткани золотыя и серебряныя, какихъ въ Скандинавіи никогда не видывали. Сѣверорус. Народопр. II, 178. Gesch. des gans. B. I. 3, стр. 381. Ок. 1438 г. возили изъ Новгорода къ Нѣмцамъ *камки*. Ркп. Рум. Муз. № 44, III. Кромѣ того, греческіе купцы, посѣщая Кіевъ, Владиміръ на Клязьмѣ, торговали и въ Новгородѣ, какъ можно догадываться на основаніи словъ житія преп. Антонія: въ 1106 г. Антоній прибылъ къ Новгороду, »пойде во градъ и обрѣте человѣка греческія земли гостьбу дѣюща, купецкій чинъ имуща, иже умѣяше римскимъ и греческимъ и русскимъ языкомъ.« Прав. Собес. 1858 г. Май. Житіе напеч. по спис. XVI в. Куфическія монеты особенно 890—955 годовъ постоянно находятъ по берегамъ Швеціи, на Борнгольмѣ, Готландѣ; онѣ конечно зашли туда чрезъ Новгородцевъ и Норманновъ. Мух. Нумиз. 57—74.

[628]) В. к. Андрей Александровичь въ 1301 г. посылалъ въ подарокъ властямъ ганзейскихъ городовъ куньи мѣха. Доп. къ А. И. I, № 6. Въ 1283 г. ограблено у иностранныхъ купцовъ въ землѣ новгородской 15 тысячь puleri operis (шкуръ), а въ 1311 г. ок. 20 тыс. Эти мѣха были opus bremensis. Сарторій замѣчаетъ: »Uielleicht genählte Pelze oder Pelzwerke, die in Bremen zubereitet, und nach Russland wieder gaführt wurden...« Urk. G. H. II, № LXX, стр. 157. Мѣха продавались тысячами, полтысячами, четвертями тысячь (quartale operis).

[629]) Въ грамотахъ встрѣчаются названія: Sceueniasen, Troinissen, Doynissen. Первое названіе есть въ тарифѣ 1252 г., выданномъ Маргаритою графинею

Въ огромномъ также количествѣ вывозился въ западную Европу изъ Новгорода *воскъ*; въ 1287 г. отняли Псковичи у иностранныхъ купцовъ 63 *капи* воску. Ганзейскіе купцы много хлопотали о томъ, чтобы Русскіе отпускали имъ воскъ чистый и не клали на него фальшивыхъ клеймъ [630]). Изъ новгородской и преимущественно изъ псковской области шли за границу *ленъ* и *конопля*, толстый грубый *холстъ* и *пакля*, а по временамъ сбывалась *пшеница* и другой *хлѣбъ* [631]). Нѣмцы покупали въ Россіи отчасти золото и серебро, какъ видно изъ проекта 1269 г. [632]). Несомнѣнно, что предметомъ вывоза за границу былъ *жиръ* (Fettwerk), *сало*, *кожи* въ сыромъ видѣ и обдѣланныя, а можетъ быть также *хмѣль* и *медъ* [633]).

Въ промѣнъ на свои товары, Новгородцы получали чрезъ Нѣмцевъ большіе запасы различныхъ *суконъ*, особенно изъ Нидерландъ и Англіи; шли хорошія также къ нимъ сукна изъ Франціи, а толстыя изъ Германіи [634]). Изъ другихъ товаровъ въ

фландрскою для Имперскихъ купцовъ. Сарторій замѣчаетъ, что сл. Sceuenisse, Scheuenisse, Scheuesse означаетъ мѣхъ, мягкую рухлядь—въ томъ нѣтъ никакаго сомнѣнія; sceuenisse, какъ и бѣличій мѣхъ (какъ у французовъ petit—gris), продавались тысячами и были менѣе цѣнны. По его предположенію, сл. Sceuenisse происходитъ отъ schauen, scheuen, schaben—сгрести, скоблить, и можетъ означать волосъ, счищенный съ мѣха и связанный пучками (Haarwerk), какъ упоминаемое въ памятникахъ названіе: de pellibus tonsis, или clippine. Urk. G. H. II, стр. 58—59. Troynisse или Doynisse означаетъ дурной, самый низкій сортъ мѣховъ. Urk. Hans. II, стр. 280. Мѣха назывались также Hardeck. Liul. Urk. III, 4. 311.

[630]) *Капь* содержала 8 ливонскихъ талантовъ, или около 168 нынѣшнихъ фунтовъ. Зап. Археол. общ. 1865 г. XII, 2, стр. 702. Urk. G. H. II, № IX, стр. 27. № LXX, 156—157. Въ 1315, 1332 и 1333 г.г. запрещено было покупать у Русскихъ плохой воскъ; объ этомъ, равно какъ и о другихъ товарахъ, которые шли изъ Россіи, см. въ Geschicht. des Hans. Bund. 1, 189—198; II, 428—454.

[631]) Хлѣбъ сбывался въ 1287 г. и въ 1300 г. Urk. G. H. II, № LXXI, 158. Около 1438 г. въ Ругодивъ отпускали изо Пскова *соболи*, *тройничи*, а оттуда привозили пшеницу. Ркп. Рум. Муз. № 44, III.

[632]) Liul Urk. Бунге I, 517. Ист. Гос. рос. III, пр. 244. Не знаю, на какомъ основаніи подъ сл. Poppel разумѣютъ мѣха: по моему мнѣнію, оно означаетъ *попелъ*, пепелъ, золу; въ XV в. *попелъ* и *смолу* изъ Полоцка «спускивали до Риги.» А. Зап. Р. I, № 175.

[633]) О нѣмецкомъ дворѣ въ Новгородѣ. Ж. М. Н. Пр. 1838. г. ч. 17, стр. 589. Хмѣль отправляли изъ Россіи по з. Двинѣ въ Ригу; вѣроятно, и Новгородцы, добывая его по землѣ тверской и суздальской, сбывали за границу. Грм. кас. снош. съ ганз. город. № 7.

[634]) Сукна, ввозимыя въ Россію, были разнаго сорта, цвѣта и качества;

Россію доставляли *шелкъ*, *салфетки*, *перчатки*, въ значительномъ количествѣ *полотна* нидерландскія и вестфальскія, крашеную пряжу, дубленыя кожи, четки и пергаментъ [635]). Металлическіе товары также привозили въ Новгородъ Нѣмцы, напр. *оружіе*, *желѣзо*, *сталь*, въ кускахъ *мѣдь*, *олово*, *свинецъ*, отчасти и *серебро*, нѣмецкія и любскія *иголки*, *стекло* и *сѣру* [636]). Изъ съѣстныхъ запасовъ доставлялась *мука*, въ случаѣ нужды, *соль*, *солодъ*, *копченое и соленое мясо*, *сельди*, *сушеная рыба*, *вино*, *пиво* и *медъ* [637]).

сукно *Ипское* (изъ г. Ипра во Фландріи) въ первый разъ упомянуто въ уставѣ Всеволода 1136 г.: «а хто хочетъ въ купечьство Иванское вложитися, дастъ тысяцкому сукно Ипское». Рус. Дост. I, 77. III Новг. 142. Высшаго сорта употреблялось красное сукно французское— *скарлатъ* (écarlate, scharlach); въ торговой книгѣ XVII в. означено: «французскія сукна по русски *шарлатъ*, а инымъ ихъ сукнамъ имянъ не знаемъ и въ лавкахъ ихъ нѣтъ». Зап. Археол. I, отд. III, стр. 119. Въ 1373 г. контора нѣмецкая постановила не возить въ Новгородъ суконъ краснаго цвѣта, а довольствоваться *зелеными* (grenen). Livl. Urk. Бунге. III, 3, 286. Привозили въ Россію также хорошее сукно *бременское* и расхожее сукно, употребляемое на одежды бѣлаго и чернаго духовенства— *капеляки* (capellanen). Urk. G. Hans. II, № LXX, 157.

[635]) Въ половинѣ XIV ст. вышли опредѣленія, которыми запрещается продавать *Поперинскія* полотна вмѣсто *Валансьенскихъ*. Urk. G. Hans. II, № CVI, 292. Поперингенъ — мѣстечко въ запад. Фландріи, а Валансьенъ, городъ во Франціи на рѣкѣ Шельдѣ. Въ 1342 году состоялось опредѣленіе, чтобы не продавали мальчики (die Iungen) въ одинъ разъ болѣе одной пары перчатокъ, одного фунта голубой пряжи, до половины *рєба*, (Rep больше нынѣшняго аршина Elle), дубленыя кожи, четки и пергаментъ также въ розницу и въ небольшомъ количествѣ. U. G. H. стр. 271.

[636]) Въ 1295 г. Король шведскій Биргеръ не дозволялъ провозить Русскимъ изъ Любека, Выборга и пр. ни оружія, ни желѣза, ни стали. Cod. dipl. Lubec. I. № DCXXXI, стр. 570. U. G. Hans. стр. 271. Ист. Гос. рос. III, пр. 244. Ж. М. Н. Пр. 1838 г. ч. 17, стр. 589. Livl. Urk. Бунге, III, 3, 258. О продажѣ серебра упомянуто въ проектѣ 1269 г. и въ договорѣ 1270 г. Urk. Gesch. H. II, стр. 41. 42. 96. Въ 1229, 1230 и 1232 г. папы запрещали привозить въ Россію лошадей, корабельныя снасти, деревянныя издѣлія. Изслѣд. Лерберга. 114—115.

[637]) Въ 1231 г., по словамъ лѣтописи, «откры Богъ милосердіе свое на насъ грѣшныхъ, сътвори милость свою вскорѣ: прибѣгоша нѣмьци изъ заморія съ житомъ и съ мукою и сътвориша много добра, а уже бяше при конци городъ сій». I Новг. 48. Жалоба Новгородцевъ (1400 г.), что соль привозятъ къ нимъ Нѣмцы не надлежащаго качества и вѣса, наводитъ на мысль о частой прежней доставкѣ ея и хорошаго качества. Livl. Urk. IV, 4, 391. 393. Мясо соленое, ветчина и съѣстные припасы упоминаются въ проектѣ 1269 г. Ист. Гос. р. III, пр. 244. Въ 1366 г. совѣтъ Любека писалъ гражданамъ Стральзунда, что для нихъ послѣдовало запрещеніе продавать Русскимъ соль и сельди или кильку (Allec—мелкая рыба). U. G. Hans. II, CCXXVII, 595. О про-

Произведенія промышленности внутреннихъ областей Руси, смоленской, полоцкой и витебской, сбывали иностранцамъ по З. Двинѣ и по Балтійскому морю, и можетъ быть, начало этого сбыта одновременно съ новгородскимъ [638]). Но особенно дѣятельныя сношенія Русскихъ съ иностранцами по Двинѣ начались съ половины XII в., когда бременскіе купцы, прибитые на кораблѣ къ устью Двины, побѣдили бросившихся на нихъ Ливовъ, стали производить съ ними мѣновую торговлю и основали тамъ постоянныя купеческія конторы—Укскуль и потомъ Далемъ [639]). Съ той поры начались прочныя сношенія русскихъ торговцевъ по Двинѣ съ Ригой, Готландомъ и другими ганзейскими городами; а въ 1210 г. уже заключенъ былъ договоръ между княземъ полоцкимъ и Ригою [640]). Въ началѣ XIII в. рижскіе власти «дали Двину волену отъ устья до верху по водѣ и по берегу всякому гостю рижьскому и нѣмечькому ходящимъ внизъ и верхъ». Въ Смоленскѣ въ это время уже постоянно проживали нѣмецкіе купцы и имѣли свою церковь св. Богородицы [641]).

Товары, составлявшіе предметъ вывоза изъ Россіи по Двинѣ и ввоза изъ земель нѣмецкихъ, были почти тѣ же самые, какіе обращались во внѣшней новгородской торговлѣ. Изъ смоленской области Нѣмцы выводили *лошадей*, какъ тамъ, такъ и въ сосѣднихъ областяхъ покупали *мѣха* и *овчины*, *серебряные сосуды* и *серебро*, *воскъ* и *хмѣль*; а Русскіе брали отъ Нѣмцевъ *сукна*, *полотна*, *перчатки*, *мѣдь*, *олово*, *хлѣбъ* и *соль* [642]).

дажѣ въ Новгородѣ вина, пива и меда бочками, а также о продажѣ розничной см. Livl. Urk. IV, 4, 391. Жур. М. Н. Пр. 1838 г. ч. 17, стр. 588—590.

[638]) О раннихъ сношеніяхъ Полоцка съ иностранцами свидѣтельствуетъ извѣстіе, что Рогвольдъ переселился туда: «Бѣ бо Роговольдъ перешелъ изъ-заморья, имѣяше волость свою Полтескъ». Лавр. 131. Начальный русскій лѣтописецъ уже зналъ о двинскомъ пути, что онъ ведетъ на полуночье и Двина внидетъ въ море Варяжское; «тѣмже изъ Руси можетъ ити по Двинѣ въ Варяги и изъ Варягъ до Рима». Лавр. 3.

[639]) До 1158 г. устье Двины находилось въ распоряженіи полоцкихъ князей, п. ч. Нѣмцы у нихъ испрашивали позволеніе для первоначальнаго заселенія страны. Livland. Chron. Груберъ. I, стр. 46.

[640]) Уч. Зап. Акад. Н. II, 305.

[641]) Догов. смол. 1229 г. Собр. грам. II, № 1. Ист. Гос. р. III. пр. 248.

[642]) Рижскій Архіеп. писалъ смол. князю 1281—1297 г.: «Выехали 50 мужь изъ Риги и убили чоловѣка, и узяли 10 берковесковъ воску». Грам. кас. снош.

Нѣтъ сомнѣнія, что указанные предметы ввоза и вывоза означены здѣсь не всѣ, но по скудости извѣстій необходимо ограничиться и этимъ; что же касается до размѣровъ русской торговли съ ганзейскими городами, то они представляются очень почтенными [643]). Напрасно нѣкоторые стараются доказывать, будто заграничная торговля для Русскихъ была вовсе не прибыльна. Положимъ, что изъ Россіи вывозились почти исключительно сырые товары, а отъ Нѣмцевъ получались въ обдѣланномъ фабрикованномъ видѣ; но это свидѣтельствуетъ только о томъ, что Русскимъ нужно было много истрачивать силъ и времени на извлеченіе естественныхъ богатствъ страны, что не доставало ни рукъ, ни умѣнья на ихъ обработку; но заключать поэтому о малости выгодъ, получаемыхъ Русскими отъ заграничнаго сбыта своихъ произведеній, было бы опрометчиво.

з) Способъ и характеръ передаточной промышленности.

При религіозномъ настроеніи средновѣковой жизни, человѣкъ принимался за каждый родъ дѣятельности съ благословенія божія. Пастыри церкви внушали ему: «Да и ты кдѣ убо еси, или на мори, или на пути, или на торгу,—молися часто» [644]). Постоянныя опасности, которыя неизбѣжно преслѣдовали торговцевъ, развивали чувство надежды

съ Ригой и ганз. город. № 3. Въ 1284 г. смол. князь Θедоръ Ростиславичъ «выдалъ Аркановича и съ дворьмь Немьцомъ за колоколъ(?)». Тамъ же № 4. Ок. 1300 г. полоцкій епис. Іаковъ писалъ въ Ригу: «а нынѣ абы сте пустили жито у Полотеско». Тамъ же № 6. О торговлѣ серебромъ. привозѣ Нѣмцами полотна и перчатокъ въ смол. догов. 1229 г. Изъ грамоты Рижанъ къ витебскому князю Мих. Конст. объ обидахъ видно, что Нѣмцы покупали дѣвицъ, овчины и мѣха, лошадей, воскъ; а привозили скорлатъ и соль на продажу. Изв. Акад. X, 633—636. Въ торговомъ договорѣ Полоцка съ Ригой (ок. 1330 г.) опредѣлено вѣсить воскъ *на скалвахъ* (чашкахъ вѣсовыхъ), вѣсчаго брать отъ берковска заушня отъ воску, мѣди, олова, хмѣлю; «а соль вѣсати упудный рѣмѣнь». Гр. кас. снош. съ Ригой и ганз. гор. № 7.

[643]) Въ извѣстномъ разсказѣ о сооруженіи въ Новгородѣ нѣмецкой божницы передается, что Нѣмцы прислали просить властей новгородскихъ «отъ всѣхъ семидесяти городовъ сла своего». Ист. Гос. р. III, пр. 244. Въ 1131 г. утонуло 7 русскихъ лодокъ съ товарами, возвращавшихся изъ Даніи. I Новг. 6. Въ 1368 г. Псковичи забрали гостей поморскихъ и заморскихъ въ своей землѣ, «а гость тогда бяше оилепъ въ Плесковѣ». I Новг. 88.

[644]) Москвит. 1851 г. № 6, стр. 133.

на высшую ступень и сознаніе собственнаго безсилія. Такимъ образомъ торговыя операціи производились подъ покровительствомъ церкви. Духовенство обязано было наблюдать за правильностью мѣръ и вѣсовъ, которые обыкновенно для образца хранились въ церкви, чтобы никто не могъ ихъ испортить; «городскія торговыя и всякая мѣрила, отъ Бога искони какъ уставлено, епископу блюсти безъ пакости, ни умалить, ни увеличити, за все то ему слово въздати въ день суда великаго, якоже о душахъ человѣческихъ» [645]). Въ торговлѣ съ иностранцами было тоже самое; образцовыя мѣры и вѣсы хранились въ церкви; тамъ устроивались особые *лари*, въ которыхъ хранились торговые договоры, записки и книги для укрѣпленія различныхъ сдѣлокъ [646]). Купцы считали своей обязанностью строить церкви въ тѣхъ городахъ, гдѣ имѣли частое пребываніе, и самое устройство церквей приспособлено было къ торговымъ требованіямъ: такъ въ подвалѣ сохранялся товаръ, въ притворѣ онъ взвѣшивался [647]). Подъ покровительствомъ церкви, купцы соединялись въ артели по единству торговыхъ интересовъ и артель называлась по имени того святаго, которому посвящена была церковь. Такимъ образомъ купечество дѣлилось на общины, которыя имѣли свое управленіе, ввѣряемое старостамъ и тысяцкимъ, свои общинные капиталы, накопляемые отъ вклада въ артель [648]). Такіе торговые союзы существовали до XV в. и въ Новгородѣ и въ Москвѣ, а находились также, вѣрятно, и по другимъ городамъ [649]),

---

[645]) П. С. Лѣт. VI, 84. Духовенство обязано было наблюдать «мѣрила торговая, скалвы вощаныя, пуды медовыя, гривенку рублевую и локоть (древній аршинъ), и на всякій годъ извѣшивати. А скривится, а кому приказано, и того казнити близко смерти». Ист. Ц. Макарія II, пр. 467. Рус. Дост. I, 78.

[646]) «Аще ся вощный пудъ исказить, лежить капь въ св. Богородице на горѣ, а другая въ нѣмецьской Богородици, то темь пудъ извѣряче право учинити». Собр. грам. II № 1. Пск. судн. гр. 7. Ист. Гос. р. III, пр. 244.

[647]) I Новг. 88. 102. Лавр. 138. Рус. Дос. I, 79.

[648]) До 1136 г. в. к. Всеволодъ поставилъ при артели Иванской 3 старосты отъ житыхъ людей, 2 старосты отъ купцовъ и тысяцкаго отъ черныхъ людей «управливати имъ всякая дѣла торговая, иванская, гостинная». Вкладу въ эту общину полагалось за разъ по 50 гр. серебра, чтобы быть настоящимъ, *пошлымъ* купцомъ, которымъ только и можно было вѣсить товары въ притворѣ церкви св. Іоанна на Опокахъ. Рус. Дост. I, 76. Вкладъ въ церковь св. Пятницы брали и съ Нѣмцевъ. Ис. Гос. р. III, пр. 244.

[649]) Въ Новгородѣ были общины купеческія, кромѣ Иванской, Побережская, Обонежская, Лубяницкая, Даньславская, Чудинцовская, были купцы

Кромѣ религіознаго элемента, сопровождавшаго характеръ древней передаточной промышленности, нѣкоторые пріемы промысловъ и торговли неразлучны были съ суевѣрнымъ образомъ воззрѣнія. Въ сборникѣ Паисіевскомъ (до 1400 г.) сказано, что Господь святыми своими не велитъ ни въ стрѣчю вѣровати, ни въ ловы идуще *или на куплю отходящи*, или отъ князя милости хотяще [950]).

Въ древнюю пору не было такого строгаго разграниченія занятій, какъ впослѣдствіи; по этому и классъ промышленниковъ и купцовъ не былъ слишкомъ обособленнымъ. Часто купцы ходили на враговъ и становились воинами, а иногда и воины пускались въ промышленныя предпріятія. При постоянныхъ препятствіяхъ и опасностяхъ, купецъ необходимо долженъ былъ имѣть воинскую отвагу; да и дѣйствительно, купцы не рѣдко обращались въ разбойниковъ и грабили товары другихъ купцовъ. Духовныя лица тоже занимались въ старое время торговлей и давали деньги въ ростъ. Изъ Руской Правды видно, что и смерды имѣли свои промышленныя занятія и производили торговлю [951]). Торговымъ классомъ людей дорожили въ древнее время: по Руской Правдѣ купецъ ставится наровнѣ съ боярскимъ тіуномъ, мечникомъ и гридью; за голову купца взыскивали виры 12 гривенъ, а за голову простаго человѣка только 5 и 6 гр. [952]). Купцы находились въ почетныхъ посольст-

---

Новоторжскіе, Югорцы, Заморскіе, Низовскіе, Прасолы; въ Москвѣ находились купцы Сурожане и Суконники. Доп. къ А. И. I, № 3. I Новг. 64. 86. 96. 102. П. С. Л. VI, 102. Объ этихъ общинахъ говорится подъ 1342 г.: Новгородцы собрались въ походъ на Нѣмцевъ, «а обчины всѣ попечатавъ». I Новг. 81.

[950]) Изв. Акад. X, 704. Здѣсь можно припомнить, какъ Садко богатый гость

Отрѣзалъ хлѣба великій сукрой,
А и солью насолилъ, его въ Волгу опустилъ:
«А спасибо тебѣ, матушка Волга-рѣка!
А гулялъ я по тебѣ 12 лѣтъ,
Никакой я притки, скорби не видывалъ надъ собой,
И въ добромъ здоровьи отъ тебя отошелъ».
Др. Рос. Стих. 266.

[951]) Купцы ходили на войну. I Новг. 22. 99. IV Новг. 30. Въ поученіи м. Петра замѣчено: «А который игуменъ или попъ, или чернецъ торговалъ преже сего или серебро давали въ рѣзы, а того бы отъ сѣхъ мѣстъ не было, зане же вамъ казненнымъ быти за то отъ Бога». Пам. Стар. Р. Лит. 4, стр. 187. Въ посл. м. Фотія 1416 г. А. Ист. I, № 22. Рус. Прав. II, 80.

[952]) Рус. Пр. 1, 1. 12. 13.

вахъ и участіе ихъ въ переговорахъ о дѣлахъ торговыхъ считалось необходимымъ [653]).

Торговля Русскихъ съ иностранцами на первыхъ порахъ была *нѣмая*, т. е. по незнанію языка, смѣтливые люди объяснялись жестами, или, по выраженію лѣтописи, *помо-вали рукой*. Впослѣдствіи начинали учиться иностраннымъ языкамъ [654]).

Торговля Русскихъ съ другими народами большею частію была мѣновая: на привозимый отечественный товаръ получали предметы иностранной промышленности, напр. на челядь вымѣнивали паволоки въ Греціи, на мѣха доставали восточные товары и западно-европейскіе; сибирскимъ инородцамъ доставляли желѣзныя издѣлія на промѣнъ мѣховъ. Впрочемъ, мѣновая торговля не исключала продажи товаровъ на деньги греческія, арабскія, нѣмецкія [655]).

Рядомъ съ мѣновой торговлей на товары и на наличныя деньги, существовала торговля *въ кредитъ*, хотя при множествѣ не благопріятныхъ обстоятельствъ, въ древнее

---

[653]) Купцовъ посылали какъ опытныхъ людей для переговоровъ; съ другой стороны купцы были у князей свои и они отправляли ихъ съ товарами въ чужія земли, вручали имъ серебряныя печати и грамоты для предъявленія въ другихъ странахъ; отсюда ихъ значеніе какъ государственныхъ агентовъ. Въ 1279 г. Владиміръ послалъ къ Ятвягамъ по Бугу хлѣбъ съ добрыми людьми *кому вѣря*. Ипат. 212. Слѣд. здѣсь хлѣбъ отправленъ былъ княжескій. Можно думать, что въ древнее время, при незначительныхъ капиталахъ частныхъ лицъ, самое торговое движеніе въ другія страны началось отъ князей и ихъ приближенныхъ. Новгородскіе купцы называются *вятшіе*, *старѣйшіе*, *добрые*, *богобоязнивые*. I Новг. 8. 9. 17. 23. 30. 49. 64. 78. 88. 95. 102. 112. Торговцы назывались гостями, гостебниками, гостинниками. I Новг. 33. 63. Рус Пр. II, 51. Сл. гость прилагалось къ купцамъ разъѣзжимъ: гость заморскій, гость низовскій и т. д.

[654]) На нѣмую торговлю намекаетъ разсказъ Гюряты Роговича. Лавр. 107. Иностранцы свидѣтельствуютъ, что даже въ XVI в. производилась нѣмая торговля съ Лапландцами и въ Сибири около Оби. Есть статья въ Сборникахъ XVI в. «О человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточнѣй странѣ»; въ ней описываются сибирскіе народы весьма баснословно, но все-таки сквозь фантастическія выдумки виднѣется правдоподобный разсказъ о нѣмыхъ торговыхъ сношеніяхъ съ ними. Сборникъ Соловец. Библ. № 844, л. 303. Въ проектѣ 1269 г. сказано: «Нѣмцы могутъ не возбранно учить своихъ отроковъ языку русскому». Ист Гос. рос. III, пр. 244.

[655]) Лавр. 22. 131. Ятвяги въ 1279 г. просили Владиміра: «Не помори насъ, пошли къ намъ жито свое продавать, а мы купимъ; чего ли восхочешь—воску ли, бобровъ ли, черныхъ ли кунъ, бѣлки ль, сребра ли, мы рады дами». Ипат. 212. О продажѣ товаровъ Русскими на деньги пишетъ Ибнъ-Фоцланъ. И. Гос. р. I, пр. 364.

время кредитъ не могъ развится значительно. Съ раннихъ поръ между Русскими существовалъ обычай давать вещи *въ поклажу*, на сохраненіе, деньги въ куплю или *въ гостьбу*, т. е. для торговыхъ оборотовъ. При совершеніи купеческихъ сдѣлокъ, при займахъ требовались свидѣтели (послухи); но если заемъ дѣлался у купца и для гостьбы, въ такомъ случаѣ свидѣтели могли и не быть. По Русской Правдѣ правила кредита ограничиваются тѣмъ, что торговецъ, неумышленно потерявшій товаръ, взятый въ кредитъ, не былъ принуждаемъ къ расплатѣ, но могъ расплачиваться съ кредиторомъ постепенно. Если же онъ былъ виноватъ въ растратѣ чужаго имущества *по своему безумію*, то отъ кредитора зависѣло ждать уплаты или продать въ свою пользу остатокъ имущества должника и его самаго обратить въ закупы [656]). Изъ имущества должника прежде всего получалъ князь свой долгъ, потомъ иноземные и иногородніе гости и наконецъ свои заимодавцы дѣлили остатокъ или *прокъ*; лишался своей части тотъ, кто бралъ большіе проценты [657]). Древній обычай брать у князей деньги въ долгъ сохранился и въ XIV в; въ завѣщаніи И. Д. Калиты сказано: «А что мое 100 рубли у Ески, а то раздадять по церквамъ» [658]). Кредитъ между частными лицами тоже существовалъ, но едва ли былъ значительный. Въ духовныхъ завѣщаніяхъ XIV—XV в. перечисляются долги

---

[656]) Рус. Пр. II, 44. 45; III, 45. «Аже который купецъ шедъ кдѣ-любо съ чужими кунами истопиться, любо рать возьметь, любо огнь, то не насилити ему, ни продати его; но какъ начнеть отъ лѣта платити, такоже платить, — занеже пагуба отъ Бога есть. Ожели пропьется, или пробьется, въ безуміи чужъ товаръ испортить, то како любо тѣмъ, чьи то куны — ждуть ли ему, а своя имъ воля, продадятъ ли его, а своя имъ воля». Русс. Пр. II, 50.

[657]) «Аже кто многимъ долженъ будеть, а пришедъ гоcподь изъ иного города или чюжеземецъ, а не вѣдая запустить зань товаръ, а опять начнеть не дати гости кунъ, а первии долже бити начнуть ему заимати, не дадуче ему кунъ: то вести и на торгъ, продати же и отдати же первое гостинни куны, а домашнимъ, что ся останеть кунъ, тѣмъ же ся подѣлять; паки ли будуть княжи куны: то княжи куны первое взяти, а прокъ въ дѣлъ (раздѣлъ); а кто много рѣза (процентовъ) ималъ, не имати тому». Рус. Пр. II, 51.

[658]) Собр. грам. I, № 21. Въ Вислицкомъ статутѣ 1347 г. относительно торговаго кредита постановлено: «Коли жъ который мѣщанинъ, а любо сукна, а любо иніи торговли которому земленину безъ запису повѣрить, а у право съ нимъ пойдеть; тогды имѣеть тотъ мѣщанинъ добрыми людми на него досвѣтчить, а запретцалъ, тогди имѣеть самъ своею рукою отприсячь». А. Зап. Рос. I, № 2, стр. 32

и между прочимъ въ одномъ говорится: «А что куны дѣда моего въ Волчей земли на Телчахъ на погостѣ 40 руб. да 180 гривенъ, а въ тѣхъ кунѣхъ приказываю свою четверть дѣтемъ своимъ чисто. У Данилѣ на Дятелицахъ рубль, у Борисова на Озерцѣхъ рубль, у Михайлѣ Мѣстилина полтина да 5 гривенъ» [659]). Изъ этого видно, что заемъ иногда дѣлали жители цѣлаго погоста, вѣроятно, на общественныя нужды. Монастыри и частныя лица давали въ ссуду деньги большею частью подъ залогъ имѣнія съ условіемъ выкупить его въ извѣстный срокъ [660]).

По взаимному недовѣрію между Русскими и иностранцами, кредитъ не могъ быть проченъ между ними: частыя политическія размолвки, постоянно внушали опасенія утратить данный товаръ въ кредитъ. Общимъ правиломъ постановлено было получать товаръ у своего заимодавца лично, и въ томъ городѣ, гдѣ данъ, а если онъ вздумалъ бы запереться, то вести его къ присягѣ при 12 послухахъ. Иностранному кредитору должно уплатить долгъ прежде своего соотечественника [661]). Но такъ какъ между Нѣмцами и Русскими часто бывали грабежи купцовъ и постоянныя войны, то Нѣмцы много разъ выдавали строгія постановленія съ угрозами, чтобы не давать Русскимъ ни товара въ кре-

---

[659]) Въ завѣщаніи новгородца Астафья торговаго человѣка заказывается взять долгъ «у Оксентейка въ Ясеничахъ полчетверта рубля, у Олферовыхъ 6 р.» А. Юрид. б. I, № 409. I. VI.

[660]) А. Юр. б. I, № 409, VIII. IX.

[661]) Въ смоленскомъ договорѣ 1229 г. опредѣлено: «Аже будеть Русину товарѣ имати въ Немчичи... то ити истьцю къ истьцю и взяти ему та правда, которая въ томъ городѣ, а рубежя не дѣяти... Оже нѣмечкый гость дасть свой товаръ въ долгъ въ Смоленскѣ, а Русинъ будеть доложенъ Руси, ино Нѣмчичю напереди взяти». Собр. грам. II, № 1. Ис. Гос. р. III, пр. 248. Въ проектѣ 1269 г. постановлено: «Новгородецъ будучи должникомъ гостя и другаго Новгородца, обязанъ заплатить прежде гостю; а если не въ состояніи, то лишается свободы, вмѣстѣ съ женою и домочадцами. Заимодавецъ выводитъ его на торгъ, и воленъ увезти изъ Новгорода, если никто невыкупитъ этого должника». Ист. Гос. р. III, пр. 244. Urk. Gesch. H. II, № XI, 40. Но въ договорѣ 1270 г. утверждено относительно жены должника иначе: «Если жена поручится за мужа, то должна вмѣстѣ съ нимъ отвѣчать за долгъ своею личностью, когда не можетъ уплатить. Если же жена не поручилась за мужа, то не отвѣчаетъ и за долгъ его». Urk. Hans. II, 98. Въ договорной грам. в. к. Ярослава съ Нѣмцами (ок. 1199 г.) о кредитѣ выражено такъ: «Оже вдасти скотъ Варягу на Русинѣ, или Русину на Варязѣ, а ся его заприть, то 12 мужь послухы идеть ротѣ, възметь свое». Изв. Акад. VI, стр. 159.

дитъ, ни денегъ взаймы. Такъ въ 1366 г., по случаю враждебныхъ отношеній къ Русскимъ, приморскіе города на совѣтѣ въ Любекѣ сдѣлали предписаніе, что никакой гость не долженъ ни продавать Русскому, ни покупать у него въ кредитъ, но на чистыя деньги или на товары, подъ страхомъ пени въ 50 марокъ серебра [662]). Кредитъ не могъ развиваться между Нѣмцами и Русскими потому, что бывали не рѣдки случаи, когда должники не возвращали взятыхъ товаровъ, не выплачивали за нихъ и деньги. Въ 1400 г. Новгородцы искали 400 рублей, потерянныхъ въ складчинѣ съ ревельскимъ бургомистромъ и компаніей; когда имъ не хотѣли ихъ возвратить, они принуждены были грозить, что возьмутъ эти деньги на нѣмецкихъ купцахъ въ Новгородѣ [663]). Развитію кредита препятствовали частые обманы и подлоги въ товарахъ, какъ со стороны Нѣмцевъ, такъ и со стороны Русскихъ; подделка худыхъ товаровъ подъ хорошіе особенно усилилась въ XIV в. Нѣмцы жаловались, что Русскіе кладутъ фальшивыя клейма на поддѣльный воскъ и продаютъ его за товаръ хорошей доброты; пресѣчь этотъ подлогъ Нѣмцамъ стоило большихъ трудовъ и издержекъ на подарки князьямъ и ихъ приближеннымъ. По приказанію Любека и Готланда 1332 г. поддѣльный воскъ слѣдовало растопить; если же кто осмѣливался провозить его тайно, тотъ подвергался штрафу въ 50 марокъ серебра [664]). Въ

---

[662]) Въ 1318 г. постановлено платить за товары тамъ, гдѣ они куплены, но не въ другомъ городѣ. Urk. G. H. II, 576—583. № CXXV. Въ 1400 г. Ревельскій магистратъ запретилъ вести торговлю съ Русскими на кредитъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Livl. Urk. Бунге, IV, 3, 834, 391. Въ началѣ XIV в. Нѣмцы постановили: «никакой купецъ нѣмецкій не долженъ ничего занимать у русскаго, иначе платитъ въ казну св. Петра 10 марокъ серебра съ каждой занятой сотни»; запрещено также было Нѣмцу имѣть въ компаніи какое-либо имущество, или возить товаръ какъ фрахтъ. Cod. dipl. Lub. I, 703. Urk. Gesch. II, № IX, стр. 27.

[663]) Livl. Urk. IV, 3, 343. Въ началѣ XV в. писали Новгородцы въ Ревель: «что вашъ братъ нѣмчинъ Иванъ Мясо прислалъ грамоту къ своимъ должникамъ, а къ нашей братьи къ Ѳедору и къ Есифу, а хотѣлъ имъ платити и созвалъ братью нашу Новгородцевъ Ив. Кочерина и Матв. Микулина, Макарью, Оксентья, Янка, Григорью, и казалъ имъ у себе товаръ облагану и золото, а тымъ хотѣлъ отлазити братью нашу.... и вы должника нашему брату Есифу не поставили, и должникъ за вами, и товаръ за вами,—не дадите направѣ, и намъ велѣти своей братьи взяти на вашихъ дѣтѣхъ свой товаръ въ Новгородѣ; а то слово не въ измѣну». Рќп. Рум. Муз. № 44.

[664]) Въ 1338 г. опредѣлено было, чтобы одни Ольдерманы имѣли право клей-

1342 г. состоялось много опредѣленій, направленныхъ противъ обмановъ, слишкомъ далеко распространившихся въ торговлѣ мѣхами. Запрещено было покупать поддѣльныя мѣха вездѣ, гдѣ Русскіе продавали ихъ—въ Ригѣ, Дерптѣ, Ревелѣ, Псковѣ, Полоцкѣ и проч. Ольдерманы св. Петра обязаны были приводить къ присягѣ всѣхъ торговцевъ мѣхами, чтобы они соблюдали это постановленіе. Въ томъ же году запрещено было давать съ нѣмецкаго двора Русскимъ сукна или образчики для разсматриванія на дому; п. ч. отъ этого возникало много злоупотребленій и вреда [665]).

Съ своей стороны Новгородцы жаловались, что Нѣмцы привозятъ къ нимъ не доброкачественныя и поддѣльныя сукна и полотна; вина, медъ, пиво доставляютъ худаго качества и въ малыхъ бочкахъ, соль плохую и въ малыхъ мѣшкахъ [666]). Кромѣ того, кредитъ нарушали часто должники

мить печатью св. Петра воскъ, признанный за хорошій *браковщиками* (Waschfinder), которые находились всегда во дворѣ св. Петра. Въ 1342 г. запрещено было давать подарки (possul) вѣсовщикамъ воска. Ж. М. Н. Пр. 1838 г. ч. 17, стр. 589—590. Въ 1414 г. жаловался купецъ изъ Брюгге, что Новгородецъ продалъ ему воскъ и наложилъ туда кирпичей для увеличенія вѣса. Livl. Urk. V, 1. Примѣсь сала или смолы къ воску называлась *подсадой*. Гр. кас. снош. съ ганз. гор. № 7.

[665]) Urk. G. Hans. II, стр. 271. 280. Ж. М. Н. Пр. 1838 г. ч. 17, стр. 590. О мѣхахъ худаго качества и попорченныхъ сдѣланы еще постановленія въ 1375 и 1376 годахъ. Livl. Urk. III, 4, 298. 311. Изъ-за вѣса также бывало много неудовольствій, такъ что нужно было дѣлать особыя условія въ договорахъ. Мухан. Сбор. стр. 21. 41. 50. Sartor. Urkund. 40. 121. 124. 274. п. 4. Дѣло доходило, наприм., до такихъ тонкостей: какъ станутъ вѣсить воскъ на скалвахъ, сказано въ договорѣ Полоцка съ Ригой ок. 1330 г., «а языкъ пускати на товаръ; а коли товаръ на стану станетъ, отступи прочь, а рукою не приимай; а вѣсцѣви крестъ цѣловати, какъ ему право вѣсити, какой товаръ ни будетъ». Грам. кас. снош. съ Риг. № 7.

[666]) Въ 1327 г., по поводу этихъ жалобъ, нѣмецкіе купцы въ Новгородѣ постановили возить туда сукна только Диксмундскія, Ипрскія и Лангемарскія, избѣгать поддѣланныхъ подъ эти сукна; запрещено было также привозить капеляки, приготовленные не въ Ахенѣ или въ Кельнѣ. Ввозившій запрещенныя сукна подвергался конфискованію всего привезеннаго сукна и штрафу въ 10 марокъ серебра. Въ 1348 году постановлено не привозить въ Россію суконъ, на которыхъ не было свинцовыхъ печатей; въ 1354 г. запрещено покупать во Фландріи и привозить въ Россію сукна, недозволенныя продавать въ суконныхъ рядахъ въ Брюгге, особенно Оберлейгскія, Девентерскія и поддѣланныя подъ Коминскія и Верверскія. Въ 1352 г. запрещено было привозить изъ Брюгге сукна рѣзаныя для мелочной продажи, исключая Англійскихъ; п. ч. Русскіе жаловались на неномѣрную короткость суконъ и разноцвѣтность однихъ и тѣхъ же кусковъ. Ж. М. Н. Пр. 1838 г. ч. 17, стр. 289—290. Livl. Urk. IV, 4. 378. V, 1. 35. 99. Ок. 1330 г. Русскіе жалова-

и поручители за нихъ, убѣгая въ другія области; по этому въ договорахъ, какъ русскихъ областей между собою, такъ и въ договорахъ съ иностранцами входило непремѣнное условіе: «За поручника, за должника не стояти, но выдати ихъ по исправѣ» [667]).

Существованіе кредита въ древней Руси связано было съ установившимся обычаемъ—брать *проценты* съ денегъ и вещей, ссужаемыхъ въ долгъ. Проценты назывались въ древнее время *рѣзами*, *рѣзоиманіемъ* [668]). Въ Русской Правдѣ, приписываемой Ярославу (1019 г.), находятся уже опредѣленныя правила относительно ссуды имущества изъ процентовъ; но эти правила прежде, чѣмъ попали въ законодательство, безъ сомнѣнія, давно выработаны были потребностями жизни и съ не запамятныхъ временъ существовали, какъ установившійся обычай.

Въ первоначальномъ спискѣ Русской Правды находится три статьи о процентахъ: 1). договоръ объ-отдачѣ имущества изъ приращенія или деньги изъ процентовъ должны были совершаться при свидѣтеляхъ; 2) не поставившій послуховъ, котрые бы были при условіи должника и заимодавца, не имѣлъ права искать въ случаѣ отказа, если долгъ превышалъ 3 гривны; 3) если свидѣтели, спрошенные подъ присягой, показывали въ пользу истца, то онъ взыскивалъ свои куны по условію, «како ся будеть радилъ» [669]). Изъ

лись, что имъ привозятъ плохія полотна; такими нашелъ ихъ и Ольдерманъ нѣмецкаго двора. Въ 1327 г. запрещено привозить въ Новгородъ поддѣльныя полотна. Livl. Urk. I, H. 8. 768. Urk. G. II, № CVI, 222. Livl. Urk. IV, 4. 391 — 410.

[667]) Собр. грам. I, №№ 5. 6. 7. 16. 17. А. Эксп. I, № 14. Не состоятельний должникъ изъ купцовъ или банкротъ назывался *плоемъ*. Изсл. о Рус. Пр. Калачова, во введеніи стр. III. Въ грам. полоцкой 1264 г. сказано: «Поручники и должники и холопы выдати». Грам. кас. снош. съ Ригой и ганз. гор. № 2. Тоже въ грам. 1323 г. Antiqu. Rus. II, стр. 491.

[668]) Рѣзы, рѣзоимство иначе назывались *расты*, *лихва*, *взвитіе*—τοκος, usura. Пам. XII в 90. 174. Никон. II, 361. Рус Дост. I, 111. Слова *растоимець*, *прирѣзоимець* встрѣчаются уже въ Изборникѣ 1073 г. *Рѣзъ* и *рѣзана* одного корня.

[669]) »Аже кто даеть куны въ рѣзъ, или наставъ въ медъ, или жито во присопъ, то *послухи* ему ставити: како ся будеть рядилъ, такоже ему имати... А *мѣсячный рѣзъ*, оже за мало дній, то имати ему; заидуть ли ся куны *до того же году*, то дадять ему куны *въ треть*, а мѣсячный рѣзъ погренути; послуховъ ли не будеть, а будеть кунъ 3 гривны, то ити ему про своѣ куны ротѣ; будеть ли боле кунъ, то речи ему тако—промиловался еси, оже еси не ставилъ

этихъ же статей видно, что рѣзъ былъ трехъ родовъ: *мѣсячный* позволялось брать *за мало дній*, т. е. когда деньги даны на короткій срокъ; это ограниченіе показываетъ, что мѣсячный рѣзъ считался самымъ тяжелымъ; *третной* рѣзъ допускался, когда капиталъ находился въ ссудѣ съ годъ; въ такомъ случаѣ мѣсячные проценты уничтожались; *годовой* рѣзъ былъ менѣе третнаго и брался, когда отданы были деньги взаймы на нѣсколько лѣтъ. Но какъ велики были эти проценты, изъ древнихъ постановленій не видно.

Въ Кіевѣ въ началѣ XII в., при корыстолюбивомъ Святополкѣ, который продавалъ по высокой цѣнѣ отъ себя хлѣбъ и соль, не сообразжались съ древними постановленіями о процентахъ. Евреямъ предоставлена была свобода, и они опутывали долгами народъ, дѣйствуя за одно съ властями, наживающимися отъ нихъ. По этому тотчасъ по смерти Святополка (1113 г.), »Кіяне разграбиша дворъ Путяты тысячьского, идоша на Жиды и разграбиша я» [670]). Вслѣдствіе этого, первымъ дѣломъ Владиміра Мономаха, по вступленіи на кіевскій престолъ, было—ограничить произвольные росты. Онъ созвалъ на Берестовомъ своихъ приближенныхъ и всѣ вмѣстѣ »уставили до третьяго рѣза, оже емлеть въ треть куны; аже кто возьметъ *два рѣза*, то то ему взяти *исто*; паки ли возьметь *три рѣзы*, то иста ему не взяти. Аже кто емлеть *по 10 кунъ отъ лѣта* на гривну, то того

послуховъ... Аже кто взыщеть кунъ на друзѣ, а онъ ся начнеть запирати, то оже нань выведеть послуси, то ти поидуть на роту, а онъ возметь своѣ куны; занеже не далъ ему кунъ за много лѣтъ, то платити ему за обиду 3 гривны. Рус. Пр. II, 43. 46. 47; III, 47. 48.

[670]) Ипат. 4. Татищевъ объясняетъ грабежъ и убійство Жидовъ тѣмъ, что сіи многія обиды и въ торгахъ христіанамъ вредъ чинили. «Пріялъ Владиміръ престолъ съ удовольствіемъ всего народа; мятежъ же преста, однакожъ просили его всенародно о управѣ на Жидовъ, что отняли всѣ промыслы христіанамъ, а при Святополкѣ имѣли великую свободу и власть, чрезъ что многіе купцы и ремесленники раззорились». Ист. Рос. II, 212. 213. Карамзинъ не вѣрилъ этому разсказу Татищева, не вѣрилъ, что Мономахъ выгналъ Жидовъ изъ Кіева, п. ч. въ лѣтописи отмѣчено подъ 1224 г., что погорѣли Жиды въ Кіевѣ. Ист. Гос. р. II. пр. 214 Но съ тѣхъ поръ прошло 110 лѣтъ и обстоятельства могли перемѣниться: Евреевъ выгоняли и изъ Литвы, но опять призвали. Не въ одномъ Кіевѣ Евреи забирали въ руки промыслы, а во всемъ юго-западномъ краѣ Руси: въ грамотѣ 1420—1423 г. сказано: «Превратность жидовская на то идеть, какъ бы христіанство убожело». А. Запад. Рос. I, № 27. Вообще разсказъ Татищева объ-этомъ нужно принять за несомнѣнный.

не отмѣтати» [671]). Этимъ правиломъ Мономаха объясняются и древнія постановленія о процентахъ.

Одинъ рѣзъ законный равнялся 10 кунамъ, это составитъ 20 *процентовъ*, полагая въ гривнѣ 50 кунъ. *Два рѣза* дозволено было брать въ треть (за мало дній); два рѣза, конечно, были вдвое больше одного, что составитъ 20 кунъ на гривну, или 40 процентовъ въ треть [672]). *Три рѣза* или 60 процентовъ въ годъ, если куны взяты были на треть, считались уже не законными, лихвою; по этому законодательство предписываетъ не возвращать такому рѣзоимцу самаго капитала, даннаго въ ссуду изъ процентовъ. Точно также кредиторъ, который «много рѣза ималъ», не имѣлъ права получить свой долгъ изъ проданныхъ остатковъ имущества должника, если тотъ оказывался не состоятельнымъ [673]).

Что проценты въ древней Руси стояли не ниже 20 на сто и расчетъ нашъ, выведенный на основаніи словъ Русской Правды, вѣренъ,—на это есть другія доказательства: Въ одномъ древнемъ поученіи, которое относятъ къ XIII—XIV в., о процентахъ замѣчено: «Резоиманія останися, неимущимъ нуже будетъ люта. Давайте убо възаимъ, но не отягчайте лихвою, *по шти рѣзанъ за гривну* емлѣте, да

---

[671]) Рус. Пр. II, 48. 49. Слово: *исто* означаетъ самый капиталъ, данный взаймы; это видно изъ того мѣста Русской Правды, въ которомъ говорится объ-опекѣ надъ малолѣтними дѣтьми: опекуну »товаръ дати предъ людьми, а что *срѣзитъ* товаромъ тѣмъ, то то ему собѣ, а *истый* товаръ воротити имъ». II, 39.

[672]). По расчетамъ Карамзина и Лешкова, 20 процентовъ были обыкновенны въ древней Руси; законъ позволялъ брать и 40 на сто. Ист. Гос. р. II, пр. 97. 216. Рус. Нар. и Госуд. стр. 400. Неволинъ замѣчаетъ, что по Русской Правдѣ допускалось брать 40% и не запрещалось еще высшаго роста. Ист. Гражд. Зак. С. П. Б. 1851 г. т. III, стр. 125. Послѣ Ярослава гривна содержала 59 кунъ. Зап. Арх. общ. т. III, 707—708. Вообще въ среднія вѣка во всей Европѣ проценты стояли очень высоко: во Флоренціи напрм., само правительство платило богатымъ гражданамъ, ссужавшимъ его деньгами, по 25 на сто. Общ. и Част. жизнь въ средн. вѣка. Гюльмана. 1839 г. С. П. Б. стр. 91. 94. Чибраріо въ своей Политической экономіи среднихъ вѣковъ пишетъ, что тогда проценты простирались до 30 и даже до 40 на сто: »Comme il n'y avait presque personne qui eût un plein droit de propriété, les contrats étaient rares, et pour les prêts d'argent on exigeait un intérêt du 10, et jusque du 30 et 40 pour cent.» Econ. polit. du moyen age. Paris. 1859. T. II, p. 122.

[673]) Рус. Прав. II, 51. Десять кунъ на гривну составляютъ 20, а 30 кунъ—60% по тому расчету, что кіевская гривна, образовавшаяся послѣ времени Ярослава, и смоленская XIII в., содержали въ себѣ 50 кунъ. Зап. Арх. общ. 1865 г. т. XII, в. 2, стр. 707—708.

не будете осужени рѣзоимства дѣля. Рѣзоимство бо идолослужителю подобно, иже емлетъ много» [674]). Здѣсь разумѣется гривна кунъ, въ которой находилось 50 рѣзанъ; пастырь церкви не считаетъ грѣховнымъ и тяжелымъ брать *12 процентовъ*; слѣдовательно обыкновенно брали до XV вѣка не меньше 20 на сто. Тоже подтверждаетъ другое древнее извѣстіе о процентахъ; въ Сборникѣ духовной Академіи читаемъ: «Въ лихву *3 куны на гривну или по седми рѣзанъ*, (то дайте); аще ли болѣ, того не повелѣваемъ» [675]). Тутъ уже дозволяется брать *14 процентовъ*, хотя самый легкій рѣзъ опредѣленъ *въ 10 процентовъ*, или въ 3 куны [676]). Совершенно тотъ же совѣтъ—брать не болѣе 10—14 процентовъ—даетъ новгородскій владыка Нифонтъ (до 1156 г.); въ отвѣтъ на вопросы Кирика, онъ говоритъ: «если попъ не перестанетъ давать въ ростъ, скажи, что ему не достойно служить; а если мірянинъ, то скажи: ты не долженъ брать роста. Если же не могутъ оставить того, то скажи: будьте милосерды, возьмите легкій ростъ; если дано 5 кунъ, возьми 3 или 4» [677]). Изъ этихъ словъ видно, что ходячій процентъ въ половинѣ XII вѣка состоялъ изъ 5 кунъ на гривну, т. е. близокъ былъ къ 17 или 20 на сто. Точно такой же процентъ существовалъ въ XV и XVI вѣкахъ: «какъ въ людяхъ идетъ, *на пять шестой*» [678]).

---

[674]) Поученіе это находится въ Измарагдѣ 1509 г., но составъ его относится, по крайней мѣрѣ, къ XIV в., п. ч. въ немъ упоминаются слова, которыя существовали до XV в. Правосл. Соб. 1858 г., кн. 1.

[675]) Изв. Акад. VI, стр. 238.

[676]) Въ новгородской гривнѣ XII—XIV в. содержалось 30 кунъ. Записки Археол. общ. т. XII, вып. 2, стр. 513 620. Слѣдов. 3 куны на гривну составятъ 10 процентовъ.

[677]) Пам. XII в. 90. 91. По словамъ того же Нифонта, новгородская гривна въ половинѣ XII в. равнялась 30 кунамъ; онъ говоритъ: «сорокоустье на гривну пятью служити, а на шесть кунъ одиною». Такимъ образомъ самый легкій рѣзъ опредѣляется духовенствомъ въ 10, maximum—въ 13⅓, а ходячій былъ въ 16⅔ и болѣе процентовъ.

[678]) А. Юрид. №№ 243. 244. 245. Въ сказаніи о Щиловѣ монастырѣ повѣствуется: «Бѣ нѣкій посадникъ, именемъ Щилъ, имѣя у себе сына единаго, бѣ бо богатъ зѣло, и многимъ даяше сребро свое въ лихву: взимаше на годъ по деньгѣ, *на новгородскій рубль новгородскую деньгу*, и оттого собра много.... Щилъ отъ страха и ужаса паче къ ногамъ святителя, и глагола: согрѣшихъ, отче, прости мя; мнози же людіе прихождаху ко мнѣ, взимаху сребро и даяхъ имъ въ лихву, *на 14 гривенъ и на 4 деньги, на годъ по деньгѣ*». Пам. стар.

Въ древней Руси не однѣ деньги пускали въ оборотъ: богатство особенно низшихъ классовъ народа состояло почти исключительно изъ естественныхъ произведеній страны— хлѣба, меда, мѣховъ и скота; по этому ихъ отдавали тоже изъ приращенія: *наставъ въ медъ*, *жито въ присопъ*, *скотъ въ приплодъ*. Количество роста на хлѣбъ древней Руси можно опредѣлить приблизительно по обычаю, существовавшему въ XVI вѣкѣ; въ грамотѣ 1549 г. высказано условіе при отдачѣ хлѣба: А ростъ намъ давати *на четыре пятое зерно* [679]). Это соотвѣтствовало ходячему денежному росту, т. е. съ хлѣба брали также 20 процентовъ.

Когда дѣлался заемъ подъ залогъ недвижимаго имущества, то было въ обычаѣ — отдавать въ пользованіе заложенныя угодья вмѣсто процентовъ. Въ 1483 г. Негодяевы заложили на р. Шекснѣ наволокъ Шубацкой, «а 4 стожья за ростъ косити» [680]).

Какъ во всѣхъ неразвитыхъ обществахъ, по недостатку свободныхъ капиталовъ, отсутствію кредита и безопасности имущества отъ застоя промышленности, проценты бываютъ очень высоки; такъ точно было и въ древней Руси. За высокіе проценты духовенство грозило ростовщикамъ вѣчнымъ мученіемъ, хотя въ Россіи духовенство смотрѣло на этотъ предметъ не такъ не терпимо, какъ въ западной Европѣ. Тамъ папа торжественно запрещалъ росты и на соборѣ во Флоренціи 1311 г. защита процентовъ объявлена была еретичествомъ; но русское духовенство преслѣдовало только не помѣрные росты, допуская не высокіе. Видя, какъ страдалъ бѣдный классъ народа отъ излишнихъ ростовъ и обра-

литер. вып. I, стр. 22. 28. Въ жалованной грамотѣ Жидамъ 1388 г. о процентахъ замѣчено: «Очистившеся хрестьянинъ маетъ половину лихвы платити, которая бы ему до того часу примножила.... Тежъ естли бы отъ жида хрестьянинъ заставу свою вызволилъ такъ, какъ бы ему лихвы не заплатилъ, а тыхъ то лихвъ естли бы черезъ мѣсяцъ на далъ и къ нимъ примножають другіе лихвы». А. Зап. Рос. I, № 9.

[679]) А. Юрид. I, № 239. Обычай этотъ ведетъ свое начало издревле: въ Русской Правдѣ, приписываемой Ярославу, уже поставлены условія для него. Рус. Прав. II, 46. «А давати мнѣ въ домъ Николы Чудотворцу изъ приросту треть за сѣмены». А. Юрид. № 246. Такъ было до 1571 г.

[680]) А. Юрид. б. I, № 233. Въ 1449 г. старцы Троицко-Сергіева монастыря взяли соляную варницу у Соли Галицкой «на три годы за росты» А. Юрид. б. I, № 31, XI. Въ 1559 г. заложено было село съ деревнями и дано за ростъ пахати и крестьяны владѣти и лѣсъ сѣчи и луга косити». Тамъ же № 241.

щался сначала въ закупа, потомъ въ обѣльнаго холопа,— духовенство рѣзко вооружалось противъ ростовщиковъ, убѣждало ихъ быть милостивыми. Такъ м. Никифоръ въ поученіи своемъ говоритъ: «Аще то не мощно, поне да великій рѣзъ остави, еже якоже змія изъядають окаяннія убогія. Аще ли постишися, емлюще рѣзъ на братѣ, ни коея же ти пользы бысть; постя бо ся мниши себѣ, а мясо ядый— не мяса овчая, ни инѣхъ скотъ, ихъ же ти повелѣно, но плоть братню; рѣжа бо жилы и закалая его злымъ ножемъ лихоиманіемъ не праведныя мзды тяжкаго рѣза»[681]. Еще тягостнѣе наступило время для бѣднаго народа послѣ татарскаго нашествія. У насъ обыкновенно легко смотрятъ на это явленіе исторической жизни, будто оно не имѣло значительнаго вліянія на теченіе дѣлъ нашихъ предковъ. Слѣдуетъ смотрѣть совершенно иначе, особенно со стороны экономической. Раззоривъ и опустошивъ большую часть страны, Татары остановили надолго развитіе промышленности, лишили страну множества рабочихъ рукъ, вырѣзавъ значительную часть здороваго производительнаго населенія. Многіе, оставшіеся члены общества, принуждены были бросать свой экономическій нарядъ и переселяться на другія мѣста и снова обзаводиться хозяйствомъ. Пошатнувъ и безъ того не надежный кредитъ, это болѣзненное явленіе общественной жизни возвысило проценты. При скудости народонаселенія, требовались значительные сборы; чтобы найти средства выплатить ихъ, народъ прибѣгалъ къ займамъ, давалъ значительные росты и, не имѣя средствъ развязаться съ ними, поступалъ въ рабство. Лѣтописецъ горько жалуется подъ 1362 г.: «окупахуть оканьніи бесурмене дани, пишетъ онъ, и оттого велику пагубу людемъ творяхуть, работяще рѣзы, и многы души крестьянскыя раздно ведоша»[682]. Какъ ни вооружались пастыри церкви въ это тяжелое вре-

[681]) Ист. Рус. Цер. пр. Макарія III, пр. 283. Во многихъ древнихъ поученіяхъ находятся мѣста, направленныя противъ рѣзоимства; это ясно свидѣтельствуетъ, что проценты въ старое время были очень велики. Лука Жидята и Θеодосій печерскій писали противъ лихвы и прикладовъ; въ словѣ о небесныхъ силахъ осьмымъ мытарствомъ поставлено рѣзоиманіе и мздоиманіе. Ист. Рус. Ц. I, стр. 263. Уч. Зап. Акад. Н. кн. II, в. 2.

[682]) Лавр. 204. Въ Ник. лѣт. прибавлено: «и въ ростехъ мнози души разведени быша», т. е. въ рабство по другимъ землямъ. III, 41. IV Новг. 39.

ия противъ *кроваваго ръзоимства*, процентъ, какъ результатъ движенія народной экономіи, держался на прежней высотѣ [683]). Возгласы духовенства противъ роста и лихвы раздавались съ прежней силой и въ XIV в., когда даже игумены и попы соблазнялись легкой наживой и отдавали сребро свое въ рѣзы [684]).

Такимъ образомъ характеръ передаточной промышленности древней Руси въ главныхъ чертахъ былъ одинаковъ съ характеромъ средневѣковой промышленности европейскихъ государствъ: отличительнымъ признакомъ торговыхъ людей служило съ одной стороны — религіозное настроеніе духа, съ другой—удаль и борьба съ многочисленными затрудненіями и препятствіями. Кредитъ въ средніе вѣка не былъ проченъ и развитъ; проценты стояли очень высоко.

4) Торговыя пошлины.

Съ самыхъ древнихъ поръ, сбытъ товаровъ на Руси сопровождался сборомъ заставныхъ и торговыхъ или таможенныхъ пошлинъ, и первоначальная пошлина носила названіе *мыта*. Слово *мыто* означало мѣсто, гдѣ останавливались возы и лодки; впослѣдствіи оно получило значеніе пошлины, собираемой съ проѣзжающихъ торговыхъ людей и останавливающихся для сбыта товаровъ [685]). Св. Владиміръ да-

---

[683]) Послѣ нашествія Татаръ, съ особенной силой возставалъ противъ рѣзоимства преп. Серапіонъ и м. Кириллъ 1274 г. Приб. къ Твор. св. Отц. 1843 г. кн. 1. Поѣздка въ Кир.-Бѣлоз. м. 1850 г. П, стр. 37. Рус. Дост. I, стр. 111. Къ этому же времени, вѣроятно, относится составленіе сказанія о посадникѣ Щилѣ, который провалился сквозь землю живой за взиманіе роста, такъ что не помогли ему и добрыя дѣла, какія онъ совершалъ на неправедно—нажитыя деньги. Сказаніе это въ высшей степени характеристично.

[684]) Въ Сборникѣ поученій гр. Мусина-Пушкина (до 1350 г.) проповѣдникъ убѣждаетъ: «отверзися кунъ даяти въ лихву, рекше въ накладъ, а Бога ради дай; яже еси ималъ преже сего въ лихву, или иною коею неправьдою или клеветою, или мьздою неправедною, или грабленіемъ, или ротою, или поклепомъ, или запрѣньемъ чюжаго имѣнья, — ино всякое неправедное иманіе отмещи отъ себе» и проч. Тоже въ Паисіевс. сборн. до XV в. Изв. Акад. X, стр. 215. 700. См. также Ж. М. Н. Пр. 1854 г. Дек. стр. 189. Памят. стар. литер. 4. стр. 187.

[685]) Лавр. 13, *Мыто*—τέλος, древненѣмец. muta, новонѣмец. mauth—таможня. Слова: мытарь, мытникъ, мытница мытоимство—употреблялись въ памятникахъ XI — XII в. Въ грам. 1471 г. сл. *мытъ* употреблено и для означенія мѣста,

валъ десятину духовенству по всей земли «*и съ торгу десятую недѣлю* и изъ домовъ на всяко лѣто отъ всякаго стада и отъ всякаго жита» [686]). Сборъ здѣсь разумѣется съ продаваемыхъ и покупаемыхъ товаровъ частныхъ лицъ на торгу или на базарѣ. Въ Русской Правдѣ, приписываемой Ярославу (1019 г.), постановлено: «Паки ли что будетъ татебное купилъ въ торгу, или конь или портъ, или скотину, то выведетъ свободна мужа два или мытника... А изъ своего города въ чюжю землю свода нѣтуть; но такоже вывести ему послухи, либо *мытника*, передъ кимъ же купивше» [687]). Изъ этого постановленія видно, что сборщики торговыхъ пошлинъ находились на каждомъ рынкѣ и могли быть всегдашними свидѣтелями купли и продажи; на нихъ можно было сослаться въ подтвержденіе дѣйствительности покупки лошадей, скота и платья, слѣд. съ этихъ предметовъ они собирали мыто.

Мыто собиралось не на однихъ рынкахъ: въ 1159 г. «Володимеръ прійде къ Бѣлугороду къ мостьку вборзѣ: въ тоже время Борисъ пьяшеть въ Бѣлѣгородѣ... да чебы не мытникъ устерегль и моста не переметалъ, то яли быша». Значитъ, мытники находились по проѣзжимъ дорогамъ и особенно на мостахъ и переправахъ чрезъ рѣки [688]). Мытъ собирали съ воза или судна, нагруженнаго товаромъ, который везли на продажу; его брали также съ верховыхъ людей, въ предупрежденіе уклоненія отъ этого сбора;» а съ пѣшехода мыта нѣтъ». Мытъ налагали только на торговыхъ людей; «а поѣдетъ безъ торговли, ино съ того мыта

гдѣ собирали пошлины въ смыслѣ таможни и для названія самой пошлины. Доп. къ А. И. I, № 204.

[686]) Доп. къ А. И. I, № 1.

[687]) Рус. Прав. II, 32. 35; III, 33. 36. Въ Польшѣ въ средніе вѣка духовенству дано было право на оборъ десятой части съ хлѣбнаго посѣва, съ огородовъ, пчеловодства, скотоводства, ловлей птицъ, звѣрей и рыбъ, перевозовъ, торговыхъ и судныхъ пошлинъ. Опис. Кіевск. соб. и кіевс. іер. приб. 1. Точно также десятина духовенства русскаго собиралась со всѣхъ промышленныхъ статей и торговыхъ пошлинъ. Въ 1158 г. Андрей Боголюбскій далъ церкви Богородицы «десятины въ стадѣхъ своихъ и *торгъ десятый*». Ипат. 81. 82. Лавр. 88. Доп. къ А. И. I, № 4.

[688]) Ипат. 56. Мытники на проѣзжихъ дорогахъ стояли у заставъ или *у затвора*. А. Эксп. I, № 14. стр. 10. Поэтому въ ханскихъ ярлыкахъ они называются *заставщиками*. Собр. грам. II, № 11. № 12. Мыта находились на рѣкахъ большихъ и малыхъ. А. Эксп. I, стр. 454.

мѣтъ и пошлинъ» [689]). **Мыта находились по городамъ какъ югозападной Руси, такъ и сѣверовосточной** [690]); **встрѣчаются также мыта по волостямъ, селамъ и слободамъ** [691]). **Сборъ мыта главнымъ образомъ шелъ въ пользу областныхъ князей; впрочемъ, право ихъ учреждать мыты по произволу было постоянно ограничиваемо договорами, какъ съ великими князьями, такъ и съ другими областями. Въ договорныхъ грамотахъ обыкновенно ставится условіе: «А мыты ны держати давныи пошлыи, а новыхъ мытовъ не замышляти»** [692]). **Иногда сборъ мыта князья дѣлили по частямъ, а также мыто давалось отдѣльно отъ поземельнаго владѣнія** [693]). **Мыто дарили въ видѣ пожалованья духовенству и боярамъ, какъ вмѣстѣ съ волостями, такъ и отдѣльно отъ нихъ, и частные владѣльцы собирали его въ свою поль-**

---

[689]) Собр. грам. I, стр. 1 — 2. А. Эксп. I, стр. 10. Собр. грам. I, № № 32. 76. 77.

[690]) Мыта упоминаются въ городахъ—Лучинѣ, смол. обл. 1150 г. Доп. къ А. И. I, № 4; Бѣлгородѣ, кіевс. обл. 1159 г. Ипат. 56. Въ XIV в. въ Литовскихъ городахъ. А. Запад. Р. I, № 9. № 21. Въ Рязани, тверской землѣ и суздальской. А. Ист. I, № 2. Собр. грам. I, № № 1. 9. 18. 28. 32. На Ярославлѣ, Костромѣ, Москвѣ и московской области: въ Коломнѣ, Можайскѣ, Рузѣ, Угожи, Вышгородѣ, Истерьи, Звенигородѣ, Серпуховѣ, Борисовскѣ, Перемышлѣ, Лужѣ, Городцѣ на Волгѣ. Доп. къ А. И. I, № 8. А. Эксп. I, № 13. Собр. грам. № № 25. 26. 27. 34. 40. Въ бѣлозерской обл. А. Ист. I, № 16. — По новгородской обл. едва ли мытъ собирали; по крайней мѣрѣ, въ памятникахъ тамъ не упоминается объ этой пошлинѣ; напротавъ можно находить подтвержденіе, что мыта не было; въ договорѣ Новгорода съ Ярославомъ замѣчено: «А свободъ ти и мытъ по новгородской волости не ставити». Собр. грам. I, № 3. Въ договорѣ съ Борисомъ Александровичемъ тверскимъ 1426 г. въ городахъ новгородской обл. Русѣ и Торжкѣ упомянута только пошлина — *гостиное*, а въ Твери гостиное и мытъ. Собр. грам. I, № 18. I Псковс. 288.

[691]) Въ 1288 г. было съ мытомъ село Городѣлъ волынс. обл. Ипат. 215. Въ завѣщаніи Д. И. Донскаго упоминаются селы съ мыты, слобода Дмитріевская съ мытомъ. Собр. грам. I, № 21. № 30. — Г. Осокинъ думаетъ, что мыта прежде учреждали только по городамъ, но со времени Татаръ появились они по селамъ и деревнямъ. Внутр. тамож. пошл. въ Россіи. Казань. 1850 г. стр. 80. 82.

[692]) Собр. грам. № № 18. 28. 32. 36. 65. 76. «Мыты которые въ которомъ уѣздѣ, то того» князя. Тамъ же. № 21. «Всякій мытъ долженствовалъ быть утвержденъ правительствомъ». Ист. финанс. учрежд. Рос. Гр. Д. Толстаго, 1848 г. стр. 97.

[693]) Въ завѣщаніи в. к. Ивана Иван. 1357 — 1359 г. отказано князю Владиміру въ мытѣхъ треть. Собр. грам. I, № 25. Князья предоставляли иногда мыто княгинямъ въ городахъ, которые отказывали въ собственность сыновей. Собр. грам. I, № 40, стр. 76.

зу [694]). Впрочемъ, пошлины вообще определяемы были даже въ митрополичьихъ имѣніяхъ властью свѣтскою [695]).

Мытъ брали деньгами; количество его было различно, смотря по свойству экипажа, въ которомъ везли товары; въ договорѣ Новгорода съ тверскимъ кн. Ярославомъ 1265 г. опредѣлено: «А что, княже, мытъ по твоей земли, и по иной волости и по всей суздальской земли, а то, княже, имати по 2 векши отъ лодьи, и отъ воза, и отъ льну и отъ хмѣльна короба» [696]). При сборѣ мыта не обращалось вниманія на качество и цѣнность товара, а только на величину судовъ; въ этомъ отношеніи въ XIV в. правиломъ было—собирать «съ лодьи съ доски по алтыну, а съ струга съ набои два алтына, а безъ набои деньга» [697]).

Кто уклонялся отъ платежа мытной пошлины, тотъ обязанъ былъ заплатить штрафъ или *промытъ:* «а кто промытится, ино съ воза промыты по штидесятъ, а заповѣди шестьдесятъ одина, колко бы возовъ ни было; а промыта то, гдѣ объѣдетъ мытъ; а проѣдетъ мытъ, мытника у затвора не будетъ, мыта и промыты нѣтъ; а сгонитъ его мытникъ, инъ возьметъ свой мытъ, а промыты и заповѣди нѣтъ». Промытъ—шестьдесятъ равнялся шести алтынамъ или 36 деньгамъ XV в. [698]).

---

[694]) Ок. 1350 г. дано церкви Богородицы рязанское мыто. А. Ист. I, № 2. Волости жаловали въ кормленье съ мытами и со всѣми пошлинами. А. Юрид. стр. 177. Въ XIV в. былъ цѣлый классъ *путныхъ бояръ*, которымъ давались земли съ правомъ собирать на путяхъ или дорогахъ пошлины. Собр. грам. I, № 33. Ист. Гос. р. V, пр. 115. I Новг. 77. О достовѣр. ханс. ярл. Григорьева, стр. 78. 79. 114. 116. 117.

[695]) Уставн. грам. Вас. Дим. и м. Кипріана 1404 г. А. Эксп. I, № 9.

[696]) Собр. грам. I, №№ 1. 2. 3. 6. 8. 9. 10. 15. 20. Это количество мыта впослѣдствіи переведено было на другой счетъ: «а мыта съ воза по дензѣ». Тамъ же № 32 и № 76; «а на старыхъ ти мытѣхъ имати съ воза по мортки объушной». А. Эксп. I, № 14, стр. 10. Съ Двинянъ въ 1398 г. положено на Устюгѣ съ воза 2 бѣлки, а на Вологдѣ — по бѣлкѣ. А. Эксп. I, № 13.

[697]) Собр. грам. I, № 32 и № 48, стр. 67. 99. Впрочемъ, это правило не было постоянно-неизмѣннымъ въ XIV в.; въ договорѣ Василія Димитр. съ Владиміромъ Андр. ок. 1398 г. сказано: «А съ лодіи пошлинъ съ доски 2 алтына всѣхъ пошлинъ, а съ струга алтынъ всѣхъ пошлинъ». А. Эксп. I, № 14. Собр. грам. I, № 77. Съ Двинянъ въ 1398 г. положено, вмѣсто денегъ, брать товаромъ — съ лодьи 2 пуза соли. А. Эксп. I, № 13.

[698]) Грам. ок. 1398 г. А. Эксп. №14. Собр. грам. II, 54. Сборн. Мухан. 94. Пошлина, извѣстная подъ именемъ *шестидесятъ*, упоминается еще въ грам. князей рязанскихъ, которые дали Ольгову монастырю 5 погостовъ съ винами и *съ шестьюдесятъ* А. Ист. I, №2. Какъ великъ этотъ штрафъ, объясняется договорной грамотой

Съ приставаемыхъ къ берегу судовъ брали пошлину, отличную отъ мыта называемую *побережнымъ*. Сборщики этой пошлины или *побережники* упоминаются въ ханскихъ ярлыкахъ и ранѣе XIII в. нѣтъ указанія, чтобы существовало на Руси побережное. По нѣкоторымъ даннымъ можно заключить, что побрежное собиралось не съ однихъ торговыхъ судовъ, но и съ промышленныхъ, наприм. съ рыболовныхъ судовъ [699]). Эта пошлина уплачивалась или деньгами или произведеніями, которыми были нагружены суда; какъ она была велика до XV в., неизвѣстно; но въ позднее время съ лодокъ зарубежныхъ собирали «по двадцати по два алтына съ лодьи» [700]).

Въ половинѣ XII в. за переправу чрезъ рѣки возовъ или товаровъ на паромахъ или лодкахъ собиралась пошлина—*перевозъ*. Впрочемъ, за перевозъ брали не съ однихъ торговыхъ людей, но со всѣхъ пѣшихъ и конныхъ, переѣзжающихъ черезъ рѣки [701]). А за проѣздъ черезъ мосты собирали пошлину, называемую *мостовщиною* [702]).

Въ XIV в. существовала еще пошлина, называемая *костки*, которую собирали на мытахъ за проѣздъ по большимъ дорогамъ съ людей, а не съ возовъ. Эта пошлина взималась съ торговыхъ людей, какъ видно изъ двинской гра-

---

тверскаго князя Бориса съ в. к. Василіемъ Васил. 1451 г.; при буквальномъ повтореніи словъ грамоты 1398 г., въ ней 60 замѣняется шестью алтынами: «а кто ся промытитъ, ино съ воза промыты 6 алтынъ, а заповѣди 6 алтынъ, колко бы возовъ не было». Собр. грам. I, № 76 и № 77. Промытъ – шестьдесятъ существовалъ въ раннее время и, вѣроятно, равнялся 60 вѣшкамъ, которыя соотвѣтствовали въ XV в. 6 алтынамъ или 36 деньгамъ. *Бѣлу* нельзя здѣсь разумѣть потому, что она равнялась тремъ деньгамъ и по самой дешевой цѣнѣ—одной деньгѣ. Зап. Арх. общ. 1865 г. т. XII, в. 2, стр. 503.

699) О побережномъ и побережникахъ упоминается въ ярлыкахъ 1361. 1357. 1379 г. Собр. грам. II, стр. 8. №№ 9. 10. 12; въ грам. н. 1356 г. А. И. I, № 2 стр. 9. Доп. къ А. И. I, № 8. А. Эксп. I, №№ 7. 17. 21. стр. 13. 15. 32. Рыбные ловцы освобождались иногда отъ побережнаго. А. Эксп. I, № 104.

700) А. Эксп. I, №№ 170. 388.

701) О перевозѣ въ первый разъ упомянуто въ смоленс. грам. 1150 г. Доп. къ А. И. I, № 4. «На Копысѣ перевоза четыре гривны». Въ грам. 1326 г. читаемъ «А перевозъ и рѣки бобровые, а то по давной пошлинѣ». Ист. рос. Іер. VI, 229. А. Ист. I № 16. Въ 1596 г. велѣно было собирать перевозную пошлину на большихъ рѣкахъ съ пѣшехода по полуденьгѣ, съ конного — по деньгѣ, съ запряженной телѣги съ сѣдокомъ—2 деньги. А. Эксп. I, № 367.

702) О мостовщинѣ упомянуто въ смоленс. грамотѣ 1150 г. Доп. къ А. И. I, стр. 6. Ист. Гос. рос. II, пр. 332; въ ярлыкѣ 1315 и 1351 г. Собр. грам. II, №№ 7 и 9.

моты: «А куды поѣдутъ Двиняне торговати, ино имъ не надобѣ во всей моей отчинѣ, великомъ княженіи... ни костки, ни гостиное». Сколько брали съ воза мыта, столько же и костокъ съ человѣка, сопровождавшаго возъ: «на старыхъ ти мытѣхъ имати съ воза по морткѣ обѣушной, а костки съ человѣка мортка». Въ XV в. это переложено на другой счетъ: «На старыхъ мытѣхъ имати пошлины съ воза деньга, а костокъ съ человѣка денга же [703]).

Поименованныя пошлины—мытъ, побережное, перевозъ, мостовщина и костки—уплачивались торговыми людьми прежде, чѣмъ они приступали къ продажѣ своихъ товаровъ. Когда товаръ привезенъ былъ на торгъ, его нужно было объявить должностнымъ лицамъ и дать пошлину—*явку* или *явленое*, какъ съ товара, такъ и съ людей поголовно [704]). Потомъ за помѣщеніе товара въ гостинномъ дворѣ или въ анбарѣ взыскивалось *гостиное*. Если мало было купцовъ на съѣздѣ, то гостиннаго собирали по деньгѣ съ человѣка, а если торговцевъ пріѣзжало много, въ такомъ случаѣ по 3 деньги. Объ этой пошлинѣ упоминается въ половинѣ XII в. [705]).

Когда начиналась покупка и продажа товаровъ, то собирали пошлины снова. Тутъ на первомъ планѣ является *тамга*—пошлина, которая введена въ Россію Татарами. Тамга была таргoвой пошлиной, которую купцы должны были выплачивать при самой продажѣ товаровъ: «Кто про-

[703]) А. Эксп. I, № 13, стр. 9, № 14, стр. 10. Собр. грам. I, № 76. Мухан. Сборн. 196 Слово: *костка* означало земельную мѣру въ предѣлахъ новгородскихъ. Сводъ Зак. 1832 г. О Государст. Благоустр. ч. II, ст. 94. 95. О косткахъ еще упоминается въ Собр. грам. I, № 25. № 30, стр. 40. 51. 173. Рус. Дост. II, стр. 96, пр. 239. Доп. къ А. И. I, № 8. А. Эксп. I, № 8. 18. 19. Какъ объясняли прежде пошлину—костки, см. Опытъ ист. рос. зак. Рейца, въ перев. Морошкина, стр. 407. Ист. финанс. учрежд. Гр. Д. Толстаго. стр. 94.

[704]) «Гдѣ въ которомъ городѣ Сергѣева вотчина будетъ, ино не надобѣ дань впрокъ, *ни явки*, ни торговая пошлина... А что купятъ или что продадутъ, инѣ таможеникомъ моимъ не являютъ... инѣ имъ грамоту явятъ, а не дадутъ имъ поминка ничего, ни гостя передъ ними не ставятъ». А. Эксп. I, №№ 7. 13. 15. Здѣсь разумѣется не судная явочная пошлина, а таможенная. А. Эксп. I, стр. 45. 56. 88. 91. Количество пошлины за явку въ разное время бралось различное—отъ 10 денегъ до 1 деньги. Ист. фин. учрежд. Рос. стр. 93.

[705]) Въ Пацини «въ гостинѣи дани не вѣдомо... Дѣдичи и дань и вира 15 гривенъ, *гость* 7 гр... во Оболви гостиная дань, и что ся въ ней снидется, изъ того св. Богородици и епископу десятина». Смол. грам. 1150 г. Доп. къ А. И. I, № 4. стр. 9. Гостиное упоминается въ грам. до 1374 г. А. Ист. I, № 8, стр. 9. А. Эксп. I, стр. 8. № 13. въ Собр. грам. I, № 40.

даетъ свое домашнее тотъ тамги не дастъ; а который иметъ прикупомъ торговати, а тотъ томгу дасть... А что купятъ, или что продадятъ,—и нѣ таможникамъ моимъ не являютъ... А тамга и осминичее взяти, аже иметъ торговати; а поѣдетъ мимо, знаетъ свой мытъ да костки, а болѣе того пошлинъ нѣтъ» [706]). Тамгу собирали иногда въ пользу князей по частямъ: одному предоставлялось полтамги, другому треть тамги [707]). Тамга до XV в. собиралась съ цѣны покупаемаго и продаваемаго товара, какая назначена была таможенными сборщиками; брали обыкновенно съ рубля по алтыну [708]). Какъ за уклоненіе отъ платежа мытной пошлины взыскивали промытъ, такъ и за не платежъ тамги брали штрафъ—*протаможье;* но о количествѣ его до XV в. по недостатку данныхъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго [709]).

При продажѣ товаровъ собирались различныя пошлины, смотря по различію способа счисленія ихъ: одни пошлины собирались съ вещей продаваемыхъ *на мѣру*, другія—*на вѣсъ*, третьи—*поштучно*.

1. Съ товаровъ измѣряемыхъ собирали пошлины, которыя насили называніе *помѣрнаго*, *восмничаго* и *площки*.

Помѣрное, которое, по всей вѣроятности, въ половинѣ

---

[706]) А. Эксп. I, №№ 13. 14. 15. Сл. тамга татарское, значитъ — клеймо, печать. И. Г. рос. IV. пр. 334. I Новг. 56. II Новг. 143.

[707]) Тамга собиралась по городамъ. «А тамгою и иными волостми городскими подѣлятся сынове мои». Душев. грам. Ив. Д. Калиты 1328 г. «Кто будетъ старѣйшій, тому полтамги а молодшимъ двумъ полтамги». Завѣщ. в. к. Семена Ив. 1341 г. Собр. грам. I, №№ 21. 23. 25, стр. 32. 36. 37. 34. 40.

[708]) «А тамгы и осминичего отъ рубля алтынъ». Грам. ок. 1398 г. А. Эксп. I, № 14. О тамгѣ и таможникахъ упоминается до XV вѣка въ ярлыкахъ. Собр. грам. II, № 2. стр. 5. №№ 7. 9; въ Собр. грам. I, стр. 51. 58. 59. 69. Грам. кас. снош. съ Ригою. № III, Ист. рос. Іер. VI, 230. А. Эксп. I, №№ 3. 5. Доп. къ А. И. I, № 8. Ист. Гос. рос. II, пр. 108; IV, пр. 96. Слово: *тамжити* встрѣчается въ Собр. грам. II, стр. 58.

[709]) Собр. грам. II, стр. 56. 59. 90. 93. А. Ист. I, № 15' стр. 23. А. Эксп. I, стр. 100. Корабли Соловья Будиміровича, по пріѣздѣ подъ Кіевъ по Днѣпру,

Товарную пошлину въ таможнѣ платили:
Со всѣхъ кораблей семь тысячей,
Со всѣхъ кораблей, со всего живота....
А въ заморскомъ городѣ Леденцѣ—
Соловей у царя *въ протаможье* попалъ,
И за то посаженъ въ тюрьму,
А корабли его были отобраны.
Древн. рос. стих. стр. 4. 10.

XII в. называлось *передмѣромъ*, собирали не съ оцѣнки товаровъ, а съ ихъ мѣры [710]). Къ числу такихъ товаровъ относятся сыпучія тѣла, напр. хлѣбъ всякаго рода, овощи [711]).

Осмничее или *восмничее* брали также при сбытѣ товаровъ мѣримыхъ, только не по величинѣ мѣры, а по оцѣнкѣ товара; по этому при продажѣ одного и того же товара брали и помѣрное и осмничее. Эта пошлина упоминается постоянно рядомъ съ тамгою: » А тамга и осмничее отъ рубля алтынъ» [712]). Осмничее была пошлина городская и торговая: »А изъ городскихъ волостей даю княгинѣ своей осмничее... А тамга и осмничее взять, оже иметъ торговати» [713]).

Плошки или *площки* и *противень* были мѣры соли; по этимъ мѣрамъ названа такъ и сама пошлина; но объ ней ясныхъ свѣденій не сохранилось до XV в. [714]).

2. Съ товаровъ взвѣшиваемыхъ собирались пошлины — *вѣсчее*, *пудовое*, *контарное*. *Вѣсчее*, *вѣсчая пошлина*, *вѣсъ*, *пудъ*, впослѣдствіи *вѣсчее пудовое* — всѣ эти названія означаютъ одну и туже пошлину, которая бралась отъ самой продажи товаровъ на-вѣсъ. Она существовала въ XI в., какъ можно заключать изъ церковнаго устава о правахъ духовенства. Въ грамотѣ Всеволода Мстиславича, данной церкви Іоанна на Опокахъ до 1137 г., предоставлено право старостамъ собирать *вѣсъ вощаной*, а въ Торжку — *пудъ вощаной*, т. е. вѣсчую таможенную пошлину съ продажи воска. Вѣсчее брали съ продаваемыхъ металловъ, соли, воску и другихъ взвѣшиваемыхъ предметовъ; количество ея

---

710) Въ смоленс. грам. 1150 г. говорится, что у Вержавлянѣхъ у великихъ 9 погостъ, а въ нихъ дань и *передмѣръ*, «а передмѣра 100 гривенъ». Доп. къ А. И. I, № 4, стр. 5. Г. Осокинъ замѣчаетъ: «передмѣръ, вѣроятно, тоже, что помѣрное позднѣйшаго времени. Внутр. тамож. пошл. въ Рос. стр. 5.

711) А. Эксп. I, стр. 16. Въ XV и XVI в. помѣрное взыскивали съ одного продавца и притомъ если онъ сбывалъ болѣе осмины; сборъ этотъ простирался отъ полуденьги до двухъ денегъ. Ист. финанс. учрежд. стр. 84.

712) А. Эксп. I, № 14. стр. 10. Собр. грам. I, № 76. «Кто пріѣдетъ съ возы... съ какимъ товаромъ ни буди, или съ житомъ, и они потому даютъ восмничее съ рубля по 4 деньги, а помѣрнаго съ воза по 2 деньги». А. Эксп. I, № 100.

713) А. Эксп. I, № 14. Собр. грам. I, стр. 32. 39. 58. 75. №№ 21. 25. 34. 40. Ист. рос. Іер. IV, 678. VI, 229. Сборн. Мухан. 196. Доп. къ А. И. I, №№ 8. 9. А. Эксп. № 5, стр. 3. Въ объясненіе осмничаго см. А. запад. Р. I, № 170. Розысканія Гагемейстера, стр. 78. 79. 144. 268. Пр. 256. 257. Ист. Рос. Соловьева, III, пр. 85; IV, стр. 184.

714) А. Ист. I, № 19. А. Эксп. I, стр. 38. 56. 77. № 52.

было различно и соразмѣрялось какъ съ свойствомъ товаровъ, такъ и различіемъ областныхъ торговцевъ, сбывавшихъ свой товаръ. Въ Новгородѣ собирали въ XII в. »у низоваго гостя отъ дву берковескъ вощаныхъ полгривнѣ *да гривенка перцу*, а у полоцкаго да у смоленскаго 2 гривнѣ кунъ отъ берковска вощанаго, а у новоторженина $1^1/_2$ гривнѣ кунъ, у Новгородца 6 мордокъ» [715]). Съ вѣса металловъ брали особую пошлину, съ соли особую. Въ XVI вѣкѣ вѣсчее платили какъ покупщикъ, такъ и продавецъ; но въ раннее время она полагалась на одного продавца [716]).

Контарное происходитъ отъ слова *контарь* или *тентарь*—вѣсовой единицы въ три пуда, бывшей въ употребленіи у нашихъ предковъ въ концѣ XIV и XV в. Эта пошлина собиралась съ продажи соли [717]).

3. Съ предметовъ продаваемыхъ поштучно, брали *писчее*, *пятно*.

Писчее брали съ продажи скота за записку въ книгу его примѣтъ, чтобы не было впослѣдствіи спора; сборщики этихъ пошлинъ называются *писцами* [718]).

Пятно или *пятенное* собирали за наложеніе тавра на проданную или промѣненную лошадь: до 1389 г. в. к. Димитрій Ивановичь далъ «св. Троицѣ въ Сергіевъ монастырь на Москвѣ.... пятно ногайское впрокъ во веки». За уклоненіе отъ пятнанія лошадей при покупкѣ и мѣнѣ взы-

---

[715]) Доп. къ А. И. I, № 2. № 3. Въ XVI в. вѣсчаго назначено «имати съ рубля по денгѣ, а съ продавца по денгѣ же съ рубля». А. Эксп. II, № 65. *Перцовая пошлина* существовала и въ позднее время. А. Эксп. I, 137. 138. «Тежъ естли бы хто какъ на школу жидовскую металъ, тотъ маетъ старости нашему заплатити 2 фунта перцу». Жал. грам. Жидамъ 1388 г. А. запад. Рос. I, № 9.

[716]) Доп. къ А. И. I, № 8. № 9. Собр. грам. I, № 40, стр. 75; II, стр. 91. А. Эксп. I, стр. 296; II, № 65. Сборн. Мухан. 21. 41. 196. О вѣсчемъ *пудовомъ* говорится въ Собр. грам. I, стр. 75; А. Эксп. I, стр. 138. 222. 224. По всей вѣроятности, у Сарторія подъ сл. Punder разумѣется *пудовое*. Urk. G. Hans. II, 20, n. 2, 40, n. 1. 202, n. 2. 268, n. 4.

[717]) Путеш. Игнатія 1392 г. Сказ. рус. нар. II, VIII, стр. 101 и 151. А. зап. Рос. I, № 21. А. Эксп. I, стр. 56, № 77. Зап. Археол. общ. Т. XII, в. 2, стр. 583. Вывѣскою товаровъ занимались особыя должностныя присяжныя лица, называемыя *вѣсцами* и *пудовщиками*. П. С. Лѣт IV, 126. Рус. Дост. II, 264. А. Эксп. I, стр. 12. А. Запад. Рос. I, стр. 85. 95. Ист. Гос. рос. III пр. 214

[718]) О писцахъ упоминается въ грам. до 1365 г. А. Эксп. № 5; въ ярлыкѣ 1315 г. Собр. грам. II, № 7.

скивалось пропятненье. Какъ писчее, такъ и пятенное собиралось съ купца и продавца въ XV в. [719]).

Кромѣ этихъ внутреннихъ пошлинъ, существовавшихъ на Руси до XV в., упоминаются еще пошлины *даражскія* и *судовыя*, *торговыя* и *городскія*. Но эти пошлины не были какими—нибудь особенными сборами: онѣ представляютъ только другія названія тѣхъ же мытныхъ и таможенныхъ сборовъ. Даражскія или путевыя и судовыя пошлины были заставныя, а торговыя и городскія таможенныя [720]).

Русское духовенство освобождено было отъ сбора пошлинъ съ продаваемыхъ и покупаемыхъ товаровъ и припасовъ, а точно также и люди церковные, т. е. принадлежащіе монастырямъ и духовенству. По ханскимъ ярлыкамъ и жалованнымъ грамотамъ, оно свободно было отъ всѣхъ существовавшихъ до XV в. пошлинъ. Точно также за услуги получали льготы отъ пошлинъ частные лица, а иногда и цѣлыя области при переходѣ подъ власть другаго князя. Такъ в. к. Димитрій Ивановичъ освободилъ отъ пошлинъ Евсея новоторжца, переселившагося на Кострому до 1374 г; а в. к. Василій Дим. въ 1398 г. пожаловалъ всѣхъ людей двинской земли, освободилъ отъ сбора

---

[719]) Никон. I, въ прибавл. стр. 18. Ист. Гос. рос. II, пр. 422. Сборн. Мухан. 47. Объ этой пошлинѣ ясное и подробное свѣдѣніе передается въ жалов. грам. 1404 г. Саво-Сторожевскому м.: «А пятенщики мои, звенигородскіи и рузскіи у монастырскихъ людей коней не пятнятъ.. Язъ князь Юрьи Димитреевичь Пречистой далъ пятно и тамгу, на теміанъ далъ игумену Савѣ съ братьею: держитъ игуменъ въ монастырѣ свое пятно. Которой хрестьянинъ манастырской купитъ или мѣняетъ, и онъ пятнить въ монастырѣ... а которой пропятнитца или протамжитца манастырскій, игуменъ Сава вину возметъ на монастырь». А. Ист. I, № 15, стр. 23. О сборѣ писчаго и пятеннаго въ XV и XVI в. см. въ А. Эксп. I, №№ 134. 332.

[720]) Въ ярлыкахъ сборщикъ пошлины называется *дарага* отъ татарскаго сл. *дарык*. Собр. грам. II, стр. 5. 8. 11. 12. 13. Розысканія Гагем. 79. Даражскія пошлины означаютъ путныя, собираемыя съ торговцевъ на путяхъ. О достовѣр. ярл. 86—87. Ист. Г. р. VI, пр. 124. Въ грам. до 1389 г. купцы Тр.-Сергіева м. освобождены отъ пошлинъ; «всякихъ податей не имати *торговыхъ* пошлинъ съ ихъ *судовыхъ* пошлинъ не имати». А. Эксп, I, № 7, стр. 4. *Торговое* упоминается въ смол. грам. 1150 г. Доп. къ А. И. I № 4. *Городская* пошлина— въ душев. грам. в. к. Ивана Ив. 1357—59 г. Собр. грам. № 25, стр. 58. «А мыта съ воза *въ городѣхъ* всѣхъ пошлинъ денга». Собр. грам. I, стр. 99. Также въ душев. грам. в. к. Димитрія Ив. 1389 г. Тремъ сынамъ моимъ «и въ пошлинахъ городскихъ половина». Собр. грам. I, № 34. До 1136 г. торговымъ старостамъ поручено управливати всякія дѣла торговая и гостиная. А. Ист. I, № 3.

заставныхъ и таможенныхъ пошлинъ. Обыкновенно, форма подобнаго пожалованья выражается такъ: «не надобѣ никоторая дань, ни ямъ, ни подвода, ни тамга, ни осминичее, ни вѣсчее, ни мытъ, ни костки, ни побережное, ни гостиное, ни которая пошлина» [721]).

Торговыхъ пошлинъ въ древней Руси собиралось значительное количество, какъ видно изъ памятниковъ XII в.: въ Новгородѣ одного *вѣсчаго* отъ продажи воска насчитывается до 100 гривенъ; а въ смоленской области въ 9 погостахъ въ Вержавлянахъ Великихъ приходило одного *передмѣра* 100 гривенъ. Если предположить, что помѣрнаго бралось 10% съ оцѣнки товаровъ,— и въ такомъ случаѣ ихъ продавалось на 1000 гривенъ [722]). Въ г. Копысѣ (минс. губ. на берегу Днѣпра) собиралось перевоза 4 гривны и торговаго 4 гр.; а въ селѣ Дѣдичахъ гостиннаго 7 грив. Отсюда можно заключить, что торговое движеніе въ древней Руси обнимало города и села и доставляло большой доходъ князьямъ. Не напрасно на эту прибыльную статью дохода обращали вниманіе князья и по духовнымъ завѣщаніямъ дѣлили сборы пошлинные между своими наслѣдниками. Весьма сложная древняя система пошлинныхъ сборовъ, конечно, была выгодна для князей и другихъ лицъ, въ пользу которыхъ шли эти сборы; но она стѣсняла и отягощала народъ и служила препятствіемъ для развитія промышленности. Частныя пошлины, взятыя отдѣльно одна отъ другой, не значительны: заплатить, напр. съ лодки нагруженной товаромъ мыта двѣ векши или алтынъ —для хозяина ничего не стоило. Но если принять въ соображеніе, что такихъ мытовъ нужно было проѣхать много по области, потомъ переплатить за проѣздъ черезъ мосты и дороги или за приставанье къ берегу, за явку товаровъ, помѣрное или вѣсчее и т. дал.; то всего должно было собраться не мало. Кромѣ того, убытокъ, который несли князья отъ многочисленныхъ пожалованій льготъ духовенству и частнымъ лицамъ, вознаграждался увеличеніемъ сбо-

---

[721]) Собр. грам. II, № 7. Доп. къ А. И. I, № 8. А. Эксп. I, № 13 и другія жалованныя грамоты, на которыя сдѣланы указанія выше.

[722]) Доп. къ А. И. I, № 3 и № 4. Помѣрнаго брали въ древней Руси не больше двухъ денегъ и только по новоторговому уставу увеличено до 10 денегъ съ рубля, слѣд. въ 5%. А. Эксп. III, №№ 408 и 874.

ра съ народа, по этому въ древней и особенно въ средней Руси пошлины усложнялись и развѣтвлялись, а количество сбора каждой частной пошлины увеличивалось и возрастало. Къ этому слѣдуетъ добавить, что промышленные люди не свободны были отъ придирокъ и произвольныхъ поборовъ заставныхъ и таможенныхъ сборщиковъ. Писатель сказанія о смерти Михаила тверскаго говоритъ, что при этомъ князѣ «и корчемники, и мытари, и торговыя злыя тамги истребишась» [723]). Вслѣдствіе всего этого, духовенство иногда выставляло на видъ князьямъ, что сборы мытныхъ пошлинъ дѣло беззаконное. Такъ Кириллъ Бѣлозерскій въ посланіи къ князю можайскому Андрею пишетъ: «Корчмы бы, господине, въ твоей вотчинѣ не было, понеже велика пагуба душамъ; мытовъ бы у тебя не было, понеже, господине, куны неправедныя, а гдѣ, господинъ, перевозъ, туто, господине, пригоже дати труда ради» [724]).

Что касается до пошлинъ, собираемыхъ иностранцами съ русскихъ купцовъ и Русскими съ заграничныхъ торговцевъ, то онѣ не были многосложны, хотя отличались разнообразіемъ въ различныхъ странахъ и въ разное время. Въ IX и X в. Русскіе, при сбытѣ своихъ товаровъ по Средиземному морю, по свидѣтельству Ибнъ—Кхордатъ-Бега и писателя »Книги странъ», платили таможенную пошлину византійскому императору и именно: *десятину*. Изъ договора Олега 907 г. видно, что дѣйствительно русскіе купцы платили Грекамъ очень рано мыто, отъ платы котораго Олегъ освободилъ ихъ, поставивъ условіемъ: «да творятъ куплю, якоже имъ надобѣ,

---

[723]) Ник. IV, 287. До какой степени доходилъ произволъ сборщиковъ пошлинъ, показываетъ грамота западной Россіи 1388 г.: «Если бы жидове, подлугъ своего обычая, нѣкоторого жида умерлого, отъ мѣста до мѣста, отъ повѣта до повѣта, або отъ одное земли до другое земли везли бы черезъ мыта,—ничого на нихъ мыта не маетъ браво быти; хочемо естьли бы такъ заисто мытникъ, што бралъ на нихъ, нжъ бы яко розбойникъ каранъ былъ». А. Запад. Р. I, № 9. Въ духовной грам. князя Андрея Васил. Меньшаго 1481 г. сказано: «А что есми въ своей вотчинѣ на Вологдѣ прибавилъ пошлинъ въ тамзѣ и въ иныхъ пошлинахъ, или будетъ *мои пошлинники что прибавили пошлинъ*»,—то в. князь учинитъ все по старинѣ. Собр. грам. I, № 112.

[724]) А. Пст. I, № 16. Въ Изборникѣ И. Публич. Б. до 1300 г. на вопросъ: что есть мытоимство? дается такой отвѣтъ: «Грѣхъ срама не имыи, грабленье насильное; то бо есть разбойничества злѣе; разбойникъ бо срамляеться крадый, а сь съ дерзновениемь грабить». л. 35. Въ Словарѣ И. И. Срезневскаго подъ сл: *мытоимство*.

не платяче мыта ни въ чемъ же» [725]). Въ такомъ же размѣрѣ Русскіе платили таможенную пошлину, привозя товары въ г. Итиль, какъ пишутъ Ибнъ-Фоцланъ и Истархи: «Доходы козарскаго царства состоятъ между прочимъ изъ десятины, взимаемой съ товаровъ по особенной системѣ Хозаръ, на всѣхъ дорогахъ, на всякомъ морѣ и всякой рѣкѣ» [726]). Одно изъ главныхъ преимуществъ торговли Новгородцевъ съ ганзейскими городами состояло въ освобожденіи отъ сбора пошлинъ [727]). Въ древнихъ памятникахъ едва упоминается о не значительной пошлинѣ съ кораблей приходившихъ Невою, платимой у Волхова лоцманамъ въ благодарность за содѣйствіе въ проведеніи судовъ; собственно же заставная пошлина уставлена была «съ каждаго изъ судовъ купеческихъ гривна кунъ; съ нагруженнаго мясомъ, мукою и пшеницею полгривны кунъ, а съ другихъ съѣстныхъ припасовъ не было никакого сбора» [728]). А за проѣздъ по Двинѣ до Смоленска ганзейскіе купцы вовсе не платили заставныхъ пошлинъ: «Нѣмчичю же не надобѣ никое мыто изъ Смоленска до Ригѣ, а изъ Риги до Смоленска; такоже и Русину ненадобѣ мыто съ Готьскаго берега и до Ригѣ, а изъ Риги до Смоленьска». Разумѣется, нельзя же считать пошлинами подарки, которые Нѣмцы обязаны были

---

[725]) Лавр. 12. Вѣст. Геогр. общ. 1854 г. 1, 59. Древнія греч. названія таможенной пошлины (δεκαδα—δεκατη), таможни (δεκατευτηριον—τελωνιον), мытниковъ или сборщиковъ пошлинъ (δεκατευται, τελωναι) несомнѣнно доказываютъ свидѣтельство арабскихъ писателей, что Греки собирали въ таможняхъ съ торговцевъ десятую часть товаровъ.

[726]) Вѣст. геогр. общ. 1854 г. 1, 59—60. Сборъ десятины распространенъ былъ между восточными народами. Татары, покоривъ Русскихъ, собирали у нихъ десятую часть скота и другихъ произведеній промышленности. IV Новг. 38. Воскр. 139. Они собирали *туску*, т. е. девятую часть изъ имѣнія Русскихъ брали себѣ откупщики—сборщики, а десятую отдавали хану. I Новг. 57.

[727]) Пошлина съ ганзейскихъ купцовъ взыскивалась на мѣстѣ gestewelt, подъ которымъ разумѣютъ бывшую гостинопольскую пристань на правомъ берегу Волхова въ 34 верст. отъ Ладожскаго озера.

[728]) Лоцманы, проводившіе нѣмецкія торговыя суда по Невѣ, по проекту 1269 г. должны были получать по 8 куньихъ мордокъ и по два полотенца, или вмѣсто нихъ 3 мордки, а съ лѣтнихъ гостей кромѣ того 4 хлѣба и сосудъ масла или 2 куны за хлѣбы и 3 мордки за масло; а по договору 1270 г. имъ назначено по 5 марокъ кунъ или одинъ окорокъ, а отъ Ладоги до Новгорода и обратно по 3 марки кунъ или полъ-окорока. Въ Новгородѣ за перевозъ товаровъ на гостинный дворъ Нѣмцы платили съ ладьи 15 кунъ, а Готландцы 10, а съ отходящихъ полгривны кунъ. Urk. G. Hans. II, 98. 99. Ист. Гос. р. III, пр. 244.

договорами дѣлать властямъ по пріѣздѣ въ Россію по русскому обычаю, да и подарки эти были ничтожные [729]).

При самой покупкѣ товаровъ, иноземные гости платили *вѣсчее*: по обычаю, существовавшему въ древней Руси въ торговлѣ съ иностранцами, вѣсовая пошлина бралась не съ продавца, а съ покупщика. Эта пошлина была также незначительная; обыкновенно въ Новгородѣ платили отъ капи всякаго вѣсчаго товара 2 куны, а въ Смоленскѣ съ двухъ капей одну куну, п. ч. новгородскія куны были вдвое меньше смоленскихъ. Въ договорѣ в. к. Александра Невскаго съ Нѣмцами (до 1259 г.) постановлено: «А Нѣмцемъ и Гтъмъ и всему латынскому языку платити по двѣ кунѣ отъ капи и отъ всякаго вѣснаго товара, что кладуть на скалви, и продавше и купивше» [730]). Вѣсовая пошлина собиралась также съ покупки дорогихъ металловъ; въ смоленскомъ договорѣ 1229 г. она опредѣлена так. обр.: «купить латинскіи гривну золъта, дасть вѣсити,—дати ему вѣсцѣ ногата смоленская, аже продасть, не дати ничего же. Аже латинскіи купить суды серебреные, дати ему вѣсцю отъ гривны серебра по ногатѣ смоленской.... Аже латинскіи купить гривну серебра, дати ему вѣсцю двѣ вѣкши, аже продастъ не дати ничего же. Аже латинскіи дасть сребро пожигати, дати ему отъ гривны серебра куна смоленская» [731]). Так. обр., при покупкѣ серебряныхъ сосудовъ, торговецъ платилъ $^{1}/_{80}$, а за очистку серебра пробирщику $^{1}/_{200}$ долю [732]).

---

[729]) «А како будетъ гость нѣмечкый въ городѣ,. дати имъ княгини поставъ частины, а тивуну Волочьному рукавичь перстатый Готьскый», т. е. княгинѣ кусокъ полотна, а тіуну—перчатки. Догов. смол. 1229 г. Собр. грам. II, № 1. Рус. Дост. II, 267. Ист. Г. рос. III, пр. 248. Въ догов. 1230 г. сказано: «а отъ Смоленьска чистый путь до Риги, а не надобѣ имь ни *вощецъ*, ни мыто». Изв. Акад. VI, 602. О свободѣ проѣзда также см. грам. смол. 1284 въ Собр. грам. II, № 3.

[730]) Въ проектѣ 1269 г. сказано: «Гость платитъ вѣсовщику 9 векшей съ капи». Ист. Гос. рос. III, пр. 214. 248. О догов. Новг. съ нѣмец. гор. стр. 34. Договоръ Невскаго въ Грам. кас. снош. съ Ригой, № 1. *Скалва* тоже, что нынѣ вѣсы. А. Эксп. 1, № 16. *Капь* равнялась 4 рижскимъ старымъ пудамъ, или $4^{1}/_{8}$ нынѣшнимъ русскимъ пудамъ. З. п. Арх. общ. т. XII, в. 2 стр. 702.

[731]) Собр. грам. II, № 1. Ист. Гос. р. III, пр. 248.

[732]) Здѣсь отъ гривны серебра въ сосудахъ назначено пошлины больше, чѣмъ просто отъ гривны серебряной: конечно. тутъ разностью служитъ работа сосудовъ, которая увеличивала и цѣнность серебра и самую пошлину. За гривну серебра въ кускѣ опредѣлено брать 2 векши, т. е. въ 12 разъ меньше противъ пошлины, собираемой съ гривны золота и съ гривны сереб-

Въ торговомъ договорѣ, заключенномъ между Полоцкомъ и Ригою ок. 1330 г., о вѣсовой пошлинѣ сдѣлано такое распоряженіе: «А Немцѣмъ дати вѣсчего отъ берковьска *заушня* отъ воску, отъ мѣди, отъ олова; а соль вѣсити упудный рѣмѣнь, у бѣрьковска узяти ему *долгая*, отъ рубля дати ему долгая. А въ Ризѣ русскому купцѣви отъ вѣса дати ему отъ бѣрковска *пол-овря*, отъ воску, отъ мѣди, отъ олова, отъ хмѣлю; а соль вѣсити пуднымъ рѣмѣнемь, отъ бѣрковьска дати ему отъ вѣса *любъцьскый* и отъ гривны серебра любецьский»[733]). Здѣсь опять вѣсчая пошлина представляется незначительной, потому что любецкій былъ немного болѣе векши новгородской, а въ новгородскомъ рублѣ или гривнѣ серебра XV в. содержалось 925 векшей. Это составитъ почти такую же пошлину, какая собиралась въ Смоленскѣ въ XIII в., именно: отъ гривны серебра 2 векши[734]).

Русскіе торговцы пользовались такими же льготами за границей, какія предоставляли въ своей землѣ иноземнымъ купцамъ. Мы уже упоминали, что Фридрихъ, король Саксоніи, въ числѣ другихъ народовъ въ 1188 г., освободилъ отъ пошлинъ и Русскихъ[735]). По любецкому тарифу 1220—

ра въ издѣліяхъ. О цѣнахъ смоленскихъ въ XIII в. см. Зап. Археол. общ. т. XII, в. 2, стр. 532. 709—710. Ист. Гос. рос. III, пр. 244. Слѣд. въ кускахъ серебро заключало въ себѣ большую лигатуру, было не чистое и цѣнилось дешевле.

[733]) Грам. кас. снош. съ Ригой, № 7. Здѣсь уравнены между собою гривна серебра и рубль, *заушня* и *пол-овря*, *долгая* и *любецкій*. Что за монеты были заушня и долгая, доселѣ не разъяснено; но *овръ* то же, что *ора*, рижская монета, которыхъ въ маркѣ считалось 24; ора равнялась *денару*. Въ русскомъ фунтѣ любецкихъ пфенниговъ считалось 2400, какъ и векшей. Въ перемирной грам. Новгородцевъ и Псковичей съ дерптскимъ епископомъ 1474 г. въ псковской деньгѣ полагается 4 любецкихъ: «вѣсчое псковичомъ у юрьевцовъ, у гостей имати отъ мѣха по четвертцѣ, а отъ скалоного вѣса по деньгѣ; а юрьевцомъ со псковскихъ купцовъ вѣсчое имати отъ мѣха по любецкому, а отъ скаловаго вѣса имати по четыри любецкихъ». А. зап. Рос. I, стр. 85. 95. Въ рижской маркѣ серебра любецкихъ было 1200, а стоимость полоцкаго и псковскаго рубля равнялась 5 маркамъ. Зап. Арх. общ. т. XII, в. 2, стр. 523. 536—538. 558.

[734]) Смоленская гривна серебра=4 гривнамъ кунъ=80 ногатамъ=200 кунамъ=1920 векшамъ, новгородская векша=$^{14}/_{15}$ любецкаго, а смоленская векша была вдвое менѣе новгородской, хотя новгородская гривна серебра была равноцѣнна смоленской, подходившей къ рижской маркѣ. Зап. Арх. общ. т. XII, в. 2, стр. 501. 578. 709. 710.

[735]) Urk. Hans. II, стр. 9. Германскіе динары вѣсятъ 30—33 доли; изъ фун-

1226 г. установлено: «Кто купитъ товаръ, стоющій 1000 марокъ, тотъ дастъ пошлины 4 динара. Отъ боченка (vase) вина давать 15 динаровъ. Если кто изъ гостей приведетъ на корабль лошадь, то заплатитъ пошлины 8 динаровъ... Если рабъ продастъ пудъ какого-нибудь товара, то заплатитъ пошлины динаръ. Если кто заплатилъ съ пуда товара пошлину, тотъ свободно можетъ уѣхать, пусть только дастъ поголовной пошлины (pro capite suo) 1 динаръ. Если рабъ продастъ въ городѣ товару на солидъ, то заплатитъ динаръ. «Герцогъ Саксонскій Альбертъ I въ 1241 г. писалъ, чтобы за провозъ изъ Гамбурга въ Любекъ отъ всякого боченка вина брали по два солида динаровъ, отъ боченка масла 1 солидъ, отъ всякого таланта вѣсчихъ товаровъ — 2 динара»[736]). Въ грамотѣ Святополка III, Герцога Данцига и Помераніи (1248 г.), относительно сбора пошлинъ встрѣчается своеобразное постановленіе—брать съ корабля по 10 локтей сукна[737]).

Въ западной Европѣ для русскихъ торговцевъ пошлины были и не велики и не многосложны; за то нельзя этого сказать о Молдавіи, куда сбывали свои товары купцы юго-западной Руси. Уставная таможенная грамота молдавскаго Господаря Александра, данная для облегченія торговцевъ львовскихъ и подольскихъ въ 1407 г., служитъ тому яснымъ доказательствомъ. Грамота эта подробно знакомитъ съ предметами торговли и съ количествомъ сбора пошлинъ, такъ что ее необходимо привести сполна». Учинили есмы

та выходило 240 динаровъ; *солидъ, шлязъ* или червонецъ равнялся 12 динарамъ... Зап. Арх. общ. т. XII, в. 2 стр. 515. 548. 550. 553. 565. Въ 1188 г. Фридрихъ императоръ Римскій, постановилъ брать пошлины 4 динара съ 1000 маркъ. Cod. diplom. Lubec. I, № VII, стр. 9.

[736]) Cod. dipl. Lub. I, № XXXII, стр. 37. № XCI, стр. 92—93. *Талантъ* былъ вѣсъ, равный *лисфунту*, или 20 фунтамъ. Критич. розыск. Круга, стр. 115. Означенныя пошлины брали не съ русскихъ купцовъ, которые свободны были отъ нихъ; но въ архивахъ о русскихъ привилегіяхъ ничего не найдено, какъ объявлено въ Любекѣ въ собраніи ганзы въ 1554 г. Изслѣд. Лерберга. 201.

[737]) «Если корабль потерпитъ крушеніе въ нашей странѣ, то за сохраненіе вещей платитъ пошлины — большой корабль 10 марокъ, малый — 5 марокъ. Если придутъ корабли съ сукнами, то большой корабль платитъ пошлины 10 локтей burnit или frisal; если придетъ съ солью, то большой платитъ два пуда (pandones), малый — одинъ. Пріѣзжающіе въ Польшу въ экипажахъ платятъ, сколько могутъ; ѣдущіе на одной лошади — одну марку, торгующіе въ станахъ — локоть сукна». Cod. dipl. Lubec. № CXXX, стр. 127.

уставицьтво о мытахъ у нашей земли, и доконали есмы съ ними (съ львовс. и подольс. купцами), чтобы ходили у нашей земли и съ своими торговями. А мыта есмы имъ *улегчили*: наипервое головное (главное) мыто Сочавьское, на искладѣ, отъ сукна, *отъ гривну три гроши* а коли имуть купити татарской товаръ у Сочавѣ, *шолкъ*, *перець*, *камкы*, *тебенкы*, *темьянъ*, *грецкый квасъ*, отъ гривну по 3 гроши; на головное мыто у Сочавѣ отъ гривну 3 гроши, отъ скота одинъ грошъ, отъ 10 свиній 1 грошъ, а отъ кобылы по 6 гроши, а отъ каждаго коня по 6 гроши, отъ 100 бѣлиць 1 грошъ, отъ 100 лисиць 10 гроши, отъ 100 овчины сураные 4 гр., отъ 100 кожи ягнячіихъ 2 гр., отъ 100 кожи скотіихъ 15 гр. А кто идетъ до татарской сторонѣ, отъ 12 кантари у Сочавѣ 1 р. сер., у Ясы 30 гр., а у *Бѣлый—городѣ* полъ-рубель сер. Скотъ до Татаръ, на головное мыто у Сочавѣ отъ скота 4 гр., а у Ясы 2 гр., отъ 100 овець у Сочавѣ 60 гр. А до Угоръ и до Бесарабъ свободно имъ вывозити сукно. Что привезетъ изъ Бесарабъ, перецъ, боволну или будь что: отъ 12 кантари у *Баковѣ* полъ-рубель сер. А кто иметъ повезти сукно до *Брашова*. А кони изъ нашея земли, што по 3 гривны, свободни имъ суть, и угорстіи кони свободниимъ у которомъ торгу имутъ ихъ купити, тамъ имутъ дати отъ каждаго коня по 4 гроши, а на складъ у Сочавѣ отъ каждаго коня по 6 гроши. А кто иметъ купити скотъ или бараны у Баковѣ, либо у Романовѣ, у торгу,—не надобѣ нигдѣ мыто дати, нижь тамъ, гдѣ купилъ, и возметь печать отъ мытника; кожи воловыхъ 10 гроши, отъ 100 кожи сураныхъ 2 гр. Отъ шапокъ, ногавици, корды, меча отъ гривны по 3 гр., отъ кожи и отъ волны и отъ овчины: то *мыто Сирятское*. И на перевози и отъ нѣмецкихъ возъ цѣлыхъ и отъ орменскыхъ по 4 гроши: куници серебро, воскъ и кони добріи земстіи. А львовчане што имуть поити до *Браилова* по рыбы на крайнее мыто, или у Баковѣ или у *Бер-ѣдѣ*: тамъ имутъ дати отъ гривну по полъвтора гроша, а и рыбы не заимати» [738]). Слѣдов. въ Сочавѣ съ львов-

---

Р. I, № 21. Упоминаемые здѣсь города: Сочава на Прутѣ, находятся въ Молдавіи, Браиловъ на Дунаѣ въ Валахіи,

скихъ и подольскихъ купцювъ. собирали мыта при провозѣ суконъ и татарскихъ товаровъ 6 процентовъ, а отъ лошадей 4 проц. [739]). Эти пошлины по грамотѣ считаются легкими сравнительно съ прежними; значитъ прежнія были весьма значительны.

При такомъ разнообразіи пошлинныхъ сборовъ, существовавшихъ въ разныхъ странахъ, нѣтъ возможности сдѣлать имъ обобщеніе и придти къ положительному выводу. Можно только сказать опредѣленно, что въ торговлѣ съ ганзейскими городами пошлины собирались не значительныя, какъ съ иностранцевъ въ Россіи, такъ и съ Русскихъ за границей.

5) Задержки и препятствія промышленности.

Такъ какъ въ древней Руси кредитъ былъ незначителенъ, проценты тяжелы, внутреннія таможенныя пошлины стѣснительны, а скопленіе копиталовъ для промышленныхъ предпріятій не достаточно; то понятно, почему самая промышленная дѣятельность нашихъ предковъ не могла быстро подвигаться впередъ. Кромѣ этихъ не благопріятныхъ условій, неразлучныхъ съ промышленностью древняго времени, предпріимчивый человѣкъ встрѣчалъ встарину много другихъ задержекъ и препятствій, зависѣвшихъ отъ природы страны и общественнаго строя жизни народной.

Бѣлый-городъ — на устьѣ Днѣстра, Романовъ на Молдавѣ и Брашевъ были въ древней Галиціи, Баково или Боково-озеро близъ Галича. Ипат. 92. 211. П. Собр. лѣт. VII, 240. *Сирятское мыто* въ г. Серети на р. Прутѣ и р. Сиретѣ или Серетѣ, служащей границею между Молдавіей и Валахіей. Въ XII в. здѣсь производилась торговля по пути *Залозному*. По сказанію Зосимы, на Днѣстрѣ Волохове за перевозъ емлютъ, а по другую сторону Витовтовы, «а тамгу съ проходячихъ емлютъ, и то ся подѣлятъ». Въ Сказ. Сахар. 60.

[739]) По актамъ XV в., литовскій рубль равнялся 2 мъ прагскимъ гривнамъ и содержалъ 100 грошей; гривна равна была 50 грошамъ. Зап. Арх. Общ. т. VII, переч. засѣд. стр. 271 — 272. У Чеховъ въ XIV в. въ маркѣ содержалось 60 грошей, въ тяжелой гривнѣ королевской считалось 68, въ другой 58, въ штрафной 48 прагскихъ грошей. Слѣд. упомянутая пошлина—отъ гривны 3 гроша составляла на рубль 6 грошей или 6 процентовъ, впрочемъ, можетъ-быть, не полныхъ, если здѣсь разумѣются гроши прагскіе, которыхъ было въ литовскомъ рублѣ 96. Зап. Арх. Общ. т. XII, в. 2, стр. 616. 617. Лошадь

На пространствѣ древней Руси, рѣки и рѣчки сливались и переплетались другъ съ другомъ и составляли длинную сѣть покрытую почти сплошными лѣсами, широкими озерами и болотами; сухопутныя сообщенія дѣлались возможными, особенно въ сѣверо-восточной Руси, во время зимы, когда стужа сковывала грязь и воду и открывала просторъ для путешественниковъ. Естественно, что водныя сообщенія въ древнюю пору предпочитались сухимъ путямъ, а изъ послѣднихъ зимнія дороги—лѣтнимъ. По рѣчнымъ системамъ шло первоначально заселеніе Руси, развивалась промышленность и возникали торговыя движенія. Но рѣки служили отличными проводниками только вдоль по своему теченію; за то они представляли задержки для путниковъ, которымъ нужно было перебираться черезъ нихъ. По этому мосты и гати имѣли большое значаніе для древняго русскаго человѣка; снесетъ случайно мостъ, или сожжетъ его непріятель и—нѣтъ далѣе пути; подъѣхавшій съ товаромъ торговецъ долженъ былъ или вернуться на другую дорогу или колесить цѣлыя десятки верстъ, чтобы отыскать другую переправу [740]). Сухопутныя сообщенія отъ рѣки до рѣки нужно было одолѣвать *волокомъ*, тащить лодки и большею частію на себѣ. Эти задержки, по справедливому замѣчанію г. Соловьева, были тоже, что горы на Западѣ. Рѣки, особенно во время разлива воды, прекращали всякое сообщеніе; поля на далекое пространство покрывались водой и становились болотами; на дорогахъ, въ оврагахъ и ложбинахъ надолго оставалась глубокая грязь [741]). Во время

цѣнится въ грамотѣ по 8 гривны, а пошлины съ нее кладется 6 грошей, т е. по 2 грошa на гривну или 4%.

[740]) Въ древнее время при набѣгѣ непріятеля первой обороной служило прекращеніе сообщенія: подрубить мостъ, сдѣлать по лѣснымъ дорогамъ засѣки и засѣчь рѣки значило — не дать никакого проѣзда. Ник. I, 161. Въ 1196 г. Ярославъ поѣхалъ противъ Всеволода и Давыда, «и ста подъ лѣсы своими засѣкся и по рѣкамъ велѣ мосты подсѣчи». Ипат. 149. Даже мытникъ могъ переметать мостъ и задержать враговъ, какъ было въ 1159 г. Ипат. 56. Въ 1215 г. Ярославъ засѣкъ всѣ пути и р. Тверцу и прекратилъ подвозъ хлѣба изъ низовыхъ областей въ Новгородъ. I Новг. 33. Въ 1229 г. Даніилъ галицкій пріѣхалъ въ свою область, но враги его зажгли мостъ на Днѣстрѣ; «Данилови же о мостѣ печаль имѣющу, како Днѣстръ перейти, гнавъ же Даниилъ къ мосту и узрѣвъ, яко конечь мосту угаслъ есть, и бысть радость велика». Ипат. 169.

[741]) Въ 1135 г. Всеволодъ съ братьями пошелъ-было войной, но «нельзѣ бо

разлива рѣкъ и наводненій много несли убытка промышленные люди: водой сносило сѣно и дрова, ломало мосты и мельницы [742]). Плаваніе по рѣкамъ и морямъ въ древнее время тоже встрѣчало множество препятствій и не рѣдко торговыя суда погибали отъ бурь и подводныхъ камней, по неразвитію искусства мореходнаго, по недостатку прочныхъ удобныхъ и легкихъ судовъ и снарядовъ [743]). Рѣки черноморскаго бассейна имѣли опасные пороги, которые нужно было избѣгать посредствомъ волока судовъ на берегу. Въ сѣверныхъ моряхъ рано наступали туманы и темныя длинныя ночи; плаваніе по Бѣлому морю соединено было съ опасностями, такъ что въ древнее время называлось *бѣднымъ* и *горькимъ* [744]). Всѣ эти невыгоды затрудняли плаваніе промышленныхъ людей, отнимая у нихъ много времени и поглощая лишнія издержки. До Соловецкаго острова въ древнее время въ тихую погоду едва могли добраться въ двое сутокъ; изъ Даніи доплывали до Новгорода въ мѣсяцъ, а отъ Волина изъ устья Одера въ 43 дня и то при попутномъ вѣтрѣ; а отъ Новгорода до Рима путешествовали больше полгода; изъ Москвы до Азова м. Пименъ доѣхалъ въ 45 дней [745]).

бѣше перевезтися *крами*» (отъ ледяныхъ икоръ); постояли 3 дня и ушли всѣ обратно въ Черниговъ. Ипат. 13. 141. Въ 1226 г. король венгерскій отъ разлива Днѣстра не могъ идти далѣе. Ип. 166. Въ 1285 г. «веснѣ бывши поидоста на Ятвязѣ, и пріидоста къ Берестью; рѣкамъ наводнившимся, и не возмогоста ити на Ятвязѣ». Ипат. 175. Торговцы отъ наводненія рѣкъ не рѣдко тонули сами или ихъ товары Ип: 92. I Новг. 78.

[742]) Особенно часто Волховъ разлитіемъ своимъ наносилъ вредъ жителямъ. I Новг. 5. 9. 13. 43. 44. 55. 78. II Новг. 131. I. Пск. 98. 183.

[743]) Въ 1131 г. «идуце изъ-заморія съ Готъ топи лоди 7, и сами истопоша и товаръ, а друзіи вылѣзоша, нъ нази». I Новг. 6. Ипат. 92. Въ 1380 г. утопуло 24 лодьи на Чудскомъ озерѣ. I Пск. 193. Нѣмецкіе гости часто сбивались съ пути при проѣздѣ въ Новгородъ и брали русскихъ лоцмановъ. Cod. dipl. Lubec. II, стр. 704. Въ XIII в. Ляховъ потонуло отъ умноженія дождя 600, а въ г. Перемышлѣ 200 человѣкъ. Слово пр. Серапіона. Поѣздка Шевырева, II. 37.

[744]) Прав. соб. 1859 г. Августъ, въ словѣ Зиновія. Туманы и мгла препятствовали плавать не только по морямъ, но по рѣкамъ и озерамъ: въ 1384 г. въ новгор. области такая была мгла, что «люди не смѣяху ѣздити по озерамъ и по рѣкамъ; и бысть въ христіанѣхъ скорбь и туга». I Новг. 93. П. Собр. Л. VIII, 18.

[745]) Четьмин. печат. въ житіи Савватія, 17 Сент. Адамъ Бременс. Hist. Eccles. c. 19. 37. Ист. Гос. р. III, пр. 243. Въ 1106 г. Грекъ купецъ разсказывалъ Антонію римлянину о Римѣ: «дальшая страна есть и нуженъ путь по морю

Раннее наступленіе осени, замерзаніе рѣкъ прекращало судоходство на цѣлые полгода. Погода становилась перемѣнчивой, по прекрасному выраженію русской пѣсни:

На дворѣ—то дождь, то снѣгъ,
То вьялица, то мятелица:
Кутитъ—мутитъ, въ глаза несетъ.

Не до ѣзды было въ такое распутье. Съ наступленіемъ зимы тянулись обозы; но глубина снѣга, жестокость морозовъ, злыя вьюги и мятели губили много *шестниковъ*. Лѣтописцы часто означаютъ, когда былъ сильный морозъ, когда глубокій снѣгъ, «человѣку въ пазуху», такъ что если свернетъ лошадь съ дороги, то двое или трое едва выволокутъ; о такомъ пути они замѣчаютъ: не любъ путь, золъ путь, нуженъ путь, тяжекъ путь, лютъ путь; въ 1134 г. въ концѣ декабря «сташа денье зли, мрази, вьялиця, страшно зѣло» [746]).

и по суху: едва переходятъ въ полгодищное время, аще кому Богъ поспѣшитъ». Прав. соб. 1858 г. Май, жит. Ант. Римл. Въ хожденіи Пимена (1392 г.) сказано: «Бысть же начало пути тому отъ града Москвы м. Апрѣля въ 13 день, въ вел. вторникъ страшныя недѣли... и придохомъ на Коломну въ субботу великую... Поидохомъ же отъ Переяславля рязанскаго въ недѣлю Ѳомину, проводиша жъ съ нами и три струга да насадъ на колесѣхъ. Въ четвертокъ же пріидохомъ къ р. Дону и спустихомъ суды на р. на Донъ». По Дону поплыли отъ Чуръ-Михайловыхъ въ недѣлю Мироносицъ; во 2-й день плаванія минули Мечу и Сосну, въ 6-й приспѣли до устья Воронежа; въ пятую недѣлю по Самарянынѣ проѣхали р. Медвѣдицу и Бѣлый Яръ; «въ канунъ Вознесеньева дни приспѣхомъ плывуще до моря, града Азова... Пріяхомъ томленіе веліе потопленія ради корабельнаго, понеже и сами корабленицы не могуще стояти, избивахусь зѣло отъ вѣтра, и валяхусь, яко же пьяни». Сказ. Сахарова, II, VIII, 97—98.

[746]) Въ 1123 г. пошли Новгородцы воевать Емь, «нъ лютъ бяше путь». I Новг. 5. 6. 13. Въ 1144 г. въ кіевской сторонѣ на пасху выпалъ снѣгъ «коневи до черева». Ипат. 19. Въ 1147 г. Святополкъ пошелъ—было воевать Суздаль, но вернулся съ Торжка «распутья дѣля». Въ 1471 г. Русскіе пошли на Болгаръ; «бысть не любъ путь всѣмъ людемъ». Ип. 106. Въ 1250 г. войска Кондрата и Василька пошли на Ятвяговъ, но «падшу снѣгу и сѣрену, не могоша ити и воротишася». Въ 1253 г. Ятвяги поѣхали на помощь Данилу, «не могоша доѣхати, зане снѣзи велицѣ быша». Ип. 185. 188. Въ 1256 г. в. к. Александръ пошелъ на Емь; «и бысть золъ путь, акы же не видѣли ни дни, ни ночи, и *многимъ шестникомъ бысть пагуба*». I Новг. 56. Въ 1386 г. в. к. московскій ограбилъ новгородскихъ купцовъ и влобавокъ «тогда христіаномъ не бяше пути, но голъ ледъ по снѣгу». I Соф. 242. Въ 1393 г. «зима бысть студена вельми, и мрази нестерпимыи и множество безъ числа людей и скота изомроша». Ник. IV, 158. 252. Плано-Карпини жаловался на глубокій снѣгъ, холодъ и многія опасности путешествія по Россіи. Ист. Г. рос. III, пр. 27 и текстъ.

И лѣтнія пути сообщенія были не легче; не напрасно вмѣняется въ большую заслугу русскимъ богатырямъ, что они прокладывали и прочищали *дороги прямоѣзжія*. О торговыхъ дорогахъ ю. з. руси И. И. Срезневскій замѣтилъ: «Всѣ эти дороги шли не только чистымъ полемъ, но и чрезъ лѣса, были просѣкаемы, безъ сомнѣнія, не безъ долговременныхъ и тяжелыхъ усилій, и слѣдов. не одними прохожими ратниками». Дороги были очень плохи, такъ что ихъ нужно было поправлять передъ походомъ войска не только при св. Владимірѣ, но и при Д. И. Донскомъ [747]). Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ деревья падали и загораживали дорогу, которая едва была замѣтна, и путники постоянно сбивались съ нея и блуждали подолгу [748]). По лѣсамъ часто лежали на далекія пространства болота, по которымъ безъ гатей не было ни прохода, ни проѣзда; особенно отличались своими опасными болотами области новгородская и бѣлозерская, такъ что тамъ даже въ XIV в. могло заблудиться и погибнуть цѣлое войско [749]). Въ началѣ XV в. и во владимірской землѣ были *лѣса непроходимые и дебри пустынные*, по словамъ древнихъ памятниковъ. Непріятности лѣтняго путешествія увеличивались отъ множества насѣкомыхъ—комаровъ, оводовъ, мошекъ и осъ, а опасности грозили также отъ множества хищныхъ звѣрей, волковъ и медвѣдей [750]). Впрочемъ, нѣтъ нужды много

---

[747]) Изв. Акад. VIII, 314. Въ 1014 г. Владиміръ задумалъ идти войной на сына своего Ярослава новгородскаго и заказалъ: «требите путь,» т. е. исправляйте дороги и мостите мосты. Лавр. 56. Въ 1144 г. предъ походомъ войска тоже нужно было чинить гати. Ипат. 20. Д. И. Донской, собираясь идти на Мамая, велѣлъ мостить мосты и пытать броды. П. Собр. Л VI, 94.

[748]) Такъ въ 1170 г. Василько Ярополчичь поѣхалъ изъ Мстиславова и «зблудиша всю ночь». Ип. 98. Въ 1343 г. послѣ побѣды надъ Нѣмцами, Псковичи «безсоніемъ одурѣли, старыя и молодыя, и тако блудячи по лѣсу много ихъ погибло». I Пск. 189.

[749]) Въ 1316 г. войска в. к. Михаила тверскаго, возвращаясь изъ новгородской области, «заблудиша въ озерѣхъ и въ болотѣхъ и начаша мерети гладомъ, ядяху же и конину... и кожи съ щитовъ содирающе ядяху, а доспѣхи своя и оружья пожгоша, и пріидоша пѣши въ домы своя, а инія мнози изомроша, жваху бо тогда голенища своя и ременіе». I Новг. 71. Воскр. 187.

[750]) Ник. V, 40. Иностранные путешественники съ ужасомъ описываютъ русскіе пути сообщенія даже въ XVII в. Іосифъ Барбаро (XV в.) говоритъ: «Лѣтомъ въ Россіи никто не отваживается въ дальній путь, по причинѣ большой грязи и множества мошекъ, порождаемыхъ окрестными лѣсами, почти вовсе необитаемыми». Библ. иностр. пис. о Рос. I, 58. Плано-Карпини у Языкова, 25—27.

распространяться о дурныхъ дорогахъ до XV в., когда онѣ и въ позднее время служили одной изъ громадныхъ задержекъ развитія промышленности и торговли. Въ 1595 г. жители сельца Θедоровскаго яросл. у. представляли, что ихъ село лежитъ отъ Ярославля въ 50 верстахъ, отъ Костромы въ 50 верстахъ, отъ Любима въ полпятнадесяти серстахъ: «торговати ѣздити не мочно, грязи и болота великіе» [751]). Какъ скоро совершались сухопутныя путешествія въ древней Руси, можно заключить по слѣдующимъ даннымъ. Въ житіи Θеодосія записано, что купцы изъ Курска до Кіева шли съ товарами 3 недѣли; слѣд. по теперешней дорогѣ ок. 23 верстъ въ день, такъ какъ отъ Курска до Кіева считается 480 верстъ. Въ настоящее время богомольцы въ 3 недѣли проходятъ 800 верстъ. Въ жизнеописаніи Кирилла Бѣлозерскаго разсказывается, что князь бѣлевскій Михаилъ и княгиня Марія посылали двухъ бояръ къ преподобному въ монастырь съ милостынею; «путь же ихъ бяше, яко двадцатымъ днемъ шествія или множае» [752]). Здѣсь путешествіе свершилось вдвое скорѣе, чѣмъ поѣздка купцовъ изъ Курска до Кіева.

---

[751]) А. Эксп. I, № 362. Царь Алексѣй Мих. писалъ сестрамъ своимъ изъ пустоши Острожка: «мы перебрався на вьюки, пойдемъ сего дня и числа въ Царево-Займище, а грязи непроходимыя». Опис. Рум. Муз. № 316. Въ степной полосѣ Россіи въ древнее время путь имѣлъ свои невыгоды; Контарини (въ XV в.), проѣхавшій изъ Кіева до Астрахани и оттуда чрезъ Рязань въ Москву, пишетъ, что въ степи нѣтъ ни малѣйшаго слѣда дорогъ, что онъ и его спутники оставались не рѣдко цѣлые сутки безъ воды, не имѣя даже чѣмъ напоить лошадей. Библ. иностр. пис. I, 96. Дорога въ Югру и Самоядь была не проходима отъ лѣсовъ и горъ; «Есть же путь до горъ тѣхъ не проходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ; тѣмже не доходимъ ихъ всегда». Лавр. 107.

[752]) Ркп. Рум. Муз. № 319. л. 112, № 156, л. 55—56. Если бояре ѣхали изъ Бѣлева чрезъ Москву, то они въ три недѣли должны были сдѣлать болѣе 1050 верстъ; значитъ, проѣзжали по 50 верстъ въ день. Бояре княжескіе, конечно, могли ѣхать скорѣе купцовъ, которые шли *съ бремены тяжки*, какъ замѣчено въ рукописи; да притомъ отъ Курска до Кіева старая дорога могла быть не такая прямая, какъ теперь, а значительно больше 480 верстъ. Въ 1097 г. ослѣпили Василька въ Бѣлгородѣ (въ 24 в. отъ Кіева), привезли во Владиміръ волынскій через Вздвиженскъ на 6-й день. Ник. 1, 131. По вычисленію Лерберга, Русскіе плавали внизъ по Днѣпру по 70 верстъ въ день. Изслѣд. 320; Плано-Карпини съ купцами отъ Канева до Кіева (120 верстъ) ѣхалъ 6 дней слѣд. по 20 верстъ въ день. У Языкова стр. 61. Рубриквисъ опредѣляетъ путь между Дономъ и Волгой чрезъ мордовскую землю въ 10 дней пути. Чт. Общ. Ист. 1864 г. кн. 3, отд. IV, стр. 173. Въ 1389 г. м. Кипріанъ изъ Кіева въ Москву ѣхалъ въ вел. постъ (ок. 858 верстъ) болѣе мѣсяца. Ник. IV, 193.

Вообще много нужно было бы денегъ, если бы сосчитать и уплатить народу за трату того времени и перенесеніе тѣхъ трудовъ, какіе онъ положилъ на борьбу съ дикими звѣрями, на росчистку и обработку земли и культуру болотистой страны, на истребленіе лѣсовъ, выкорчеваніе пней, выборъ удобныхъ переправъ и бродовъ черезъ рѣки, запруду полтинъ, просѣки и росчистку дорогъ, наведеніе мостовъ и улучшеніе путей сообщенія.

При плохихъ путяхъ сообщенія, въ древней Руси оставалось много пустынныхъ незаселенныхъ пространствъ; съ одной стороны степи, съ другой лѣса разъединяли жителей. Села, деревни и починки разсѣяны были по лѣсамъ и стояли далеко одни отъ другихъ: поселяне жили отдѣльно другъ отъ друга и рѣдко имѣли сношенія между собою; промышленныхъ связей и интересовъ между ними было мало. Оттого въ мѣстностяхъ производительныхъ накоплялось много хлѣба отъ недостатка потребителей и неудобствъ сбыта, а въ тоже время въ другихъ областяхъ безъ подвоза хлѣба люди умирали съ голода. При раздробленности населенія и отсутствіи частаго обмѣна произведеній, происходилъ застой въ промышлинныхъ предпріятіяхъ. Не имѣя возможности и надежды сбывать свои произведенія и доставать для себя все необходимое для обезпеченія требованій жизни, жители не могли заниматься промыслами, условливаемыми свойствомъ и характеромъ ихъ мѣстожительства, и поневолѣ должны были сами стараться объ огражденіи себя отъ холода и голода. А извѣстно, что нельзя ожидать усовершенствованія технической стороны промышленныхъ занятій тамъ, гдѣ населеніе по большей части занимается въ одно и тоже время и хлѣбопашествомъ, и плотничествомъ, и печнымъ мастерствомъ, и шитьемъ одежды и т. дал. При томъ вся забота этихъ мастеровъ сосредоточивалась на томъ, чтобы было сытно, тепло и прочно, а не обращалось вниманія на улучшеніе производства, чтобы произведенія находили скорый и выгодный сбытъ. Ремесленному человѣку древней Руси трудно было рѣшиться на далекое и неблагодарное путешествіе на заработки; п. ч. потребность въ такихъ рабочихъ была развита такъ мало, что значительная часть страны сама могла удовлетворять ей, не прибѣгая къ чужой помощи. Не до удобствъ и прихотей было

нашимъ предкамъ, когда скупяя природа требовала большихъ трудовъ отъ нихъ, чтобы только завоевать насущное и прожить безбѣдно. При ограниченности нуждъ и простотѣ жизни, народъ не чувствовалъ необходимости въ раздѣленіи труда, не имѣлъ почти центровъ ремесленности, когда большая часть городовъ похожи были на огороженныя села. Начинающаяся роскошь высшихъ классовъ легко удовлетворялась вывозомъ произведеній иностранной промышленности. Получая ихъ готовыми, Россія, за не достаткомъ удобныхъ береговыхъ протяженій и углубленная внутрь континента, прилегая къ суровому океану, оставалась оторванной отъ народовъ европейскихъ, не видала самаго производства товаровъ, изобрѣтеній и улучшеній иностранныхъ.

Русскій народъ, разсыпанный на громадномъ пространствѣ, постоянно переходилъ съ мѣста на мѣсто, искалъ себѣ плодородной почвы, рыбныхъ рѣкъ, бортныхъ ухожаевъ и другихъ багатыхъ экономическихъ условій природы. Это кочеванье, это исканіе льготной жизни не могло содѣйствовать развитію ремесленности, водворенію порядка и красоты въ домѣ, возбудить желаніе удобствъ и улучшенія построекъ. Человѣкъ, который селился на годъ—на два, естественно, считалъ все это лишнимъ для себя; п. ч. нелѣпо было бы заводить хорошія вещи для того только, чтобы ихъ послѣ бросить и приниматься опять за ихъ устройство на другомъ мѣстѣ.

При такомъ суровомъ порядкѣ дѣлъ, промышленные и торговые люди много истрачивали времени и труда совершенно безполезно. Въ западной Европѣ, гдѣ населеніе было густо, пространства не длинны, пути сообщенія болѣе удобны,—капиталы купцовъ могли обернуться раза два въ годъ; въ Россіи же не льзя было на нихъ сдѣлать оборота и одинъ разъ.

Физическія бѣдствія, которыхъ такъ много выпало на долю нашихъ предковъ, имѣли вредное вліяніе на ходъ промышленной дѣятельности древняго русскаго человѣка. Въ XI—XIV в. неурожаевъ насчитывается на Руси до 27; въ большей части этихъ случаевъ народъ умиралъ съ голода. Моровыя повѣтрія и повальныя болѣзни, истребляя значительную часть населенія, лишали страну, и безъ того нуждавшуюся въ рабочихъ рукахъ, производительныхъ членовъ

общества. Моръ иногда былъ такъ опустошителенъ, что истреблялъ народонаселеніе цѣлыхъ городовъ, какъ было въ Смоленскѣ въ 1387 г., когда оставшіеся 5 человѣкъ вышли изъ города и затворили за собою его ворота [753]). Частые пожары древней Руси истребляли не рѣдко цѣлые города, гостинные ряды съ товарами и всѣ пожитки гражданъ въ поляхъ или въ лодкахъ на рѣкѣ, гдѣ расчитывали спасти ихъ отъ пламени [754]). Так. обр. капиталъ, нажитый долговременнымъ трудомъ и бережливостью, вдругъ уничтожался, вмѣсто того, чтобы возрастать постепенно, переходя къ потомкамъ. Сюда же нужно отнести опустошительные лѣсные пожары, которые происходили большею частью при росчисткѣ пашни подъ посѣвъ [755]). Положимъ, лѣса для нашихъ предковъ служили враждебнымъ препятствіемъ для хлѣбопашества и для сбыта произведеній промышленности; но съ другой стороны, слѣдствіемъ лѣсныхъ пожаровъ было истребленіе дикихъ пчелъ и строительнаго

---

[753]) II Новг. 183. Нѣтъ нужды подробно вычислять разныя физическія бѣдствія древней Руси: объ этомъ можно читать въ исторіи г. Соловьева; также Рус. Нар. и Гос. стр. 451—485. 505 и дал. Москвит. 1854 г. № 5 стр. 50. Сѣверно-рус. народопр. II, 164—174.

[754]) Въ 1124 г. Кіевъ сгорѣлъ чуть не весь. Лавр. 128. Въ Новгородѣ было 33 пожара въ три столѣтія, съ 1231 по 1400 г. насчитывается 26 пожаровъ; въ XII в. записано 7, въ XIII—7, въ XIV—19. Въ Москвѣ въ 1330—1400 г. было 9 пожаровъ; въ 1183 г. погорѣлъ г. Владиміръ, чрезъ 9 лѣтъ опять весь, потомъ чрезъ 6 лѣтъ—въ третій разъ; въ 1183 г. погорѣлъ весь Городенъ; въ 1194 г. горѣли торговые города—Руса, Ладога и Городище; въ 1211 г. Ростовъ, въ 1221 г. Ярославль, въ 1300 г. Торжокъ и т. дал. Многіе изъ этихъ пожаровъ были весьма опустошительны, истребляли всѣ товары и раззоряли купцовъ. Въ Новгородѣ 1152 г. выгорѣлъ весь торгъ; въ 1211 г. сгорѣло 4030 дворовъ и 15 церквей; въ пожаръ 1217 г. «не остася ни хорома; а кто бяше вьбѣглъ въ камяныя божницы съ товары, а ту изгорѣша и сами съ товары, а въ варязьской божници изгорѣ товаръ весь варязьскый, безъ числа». Въ 1367 и 1340 г. въ лодкахъ и огородахъ «много товаровъ погорѣ». Въ 1275, 1299, 1311 г. выгорѣлъ торгъ; въ 1385 г. «у купцовъ въ коробіяхъ всякаго товара много погорѣ». I Новг. II, 22. 31. 35. 59. 63. 66. 70. 80. 81. 82. 93. 95.

[755]) О лѣсныхъ пожарахъ упомянуто въ 1092, 1223, 1298 г. Лавр. 92. 189. 208. Ник. I, 119. 231. II, 347. III, 95. 129. V, 8. При древнемъ способѣ росчистки лѣса подъ пашню, трудно было уберечься отъ пожара въ лѣсной чащѣ и глуши. Въ житіи Кирилла Бѣлозерскаго переданъ замѣчательный фактъ, какъ этотъ подвижникъ пришелъ на Бѣлоозеро въ густой боръ: «събравше хврастіе, мысляше бо зѣліе нѣкое насѣяти, за еже скудно мѣсто бяше и пусто и тако хврастіе оно зажегшу, вѣтру велію бывшу и дыму съ пламенемъ, отовсюду святаго окружившу и отъ дыму невѣдущу, камо бѣжати». Ркп. Рум Муз. № 152, л. 38.

матеріала; дикія птицы и пушные звѣри, окруженные пламенемъ, дѣлались его добычею, или спасались бѣгствомъ и находили пріютъ въ глуши, далеко отъ жилья человѣка.

Но всѣ эти не благопріятныя обстоятельства воспитывали въ русскомъ народѣ мужество и терпѣніе, стойкость, выносливость въ трудахъ, потеряхъ и лишеніяхъ; по этому указанныя задержки, взятыя однѣ, не остановили бы обычнаго теченія промышленныхъ занятій, если бы не было другихъ препятствій, которыя лежали въ свойствахъ международныхъ средневѣковыхъ отношеній и въ условіяхъ общественной жизни древней Руси.

Постоянныя непріязненныя отношенія къ древней Руси окрестныхъ народовъ служили сильной задержкой промышленнаго развитія страны. Югозападная украйна Руси цѣлые четыре столѣтія страдала отъ нападеній кочевыхъ азіатскихъ народовъ. Сперва притѣсняли и раззоряли ее Авары и Козары, потомъ ихъ смѣнили Печенѣги и Половцы и наконецъ довершили дѣло Татары. Всѣ эти народы жгли русскія села, уводили жителей въ плѣнъ, угоняли табуны и стада и опустошали посѣвы; кромѣ того, они задерживали и затрудняли торговыя движенія Русскихъ по Днѣпру, Дону, Дунаю и Днѣстру [756]). Торговые караваны должны были въ X—XII в. идти не иначе, какъ вооруженные въ сопровожденіи войска и сражаться на пути съ Печенѣгами и впослѣдствіи съ Половцами, которые не давали проѣзда Русскимъ на торговыхъ путяхъ. Въ 1166 г. в. к. Ростиславъ послалъ вѣсть къ братьямъ и сыновьямъ, чтобы шли къ нему съ войсками,—и собрались къ нему 12 князей изъ 12 областей и пошли встрѣчать ѣдущихъ купцевъ изъ Греціи и съ Дуная, «стояша у Канева долго время, дондеже взиде Гречникъ и Залозникъ, и оттолѣ возвратишася во сво-

---

[756]) Образчикомъ половецкихъ нападеній можетъ служить набѣгъ ихъ въ 1093 г: «лукавіи сынове измаилевы пожигаху села и гумна и многы церкви запалиша огнемъ... много хрестьянъ изрублено бысть, а друзіи полонени и расточени по землямъ... городи вси опустѣша, села опустѣша; прейдемъ поля, идѣже пасома бѣша стада конь, овця и воловь, все тоще нонѣ видимъ, нивы лядиною поростьше, звѣремъ жилища быша». Такъ было съ г. Торческомъ и всей страной по р. Роси; а въ 1169 г. Половцы «пріѣхаша къ Полоному и къ Семычю, и взяша села безъ утеча съ людми, съ мужи и съ женами, конѣ и скоти и овцѣ погнаша въ Половцѣ». Лавр. 95. 153. Въ 1173 г. Русскіе 400 человѣкъ отполониша чади». Ип. 106.

яси». Области черниговская и переяславская въ XII в. совершенно были опустошены Половцами. Однихъ значительныхъ ихъ нападеній на юго-западную Русь насчитывается 37 [757]). Кромѣ половецкихъ нападеній, нужно упомянуть о вторженіяхъ Венгровъ и Поляковъ; послѣдніе не рѣдко разбойнически грабили русскихъ купцевъ [758]). Нашествіе Татаръ довершило упадокъ промышленныхъ силъ юго-западной Руси: отъ Владиміра волынскаго до Кіева, города и и села были выжжены; жителей однихъ увели въ плѣнъ, другихъ вырубили; въ битвѣ при Калкѣ (1224 г.), по словамъ лѣтописца, «единѣхъ Кіянъ изгибе 10,000». Въ 1238 г. Татары прошлись съ огнемъ и мечемъ по Россіи, «а все люди сѣкуще яки траву»; въ 1283 г. «по отшествіи Телебузинѣ и Ногаевѣ, Левъ князь (галицкій) сочте колко погибло въ его землѣ людій: што поимано, избито и што ихъ волею божіею измерло, полтретьинадесять ($12^1/_2$) тысячь» [759]). Истребляя народонаселеніе, отнимая пожитки у народа, Татары парализировали экономическое благосостояніе древней Руси; возбудивъ торговое движеніе по Волгѣ, они вмѣстѣ съ тѣмъ, при первой размолвкѣ съ Русскими, грабили ихъ купцевъ. Между Волгой и Дономъ въ XIII в. бродили толпы разноплеменныхъ разбойниковъ, которыхъ соединяла всѣхъ корысть и жажда грабежа въ одинъ народъ особенный; они задерживали торговое движеніе по Дону и Волгѣ [760]).

---

[757]) Ипат. 84. 93. 94. 97. Ник. I, 201. 204.

[758]) Ляхи ограбили ѣдущихъ изъ Моравіи русскихъ купцовъ. Ист. Рос. Татищева подъ 1129 г. Въ 1279 г. посланъ былъ изъ Галича хлѣбъ къ Ятвягамъ, а его разграбили на р. Прутѣ. Ипат. 207—208.

[759]) Путеш. къ Татарамъ, Языкова 9—11. Воскр. 132. Ник. II, 354. I Новг. 52. Ипат. 212. Въ XIV в. были постоянныя опустошенія отъ Татаръ рязанской украйны и самой Москвы; отъ этихъ нападеній богатые купцы переселялись или совершенно раззорялись. Ист. Гос. рос. V, пр. 45. При нашествіи Тохтамыша вся Москва была раззорена, разграблена государева казна и церкви; народу погибло 24,000. Къ этому древній повѣствователь прибавляетъ: «пріидемъ же о взысканіи прочихъ и многихъ бояръ старѣйшихъ, ихъ же *казны долговременьствомъ сбираеми и благоденьствомъ исполнения*, хранильница ихъ исполнь богатства и многоцѣннаго имѣнія неизчетна, то вси взяша на расхищеніе; и паки другіе суще въ градѣ сурожане, суконники и купци, ихъ же суть храми наполнени богатства, всякаго товара, и та вся расхитиша». П. Собр. Л. VI, стр. 101—102. 103.

[760]) Ист. Гос. рос. III, пр. 164 и 304. Татары въ 1273 г. пограбили новгородскихъ гостей на Костромѣ. Ник. III, 57. Въ 1361 г. «Булактемиръ, князь

Иноземцы и Русскіе въ торговыхъ сношеніяхъ подозрительно и недовѣрчиво смотрѣли другъ на друга, и при малѣйшемъ поводѣ разгарались между ними вражда и ссоры. Всѣ почти торговые договоры наполнены условіями о сборѣ штрафа въ случаѣ обиды, оскорбленій, дракъ и убійства между купцами. Опасеніе Грековъ и недовѣріе ихъ къ русскимъ купцамъ ясно выразились въ договорахъ Олега и Игоря; тамъ означено, въ какомъ числѣ они должны входить въ городъ, сколько времени гостить въ Греціи, какіе документы представлять въ доказательство своихъ мирныхъ торговыхъ цѣлей и т. дал. Отъ частой вражды между купцами всегда почти дѣло доходило до войны международной [761]). Торговыя связи Новгорода и Пскова съ ганзейскими городами представляютъ цѣпь обидъ, задержекъ и грабежей, которымъ подвергались купцы въ иностранныхъ городахъ. Нѣмцы задерживали новгородскихъ торговцевъ при первой размолвкѣ, сажали ихъ въ погребъ, конфисковали товары, иногда по одному недоразумѣнію и подозрѣнію. Русскіе платили имъ тѣмъ же. Иноземцы подстерегали русскихъ купцовъ во время пути, нападали на нихъ разбивали и грабили. Русскіе отвѣчали имъ тѣмъ же. [762]). Не согласія политическія съ Ливонскимъ орденомъ постоянно мѣшали новгородской торговлѣ, такъ что по убѣжденію начальниковъ ордена общинные купцы иногда прекращали съ Новгородомъ вся-

---

ординскій Болгары взялъ и всѣ городы по Волгѣ и улусы и отня весь Волжскій путь... Тогда же ограбиша въ ордѣ князей ростовскихъ». П. С. Лѣт. VIII. 11. Арапша и Тохтамышъ били и грабили многихъ русскихъ гостей въ Болгарахъ и на Волгѣ. Ник. IV, 54. Темиръ-Аксакъ «въ разанской землѣ и обаполъ Дона реки пусто вся сотвориша». Ник. IV, 260.

[761]) Лавр. 14. 20-21. Изв. Виз. Истор. III, 107-108. Изслѣд. Лерберга. 219.

[762]) Въ 1130 году избили много новгородскихъ мужей въ Клину (Wagia), дерптс. окр. Ист. Рос. съ древн. врем. II, стр. 101. Въ 1142 г. Шведы напали на гостей въ Балтійскомъ морѣ. I Новг. 6. 9. Въ 1188 г. былъ разладъ съ Готландцами и не пустили гостей ни къ нимъ, ни къ Варягамъ. Ок. 1200 года опять раздоръ былъ съ Варягами. I Новг. 20. 21. О частыхъ ссорахъ и стараніи предупредить ихъ на будущее время подробно изложено въ договорѣ 1199 г. Изв. Акад. VI, стр. 155—166. Въ 1225 г. Литва напала на новгородскія волости, грабила около Новгорода, Торопца, Торжка, Смоленска и до Полоцка, «и гость биша многъ». Въ 1239 г. Нѣмцы опустошили новгородскую область, не доходя верстъ 30 до Новгорода, гоняли «гостей бьючи» I Новг. 42. 53. Ссоры съ Нѣмцами повторялись ок. 1263 и 1270 г. Изв. Акад. VI, 168—171. Urkund. G. Hans. II. 97. 98.

кія спошонія [763]). При всемъ видимомъ стараніи о безопасности и покровительствѣ торговыхъ сношеній, при всемъ усиліи выгораживать купцовъ отъ не пріятностей во время розмирья, доставить имъ путь чистый безъ рубежа,—торговцы все-таки первые расплачивались въ случаѣ политическихъ не согласій. Новгородцы грабили нѣмецкихъ купцовъ въ Новгородѣ, разбивали ихъ гостинный дворъ; а Нѣмцы били и грабили русскихъ гостей [764]). Особенно богатъ былъ раздорами между Русскими и Нѣмцами XIV вѣкъ; тогда въ Новгородѣ нѣсколько разъ закрыта была купеческая нѣмецкая контора и совѣтъ Любека рѣшилъ — было совсѣмъ перевести ее оттуда въ Ливонію [765]). Даже въ мир-

---

[763]) Въ 1268 г. Кондратъ фонъ-Мандернъ, начальникъ Ливонскаго ордена, убѣдилъ любецкій магистратъ не посылать товаровь въ Новгородъ; тоже было въ слѣдующемъ году. Cod. dipl. Lubec. № CCCV, стр. 290. № CCCXV, стр. 297. № CCCXCI, стр. 360.

[764]) Въ 1274 г. Новгородцы нанесли обиды и оскорбленія и насильственно отнимали товары у Любецкихъ купцовъ на Нѣмецкомъ дворѣ въ Новгородѣ. Cod. dipl. Ludec. № CCCLIX, стр. 335. Въ 1283 г. «внидоша Нѣмци ратію Невою въ озеро Ладожское и избиша Новгородцевъ обонѣжскихъ купцовъ». I Новг. 64. Въ 1288 г. Русскіе отняли товары у Нѣмецкихъ гостей при проѣздѣ ихъ отъ Новгорода къ Пскову. Urk. G. Hans. II, № LXX, стр. 156. Въ 1291 г. ограбленъ былъ торговый Нѣмецкій дворъ и нельзя было найти виновныхъ. Тамъ же LXXIII, стр. 163—166. Въ 1295 г. шведскій король Биргеръ убѣждалъ Любчанъ, чтобы не торговали они съ Русскими. Cod. dipl. Lubec. № DCXXXI, стр. 570.

[765]) До 1302 г. непріязненныя отношенія у Новгорода были съ Даніей. Въ 1317 г. «приходиша Нѣмци въ озеро Ладожское, и побиша много Обонижьскихъ купець». Въ 1323 г. Нѣмцы побили псковскихъ гостей на Ладожскомъ озерѣ. I Новг. 68. 72. I Пск. 184. Не удовольствія были съ Шведами до 1323 и до 1339 г. IV Новг. 50. II Новг. 79. Antiqu. Rus. II, 490. Въ 1337 г. «Корела подведши Нѣмець, побиша Русь, Новгородцевъ много и Ладожанъ гостей, и кто жилъ христіанъ въ Корелѣ». I Новг. 78. Ок. 1338 г. неудовольствія Новгорода были съ Ливонскимъ орденомъ: въ Дерптѣ убили русскаго посла. Urk. G. Hans. II, № CXLII, 349—350. Въ 1349 г. «Олигердъ гостей псковскихъ поруби въ Полоцкѣ и Литвѣ, товаръ отня, а на самыхъ окупъ имавъ отпусти». I Пск. 190. Въ 1362 и 1363 г. Нѣмцы били псковскихъ гостей на Лудвѣ (Гдовс. уѣз. Псков. губ.); Новгородцы и Псковичи задержали нѣмецкихъ гостей, а въ Юрьевѣ псковскихъ и новгородскихъ; въ 1367 г. повторилось тоже; контора нѣмецкая въ Новгородѣ была закрыта. I Новг. 88. 89. Не согласія продолжались до 1370 г. Livl. Urkund. III, 3, 259. Жалобы и безполезные переговоры о мирѣ были ок. 1375 г. Доп. къ А. И. I, № 7. Въ это время томили въ оковахъ въ Дерптѣ новгородскаго купца Абакума и съ нимъ четырехъ другихъ; Новгородцы арестовали нѣмецкаго купца Іоганна фонъ—Бруне́лаке. Livk. Urk. III, 4, 297. 311. Въ 1386 г. по случаю несогласій съ орденомъ Ганзейскій союзъ хотѣлъ перевести торговлю изъ Новгорода въ Ливонію; несогласія продолжались 9 лѣтъ, и только въ 1391 г. поставили Нѣмцы въ Новгородѣ дворъ свой изнова; въ слѣдующемъ году

ное время не безопасно было для купцовъ на чужой сторонѣ: часто по дѣламъ частныхъ лицъ на всѣхъ иностранныхъ торговцевъ падало взысканіе, и они отвѣчали собственнымъ имуществомъ. Съ другой стороны, ганзейскіе купцы постоянно испытывали нападенія разбойниковъ, которые большими шайками разгуливали по Балтійскому морю и грабили торговыя суда. Духъ средневѣковой отваги и предпріимчивости побуждалъ молодежь искать раздольной жизни, приключеній и отваги; по понятіямъ тогдашняго времени, лучшимъ приложеніемъ силы и удали считалась борьба съ проклятыми бесерменами: насолить имъ разными неправдами—было дѣломъ похвальнымъ. Частыя войны съ врагами пріучали народъ къ разбойническимъ набѣгамъ на мирныхъ жителей и къ нападеніямъ на торговцевъ. Новгородскіе удальцы, подобно Норманамъ, предпринимали опустошительныя нападенія на иноземцевъ и плавающихъ по морю купцовъ [766]). Иностранцы тоже не оставались въ долгу и разбивали русскихъ купцовъ едвали не чаще, чѣмъ русскіе молодцы [767]). Какъ въ Россіи, такъ и въ западно-европейскихъ государствахъ, шайки разбойниковъ организованы были на манеръ военныхъ командъ и предводителей выбирали часто изъ знатныхъ бояръ. Эти шайки служили бичемъ торговли и промышленности; государства принуждены бывали дѣй-

---

дворъ этотъ былъ сожженъ раздраженными Новгородцами и нѣмецкая церковь повреждена. I Новг. 95. 96. Несогласія прекращены миромъ 1392 г. Livl. Urkund. II, 691. 699. Но въ 1400 г. совѣтъ Дерпта и Ревеля запретилъ торговать съ Русскими, плавать по Невѣ и принимать русскихъ купцовъ подъ опасеніемъ потери имущества и самой жизни. Тамъ же IV, 3. 334.

[766]) Разбойническіе набѣги новгородскихъ *ушкуйниковъ* (отъ сл. *ушкуй*—лодка) на племена финскія, на Мурманскій берегъ или Норвегію (Норманны—Nordman) начались очень рано. Въ 1186 г. они опустошали Емь и добыли полона; въ 1320 г. и 1349 г. ходили новгородскіе *молодцы* на Норвежцевъ; въ 1339 г. опустошали нѣмецкую Корелу, т. е. подвластную Шведамъ. I Новг. 19. 78. IV Новг. 49. 59. Изслѣд. Лерберга. 111.

[767]) Въ 1300 г. Рижане избили Новгородцевъ и товаръ поотнимали. Изв. Акад. X, 637. Въ 1349 г. Корела Двинянъ грабили за моремъ. Опис. Рум. Муз. стр. 107. О корельскихъ разбойникахъ см. Ист. Гос. рос. IV, пр. 173—175. Въ 1375 г. у Новгородцевъ «взялѣ товаръ предъ Невою разбойники» и у Стекольмѣ. Доп. къ А. И. I, № 7. Въ 1377 г. ограбили русскихъ купцовъ на Эмбахѣ, а въ Новгородѣ задержали по этому ревельскихъ купцовъ. Livl. Urk. III, 4. 331. 333. Въ 1392 г. пришедше съ моря разбойници Нѣмцы въ Неву, взяша села по обѣ стороны рѣки, за 5 верстъ до г. Орѣшка». I Новг. 96. Въ тоже время ограбили и убили купца Моисея съ сыновьями и товарищами въ Нарвѣ также разбили другихъ новгородскихъ торговцевъ. Тоже повторилось въ 1395 г.

ствовать противъ нихъ соединенными силами и заключали по этому случаю договоры. Съ цѣлью преслѣдованія разбойниковъ содержалась особая стража торговыми городами и собирался на этотъ предметъ особый сборъ; но иногда всѣ мѣры оставались тщетными, и государства заключали миръ съ самими разбойниками [768]). Отношенія Смоленска, Витебска и Полоцка къ Ригѣ и ганзейскимъ городамъ были похожи на связи Новгородцевъ съ Нѣмцами: тамъ тоже встрѣчаются договоры не довѣрчиваго характера, условія объ-охраненіи иноземныхъ купцовъ,—и въ тоже время частыя не мирныя отношенія, грабежи и разбои [769]).

Внутреннее состояніе Россіи до XV в. не могло содѣйствовать развитію народной промышленности. Постоянныя областныя междоусобныя войны, истребляя много народа и имущества, мѣшали спокойному занятію и сельскими промыслами и городскими. Въ 1055—1238 г. было 80 областныхъ войнъ; нѣкоторыя изъ нихъ тянулись 12—17 лѣтъ сряду. Конечно, при небольшомъ состояніи жителей, легко было захватить съ собой, что поцѣннѣе и скрыться въ лѣсъ, а послѣ снова устроиться; но если взять во вниманіе, какъ велись древнія войны, сколько было растери имущества отъ нихъ, то ущербъ экономическій окажется значительнымъ, особенно въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ постройки были цѣннѣе и скопленія богатства больше. Войска, вступая въ область враговъ, шли *въ зажитіе*, т. е. грабили продо-

---

768) Въ 1382 г. ганзейскіе города заключили перемиріе съ морскими разбойниками; а въ 1386 г. датская королева Маргарита заключила съ ними миръ на 4 года. Для содержанія стражи противъ разбойниковъ ганзейскіе города въ 1393 г. употребляли пошлинный сборъ съ новгородскихъ гостей. Livl. Urkund. III, 4, 398; 5, 124. 406.

769) Ок. 1195 и до 1259 г. учинилась «тяжа межи Новгородци и межю Нѣмци и Гты». При заключеніи мира ок. 1195 г. постановлено брать штрафы въ случаѣ побой и оскорбленій иностранцевъ. Грам. кас. снош. съ Ригой. № № 1 и 2. Въ грамотѣ 1265 г. сказано: «А што ся въ рать дѣяло и въ рубежехъ, про то вамъ не мьщати». До 1297 г. ок. Риги убили и ограбили смоленскихъ купцовъ. Тамъ же. № № 2 и 3. Ок. 1300 г. Рижане писали витебскому князю Михаилу Константиновичу о разбояхъ и обидахъ, нанесенныхъ ихъ торговцамъ въ его области. Изв. Акад. X, 633 — 636. Въ 1367 г. Ольгердъ и Кестутій, князья литовскіе, заключили договоръ съ нѣмецкимъ орденомъ, чтобы общими силами дѣйствовать противъ воровъ и разбойниковъ. Livl. Urk. II, 772 — 773. Послѣднія двѣ грамоты такъ важны, что мы сочли нужнымъ напечатать ихъ цѣликомъ въ приложеніи къ настоящему сочиненію.

вольствіе для воиновъ, забирали хлѣбъ, угоняли скотъ, уносили все, что подвернется подъ руку. Веденіе войны было раззореніемъ страны: непріятель опустошалъ поля, жегъ города и села, тащилъ все, что можно унести съ собою и забиралъ въ плѣнъ всѣхъ попавшихся жителей. Владиміръ Мономахъ пишетъ о взятіи Минска: «изъѣхахомъ городъ и не оставихомъ у него ни челядина, ни скотины». Вотъ образецъ веденія войны въ древнее время [770]). Во время междоусобныхъ войнъ поселяне страдали ужасно: ихъ обращали въ рабовъ, а труды ихъ по земледѣлію, скотоводству и другимъ промысламъ уничтожались въ короткое время. Горько жалуется пѣвецъ Слова о Полку Игоревѣ, какъ рѣдко слышны были по русской землѣ крики ратаевъ. Доставляя силы и средства для частыхъ войнъ, обогащавшихъ дружину, народъ истощалъ только свои труды, не получая никакого вознагражденія. Мало этого: дружина притѣсняла и раззоряла часто жителей мирныхъ и союзныхъ областей; совѣтъ Мономаха сыновьямъ даетъ объ—этомъ весьма хорошее понятіе: «если случится вамъ ѣхать по своимъ землямъ куда, то не давайте отрокамъ обижать жителей ни своихъ, ни чужихъ, ни въ селахъ, ни на поляхъ, чтобъ послѣ не проклинали васъ» [771]). При постоянныхъ областныхъ

[770]) Лавр. 102. Ник. I, 134. Слѣдующіе факты покажутъ, какъ раззорительны были междоусобія для промышленныхъ людей: въ 1135 и 1136 г. Ольговичи «взяша Городокъ и Нѣжатинъ, и села пожгоша, и Баручь пожгоша, а люδье уидоша, и многъ полонъ взяша, скоты и конѣ... По Сулѣ много пакости сотвориша». Лавр. 132. 135. Въ 1149 г. Изяславъ Мст. вывелъ изъ ростовской земли 7,000 жителей; а въ 1160 г. изъ смоленской обл. войска съ Изяславомъ Дав. «взяша душъ болѣ тмы», т. е. 10,000. Ип. 87. Въ 1141 г. «поима Всеволодъ городы Гюргевѣ, конѣ, скотъ, овцѣ и кдѣ чьто чюя товаръ»; въ 1157 г. Мстиславъ пошелъ къ Дорогобужу. «воюя и жга села и много зла сотвори». Лавр. 135. Ип. 18. 19. 20. I Новг. 14. То же было ок. Новгорода въ 1173 г. Ип. 105. Въ 1177 г. владимірскую обл. опустошали то Всеволодъ, то Глѣбъ; они пожгли села боярскія, взяли кони и скотъ. Въ 1178 г. выжгли Торжокъ и Волокъ Ламскій, «жита пожгоша и до всего». Лавр. 158. 162. 163. Въ 1180 г. Святославъ съ союзниками «положиша всю Вългу пусту, и городы всѣ пожьгоша». I Новг. 17. Въ 1196 г. Романъ и Ольговичи пожгли вятскіе городы, а Владиміръ съ сыномъ пожгли волости Романовы ок. Перемышля и Каменца: «тако ополонившеся челядью и скотомъ и отместившеся». Ип. 149. То же было ок. Торческа въ 1207 г. Лавр. 181. См. еще Ип. 180. Ник. II. 309.

[771]) Лавр. 102. Въ 1216 г. Мстиславъ Мст. посылалъ въ зажитіе своихъ союзниковъ Новгородцевъ въ свою торопецкую волость и заказывалъ не хватать людей: «идѣте въ зажитія, толико головъ не емлѣте». I Новг. 34. Ник. II, 237. 239. 306. 322. III, 211.

ссорахъ и дракахъ, купцамъ доставалось прежде всѣхъ: какіе были изъ не пріятельской земли, ихъ тотчасъ сажали въ погребъ и грабили ихъ товары. Чтобы довести до крайности враждебную область, загораживали пути сообщенія и не пускали туда торговцевъ; это средство особенно часто употреблялось противъ Новгорода [772]). Внутреннія смуты, возникавшія по городамъ и особенно раздиравшія часто Новгородъ и Псковъ, служили также препятствіемъ промышленной дѣятельности, часто лишая имущества зажиточныхъ гражданъ [773]). Мирныя торговыя сношенія Русскихъ съ подвластными имъ инородцами нарушались также очень не рѣдко [774]).

---

[772]) Грабежи купцовъ происходили, какъ выше показано, въ 1137, 1141, 1148, 1178, 1216, 1339, 1340, 1368. 1372, 1373. См. выше примѣч. 544. 545. 547. 555. 561. Въ дополненіе къ этому можно указать на слѣд. явленія: 1161 г. «Приде вѣсть Ростиславу въ Кіевъ, оже ему сынъ ятъ Новѣгородѣ, и повелѣ изоимати Новгородци и уметати ѣ въ Пересеченьскый погребъ, и въ едину ночь умре ихъ 14 мужи». Ип. 81. 88. I Новг. 15. Въ 1175 г. Ярославъ попрода весь Кіевъ, Латину, и затворы (лавки), и гость. Лавр. 156. Въ 1178 г. «зая Всеволодъ гость новгородскій». IV Новг. 15. Въ 1203 г. Русскіе съ Половцами взяли и ограбили Кіевъ; «а что гостя иноземця всякаго языка затворишася въ церквахъ,—и вдаша имъ (Половцы) животъ, а товаръ съ ними раздѣлиша на полы». Ип. 111. Въ 1210 г. задержанъ былъ подвозъ хлѣба изъ суздальской въ новгородскую землю. Ник. II, 308. Въ 1215 г. зая князь (Ярославъ Всевол.) вьрьшь на Тържьку, не пусти въ городъ ни воза... а Новгородѣ зло бысть вельми... О горе тъгда, братье, бяше! дѣти своѣ даяхуть одерень, и поставиша скудельницю, и наметаша полну... Разыдеся власть наша и градъ нашъ» I Новг. 31. 33. IV Новг. 20. Въ 1218 г. Мстиславъ въ Торжкѣ «изыма Бориса Некушинича, поимавъ товара много». IV Новг. 26. Въ 1233 г. не пускали купцовъ во Псковъ изъ Новгорода. I Новг. 48. Въ 1235 г. при Изяславѣ въ Кіевѣ «и на Нѣмцихъ имаша искупъ князи» I Новг. 50. Въ 1312 г. тверской князь Михаилъ Яросл. занялъ Торжокъ и Бѣжецкъ и не пускалъ хлѣбъ въ Новгородъ. I Новг. 70. Изъ договора 1317 г. видно, что тверской князь грабилъ по своей волости гостинный товаръ и купецкій у Новгородцевъ, которые тоже дѣлали съ гостями тверскими. Въ договорѣ 1318 г. сказано: «а силою ти гостя не перенимати въ Тверь». Собр. грам. I, №№ 12 и 14. Въ 1323 г. Устюжане перехватали Новгородцевъ, ходившихъ въ Югру. I Новг. 74. См. также III Новг. 230. Собр. грам. I, №№ 17. 28. IV Новг. 68. 70. 94. I Новг. 96. I Соф. 250. О притѣсненіяхъ Новгородцевъ см. I Новг. 8. 9. 10. 31. 33. 35. 41. 48. 63. IV Новг. 25.

[773]) Въ 1230 г. въ Новгородѣ много дворовъ разграбили, и лѣтописецъ замѣчаетъ: «Добытъкъ Сменовъ и Водовиковъ раздѣлиша, они трудиша ся събирающе, а си въ трудъ ихъ внидоша». Въ 1332 и 1342 г. села грабили у богатыхъ владѣльцевъ. I Новг. 46. 47. 76. 82. Въ 1361 г. «взяша села Селивестрова на щитъ, а иныхъ селъ славенскыхъ много взяша, а и не виноватыхъ людей тогда бѣ много погыбло». I Новг. 87.

[774]) Въ 1187 г. избито было до 100 человѣкъ бояръ новгородскихъ въ Югрѣ, Печерѣ и за Волокомъ. I Новг. 19. 21. Тоже было въ 1329 и 1357 г. IV Новг. 15. 63.

Промышленная дѣятельность ростетъ и развивается въ той странѣ, которая наслаждается миромъ и имѣетъ правый судъ, ограждающій имущество частныхъ лицъ отъ вліянія произвола. При недостаткѣ этихъ условій, зависимость отъ случайности порождаетъ застой въ промышленомъ и торговомъ движеніи, ослабляя кредитъ, убиваетъ предпріимчивость и развиваетъ систему обмана.

Не имѣя спокойствія и безопасности отъ частыхъ внутреннихъ смутъ, народъ древней Руси не имѣлъ и прочной опоры на судѣ: старинное правосудіе было слабо и не могло способствовать развитію промысловъ. Кіевъ и Вышгородъ въ XI в. и владимірская область раззорены были отъ дурнаго правосудія бояръ, точно такъ же, какъ и жители береговъ Сулы. Данилъ заточникъ даетъ совѣтъ: «не держи себѣ двора близъ княжа двора, не держи села близъ княжа сала, ибо тіунъ его яко огонь и рядовичи его яко искры». Подъ 1380 г. лѣтописецъ разсуждаетъ, что иноплеменники нападютъ на Русскихъ, дабы «ся отступили отъ своихъ неправдъ, и отъ сребролюбія, и въ неправды судящихъ, и отъ насилія» [775]).

Кромѣ неудовлетворительнаго состоянія правосудія, въ древней Руси частная собственность страдала отъ нападеній разбойниковъ, а чрезъ это нарушалось естественное развитіе промышленности и торговли. Съ одной стороны отвага, удаль и жажда воли, съ другой—необходимость добыванія пищи и одежды послѣ войнъ и раззореніе заставляли удалыхъ

---

775) До 1093 г. Всеволодъ Ярославичъ «нача любити смыслъ уныхъ, свѣтъ сътворя съ ними... и людемъ не доходити княже правды, начаша тіуни грабити, людій продавати». Ник. I, 119. Въ 1093 г. Кіевляне говорили Святославу: «наша земля оскудѣла отъ рати и отъ продажъ». Ник. I, 120. Лавр. 93. Въ 1138 г. «бысть пагуба Посульцемъ, ово отъ Половець, ово же отъ своихъ посадникъ». Лавр. 133. Въ 1176 г. Ростиславичи насажали въ землѣ ростовской и владимірской своихъ дѣтскихъ; «они же многу тяготу людемъ симъ створиша продажами и вирами. А сама князя молода бяста, слушая болярь, а боляре учахуть я на многое иманье». Лавр. 159. Ипат. 117. О Всеволодѣ владимірскомъ (ум. 1212 г.) записано, что онъ судилъ судъ истиненъ, «не обинуяся лица сильныхъ своихъ бояръ, обидящихъ меншихъ и работящихъ сироты и насилье творящимъ». Лавр. 185. Пам. XII в. 231. О характерѣ судопроизводства тіуновъ можно получить понятіе изъ древняго *увѣщанія судьямъ* и изъ отвѣта владыки Симеона полоцкому князю Константину Безрукому на вопросъ: «гдѣ быти тивуну наономъ свѣтѣ»? Рус. Дост. II, III. Обозр. Корич. Розенкампфа, стр.217—218. Ник. IV, 204. 205.

людей грабить и разбивать ближняго [776]). Воры и разбойники ходили шайками въ древнее время на добычу и часто нападали на селенія, монастыри и города [777]). Страсть къ грабежамъ замѣтна даже у русскихъ князей, которые не рѣдко выходили въ море грабить купеческія суда или нападали на торговыя города [778]). Разбои и грабежи въ древнее время были самымъ виднымъ порокомъ, противъ котораго часто вооружались пастыри церкви; такъ пр. Серапіонъ пишетъ: «Неправды есмы исполнени и зависти, немилосердья, братью свою ограбляемъ, убиваемъ, въ погань продаемъ, обадами, завистью; аще бы мощно, снѣли бы другъ друга, аще вельможа или простыи, то весь добытка желаетъ, како бы обидѣть» [779]). Особенно грабежи были часты во время голода, когда разбивали клѣти и лавки и во врамя пожаровъ, когда происходили грабежи и убійства даже въ церквахъ [780]). Въ похвалу князьмъ иногда ставится, что они

---

776) Что дѣйствительно бѣдственное положеніе человѣка въ древнюю пору вынуждало иногда прибѣгать его къ воровству и разбоямъ,—видно изъ того, что большая часть ушкуйниковъ были холопы. Одинъ изъ древнихъ проповѣдниковъ убѣждаетъ бояръ держать челядь свою въ довольствѣ и прибавляетъ: «Аще ли не кормите, ни обуваете, а холопа твоего убьютъ у татбы или робу, то за кровь его тобѣ отвѣщати». Москвит. 1851 г № 6, стр. 127.

777) Лавр. 54. Въ Патерикѣ печерскомъ нѣсколько разъ говорится о шайкахъ разбойничьихъ, напр: «къ блаженному (Ѳодосію) нѣкогда приведоша разбойники связанныя, ихъ же баша яли въ единомъ селѣ монастырскомъ хотяща красти». Ркп. Рум. Муз. № 305. л. 70. 83. 163. 181. 184. Рус. Пр. II, 5. Павла Комельскаго и Кирилла Бѣлозерскаго грабили разбойники. Ркп. Рум. Муз. № 152, л. 41. № 297, л. 355.

778 Лавр. 86. 87. 116. Ист. Рос. съ древн. вр. II, стр. 31. 67. Карамзинъ принималъ разбойничьи набѣги князей на торговцевъ за выходы ихъ для сбора дани съ купеческихъ судовъ. Ист. Гос рос. II, пр. 200.

779) Поѣздка Шевырева. II, стр. 37. См. также древнее поуч. въ Прав. Соб. 1859 г. Августъ. Кириллъ Бѣлозерскій писалъ можайс. князю: «Разбоя и татьбы въ твоей вотчинѣ не было бы, и аще не уймутся своего злаго дѣла, и ты ихъ вели наказывати». А. Ист. I, № 16.

780) Въ 1267 г. во время пожара въ Новгородѣ грабили злые люди пожитки другихъ, и оттого многіе разбогатѣли. Въ 1290 г. «грабиша коромольници торгъ». Въ 1293 и 1299 по церквамъ разграблено много имущества, снесеннаго туда для сохраненія отъ пожара. I Новг. 46. 47. 59. 65. 66. Въ 1300 г. убили церковнаго сторожа въ Торжкѣ *надъ товаромъ*. Въ 1314 г. во Псковѣ недобрые люди грабили села, дворы и клѣти въ городѣ. Ист. Гос. р. IV, пр. 200. I Новг. 71. Въ 1311 г. въ Новгородѣ былъ грабежъ во время трехъ пожаровъ. Въ 1340 г. все, что было снесено отъ огня въ лодки, въ поле и огороды,—все лихіе люди пограбили, а иное поломянемъ взялося, «а иныхъ надъ товаромъ побиша, и въ церквахъ все разграбиша и сторожа два убиша». I Новг. 70. 80. Тоже повторялось въ 1342 г. и другихъ. Тамъ же. 81. 82.

«злодѣйственныхъ разбойниковъ, хищпиковъ и татьбу содѣвающихъ упраздняли отъ земли своея». Похвала очень понятная: часто князья хлопотали объ—искорененіи разбоевъ, но ничего ни могли сдѣлать; они ставили сторожей для развѣдыванія о разбояхъ, хватали удальцовъ и предавали строгому суду, но съ цѣлыми шайками ничего не могли сдѣлать. Да и вообще при густыхъ лѣсахъ, плохихъ дорогахъ, широкомъ пространствѣ и многочисленныхъ убѣжищахъ въ разныхъ областяхъ, ловить разбойниковъ было весьма мудрено; если имъ плохо приходилось въ одпой области, они переходили въ другую. По этому въ договорахъ постоянно повторяется условіе, чтобы такихъ людей не защищать: «за татя, за разбойника не стояти съ обѣ половины, но выдати ихъ по исправѣ» [781]). Больше всѣхъ отъ разбойниковъ терпѣли купцы и жители торговыхъ городовъ и преимущественно въ XIV в. Когда новгородскимъ ушкуйникамъ сдѣлалась плохая пожива на Балтійскомъ морѣ, отъ сильныхъ преслѣдованій ихъ шаекъ, они пустились на Волгу и Каму, гдѣ развилась значительная торговля. Правиломъ ихъ было — убивать и грабить бесерменскихъ купцовъ, а христіанскихъ только грабить; но иногда съ христіаскими своими собратіями они поступали хуже, чѣмъ съ иновѣрцами. Они, при взятіи городовъ русскихъ, забирали съ собой все цѣнное, а остальное имущество жгли и бросали въ Волгу, жителей уводили плѣнными и продавали Болгчрамъ, грабили церкви, сожигали города, мучили жителей, допытываясь, куда они спрятали имущество. Въ отмщеніе за набѣги ушкуйниковъ, Болгары грабили русскихъ купцовъ [782]).

[781]) Ркп. Рум. Муз. № 358. Никон. IV, 287. Рус. ист. сборн. III, 22. Собр грам. I, № 28. Въ 1390 г. Псковичи съ Новгородцами заключили миръ и обязались выдавать «кто въ путь ходилъ на Волгу», т. е. ушкуйниковъ. П. С Лѣт. V, 244.

[782]) Въ 1183 г. разбойники грабили и раззоряли болгарскихъ купцовъ и горожанъ, «о чемъ Болгары два раза присылали Всеволода о управѣ просить, но понеже люди тѣ были Рязанцы, Муромцы и другихъ городовъ невѣдомые, не могъ Всеволодъ пикакой управы учинить, только во всѣ свои области послалъ запрещеніе, чтобъ такихъ разбойниковъ ловя приводили, а ловить ихъ по Волгѣ не посылалъ, чѣмъ Болгары озлобясь, собравъ войска великія, пришли въ лодіахъ по Волгѣ къ берегамъ въ области Бѣлорусскія, которыя около Городца, Мурома и до Рязани, великое раззореніе учинили». Ист. Рос, Татищева. III, 248. Въ 1340 г. новгородскіе ушкуйники воевали Устюжну и бѣлоѣерскую волость; въ 1360 взяли болгарскій городъ Жукотинъ; за это въ

Великіе князья также сильно старались объ—искорененіи разбоевъ; но они преслѣдовали не самихъ ушкуйниковъ, а тѣ области, изъ которыхъ собирались эти молодцы. Такой способъ преслѣдованія былъ весьма практиченъ и достигалъ цѣли, но дѣло въ томъ, что они приказывали грабить купцовъ изъ этихъ областей и люди полезные, совершенно не винные и не причастные къ дѣлу, расплачивались за другихъ совершеннымъ раззореніемъ [783]).

Такимъ образомъ нельзя было ожидать движенія и усовершенствованія промысловъ и ремеслъ въ древней Руси, въ обширной малонаселенной странѣ съ суровымъ климатомъ, на с. востокѣ наполненной непроходимыми лѣсами, болотами и озерами, а на югозападѣ отличающейся не оборимой степью, въ которой кочевали хищныя народы Азіи. Это однообразіе природы, обширность, пустота, суровыя зимы, постоянная борьба съ другими народами, плохія дороги, пріучили русскаго чаловѣка къ стойкости и терпѣнію, не возбуждая въ немъ новыхъ потребностей и улучшенія своего быта. Опустошительныя войны, голодъ и моръ уменьшали населеніе страны и рабочія руки, препятствовали спокойному занятію промыслами. При общественномъ безправіи, угнетеніи слабаго сильнымъ, нарушалось взаимное довѣріе; слабые принуждены были прибѣгать къ хитрости и обману, или къ бѣгству отъ сильныхъ. Имущество прятали для сохраненія въ церкви и монастыри, но и тамъ оно было не безопасно; человѣкъ не могъ быть спокоенъ ни дома, ни на пути отъ внѣшнихъ враговъ и отъ воровъ и разбойниковъ. Недостатокъ общественной безопасности не позволялъ пускать въ оборотъ нажитые капиталы, а

Болгарахъ Татары ограбили русскихъ купцовъ. I Новг. 79. Ник. III, 216. Въ 1364 г. они воевали до Оби рѣки и до моря; въ 1365—1366 г. пограбили на Волгѣ московскихъ и бесерменскихъ купцовъ: въ 1369—1370 взяли Кострому и Ярославль. IV Новг. 65. 67. I Новг. 88. III Новг. 229. П. С. Лѣт VIII, 61. Въ 1374—1375 г. ограбили Вятку, съ Болгаръ взяли окупъ, подступали къ Сараю, ограбили Засурье и села по Ветлугѣ. Воскр. 21. IV Новг. 71. Ник. IV, 44. Въ 1379 г. ходили въ Арскую землю. Воскр. 34. См. также I Новг. 94. IV Новг. 97. Воскр. 64 85. П. С. Лѣт. VIII, 13—14. Когда поѣхалъ м. Пименъ изъ Рязани къ Дону, то в. к. Олегъ Ив. рязанскій отпустилъ съ нимъ боярина своего Станислава «съ довольною дружиною» и велѣлъ проводить до Дону «съ великимъ опасеніемъ, разбоя дѣля». Сказ. Сахар. II, VIII, 97.

[783]) I Новг. 94. IV Новг. 94.

заставлялъ далеко прятать ихъ отъ взоровъ ближняго, зарывать въ землю, чтобы не лишиться вдругъ отъ случайныхъ обстоятельствъ всего состоянія, которое, можетъ быть, досталось тяжелымъ трудомъ цѣлой жизни. Отъ всего этого ослабѣвалъ духъ промышленной предпріимчивости, все это останавливало движеніе торговли, отбивая охоту пускаться въ не надежныя предпріятія.

Смотря на многочисленныя затрудненія и препятствія, нужно удивляться не тому, что промышленность древней Руси развилась не значительно; а то поистинѣ удивительно, какъ она могла развиться до такой степени. Это только можно объяснить необыкновенной силой натуры русскаго народа.

Вотъ какія общія положенія вытекаютъ изъ всего обзора промышленности древней Руси:

1, Древнюю русскую промышленность до XV в. можно назвать *натуральной*. Истрачивая свой трудъ почти исключительно на добываніе тѣхъ произведеній, какія давала природа страны, наши предки не имѣли ни времени, ни умѣнья на ихъ обработку, и въ сыромъ видѣ пускали ихъ въ оборотъ.

2, Сбытъ произведеній извлекательной промышленности былъ значительный по количеству.

3, Движеніе древней русской промышленности шло успѣшнѣе только при новой колонизаціи не занятыхъ пространствъ, гдѣ дѣвственная природа богата была произведеніями, которыя въ другихъ мѣстахъ постепенно истощались.

4, Заводской и фабричной промышленности въ строгомъ смыслѣ не существовало въ древнее время. Хотя встрѣчаются отдѣльные классы разныхъ мастеровъ и ремесленниковъ, но они были рѣдки; потребность въ нихъ ограничивалась почти исключительно однимъ высшимъ кругомъ общества.

5, Домашнее производство удовлетворяло не многосложнымъ нуждамъ народа, который за усиленный трудъ не могъ получать достаточнаго вознагражденія.

9, При многочисленнныхъ препятствіяхъ, какія встрѣчала промышленная дѣятельность со стороны склада общества и свойства природныхъ условій страны, не могло образоваться накопленія богатствъ въ народѣ.

7, Вслѣдствіе этого, почти не замѣтно усовершенствованія промышленныхъ производствъ до XV в., хотя оно несомнѣнно сушестововало въ отношеніи пищи, одежды и построекъ высшаго класса общества, и то благодаря иностранному привозу товаровъ и заграничнымъ мастерамъ.

8, Въ простонародьи ремесленная дѣятельность поддерживалсь навыкомъ, семейнымъ обычаемъ, наслѣдственностью, такъ что земледѣлецъ былъ въ тоже время ремесленникомъ и ремесленникъ занимался земледѣліемъ.

9, Соперничества и соревнованія въ производствахъ не могло быть отъ однообразія жизненныхъ потребностей въ народѣ, которыя удовлетворялъ каждый собственными сила-

ми и средствами. Оттого древняя русская ремесленная промышленность много имѣетъ сходства съ современной намъ сельской промышленностью.

10, Древнія монастыри имѣли большое значеніе въ развитіи всякаго рода промышленности и содѣйствовали оживленію торговли.

11, Такъ какъ природа, служа естественнымъ источникомъ довольства народнаго, была богаче въ древнее время; то и общее благосостояніе народа было болѣе удовлетворительно до XV в., чѣмъ, наприм. въ XVI и XVII. в., когда природа сдѣлалась скуднѣе, лѣсовъ, звѣрей и другихъ источниковъ богатства меньше, а большая часть земель и угодій находилась въ распоряженіи духовенства и бояръ.

12, Истрачивая время и силы на черную разработку широкой и скупой страны своей, русскій народъ естественно не въ состояніи былъ быстро двигаться по пути цивилизаціи въ древнюю пору.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Памятники международныхъ сношеній Русскихъ съ иностранцами до XV в.

1) 907 и 911 г. *Договоры в. к кіевскаго Олега съ Греками.* Лавр. 13—15.

2) 944 и до 945 г. *Договоры Игоря съ Греками.* Лавр 24—25. Ист. Рос. Татищева 1, 34. Изслѣдованія объ-этихъ договорахъ см. въ Изв. Акад. I, 309; III, 257; VII, 350. О Византійскомъ элементѣ въ договорахъ съ Греками. Н. А. Лавровскаго. Спб. 1853 г.

Эти договоры знакомятъ съ путешествіями Русскихъ въ Царьградъ по дѣламъ торговымъ и съ отношеніями русскихъ купцовъ къ Грекамъ, опредѣляютъ взысканія съ виновныхъ въ убійствѣ, нанесеніи побой, въ кражѣ, выражаютъ условія наслѣдства въ случаѣ смерти Русскихъ, выкупа и продажи невольниковъ.

3) 1199 г. *Мирная грамота Новгородцевъ съ Нѣмцами* сохранилась въ спискѣ грамоты 1268 г. Грам. кас. снош. съ Ригою и ганз. гор. №1. Изв. Акад. VI, 155.

Въ ней подробно изложены постановленія о штрафахъ въ случаѣ побой и оскорбленій Новгородцевъ и Нѣмцевъ, о тяжбахъ и кредитѣ между ними.

4) 1229 и послѣ 1230 г. *Двѣ договорныя грамоты смоленскаго князя Мстислава Давыдовича и другаго неизвѣстнаго князя съ Ригою и Готландомъ.* Собр. грам. II, стр. 1—5.

Рус. Дост. II. 245. Ист. Гос. рос. III, пр. 248. Изв. Акад. X, 600.

Оба договора сходны между собою часто дословно. Въ нихъ заключаются условія взаимныхъ торговыхъ сношеній Русскихъ и Нѣмцевъ, опредѣлены права и обязанности между ними и штрафы за нарушеніе ихъ, постановлены правила о кредитѣ, о пошлинахъ и о вѣсахъ. Грамоты эти написаны съ цѣлью, «абы русскымъ купцемъ въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ, а нѣмечкымъ купцемъ въ смоленской волости любо было». Онѣ въ высшей степени важны для исторіи древней промышленности.

5) 1262 или 1263 г. *Договорная грамота Новгорода съ Нѣмцами*. Грам. кас. снош. съ ганз. гор. № 1. Изв. Акад. VI, 166.

Въ ней постановлено о вѣсахъ, о тяжбахъ между Новгородцами и Нѣмцами, о пути иностранныхъ купцовъ до Новгорода и о торговыхъ дворахъ ихъ въ Новгородѣ.

6) 1264 г. *Грамота полоцкаго и витебскаго князя Герденя о заключеніи мира съ Рижанами*. Грам. кас. снош. съ Ригою № II.

Грамота содержитъ условія взаимной торговли между Полочанами и Витблянами—и Рижанами, Любчанами и Готландцами.

7) 1269 г. *Два проекта договора Нѣмцевъ съ Новгородомъ*: одинъ сохранился на латинскомъ, другой—на нижне-нѣмецкомъ языкѣ. Livl. Urkund. Бунге, 1, стр. 517—528. Die altesten Tractate Ruslands, Д—ра Тобина; 1, 85—94. Въ Русскомъ переводѣ у Карамзина. Ист. Г. рос. III, пр. 244; у Андреевскаго —О догов. Новг. съ нѣмец. гор. стр. 19—35.

Эти проекты не многимъ разнятся отъ договора 1270 г.

8) 1270 г. *Договорныя грамота Новгорода съ Нѣмцами.* Urkund. G. Hanse, Сарторія. II, стр. 98. Cod dipl. Lubec. II, № XXXII, стр. 95—101.

Въ грамотѣ изложено, какіе штрафы должно брать за убійство, обиды и насилія, какъ правительство должно ограждать иноземныхъ торговцевъ въ своей странѣ, какъ проводить лодки Нѣмцевъ до Новгорода, какую собирать

пошлину, какими льготами долженъ пользоваться нѣмецкій дворъ въ Новгородѣ. Памятникъ этотъ очень важный.

9) Ок. 1284 г. *Грамота рижскаго архіепископа къ смоленскому князю Θедору Ростиславичу*. Грам. кас. снош. съ Ригою. № III.

Епископъ увѣряетъ, будто Витбляне не справедливо обвиняли Рижанъ въ разбоѣ и проситъ о сохраненіи закона: «кдѣ ся тяжя почнеть, ту конціати».

10) 1284 г. *Грамота смоленскаго князя Θеодора Ростиславича къ Рижанамъ*. Liul. Urkund. 1, 605. Собр. грам. II, стр. 6. изв. Акад. X. 629— 630.

11) Ок. 1297—1298 г. послѣ 1297—98 г. *Двѣ грамоты смоленс. князя Александра Глѣбовича къ Рижанамъ*. Грам. кас. снош. съ Ригою. № VIII.

Сущность каждой изъ этихъ трехъ грамотъ заключается въ слѣдующихъ словахъ: «вашему гостеви сѣмо буди путь чистъ, а нашему гостеви буди къ вамъ путь чистъ, а рубежа не дѣяти».

12) 1300 г. *Грамота полоцкаго епископа Іакова къ Рижанамъ*. Грам. кас. снош. съ Ригою № VI.

Епископъ желаетъ продолженія мира и исправы виновнымъ.

13) Ок. 1300 г. *Грамота Рижанъ къ витебскому князю Михаилу Константиновичу*. Изв. Акад. X, 633—636.

Эта въ высшей степени важная грамота напечатана только разъ, по этому я считаю нужнымъ приложить ее здѣсь вполнѣ; а для удобства чтенія измѣняю нѣсколько древнее правописаніе.

«Поклонъ отъ ратмановъ ризкихъ и отъ всѣхъ горожянъ ко князю витебьскому Михаилу. И ныне пришли предъ насъ наши горожяне, и то намъ поведали съ великою жалубою: которыи были зимусь съ тобою у Витебьще, какъ то еси товаръ у нихъ отъялъ силою и неправдою. То было и первое. Былъ у тебе одинъ дѣтина, нашь горожянинъ, а иногды не бывалъ у васъ; тогды рать была литоѣская подъ городомь; онъ же хотелъ у рать ити дѣвкы купити и взялъ мець со собою по на-

шеи пошлине; тогды идя путемъ заблудилъ къ манастыреви, — и выскочивше 3 черньчи, четвертыи же человѣкъ иныи съ ними ту его емъшо, били и рвали, и мець вызетяли силою у него. И потомь, княже, ты на другый день емъ его оковалъ еси и дѣржалъ его еси до того же дне;а товара еси отъялъ на 3 берковьскы воску. Княже, то еси неправду дѣялъ; забылъ еси, княжо, своего крестнаго челования, зане же самъ вѣдаешь, княжо, како не тако есть миръ доконцанъ на старыи миръ, и на томъ крестъ челованъ, какъ то намъ вашеи братьи правда дати, а обиды не створити ни малу, ни велику. Тако было и вамъ по крестному челованію обиды не створити ни малу, ни велику, нашеи братіи правда дати, товара силою не грабити, человѣка не мучити безъ вины. Княжо, слышишь самъ отъ своие братье, какъ то мы вашее братие не обидѣли, ни грабили товара силою безъ правды, какъ то ты, княжо, дѣешь.—А се тобѣ поведываемъ другую обиду. За грѣхы пригодилося такъ, какъ то седѣла дружина у пиру пиюче, другъ друга заразилъ до смерти,—и какъ то тыи бои и удѣялъся, тогды онъ убоявъся живота, утеклъ къ тобе, княжо. Немчи же уведавше, ажо къ тобе, утеклъ разбоиникъ, и пришли предъ (тебе), княжо, немчи и молили ся тобе: выдаи намъ разбойника, — и ты имъ выдавъ разбоиника, потомь, княжо, шолъ еси у разбоиникову клеть, товаръ еси разбоиниковъ взялъ; иныхъ людии товаръ былъ ту, то ть и то поималъ еси, княжо, то ть еси неправду дѣялъ. Ты самъ вѣдаешь, какъ то не тако есть миръ доконцанъ межи земле: аже другъ друга убиеть до смерти, а имуть ть того человѣка, кто разбои учинилъ, тому дати вина по его дѣлу, а товаръ его свободѣнъ своему племении,—и ныне мы молимъся тобе, а бы тыи товаръ отдалъ его племении.— А се тобе 3-юю обиду поведываемъ про тую дѣтину, что товаръ его былъ со разбоиниковымъ товаромъ у клети. Какъ то поехалъ изъ Витебьска у Смольнескъ, попустилъ же у разбойникове клети волкы жо овчины на 5 серебра; онъ же у Смоленьще услышавъ, аже ты его

товаръ со разбойниковымъ товаръмъ узялъ, и онъ уборзѣ на конь въсѣдъ поехалъ у Витьбескъ и молилъся тобе, княжо, абы ты его товаръ отдалъ, что еси взялъ съ разбойниковымъ товаромъ изъ клети, то ты ему не далъ. То еси, княжо, неправду дѣялъ, — и нынѣ, княжо, мы ся тобе молимъ, какъ то тыи товаръ, отдаи, что еси взялъ безъ виньное вины. — Се и еще, княжо, мы тобе поведываемъ 4-ю обиду, у чомь то еси неправду дѣялъ; какъ то ныне новую правду ставишь, какъ то есме не чювали отъ отчествъ, ни отъ дѣдовъ, ни прадѣдовъ нашихъ, аже ты велишь кликати сквозѣ торгъ: гость съ гостемь не торгуй, — княжо, у томь еси неправду дѣялъ. Княжо, аже еси тако у своемь сердучи, то ть то ѐси неправою думою думалъ; будуть тобе, княжо, лишіи людье тую думу повѣдали, то ть не у честь то ведали тую думу: то есть тобе, княжо, достойно, аже бы тые люди казнилъ, какъ то бышь инии людие боялися, кто лихую думу подъдаваеть. Княжо, нашь горожанинъ Фредрикъ продалъ человѣку мехъ соли, и онъ услышалъ, ажо ты не велелъ гостеви со гостемь торговати и обестилъся тобе, княжо, и ты ему велелъ продати, и онъ шолъ съ темь человѣкомъ соли вѣсить; какъ то еще соли не вѣсили, твои дворяне стояли ту у дворе, у Фредрика ключь взяли силою клетьныи и пошли прочь. Потомь твои дѣтьскыи Плосъ пришедъ реклъ Фредерику: поиди ко князю, — и онъ пошолъ къ тобе, по твоему слову; и какъ то пришелъ къ мостови, реклъ Плосъ: поиди сѣмо, едѣ князь. Не ведя его къ тобе, княжо, жо къ собе въ истобъку, и ту порты съ него снемъ, за шию оковалъ и рукы и ногы, и мучилъ его такъ, какъ то буди Богу жаль; и потомь ты дѣтскые свое пославъ на его подворие и велелъ еси товаръ его розграбити на 4 капи воску. И ныне мы ся тобе молимъ, абы ты тыи товаръ отдалъ; княжо, и самъ ведаешь, ажо неправдою еси свое крестное челование забылъ. — И се нынѣ 5-ю обиду повѣдываемъ. Какъ то Немчи послали свое коне изъ Смоленьска у Витебескъ, то ты, княжо, тые коне

обизрелъ и улюбилъ еси одиного коня, — тьи конь былъ Герлаховъ, — то ть ты его хотелъ безъ измѣны; тыи людье рекли: княжо, мы коня не дамы, ни продамы его, не смѣемъ — конь Герлаковъ. И ты, княжо, давалъ еси на кони 10 изроевъ, и они не взяли; то ть ты реклъ, княжо: даите вы мне конь, я васъ провожю изъ Смоленьска и сквозѣ Касплю Лучаны, хочю проводити съ коньми и до Полотьска; то ть дали тобе конь по твоему слову. Княжо, далъ жо еси приставъ своего человѣка Прокопию, и пріехалъ Прокопии къ Смоленьску, тои первое и дали ему скорлата портъ жо чаторъ; Прокопьево слово такъ: у которыи день вы будѣте готови, я съ вами готовъ буду. Въ тыи жо день по его слову приготовилися есме были и рекли есме Прокопии: се мы готови, поедимъ; Прокопиево такъ: не могу я изъ свѣта во тму ехати. Прокопии на конь свои уседъ поехалъ у Витьбескъ, а нашю братью попустилъ. Княжо, тимъ словомь не дослужилъся еси того коня, аже бы ты у своемь слове стоялъ, а нашю братию проводилъ бы, мы быхомъ не поминали того коня. И ныне мы ся тобе молимъ, какъ то отдай Герлаху конь, а любо 10 изроевъ, что еси самъ первое давалъ на кони, — и ли того не даси ни коня, ни серебра, Герлахъ хочеть своего коня искати, како мога. — А се еще 6 обиду повѣдываемъ про Ильбранта, что твои братъ торговалъ съ нимь на 30 изроевъ, 17 изроевъ заплатилъ, а 13 изроевъ не заплатилъ. И ныне, княжо, мы ся тобе молимъ: отдаи Ильбранту товаръ своего брата, душе постерега. — И нынѣ 7 обиду поведываемъ: какъ то было нашеи братии поехати изъ Витобеска у Смолнескъ, тогды Литва изънимали ихъ на пути у твоемь городѣ, княжо, вязали ихъ и мучили и товаръ отимали въ нихъ, а у твоеи волости ся то дѣяло; товара взяли ту на 70 гривенъ серебра корного и на 3 серебра. Княжо, тобе было тое обиды постеречи; аже бы ся то дѣяло при твоемь отчи Костянтине, тая бы обида николи же была нашеи братьи, какъ ся тогды удѣяло. И ныне, княжо, мы ся тобе молимъ, какъ то темъ людемъ отпла-

ти тыи товаръ, которымъ то дѣялося у твоеи волости и у твоемь городѣ. И ныне, княжо, пришолъ предъ насъ Шахмматъ жо Фредрикъ и то намъ поведала се жялобою, какъ то еси торговалъ съ нима и не заплатилъ. Княже, то было тобе достоино, у кого купишь, тому заплати, то они бышь на тя не жяловали. — И ныне 8–ю обиду поведываемъ про весы, какъ то слышимъ отъ своне брати, аже ты, кнежо, лишнее емлешь, какъ то есме не чювали ни изъ отчины, ни отъ дѣдовъ, ни отъ прадѣдовъ. И нынѣ мы ся вамъ молимъ всемъ сердчемь, княжо, какъ то есть миръ доконцанъ и крестъ челованъ на старыи миръ, тако и ныне, княжо, отложи лишнее и всяку неправду, ать стоить старыи миръ твердо, како доконцано. И нынѣ, княжо, то буди тобе ведомо, аже не отложишь лишнего дѣла и всякое неправды, — мы хочемъ Богу жяловатися и темъ, кто правду любить, а правду (?) ненавидить. Мы свое обиды не положимъ, а боле не можемъ терпети».

14) Послѣ 1300 г. *Грамота новгород. архіепископа Θеоктиста къ Рижанамъ*. Изв. Акад. X, стр. 637.

Архіепископъ благодаритъ Рижанъ, что они отыскали разбойнниковъ, побившихъ Новгородцевъ.

15) До 1301 г. *Грамота новгородскаго князя Андрея въ отвѣтъ на грамоту Любчанъ*. Сохранилась въ нижне-нѣмецкомъ переводѣ. Cod. dipl. Lubec. I, № DCCXXXV, стр. 665. Въ русскомъ переводѣ помѣщена Андреевскимъ: О снош. Новг. съ нѣмецк. гор. стр. 102.

Князь выражаетъ согласіе на миръ и обѣщаетъ покровительство нѣмецкимъ купцамъ.

16) 1301 г. *Грамота Новгорода при томъ же князѣ ганзейскимъ купцамъ*. Доп. къ А. И. I, № 6, стр. 8. См. грам. кас. снош. съ ганз. гор. № IX. Вѣст. Евр. 1811 г. №№ 23. 24; 1812 г. №№ 3. 15.

Въ этой грамотѣ представленъ разсчетъ потерь, понесенныхъ нѣмецкими купцами во время грабежа и убійства ихъ на дорогѣ между Новгородомъ и Псковомъ.

скимъ гражданамъ. На латинскомъ языкѣ. Supplem. ad hist. Rus. monum. № 38, стр. 126.

Князь пишетъ: «Желая облегченія странѣ своей и свободнаго проѣзда всѣмъ торговцамъ, разъѣзжающимъ по нашей странѣ съ сукнами и другими товарами и вещами, мы даемъ право, по ихъ просьбѣ, всѣмъ купцамъ наровнѣ съ баронами и дворянами, чтобы никто изъ нашихъ таможниковъ и властей не осмѣливался брать пошлины съ ихъ товаровъ или дѣлать имъ задержки въ торговлѣ. Кромѣ того, чтобы всѣ купцы и гости пользовались одинаково всѣми правами, предоставленными имъ въ землѣ русской нашимъ родителемъ. Если какому-нибудь гостю или купцу нанесено будетъ оскорбленіе въ нашей странѣ и возникнетъ тяжба, то ему предоставляется право иска: мы обязываемся за одинъ не справедливо взятый или похищенный динаръ вознаградить двумя».

18) 1323 г. *Договорная грамота Новгорода съ шведскимъ королемъ Магнусомъ при князѣ Юріѣ Даниловичѣ*. Она находится въ латинскомъ спискѣ съ шведскимъ переводомъ въ Antiquit. Rus. II, 490—492. [784])

Относительно торговли въ этой грамотѣ постановлено: купцы любецкіе, готландскіе и шведскіе пусть ѣздятъ въ Новгородъ безпрепятственно; какъ Новгородцы, такъ и купцы всей Германіи должны быть свободны отъ опасностей и притѣсненій на пути. Должники, клятвопреступники, рабы и разбойники перебѣжавшіе должны быть выдаваемы съ той и съ другой стороны. Ни земли, ни воды не должны покупать Шведы въ новгородской области и Кареліи, равно какъ и Новгородцы должны соблюдать то же обязательство въ отношеніи земель и водъ, принадлежащихъ Шведамъ.

17) 1320 г. *Грамота Андрея князя владимірскаго торун-*

---

[784]) Здѣсь подробно обозначены границы новгородскихъ владѣній на финскомъ сѣверѣ; съ этой стороны грамота имѣетъ большую важность. Изслѣдованіе о ней П. Г. Буткова помѣщено въ журн. Мин. Внутр. Д. 1837 г. № 2.

19) 1323 г. *Договорная грамота литовскаго князя Гедемина съ Нѣмцами*. Издана на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ въ Livl. Urkund. II, 150 — 152.

Въ грамотѣ постановлено, чтобы всѣ сухопутныя и водныя сообщенія были свободно открыты всѣмъ приходящимъ съ той и съ другой стороны безъ всякаго препятствія; чтобы всякій приходящій пользовался рижскимъ правомъ во всѣхъ странахъ; чтобы каждый продающій и покупающій имѣлъ право на свободный сбытъ всякихъ товаровъ [785]).

20) 1326 г. *Договорная грамота шведскаго и норвежскаго короля Магнуса съ Новгородомъ*. Сохранилась въ латинскомъ спискѣ и издана въ Antiquit. Rus. II, стр. 492—493.

Относительно торговли въ ней замѣчено, что гости норвежскіе могутъ безъ всякаго препятствія ходить въ Новгородъ и Заволочье (Sauloke) и наоборотъ—гости новгородскіе и заволочскіе могутъ ѣздить въ Норвегію.

21) Ок. 1330 г. *Договорная торговая грамота Полоцка съ Ригою*. Грам. кас. снош. съ Ригой. № VII.

Въ грамотѣ означено, какъ вѣсить различные товары и сколько брать пошлины, чтобы не продавать товаръ *нечистый*, а кто привезетъ его въ чужую землю на продажу, того отсылать назадъ, «свой князь тамо казнить его».

22) Послѣ 1341 г. *грамота князей Кестутія и Любарта торунскому гражданству*. Изв. Акад. X, 297.

«Кто поѣдетъ съ сею грамотою черезъ Дорогычинъ, чесъ Мелникъ и чересъ Берестие до Лучьска торговать исъ Торуня, язъ князь Кестутеі не велю ихъ заимати».

23) До 1359 г. *Договорная грамота смоленскаго князя Ивана Александровича съ Ригою*. Собр. грам. и догов. II, № 8.

---

[786]) Грамоты — князей галицкихъ Андрея и Льва 1316 г., владимірскаго кн. Юрія Андреевича 1325 г., литовско-русскихъ князей 1349 г., полоцкаго князя Андрея Ольгердовича 1385 г., Владислава польскаго и литовскаго 1387 г.— я здѣсь не разсматриваю, п. ч. онѣ не имѣютъ значенія для исторіи русской промышленности. См. И. Г. рос. IV, пр. 268. 276. А. Зап. Р. I, № 1. Livl. Urk. II, 456 — 458. Изв. Акад. X, 686 — 688.

Сущность грамоты заключается въ слѣдующемъ: «ѣздити Нѣмцемъ въ домъ св. Богородицы и ко мнѣ, а мнѣ блюсти какъ и своего смолнянина, а моимъ ѣздити въ Ригу, а местеру и ратманомъ блюсти моего смолнянина, какъ своего нѣмчина».

24) 1367 г. *Договорная грамота литовскихъ князей Ольгерда и Кейстутія*. **Латинскій изводъ изд. въ Livl. Urkund. II, 772—773.**

Грамота эта помѣщается здѣсь съ переводомъ на русскій языкъ [786]).

Nos frater Wilhelmus de Vrimersheim, magister fratrum domus Theut. jorosol. per Liuoniam, et frater Andreas de Stenberg lantmarscalscus ibidem, notum facimus universis et singulis, praesentes litteras uisuris vel audituris. Pacem latrunculorum inter nos et Olgherdem ac Keystuttem, fratres, reges Lethoviae, per nos, lantmarscalum praedictum, ac commendatores de Zegewolde, de Mithovia et de Dobelen, ac per vicecommendatorem Regensem, pro parte nostra, nec non per Woldemarum, filium Olgherdem, regis praedicti, et per duces Stirpeyken et Waysewist, ac Keystutten taliter esse factam, videlicet quod eadem pax incipiat ab Ixkulle, ubi pax praedicti ducis Stupeyken terminatur, et protenditur, Dunam ascendendo usque ad riuum Egelamen, et ulterius de hoc riuulo usque ad Videntske, ita, quod in his limitationibus pacis latrunculi tam de partibus nostris, quam de partibus Lethouiae non fransibunt, sed nos magister et lantmarscalus praefatus libere possumus cum exercitu magno vel paruo in dictis limitationibus pacis transire quocunque nobis videbitur expedir. Si-

Мы, братъ Вильгельмъ де Фримерсгеймъ, магистръ братьевъ тевтонскаго іерусалимскаго ордена въ Ливоніи, и братъ ландмаршалъ Андрей де Стенбергъ, объявляемъ всѣмъ и каждому, кто долженъ видѣть или слышать эту грамоту. Для усмиренія разбойниковъ мы заключили миръ съ князьями литовскими, братьями Ольгердомъ и Кейстутіемъ, съ нашей стороны чрезъ упомянутаго ландмаршала и вицекомендантовъ Цеговольда, Митавы и Добелина и вицекоменданта рижскаго, а съ ихъ стороны чрезъ Вольдемара, сына князя Ольгерда, и князей Стирпейка, Вайсевиста и Кейстутія на такихъ условіяхъ. Усмиреніе это начнется отъ Иксуля, что исполнитъ означенный князь Стирпейко; въ его вѣденіе поступаетъ Дунай по одну сторону до берега Эгальмена, а по другую до Видицова, такъ чтобы мятежники не могли переходить на этомъ протяженіи ни отъ насъ, ни изъ литовской земли. А мы, магистръ и ландмаршалъ, для усмиренія можемъ свободно ходить съ большимъ или малымъ войскомъ по означеннымъ гра-

---

[786]) Объ этой грамотѣ у Бонеля (стр. 154) сказано: über eine gewisse grenzlinie längs der Düna keine räuberischen Ueberfalle mehr unternomen, sonderen mer regalmüssige Heeres abtheilungen ins feindliche Land gefuhrt werden dürften

mili modo reges praehabiti, uidelicet Olgherden et Keystute, cum exercitu magno vel paruo quandocumque temporis uel corum alteri expediens fuerit, transire possint licite in pace praedicta. Quandocunque uero eadem pax latrunculorum nobis amplius non placuerit, extunc eam in Vilna resignare debemus. Quandocunque etiam eadem pax praedictis regibus displicuerit, extunc eam in Riga resignabunt, et post resignationem ejusdem pacis nullus alteri ex utraque parte infra duas septimanas damna irrogabit. Ut autem haec ordinatio per nos firmiter obseruetur, sigilla nostra, videlicet magistri et lantmarscalci praedictorum, praesentibus sunt appensa. Datum Rigae, anno Dom. millesimo trecentesimo septimo, Dominica die ante festum Martini pontificis gloriosi.

ницамъ, какъ намъ покажется нужнымъ. Равнымъ образомъ упомянутые князья Ольгердъ и Кейстутій свободно могутъ ходить съ большимъ или малымъ войскомъ по своей землѣ во всякое время. Если же это усмиреніе разбойниковъ намъ впослѣдствіи не понравится, то мы обязаны передать это дѣло въ Вильно. Если также упомятые князья откажутся отъ этого мира, то передать въ Ригу,—и послѣ рѣшенія дѣла, въ теченіе двухъ недѣль, ни съ той, ни съ другой стороны никто не имѣетъ права искать понесенныхъ убытковъ. А чтобы наше постановленіе сохранялось крѣпко, означенные магистръ и ландмаршалы въ собраніи привѣсили печаты. Дано въ Ригѣ, въ лѣто Господне 1367, въ воскресенье предъ праздникомъ препреподобнаго Матртина.

25) 1371 г. *Проектъ договора между Новгородомъ и Нѣмцами*, предложенный на русскомъ языкѣ и не принятый Новгородцами; сохранился въ нѣмецкомъ переводѣ. Liul. Urk. II, 269 — 272. [787])

Van deme ersenbisscope van Nowerden Alexe und van des groten Koninges hovetmannes wegene Andre, und van des borchgreven wegen Iurge, und des hertogen wegen Marke, und van der koplunde, olderlude wegene Sidere und Jereme, und van den gemen kopluden Nowerdern, dat gekomen is dar her Johan Schepenstede vor bode van Lubeke und der Danel van Godlande.... und van den gemenen compaпne van over see und hebben geendiget (soll wohl heissen; gedegedinget) mitten Noverdern und mitten Overseschen gaste na den olden breven. Se solen hebben einen reinen wech to lande und to

Von dem Erzbischof von Nowgorod Alaxei und von dem Hauptmanne des grossen Königs Andrei und von dem Burgrafen Sergei und von dem Herzog Marke, von den Aelterleütcn der Kaufleute Sidere und Jereme und von den gemeinen Kaufleuten Nowgorods,—dass gekommen ist dahin Herr Johan Schepensted als Bote von Lübeck und Daniel von Gothland, von den gemeinen übersenischen Kaufleuten und haben abgeschlossen mit den Nowgorodern, und mit den übersenischen Gässten nach denalten Briefen: sie sollen einen reinen Weg. zu Wasser und zu Lande durch das Nowgoroder Lanb haben, beide zu Wasser

[787]) Приношу искреннюю мою благодарность учителю VI Гимназіи Г. Г. Кизерицкому за переводъ съ нижнѣмецкаго языка на новонѣмецкій какъ этого проекта, такъ и помѣщенныхъ ниже двухъ грамотъ 1392 и до 1394 г. г

watere dor der Nowerder lant, beide to lande und to water. Weret dat eme jenich ungemach geschege deme Overseschen gaste in der Nowerder lande, dat solen de Nowerder saken na der crucekussinge na den olden breven. Weret dat wes geschege, dat were van slactinge eder. van morde, dar ensolde de Dussche kopman nein doent mede hebben; des gelikes en solen ok de Nowerschen dar nein doent mede hebben; men sakewolde solde sich mit sakewolden beweten, und na der crucekussinge sal men recht geuen, und de gast sal hebben enen reinen wech sunder hindernitze und sunder, beide de Dusschen und de Nowerder, to lande und to watere. Weret dat de Nowerder hedden en orloge mitten koninge van Sveden edder mitten van der Narwe, edder mitten Darbeschen. edder mitten orden, edder mitten ersebisscoppe van der Rige, edder mitten bisscope van Osele, dar en sal de Dussche kopman nein doent mede hebben, uud se solen enen reinen wech hebben, beide to lande und to watere und sunder hindernitze in der Nowerder lande. Welk ungemak gescheen is in der Nu eder to me Stocholmen deme Nowerschen gaste, dat si to lande eder to watere, dat si gescheen wor it gescheen is, dar en sal de Dussche kopman mede hebben nein doent, dat si wor it si, und welk scade, de gescheen is dem Dusschen gaste, dat si wort it si, dar en sal de Nowersche gast nein doen mede hebben. Und juwe koplude de en solen nicht stan up unser brugge to beidentsiden vor unseme howe, und en solen nene stocke in de plancken slaen und en solen nene husinge setten up unse wort, und ok nene husinge dar op kin... ren und nen hoic (holt?) dar voren, und welk husinge dar oppe staen oppe unser wort de... gi afsetten weder. Und juwe brodere en solen nicht kopslagen in unseme hove mit eren schiinsecken und des gelikes op unser brug-

und zu Land. Wäre es, dass (ihm) irgend wie Ungemach geschehe dem übersenischen Gaste in dem Nowgorodes Lande, das sollen die Nowgoroder sagen nach der Kreuzkussung nach den alten Briefen. Wäre es, dass etwas geschehe, das der wäre von Schlacht oder von Mord, damit soll der deutsche Kaufmann nichts zu thun haben, des gleichen sollen auch die Nowgoroder damit nichts zu thun haben; die Rechtenden sollen sich vergleichen, und nach der Kreukussung soll man Recht geben, und der Gasst soll einen reinen Weg haben sonder Gindernisse und Verlusse, beide, die deutsche und die Nowgoroder, zu Wasser und zu Lande Wäre es, dass die Nowgoroder Krieg hätten mit dem König von Schweden, oder mit denen von Narwa, oder mit den Dörptschen oder mit dem Orden, oder mit dem Erzbischof von Riga oder mit dem Bischof von Oesel, damit soll der deutsche Kaufmann nichts zu thun haben und einen reinen Weghaben zuLande und zu Wasser und sonder Hindernisse in der Nowgoroder Land. Welches Ungemach auch geschehen sein an der Newe oder zu Stocholmen dem Nowgoroder Gasste, das sei zu Lande oder zu Wasser, dass sei wo es geschehen sei, damit soll der deutsche Kaufmann nichts zu thun haben, das sei, wo es sei, und welcher Schaden, der geschehen ist dem deutschen Gasste, das sei, wo es sei damit soll der Nowgorodes Gasst nichts zu thun haben. Und eure Kaufleute sollen nicht stehen auf unserer Brücke zu beiden Seiten vor unseren Hofe, und sollen keine Stöcke in die Bretter (Bohlen) schlagen, und sollen keine Häuser setzen... auf das zu unseren Hofe gehörige Land und auch keine Hauser darauf... und keine Holz davor, und welche Hauser darauf stehen auf unserem Lande, die sollt ihr wieder absetzen. Und eure Bruder sollen nicht handeln in userem Hofe mit ihrem...Säcken und des gleichen auf unserer Brücke wo wir das selber vornehmen. Und

gen dar wi dat sulver vore geven. Und de wonet salmen holden na den olden breven na der crucekussinge. Und men sal nicht nics maken oppen Dusschen gast. Und welk ungemak gescheen is in der Goten hove dat hebbe wi geendiget mit unsen nabure van sunte Michels strate in vruntscop. Und de vorlude solen nemen na der wonet XV kunen van de luttiken lodien und van der groten. Und juwe gast? Sal weldich wesen sines dinges to Gotlande und des gelikes juwe boden na der olden crucekussinge. Boven al de'hovetman, und de borchgreve und de hertoge und de gemeine Nowerderes hebbet dat cruce kusset den Dusschen des gelikes de Dusschen boden, her Johann Scepenstede und her Danel, hebbet dat cruce kusset to den Nowerderes vor alle ere brodere und vruntscop und oppe rechtigheit na den olden breven.

den Brauch soll man halten den alten Briefen nach der Kreuzküssung und man soll nichts machen mit dem deutschen Gasste. Und welche Angemach geschehen ist in der Gothen Hof, das haben mir geendiget mit unserem Nachbar von st. Michaels Strasse in Freundschaft. Und die Vorleute sollen nehmen 15 Kunen von den kleinen und von den grossen Leuten nach der Gewohnheit. Und eure Gasst soll mächtig sein seines Dinges in Gothland und des gleichen eure Boten nach der alten Kreuzküssung. Zu Hinsicht dieser Dinge haben die Hauptleute und der Burggraf und der Herzog und die gemeinen Nowgorodes das Kreuz geküsset der deutschen, des gleichen die deutschen Boten, Herr Ioh. Schepensted und Herr Daniel haben das Kreuz der Nowgorodes geküsset für alle ihre Brüder und Freundschaft und zur Gerichtigkeit nach den alten Briefen.

26) 1372 г. *Договорная грамота о перемиріи между в. к. Димитріемъ Ивановичемъ вмѣстѣ съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ и литовскими князьями Ольгердомъ и Кестутіемъ вмѣстѣ съ смоленскимъ княземъ Святославомъ.* Собр. грам. I, № 31.

Между прочимъ въ грамотѣ сказано; «А межъ насъ посломъ литовскимъ, и нашимъ смоленскимъ, и торговцемъ путь чистъ, а посломъ тверскимъ и нашимъ промежы насъ путь чистъ.»

27) Ок. 1375 г. *Договорная грамота Новгорода съ Нѣмцами.* Доп. къ А. Ист. I, № 7. Вѣстн. Европы 1811 г. №№ 23. 24; 1812 г. № 3.

Въ грамотѣ означено, что Новгородцы не хотятъ поминать о разбояхъ и грабежѣ, которымъ подверглись ихъ купцы отъ Любчанъ и Готландцевъ.

28) 1379 г. *Грамота в. к. владимірскаго и луцкаго Димитрія гражданамъ г. Львова* сохранилась на нѣмецкомъ языкѣ. Suplem. ad hist. Rus. monum. 128 — 129.

Князь съ гражданами и всѣмъ городомъ Львовомъ обѣщается не пропускать черезъ свои владѣнія въ страну язычниковъ никакаго торговца съ товарами, буть онъ изъ Польши или изъ Германіи, такъ чтобы товары оставались во Владимірѣ, Луцкѣ и Львовѣ, какъ это дѣлалось съ давнихъ поръ.

29) 1392 г. *Договорная грамота Новгорода съ ганзейскими купцами*; сохранилась въ нижненѣмецкомъ спискѣ. Liul. Urkund. II, 691—700.

Нѣмецкій переводъ ея помѣщается здѣсь съ подлинникомъ.

Hir is gekomen Ievan Nybur van Lubeke bodewiis, Hince Ulander und Fodder Kur van dem Gottenschen Strande, van over se, van Rige Tilke Nybruge, van Derpete Iereme Keheler und Winke Klinkenrod, van Revale Grigorie Witte, van alden overs'eschen kopluden van alle den siden umme de see, to dem podsadniken Timoffe Iurgewitz und to dem tydzadscken Mikiten Fodorowitzen und to allen groten Nowerdes und bodeschopeden also. [788]) Unss hebben mit den juwen enen sunderlingen vreden angenomen, und hebben genomen van unsen copluden gud to Nowerden van dem Derpschen nnd van anderen Steden up desse side der se, und boven den vorsekerden bref, den gi uns gesand hebben, under des podsadniken sinen se gel Wassylen Iwanivitzen und de tysadzcke Grigorie Jwanivitzen. Und de podsadnicke und de tisadzcke mit allen groten Nowerden hebben gesen in den overschen breffen in der cruce bovestinge und in unser vorsekeringe vor ein vor de Nowerder, und vor de overse-	Hinher ist gekommen Johan Neibur von Lubeck als Bote, Heinrich von Flandern und Tedor Kur Von dem Gothländischen Strande, Von über der See, von Riga Tilke Nybruge, von Dorpat Iereme Keheler und Winke Klinkenrod, von Reval Grigori Witte, von alle den übersenischen Kaufleuten von allen Seiten über der See, — zu dem Posadnik Timofei Jurgewitch und zu dem Tisatschik Mikitin Fedorowitsch und zu allen grossen Nowgorodern und botschafteten also: Wir haben mit den eurigen einen besonderen Frieden angenommen und ihr habt genommen unseren Kaufleuten ihr Gut zu Nowgorod, den Dörptschen und den von ander Städten auf dieser Seite der See und was den versicherten Brief anbetrifft, den ihr uns gesandt habt, ausgesandt von dem Burggrafen Wassili Jwanowitsch und von dem Herzog Grigori Jwanowitsch, so haben der Burggraf und der Herzog die alten übersenischen Briefe durchgesehen und darin die Kreuzküssung und ihr Geleute für Nowgorod ge-

[788]) Въ другомъ спискѣ грамоты начало читается такъ: «Hir is gekomen her Iohan Neibur van Lubeke, her Hinrik van Ulanderen und her Godeke Kur van Godlane, van over se; van Rige her Tydeman van der Niebruggen, van Darbte her Hermen Kegheller und her Wynold Clynchrode, van Revele her Gerd Witte». Посадникъ здѣсь названъ borchrev, а тысяцкій—hertog.

schen Dudeschen koplude einen vrede besunder und ere breffe besunder, de goder besunder de tor Narwe bokümmert sin und wedder de goder heft geheten Nowerden eren brodern namen; de podzadnicke und de tysadtzcke und alle gantze Nowerden hebben geheten dat gud eren broders geven Fodderen und Mygailen und Wassilen Terentejen und Simonen und Cideren und Ilian kinderen. Jwan Nybur, Hintze Ulander, Fodder Kur van den Gottenschen Strande und overseschen boden, und Tilke van Rige, de Derpsche Jeremej und Wynke, van Reval Grigorie, vorweten solen se sick sulvest sakewolt mit einen sakewolde, des goder, de tor Narwe bosat oft bokummert sin van den Nowerdschen kopluden van Fodderen und van Mygailen und Terenten und van anderen eren vrunden, und dar sal sick Nowerden boweten mit den Narweschen, de er gud genomen gebben. Und wat vor sekerdes loven breffes under des podsadniken segel Wassille Iwaniwitzen und de tysadtzke Grigorie Jwanewitz den hebbe wi wedder geven den Nowerders. Und dut van den anderen brevech Nowerden sprekt, welker ander Allexseen des bisschoppes sinen segel und under des podsadniken Wassiljewo Foddorowitze und under des tysadtzken Bohodana Bacunowitz, und den bref Iwan und sine vrunde uns lolen utgeven. Und oft se en nicht vinden kunden, nicht sal men denken des vorsekerden oft geloven breffes nicht ewichliken hir na de Dudesche oversesche kopman und up desse side, darsenichtes nicht solen behof hebben to denken to den Nowerdeschen kopluden, to Fodderen, to Mygailen, to Wassilen, to Terenteen, to Simonen to Cidaren und to Jljan kinderen und to eren anderen vrunden und magen umme der goder und nergen umme. Uud eft worde to hope stortet oft unens kopman mit kopmanne van beider halven oft hir na to hope vallen worden, so sal sakewolt sakewolde kennen und dat recht em geven

finden, dass die übersenischen Städte und gemeine deutsche Kaufmann bei sich mit Nowgorod einen Frieden und Briefe haben, und das Gutheisst Nowgorod ihren Brüdern wieder das Gut zu Nowgorod nehmen. Der Posadnik und der Tisatschik und ganz Nowgorod haben ihren Brüdern Fedor und Michael und Wassili, Terentji und Simonen und Sidor und ihren Kindern befohlen, das Gut wie derzugeben. Da antwortete Herr Ioh. Neibur und die anderen deutschen Boten, sie sollten sich mit den Anklägern vergleichen und mit ihrem Kaufmanne um das Gut, das zu Narwa gepfändet ist von dem Nowgorodes Kaufmann Fedor und Michael und den andern vorhin genannten Genossen,—und Nowgorod soll sich vergleichen mit denen von Narva und mit denen, die ihren Kaufmann das Gut genommen haben. Und den Geleitsbrief, den der Burggraf Wassili Iwanowitsch und der Herzog Grigori Iwanowitsch besingelt halten den thaten die deutschen Kaufleute Nowgorod wieder; und Nowgorod spricht von dem anderen Brief, den Bieschof Alexei besingelt hat, und der Burggraf Wassili Fedorowitsch uud der Herzog Bogdan, den Brief soll man Herr Ioh. Neibur und seiner Gesellschaft wieder gaben thun. Und ist es, dass man den ersten Brief findet, den soll man wiedergeben ist es aber der Fall, dass man ihn nicht findet, so soll man nimmer daran denken weder der übersenischen Kaufmann, noch der Kaufmann diesseit der See sollen an den Brief nimmer denken' noch an Fedor, noch an Michael, noch an ihr ander Genossen nimmer denken, noch ihre Freunde und Uerwandten von des Gutes wegen zu ewigen Zeiten. Und was der geschehen ist von den Kaufleuten von beiden Seiten, das soll Alles todt sein; und was hiernach geschehen würde, so sollte sich Pläger und Angeklagter mit einander vergleichen, und soll man ihnen ihr Recht geben nach der Kreuzküssung

na der crusckussinge van beiden halven, na der olden vorenuge. Und dat Jwan Nybur van Lubike vortellet heft oft witlik gedan geft und sine mede vrundes ofte kupmanes Hintze and Fodder Kur, de overseschen sendeboden, und uppe desse side der se Tilke van Rige, Ieremei und Winke van Derpte van Reval Grigorie, umme ere kerken, dat er hof is abgebrant und in der eren kerken schaden geschen is, und oft se wor vinden kunden den vorlust, oft deff oft gud, und oft men den vendeen kunde, dat sal grote Nowerden besaken laten und sal dar recht over geven over dat gud und over de deffe na der cruce kussenge sunder jeni ge bogendicheit und de Dudeschen solen et nemen sunder kif, und oft dat nict ein queme, hir van solen de Nowerdes gene to sage hebben. Und ok hebbe wi Jwan Nybur van Lubec, Hintze Vlander und Fodder Kur, de Dudeschen sendeboden, to sokende dat in der slagtinge de rovere up der Newe Matfeen sone und sinen vrunden und er gud en genomen, oft men de vinden kunde, bi den sodanen gud solen utgeven de Dudeschen Nowerden bi der crucekussinge, und oft sodane gut nicht gevunden worde, dar solen de Dudeschen gene to sage hebben, noch kit. Und ein kif, dat dar sik beginnende wert, dar sal men dat endigen. Und oft welk werf vordret oft ener val geschege grote Nowerden van dem Swedeschen koninge und mit den velveritzamy und oft mit bischoppe van Rige, oft mit dem bischoppe van Derpte, oft mit dem bischoppe van Ozill, oft mit den Narweschen oft den roveren up der se, des en dorven koplude nicht. Und de Dudeschen solen eren reinen wech hebben dorch dat Nauwerdesche gebe de to lande und to water, to tende und wedder ut to tende sunder schaden. Und den Nowerders den wech reine up den Gottenscen strand und dorch des Derpcschen bischoppes lande und dorch sine tede, over land und water einen urj-

von beiden Seiten, wie es von Alters her gewesen ist. Was Herr Joh. Neibur mit seiner Gesellschaft sprach von ihrer Kirche, dass ihr Hof verbrannte, und der deutsche ihrer Kirche grosser Schaden geschah, so soll man das Gut, das daraus gestohlen war, und die besuchen, findet man wiedergeben und die Diebe nach der Kreuzküssung richten; findet man davon nichts, so will Nowgorod darum unbeansprícht sein. Ferner soll Herr Joh. Neibur mit seiner Gesellschaft nach denjenigen Suchen, welche vor der Newe Mattfeis Sohn Gesellschaft schlugen und ihnen ihr Gut nahmen, und was sie von dem Gute finden, dass sollen die deutschen Nowgorod wiedergeben nach der Kreuzküssung, und würde nichts gefunden, so sollen die deutschen unbeansprucht bleiben. Und wo sich ein Streit enhebt, die soll man ihn endigen. Und wäre es, dass jener Streit entstünde zwischen Nowgorod und dem Könige von Schweden oder dem Orden und den Nowgorodern, oder mit dem Bischof von Riga, oder mit den Bischof von Dorpat, oder von Oesel oder mit dem von der Narwe, oder dass Räuber auf der See wären, von all den Sachen soll der Kaufmann keine Noth leiden. Und der deutsche Kaüfmann soll einen reinen Weg haben durch das Nowgorodsche Gebiet zu Lande und zu Wasser hin und her ohne jeglichen Schaden und Hinderniss; und die Nowgorodes sollen reinen Weg haben zu Gothland und in dem Lande des Bischofs von Dorpat (und) in seine Stadte und Schlösser zu Lande und zu Wasser frei zu kommen und zu fahren nach Dorpat sonder allerlei Hindernisse. Und die Kaufleute sollen handeln von beiden Seiten, wie es von Alters her gewesen ist. Der Schlagbaum, welcher vor Werbeke über der Embekke liegt, der sollen die Nowgorodes einen reinen Weg haben. Von all den Sachen, die der oben genannt stehen, haben der Burggraf Timofei Jurjewisch, der Herzog Mikita Fedorowitsch das Kreuz darauf geküsset

een wech to Derpte to Derpte to tende und wedder, 'ut to tende sunder schaden. Und de koplude solen kopslagen na dem olden van bieden delen, und dat under des bischopis slote sin blocke eft balken over de beken gessoten; und dar sal sin den Nowerdschen kopluden ere wech rein. Na der bolevinge eft werken und na aller bolevinge oft allen werken, de dar vor geschreven stan, podsadnik Timofei Jurgewitz und de tysadtzke Mikita Federowitz, hir up hebbe wi dat cruce gekusset vor alle Nowerders, dat so to halden na den olden crucekussingen sunder allerleie bohendicheit. So ok de Dudeschen sendeboden van Lubeke Jwan Nybur, van den Gottenschen Strande Hintze Ulander und Fodder Kur, van Rige Tilke Nybruge, van Derpte Jeremei Kegeler und Winke Klinkrod, van Reval Gregoriae Wit, dat cruce gekusset hebben na desser vor eininge und na den olden crucekussingen, sunder allerleie behendicheit.

fur das gemeinen Nowgorod, dass man es halten soll, als es vor Alters nach der Kreuzküssung gewesen ist, ohne jegliche Hindernisse. Des gleichen die übersenischen Boten Herr Joh. Niebur von Lübeck, Herr Hinrik von Flandern und Herr Feddor Kur von Riga, H. Hermann Keheller und H. Winke Klinkenrod von Dörpt, H. Gerd. Witt von Reval haben das Kreuz geküsset nach ihrer eigenen Verhandlung (Abschluss), alle Dinge zu halten nach der alten Kreuzküssung sonder jegliche Hindernisse.

30) *До 1394 г. Грамота Новгорода нѣмецкимъ купцамъ дерптской думы;* сохранилась въ нижнемѣцкомъ спискѣ. Livl. Urkund. II, 699—701.

Помѣщаю эту грамоту вполнѣ съ переводомъ.

Van dem ertze bisschoppe van Novgarden, und van des borchgreven wegene Jesiff, und van des hertogen wegen Wassili Jesive sin sone, van alle der borchgreven und hertogen wegene, van des gemeinen kopmans wegene und des gemeinen kopmans kindere wegene, und van gantze grote Nowgarden wegene, an unse naburs, de borgermeistere und raet van Darbte, und gemeinliken an de van Darbt. Dat gian uns gesand hebben Hans Tolke mit juwem breve, und dan witlik alse her Johan Niebur mit siner selschop was to Novgarden, do se dat cruce kusseden, hund de vrede wart gevesteget na der kruskussinge, heft Novgarden wil den vrede und kruskussinge holden; juwe koplude

Von dem Erzbischof von Nowgorod und von dem Burggrafen Jesif und von dem Sohne des Herzogs Wassili Jesive, und von allen Burggrafen und Herzogen, von dem Kindern des gemeinen Kaufmanns, und von dem ganzen grossen Nowgorod an unsern Nachbarn, den Bürgermeister und Rath von Dorpat und die Bürgerschaft von Doprat: Das ihr an uns gesandt habt Hans Tolke mit eurem Briefe und ebenso Herrn Joh. Niebur mit seiner Gesellschaft, die zu Nowgorod war, dass sie das Kreuz küsseten und der Friede ward gefestigt nach der Kreuzküssung, hat Nowgorod den Millen den Frieden und die Kreuzküssung zu halten: eurer Kaufleute Kinder kommen zu uns, und die unsrigen in euer Land

kindere komen to uns und de unse to juwe land, und kopslagen van beiden siden na der kruskussinge. Wi willen juwen gast vorwaren gelik den unsen na der kruskussinge. Blivet gesunt. Dessen bref Wassili Uze de borchgreve und de Jesife Sacharina et. caet.

und treiben Handel nach der Kreuzküssung. Wir wollen euren Gast verwahren gleich dem unseren nach der Kreuzküssung und verwahret ihr unseren Gast nach der Kreuzküssung. Bleibet gesund.

31) 1388 г. *Грамота в. к. литовскаго Витова на имя рижскаго бургомистра Никтибора*. Собр. грам. II, № 14.

Въ грамотѣ говорится о правдѣ, какая должна быть въ торговыхъ дѣлахъ, чтобы въ Полоцкѣ для рижанъ, а въ Ригѣ для полочанъ соблюдалась вѣрность въ вѣсахъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Матеріалы для исторіи цѣнъ древней Руси.

Наша древняя монетная система составляетъ самый запутанный и спорный вопросъ: по неопредѣленности старинной ея цѣнности, въ настоящее время едвали возможно вѣрно опредѣлить, какія цѣны существовали въ древней Руси на разные продукты и предметы промысла. Благодаря послѣднему изслѣдованію Д. И. Прозоровскаго «о монетѣ и вѣсѣ въ Россіи», есть возможность переложить древнія цѣны на нынѣшнія, разумѣется, только приблизительно. Не рѣшаясь выдавать представленныя цѣны за строго-опредѣленныя, я счелъ лучшимъ изложить ихъ въ видѣ матеріаловъ. А чтобы сообщаемые здѣсь матеріалы могли служить пособіемъ при опредѣленіи древнихъ цѣнъ, я представляю цѣны, бывшія на Руси въ XV в. и по временамъ сопоставляю съ цѣнами, существовавшими въ западной Европѣ въ средніе вѣка. Такое сопоставленіе поможетъ близко подойти къ истинѣ.

I. ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА.

Въ пору неустройства общественной жизни, главными рабочими у капиталистовъ и сильныхъ лицъ были рабы, и слѣд. не было свободнаго договора между хозяиномъ и рабочимъ. Безъ накопленія капиталовъ не существуетъ экономическаго движенія труда: всякій трудится самъ для себя и для своего семейства; если видитъ человѣкъ, что не осилитъ

одинъ срочной работы, онъ проситъ сосѣда помочь ему, и впослѣдствіи самъ расплачивается работой. По этому задѣльная плата бываетъ въ такую пору слишкомъ низка: ее достаетъ только для удовлетворенія самыхъ первыхъ потребностей жизни; большею частью рабочіе трудятся изъ-за хлѣба и изъ–за одежды.

Въ древней Руси старались трудъ человѣка сдѣлать обязательнымъ, порабощая людей и продавая ихъ, какъ животную силу. Во время войны первымъ дѣломъ торжествующей стороны было — набрать побольше челяди и распродать ее по выгодной цѣнѣ. Въ древнѣйшую пору Русскіе не продавали своихъ единоплеменниковъ, что ясно видно изъ договора ихъ съ Греками о выкупѣ плѣнныхъ христіанъ; но потомъ выгода торговли невольниками соблазнила пускать въ продажу своихъ земляковъ плѣненныхъ и купленныхъ [789].

Чтоже касается до труда свободнаго по взаимному договору, то большею частію въ раннюю пору онъ вознаграждался жизненными припасами: работники, отправляя повинности натуральныя, сами получали за свой трудъ содержаніе. Такъ строителямъ городовъ и мостовъ назначены были хлѣбъ, сыръ, рыба, пшено, солодъ; лоцманамъ и извощикамъ хлѣбъ,

---

[789]) У Половцевъ и финскихъ племенъ Русскіе добывали челядь. Лавр. 116 Ипат. 77. Въ 1193 г. забрали у Половцевъ колодниковъ и челяди.. «и всякаго полона не бѣ числа». Ип. 143. Въ 1176 г. Мстиславъ вывелъ изъ Чуди много челяди и скота, и Новгородцы причитали надъ его гробомъ въ 1179 г. «Уже не можемъ, господине, поѣхати съ тобою на иную землю поганыхъ поработити во область Новогородьскую». Ип. 121. Въ XII в. продавали Русскіе и своихъ соотечественниковъ изъ другихъ областей. I Новг. 15. Въ 1196 г. въ области Романа Галицкаго около Каменца Ростиславъ «ополонившеся челядью и скотомъ». Ип. 149. Въ XIII в. духовенство сильно вооружалось противъ варварскаго обычая продавать христіанъ въ неволю; преп. Серапіонъ писалъ: «Другая же имѣнія не насыщешеся и свободная сирота порабощаютъ и продаютъ». Прав. Соб. 1859 г. Іюль. Въ 22 прав. М. Іоанна сказано: «Купца жъ, иже знаменавше знаменіе Божіе и молитву, ижъ отъ нихъ купивше челяди, якоже си писавъ, знаменавше и молитву давше, такожъ и поганымъ продавше». Рки. Рум. Муз. XV или XVI в. № 231, л. 809 До 1350 г. неизвѣстный проповѣдникъ вооружается противъ тѣхъ, кто «прасолитъ живыми душами», т. е. продаетъ рабовъ изъ барыша, выше покупной цѣны. Изв. Акад. X. 646. Новгородскіе ушкуйники и Вятчане продавали плѣнныхъ Русскихъ въ XIV в. Болгарамъ. IV Новг. 71—72.

ветчина, сыръ; даже сборщики пошлинъ и лица, посылаемыя отъ князя по областямъ, должны были брать въ кормленье жизненные припасы — мясо, хлѣбъ, соль и т под. [790]).

Въ X в. цѣна невольниковъ опредѣлена по договорамъ съ Греками слѣдующая. Въ договорѣ Олега о плѣнныхъ сказано: «се продаеми бывають по 20 золотникъ», а по договору Игоря назначена цѣна за челядина 2 паволоки, за русскаго плѣнника 10 золотниковъ, за плѣнниковъ греческихъ—за добрую дѣвицу 10 золотниковъ, за человѣка среднихъ лѣтъ 8, за старика и дитя 5 золот. Эта цѣна соотвѣтствуетъ той, которая назначена по римскимъ законамъ: по нимъ рабъ оцѣненъ въ 10. 15. 20. 25 солидовъ. Полагая 10 золотниковъ (солидовъ, червонцевъ) въ 5 гривенъ кунъ или въ 35 рублей нынѣшней монетой, мы получимъ среднюю цѣну невольника въ 50 руб. сер.; цѣна обыкновенная въ 10 золотниковъ совершенно сходна съ оцѣнкою холопа по законамъ русскимъ. Въ Русской Правдѣ постановлено: «Аще холопъ бѣжитъ, а заповѣсть господинъ, аже слышавъ кто, или зная и вѣдая, оже есть холопъ, а дасть ему хлѣба или укажетъ ему путь; то платити ему *за холопъ 5 гривенъ*, а *за робу 6 гривенъ*» [791]). Слѣдов. человѣкъ, способствовавшій побѣгу холопа, выплачивалъ за него цѣну, за которую обыкновенно продавали рабовъ, а эта цѣна равна 10 солидамъ, если принимать отношеніе золота къ серебру по римской пропорціи, какъ 15 къ 1. Слѣд. *цѣна ходячая раба равнялась 35 рублямъ съ небольшимъ* [792]).

Когда войско обогащалось плѣнниками, то цѣна на нихъ сильно падала: новгородцы въ 1169 г. побѣдили Суздальцевъ и забрали многихъ въ плѣнъ,— и «купляху Суждальцевъ по двѣ ногатѣ,» т е. 70 коп. на нынѣшнія деньги. Въ словѣ о

---

[790]) Рус. Пр. I, 42. 43; II, 67. 90. Cod. dipl. Lubec. II, № XXXII, стр. 98. А. Эксп. 1, № 13.

[791]) Лавр. 18. 22. 24. Рус. Пр. II, 12. 14. Рус. Нар. и Госуд. 184. Впрочемъ рабовъ покупали иногда и до полугривны. Рус. пр. III, 119.

[792]) Расчетъ цѣнности сольда и отношеніе его къ гривнѣ см. у. Прозоровскаго. Изв. Археол. общ. XII, в. 2, стр. 497. 543. 553. Гривна кунъ, упоминаемая въ Русской Правдѣ при оцѣнкѣ холопа, равнялась 7 р. 12 коп. нынѣшнею монетою; въ гривнѣ серебра было 42 солида. Тамъ же 554—555. 707.

Полку Игоревѣ есть обращеніе къ Всеволоду: «Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по рѣзанѣ,» т. е. половецкая плѣнница продавалась бы по 35 к., а невольникъ по 15 к. [793]). Въ лѣтописи отмѣчено подъ 1305 г., что Литовцы брали въ полонъ полками Ляховъ и Мазуровъ: «сице Ляхъ динъ по гривнѣ, се есть по 10 грошей литовскихъ въ Литвѣ и въ Руси Бѣлой продаванъ бысть,—и на лошата и волы Литва межи собою ихъ замѣниваху.» Так. обр. Ляхъ продавался по 1/10 рубля литовскаго, равнаго почти новгородской гривнѣ, или по 80 коп. нынѣшней монетою [794]). Разумѣется, нельзя принимать точно эти цѣны, означенныя древними памятниками.

Что касается до заработной платы древней Руси, то она была низка: трудъ нашихъ предковъ перѣдко подвергался опасности, что онъ не окупится и что ихъ могутъ заставить сильные люди, «обидящіе меньшихъ и работящіе сироты», работать даромъ безъ всякаго желанія съ ихъ стороны. Замѣчательное преданіе объ этомъ сообщается въ разсказѣ о построеніи Софійской церкви въ Кіевѣ. Когда Ярославъ В. заложилъ этотъ соборъ, то народъ не пошелъ на работу изъ опасенія, что ему не заплатятъ за трудъ; князь спросилъ: отъ чего мало дѣятелей? Ему отвѣчали: «дѣло властельское»—и люди боятся, что будутъ лишены платы. Князь приказалъ возить куны на телѣгахъ подъ своды золотыхъ воротъ и объявить на торгу, чтобы каждый бралъ за трудъ *по ногатѣ на день, или 35 1/2 к. сер.* [795]). Слѣдов. эта поденная плата рабочимъ въ XI в. считалась выгодной, п. ч. Кіевляне явились на работу въ большомъ количествѣ.

О годовой заработной платѣ можно составить понятіе изъ постановленій Русской Правды: закупу или поступавшему въ

---

[793]) I Новг. 15. Рус. Дост. III, 158. Зап. Археол. общ. XII в. 2, стр. 706. 707. Въ 1384 г. рабъ татарскаго происхожденія проданъ въ Геную за 60 генуэзск. ливровъ или за 1049 фр. 76 с. Cibrario 11, 288.

[794]) Густынс. Лѣт. 227. Литовскій рубль содержалъ 10 гривенъ или 100 грошей; а гривна=60 к. сер; онъ равнялся почти новгородскому рублю XV в, который стоилъ 8 руб. 11 коп. Зап. Арх. общ. VII, стр. 271. XII, в. 2, пр. 276. 349, стр. 492. 622. Въ 1367 г. два раба куплены Амедеемъ VI въ Константинополѣ за 789 фр. 91 с. Cibrario. 11, 291.

[795]) Ист. рус. ц. пр. Макарія 1, гл. 2.

работу несостоятельному должнику къ заимодавцу для расплаты своимъ трудомъ, назначено вычитать за годъ работы полгривны: «А за лѣто возьметъ по полугривнѣ,» т. е. *3 р. 76 коп. сер.* Въ спискѣ XV в. Русской Правды женщинамъ назначается за трудъ по гривнѣ кунъ на годъ: «А жонка съ дочерью тѣмъ страды на 12 лѣтъ, по гривнѣ на лѣто — 20 и 4 гривны кунами», или *3 руб. 32 коп.* [796]). По судебнику, приписываемому Константину В., цѣна за выкупленнаго раба назначена таже, какая отдана за выкупъ; «аще ли не имѣеть (плѣнникъ) что дати на себѣ, да имать искупъ его местника, дондеже изработаеться, юже свѣща цѣну; а мзды ему нарицающеся *на всяко лѣто 3 щлязи* предъ послухомъ, и тако скончавшу ему цѣну, да отпущаеться свободенъ» [797]).

По Русской Правдѣ можно также опредѣлить приблизительно количество трудовой платы плотниковъ. Урокъ строителямъ мостовъ назначенъ такой: «Помостивше мостъ, взяти отъ 10 локотъ по ногатѣ; аже починить моста ветхаго, то колико городнѣ починить, то взяти ему по кунѣ отъ городнѣ; а мостнику самому ѣхати со отрокомъ на дву коню, 4 лукна овса на недѣлю, а ѣсть что можетъ». Если мостникъ успѣвалъ починить 10 городней моста съ отрокомъ и двумя лошадьми въ два дня, то получалъ по *42 коп. сер. на день*, исключая содержанія [798]).

---

[796]) Въ Рус. Правдѣ о ворахъ еще сказано, что они украли, то должны возротить или же заплатить: «оже будеть лице, лице воиметь, а за лѣто (т. е. работы) возьметь по полугривнѣ». П. 39. III, 65. Въ раннее время гривна была дороже, по этому половина гривны, положенная за работу мужчинѣ, равнялась или даже была больше гривны поздняго времени. Зап. Арх. общ. XII в. 2, с. 707. 708.

[797]) П. С. Лѣт. VI, 74. Три стлязя равнялись 3½ солидамъ, которые въ наемной платѣ сближаются съ гривною. Зап. Арх. общ. XII, 2, 554.

[798]) Рус. Пр. II, 91; III, 109. Въ Академ. спискѣ это постановленіе изложено нѣсколько иначе: «Аже помостивше мостъ, взяти отъ дѣла ногата; а отъ городници ногата; аще же будеть ветхаго моста потвердити нѣколико доскъ или 3, или 4, или 5, то тое же». I, 43. Куна Рус. Правды=8½ к. сер. Въ 1313 г. 1374 г. за рабочую скотину въ день платили въ Италіи 2 фр. 71 с.—2 фр. 26 с. 1340 г. работнику одному платили въ день по большей мѣрѣ 41 с. а по меньшей 34 с. 1351 г. работавшему на дорогахъ—1 фр. 72 с. 1363 г. работникъ, за

Строителю городской крѣпости назначено: «закладаюче *городню* (звѣно, вѣнецъ), куну взяти, а кончавше—ногата; а за кормъ и за вологу и за мяса и за рыбы 7 кунъ на недѣлю, 7 хлѣбовъ, 7 уборковъ пшена, 7 луконъ овса на 4 кони, имѣти же ему донелѣ городъ срубять, а солоду одину дадять 10 луконъ». По расчету г. Лешкова, городникъ и мостникъ получали въ день по 52 коп. сер., и слѣд. «рабочій день вообще цѣнился почти въ 50 к. сер. на наши деньги» [799]).

Въ половинѣ XII в. архіеп. Нифонтъ отвѣчалъ Кирику на вопросъ его о количествѣ платы, какую нужно брать за поминъ: «сорокоустье на гривну пятью служити, а на 9 кунъ одиною» [800]). Значитъ, каждая *поминальная обѣдня стоила 45 коп. сер.*

Въ договорѣ Новгорода съ Любекомъ 1270 г. условлено, что «лоцманъ, нанятый для проведенія судна вверхъ и опять внизъ по Волхову, долженъ получить 5 марокъ кунъ или одинъ окорокъ»; а отъ Новгорода до Ладоги и обратно 3 марки кунъ или полъокорока. Въ проектѣ же договора 1269 г. предлагалась слѣд. плата лоцманамъ: «каждый изъ приведшихъ лодки нѣмецкія къ Рыбацкой слободѣ получалъ по 8 куньихъ мордокъ и по 2 полотенца или вмѣсто полотенецъ—по 3 куньи мордки. Лѣтніе гости давали имъ съ каждой лодки по 4 хлѣба и по сосуду масла, или вмѣсто хлѣба — по 2 куны, а вмѣсто масла—по 3 мордки, и кромѣ сего получали туже плату, какъ и отъ зимнихъ гостей. Когда отъ Ладожскаго озера или съ Волхова проводили лоцмана лодки, то получали 3 гривны кунъ. За доставку товаровъ отъ берега Волхова до новгородскаго

нимавшійся переноской каменьевъ, получалъ въ день 29 с. Cibrario. II, 285. 286. 292.

[799]) Рус. Пр. II, 90. Рус. Цар. и Госуд. 189. 192. 1299 г. генуэзскій рабочій, смолившій барку, получалъ въ день 2 фр. 29 с.; столяръ въ Пизѣ—1 ф. 28 с. 1384 г. каменьщикъ получалъ въ день безъ пищи 3 фр. 70 с; кровельщикъ съ пищею 3 фр. 23 с.; а безъ пищи 2 фр. 46 с. Слѣд. пища дневная оцѣнена въ 77 с. Cibrario II, 285. 288.

[800]) Пам. XII в. 178. Въ 1376 г. въ Парижѣ отслужено 15 большихъ обѣденъ: за каждую заплачено по 4 франка 69 сант.; въ 1381 г. въ Туринѣ служили обѣдни для графа Савойскаго: за каждую заплачено 3 фр. 5 с. Economie politique du moyen âge, Cibrario. T. II, 282. 283. Paris. 1859.

нѣмецкаго двора, извозчики получали съ каждой барки (lodi-en) 15 кунъ, а до двора готландскаго—10 кунъ, а съ отъѣзжающихъ—до полумарки съ каждой барки» [801]). Слѣд. по доровору 1270 г. всѣ рабочіе, проводившіе лодку, получали ок. 5 р. 65 к. с. за весь путь въ одинъ конецъ, а по проекту каждому рабочему назначено по 1 р. 20 коп. сер; извочикамъ съ лодки платили Нѣмцы 1 р. 12 к., а Готландцы—75 к. на наши деньги [801]).

Относительно заработной платы мастеровыми псковской обл. въ XIV и XV ст. сохранились драгоцѣнныя свѣдѣнія въ лѣтописи. Въ 1361 г. »Псковичи даша наймитомъ *2 ста рублевъ* (ок. 1800 руб. сер. на наши деньги)—истребити имъ стѣна св. Троица; они же подбивающе выносиша въ Великую рѣку». Эти нанятые рабочіе очистили мѣсто для постройки новой церкви въ годъ; если предположить, что ихъ было 60 человѣкъ, какъ въ 1462 г; то *каждый* изъ нихъ *получилъ годовой платы 30 руб. сер.* на нынѣшній счетъ денегъ. Такую же плату получили въ годъ каменьщики, строившіе церковь св. Троицы въ слѣдующемъ году: 1365 г. во Псковѣ «заложиша церковь св. Троицу, и даше мастеромъ дѣлу мзды *400 рублевъ дара* (ок. 3,600 р. сер.) и добрѣ потчиваху ихъ, дѣлаше же по 3 лѣта, свершенъ бысть храмъ св. Троица» [802]).

— 1420 г. «скончаны быша перши у Крому іюля въ 7; дѣлаше 200 мужь полчетверта года, а взяше у Пскова за дѣло свое 1000 рублевъ, а плиту которіи жгли даша тымъ 200 рублевъ.»

---

801) Cod. dipl. Lubec. II, XXXII, стр. 98. Urk. G. Hans. II, стр. 98. Гривна кунъ тоже, что марка кунъ; плата лоцману, назначенная въ 11 мордокъ въ одномъ случаѣ, а въ другомъ — въ 8 кунъ и 3 мордки выходитъ почти одинакова: мордка новгородская=20 к. сер; а куна = $7^1/_2$ к. сер.; гривна кунъ XIII в.—XV в. или марка кунъ=2 р. 25 к. Если изъ 5 р. 65 коп. назначалось каждому проводнику по 1 руб. 20 коп., то проводниковъ на лодкѣ находилось не болѣе пяти человѣкъ. Въ 1281 г. семь человѣкъ съ баркой, слѣдившіе, чтобы никто не нарушалъ запрещенія проходить въ Тану, получали ежемѣсячно 239 фр. 96. с. Cibrario II, 282.

802) I Пск. 192. Псковскій рубль новий содержалъ 8 р. 97 коп. сер. Зап. Арх. Общ. т. XII, в. 2, стр. 711. Въ 1282 г. въ Италіи платили за каждую сажень каменной стѣны толщиною въ два фута по 81 фр. 89 с.; а въ 1289 г. 25 фр. 10 с. Въ 1384 г. тысяча кирпичей продавалась по 80 фр. 86 с. Cibr. II, 285. 311.

—1431 г. «на весну наяша Псковичи 300 мужей, а заложиша городъ новъ на Гдовѣ на берегѣ камену стѣну... А земцы Бережскыи даху Пскову 300 рублевъ въ камену стѣну; а одинаго лѣта доспѣша съ приступа, а по инымъ сторонамъ и древяну стѣну, а кончаша ноября въ 1 день»[803]).

— 1435 г. «наяли Псковичи наймиты на новый мостъ на Псковѣ рѣкѣ, а запасъ балки наймитовъ, а рилины и городня и дубья псковская; а даху имъ найма отъ того 70 рублевъ, а наймитовъ было числомъ 40 чел.»

—1456 г. «мостъ намостиша великій запсковскій черезъ рѣку Пскову; а даша мастеромъ мзду 60 рублевъ, и потомъ придаша 20 рублевъ.»

—1458 г. Псковичи наддѣлали стѣну отъ захабня до Кутняго костра, «и даша мастеромъ дѣлу мзды полтораста рублевъ.»

—1462 г. Заложили Псковичи новый городецъ надъ Великимъ оз. и сдѣлали его того же лѣта и поставили въ немъ церковь; «а дѣлаша его мастеры псковскіи и съ волощаны, 60 человѣкъ, а взяша отъ него, такоже и отъ церкви, дѣла своего мзду у всего Пскова 60 рублевъ, а потомъ придаша 30 рублевъ»[804]).

2. Цѣны на хлѣбъ.

а) **Рожь**. 1127 г. въ новгородской обл. «на осень изби морозъ вьрьшь (зелени) и бысть голодъ и черезъ зиму *ръжи ос-*

---

[803]) I Пск. 203 206.

[804]) I Пск. 209 217. 218. 221. Матеріаломъ для исторіи цѣнъ для XV в. могутъ служить еще слѣд. факты: 1465 г. «Перси совершиша у Крому, Авг. въ 30, а дѣлаша 80 мужъ наймитовъ по три лѣта, а взяша дѣла своего 175 р.» 1462 г. построена церковь каменная св. Пантелеимона съ 15 Апрѣля до 1-го (Октября?); а мастеры «взяша отъ нея дѣла своего мзду 30 руб. у чернцовъ». 1469 г. «заложивши сдѣлаша великая врата каменая и костеръ на верху болшей, выше старыхъ по конець мосту запсковскаго; а взяша у Пскова мастеры дѣла своего мзду 30 руб. серебра«. 1470 г. «совершиша церковь въ монастыри св. Никиты; а взяша мастеры дѣла своего мзду 20 рублевъ серебромъ». 1472 г. «намостиша мость новъ на новомъ мѣстѣ на Черехѣ рѣкѣ; а даша мастеромъ мзду дѣла полдевятнадцатъ (18½) рублевъ». I Пск. 229. 231. 233. 235. 242.

минка по полугривнп,» т. е. полугривны кунъ или *1 р. 50 к. сер. четверть 3 р.*—1128 г. былъ страшный голодъ, такъ что многіе умирали: «отецъ и мати чадо свое всажаше въ лодью даромъ гостьмъ; ови ихъ изьмроша, а друзіи розидошася по чужимъ землямъ... Лютѣ бяше *осминка ръжи по гривнъ* бяше». Въ розницу продажа была дороже, по этому *осмина стоила 3 р. четверть—6 р. кадь—24 р. с.* [805]).

—1137 г. «Не бѣ мира ни съ Суждальци, ни съ Смолняны, ни съ Полоцяны, ни съ Кыяны—и стоя все лѣто *осминка великая по 7 рѣзань*,» или ок. *1 р 5 коп;* слѣд. *четверть — 2 р. 10*, *а кадь 8 р. 40 к. сер.*

—1161 г. «На осень уби всю ярь морозъ, и купляхомъ *кадку малую по 7 кунъ.*» Цѣна была вдвое выше, чѣмъ въ 1137 г, если кадка малая была вдвое меньше великой осминки. Тогда кадка эта или *четверикъ стоилъ 52½ к. с.*, *осминка 2 р. 10 к.*, *четверть 4 р. 20* к., *кадь—16 р. 80 к.* [806]).

— 1170 г. Во время борьбы съ Суздальцами не пускали подвозъ хлѣба въ Новгородъ, и «купляху *кадь ржи по 4 гривнъ*,» 12 р. сер.

— 1188 г. Была дороговь: покупали *кадь ржи по 6 гривенъ, или 18 р. с.* [807])

— 1215 г. побилъ морозъ по новгородской волости обилье, а Ярославъ не пустилъ туда ни воза хлѣба изъ Низовой земли;

---

[805]) При оцѣнкѣ хлѣба въ Новгородѣ принимается гривна кунъ, которая въ XIV в. стоила тамъ 2 р. 25 к. сер., а въ XII в., по всей вѣроятности, рубля 3 сер. на наши деньги. I Новг. 5. IV Новг. 3. Кадь, бочка или оковъ содержала 2 половника=4 четверти или коробьи=8 осминъ или зобницъ=16 кадокъ=32 кадки малыя или четвертки, которыя приближались къ нашему четверику. Такое отношеніе мѣръ слѣдуетъ изъ соображенія количества ихъ оцѣнки между собою. См. Ист. Гос р. III, пр. 8. 84. IV, пр. 247. 386. Изв. Арх. Общ. XII. 2. 533. По извѣстію Татищева, кадь ржи въ Новгородѣ 1128 г. стоила 4 гривны. Карамзинъ принимаетъ здѣсь гривну серебряную и оцѣниваетъ осмину 1127 г. въ 5 р сер., а осмину 1128 г. въ 10 р. сер. Ист. Гос. р. II, пр. 255 и текстъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ осмина 1127 г. оцѣнена въ 7 рѣзаней Ист. Г. р. II, пр. 267 и текстъ.

[806]) 1 Новг. 8. 13. Въ 1162 г. въ Галичѣ «кадь ржи бываше по рублю и по 40 алтынъ, и бысть въ людехъ скорбь, и печаль веліа и плачь неутолимъ». Ник. I, 231.

[807]) IV Новг. 12. I Новг. 20. Ник. I 247.

люди ѣли сосновую кору, мохъ; полну скудельницу наметали умершихъ отъ голодной смерти; трупы валялись по улицамъ, не успѣвали поѣдать ихъ собаки. «О горѣ тогда, братье, бяше! дѣти свое даяхуть одерень». Во время этого страшнаго голода «*кадь ржи купляхуть по 10 гривенъ*», *или 26 р. с.*

— 1228 г. по случаю военныхъ обстоятельствъ, въ Новгородѣ «*купляху ржи по 3 гривнѣ*», *7 р. 80 к. сер.* [808]).

Голодъ съ 1228 г. продолжался три года.

— 1230 и 1231 г. побилъ морозъ обилье, «и оттолѣ горе уставися велико»; городъ весь разбрелся по чужимъ землямъ, а остальные умирали съ голода и трупы ихъ валялись по улицамъ; въ скудельницѣ похоронили 3,030 человѣкъ. *Кадь ржи покупали по 20 гривенъ, а во дворѣхъ по полъ 30*; а по другой лѣтописи, осенью 1231 г. покупали *кадь ржи по 40 грив.*, но здѣсь, вѣроятно, рѣчь идетъ о пшеницѣ; *четверую часть кади — по 7 гривенъ кунъ или по 1 гр. сер.* [809]). Так. обр. *кадь ржи стоила сначала 52 р., потомъ 69 р., четверть продавалась по 20 р. с.*

— 1314 г. «Изби мразъ всяко жито и бысть дорогость люта... много время»: во Псковѣ *зобницу ржи продавали по 5 грив. или 11 р. 25 к. с.* и отъ голода начались грабежи, а въ Новгородѣ *зобница стоила 3 гр. или 6. р. 75. к. с.* [810]).

— 1347 г. въ югозападной Руси *стогъ жита оцѣненъ въ 15 гривенъ*, т. е. въ *полтора рубля литовскихъ*, которые стоили на нашу монету *8 р. 85 к. или около 9 р с.* [811]).

— 1407 г. въ Псковѣ «хлѣбъ бяше дешевъ: ржи по *три мѣрѣ(?) за полтину*», *или за 4 р. 48 к. с.*

— 1409 г. Была во Псковѣ дешевая цѣна на хлѣбъ: «а ржи *на полтину 6 зобницъ*» [812]).

---

[808]) I Новг. 33. 43. IV Новг. 20. Ник. II, 319.

[809]) I Новг. 46. 47; II Новг. 128; III Новг. 219; IV Новг. 29. Такъ какъ кунная гривна постепенно понижалась въ цѣнѣ, то въ Новгородѣ въ XIII в. ее можно уравнять 2 р. 60 к. с., а въ XIV—2 р. 25 к. с. Въ 1229 г. въ Ников. лѣт. означена цѣна кади ржи въ 4 гр. II, 363.

[810]) I Пск. 184. Ист. Гос. рос. IV, пр. 326.

[811]) А. Зап. Рос. I. № 2, стр. 95. См. выше пр. 794.

[812]) I Пск. 199. 200. II Пск. 20. 21. Псков. рубль=8 р. 96 к. сер., а деньга =4 к. с. слишкомъ. Изв. Арх. общ. XII, в. 2, стр. 703. 711.

— 1412 г. «Меженина бысть въ Новѣгородѣ Нижнемъ; купили *половникъ ржи по 40 алтынъ и по 400 старыми деньгами»*, *до 5 р. с.* [813]).

— 1422 г. вездѣ былъ голодъ по 3 года, а во Псковѣ находилось много хлѣба въ запасѣ, «и въ Псковѣ тогда бяше *зобница ржи по 70 ногатъ,.. а на полтину ржи полътретьи зобници,»* или $2^1/_2$, слѣд. *зобница стоила ок. 1 р. 50 к. сер., четверть 3., а оковъ 6 р. сер.*, между тѣмъ на Москвѣ платили оковъ ржи 1 р. и $1^1/_2$ р., т. е. 3 р. и 4 р. 50 к. с.

на Костромѣ 2 р.=6 р. сер.

въ Нижнемъ-Новг. 6 р.=18 р сер. [814]).

— 1423 г. «Бысть меженина въ Новѣгородѣ Нижнемъ: купили половникъ ржѣ по 100 алтынъ по 15 алтынъ,» или 20 р. 70 к. сер, если принять деньгу, упоминаемую здѣсь, за московскую или рязанскую около 3 к. сер. [815])

— 1424 г. «Бысть моръ въ Кашинѣ и меженина, *по полтинѣ купили оково ржи,» или 4 р. сер.*

—1425 г. «Бысть въ Псковѣ хлѣбъ подешевле: по *5 зобницъ на полтину ржи»*, *т. е. 4 р. 48 к. сер.* слѣд *зобница стоила ок. 90 к. сер; а четверть 1 р. 80 к. сер., а кадь — 3 р. 60 к. сер.*

—1427 г. «умножи Богъ всякаго обилья хлѣба» въ Псковѣ: по 7 зобницъ ржи на полтину, или 64 к. сер. з бница, 1 р. 25 к. с. четверть [816]).

— 1428—1429 г. во Псковѣ *на полтину по 8—9 зобницъ ржи, или четверть по 1 р 5* к. —ок. 1 р. сер.

— 1434 г. «Во Псковѣ у св. Троицы далъ Богъ хлѣба много и дешевъ: 9 денегъ зобница ржи», т. е. 36 к. сер. По другому извѣстію, въ это время въ гуртовой покупкѣ зобница стоила $34^1/_2$ к. сер. или «на полтину 13 зобницъ.» Слѣд. чет-

---

[813]) Тверс. Лѣт. въ П. С. Лѣт. XV, 486.

[814]) II Пск. 24. Др. Рос Впвл. XVIII, 82. Московскій рубль здѣсь принятъ по дешевой оцѣнкѣ въ 3 р. сер., между тѣмъ онъ могъ стоить и 5 р. сер. въ XV в.

[815]) Тверс. Л. 488.

[816]) Тверс. Л. 488. II Пск. 24. 26. Въ 1426 г. «за Волокомъ бысть гладъ: купиша кадь верши (ржи) по 40 бѣлъ». И. Г. р. II, пр. 886.

верть продавали по 69 к. с., а четверикъ или пудъ ржи—по 9 к. сер. [817]).

— 1442 г. «Бысть меженина въ Твери: оковъ ржи по 16 алтынъ,» т. е. 3 р. 84 к. сер.

— 1443 г. «Бысть меженина по всей земли, а въ Твери оковъ ржи (по) 20 по 6 алтынъ», или 4 р. 68 к. Слѣд. четверть стоила 1 р. 17 коп. сер.

— 1445 г. «Бысть въ В. Новгородѣ велми дорогъ хлѣбъ, не толко единаго лѣта, но 10 лѣтъ—по 2 коробьи за полтину, а иногда и болши, а иногда купити нѣгдѣ». Слѣд. коробья стоила 2 р 3 к., а кадь 8 р. 12 к. сер., если принимать вмѣстѣ съ Карамзинымъ коробью за четверть [818]).

— 1464 г. во Псковѣ «хлѣбъ бысть дешевъ, зобница ржи по 17 денегъ», или 68 к. сер.

— 1467 г. «Хлѣбъ Богъ далъ то лѣто во Псковѣ дешевъ, зобница ржи по 18 денегъ», т. е. 72 коп. сер., а четверть стоила 1 р. 44 к. с.

— 1476 г. Дешевъ хлѣбъ былъ во Псковѣ: «по полъпятѣ денегъ четвертка ржи», т. е. $4^1/_2$ деньги $^1/_4$ зобницы, что равняется 18 к. с., зобница=72 к. с., четверть=1 р. 44 к. сер. [819]).

— 1485 г. «Умножи Богъ всякаго обилья, а рожь индѣ собраша сѣмена ржаныя, а индѣ и съ избыткомь, а гдѣ и жати нечего, и засѣяша старою рожью, и тогда купиша четвертку ржи по 7 и 8 денегъ»; четвертка стоила 28—32 к. с.

— 1499 г. Во Псковѣ продавался, хлѣбъ вдвое дороже, чѣмъ въ 1476 г.: «тое же осени хлѣбъ былъ дорогъ: четвертка по 9 денегъ»—36 к. с., зобница—1 р. 44 к., четверть—2 р. 88 к. Слѣд. обыкновенная цѣна четверти ржи во Псковѣ была въ 2 р. с.

— 1500 г. Въ окладной книгѣ Вотской пятины положено

---

[817]) I Пск. 205. 208. II Пск. 26. 28.

[818]) Тверс. Л. 491. 492. III Новг. 240. Ист. Гос. рос. VI, пр. 332. Тверская деньга принята здѣсь въ 4 к. сер.; но она была и больше 5 к. сер. Зап. Арх. общ. XII, 2, 704.

[819]) I Пск. 228. 231. 250. Зап. Арх. общ. XII, 2, 533.

собирать съ крестьянъ или хлѣбомъ «или деньгами—по 10 денегъ за коробью ржи», на наши деньги к. 35 сер. [820]).

Такимъ обр. цѣна на рожь до XVI в. въ древней Руси поднималась отъ 35 к. с. до 22 р. 50 к. с. за четверть, а средняя цѣна ржи, судя по означеннымъ цѣнамъ за 34 года, была 4 руб. сер. за четверть. Но здѣсь нужно замѣтить, что всѣ почти цѣны на рожь относятся къ сѣверовосточной Руси.

б) **Хлѣбъ печеный** 1123 г. «Ходи Всеволодъ съ Новгородци на Ѣмъ, и побѣди я; но лютъ бяше путь, купляхуть по ногатѣ хлѣбъ», или болѣе 26 к. с. нынѣшней монетою.

— 1129 г. Хлѣбъ въ Новгородѣ продавался по 2 куны, или по 15 коп. сер.

— 1170 г. Хлѣбъ большаго размѣра покупали по 2 ногаты, т. е. коп. 50.

— 1188 г. во время дороговизны въ Новгородѣ не большой хлѣбъ покупали по 2 ногаты [821]).

— 1228 г. хлѣбъ стоилъ 2 куны или 15 к. сер

— 1230 г. тамъ же хлѣбъ стоилъ 8 кунъ или 60 к. сер.; а потомъ по полугривнѣ или 1 р. 12 к; а можетъ быть и больше на наши деньги; но въ 1228 г. очевидно хлѣбъ подразумѣвается меньше 1230 г.

— 1231 г. Цѣна на хлѣбъ возрасла необычайная: «купляхомъ по гривнѣ хлѣбъ и побольши»,—ок. 2 р. 60 к. с.

— *Въ XIII в. обыкновенная цѣна хлѣба стояла въ 2 куны, или 15 к сер;* что видно изъ договора Новгородцевъ съ Нѣмцами 1270 г. Нѣмцы обязаны были лоцманамъ, проводившимъ ихъ по Невѣ и Волхову, давать за хлѣбъ по 2 куны [822]).

Въ XIV в. коврига хлѣба цѣнилась въ 1 деньгу, или въ 5 к. с.

— 1422 г. Въ Новгородѣ, по всей московской и тверской землѣ «толми бысть тамо дорогъ хлѣбъ, яко на единомъ коврризѣ дати полтына, али каково портище». Стало быть, коврига хлѣба стоила 4 р. 48 коп., если здѣсь разумѣются псковскія деньги, а если московскія, то 3 р. с.

---

[820]) II Пск. 44. I Пск. 250. Времен. кн. XI, стр. 11.
[821]) IV Новг. 2. I Новг. 4. 15. 19—20. Ник. 1, 247. Ист. Гос р. III, пр. 385.
[822]) Ник. II, 363. I Новг. 47. IV Нов. 29. Cod. dipl Lubec. II, №XXXII, стр. 29.

— 1455 — 1462 г. коврига хлѣба цѣнилась въ 1 деньгу, или ок. 5 к. сер. [823]).

Для правильной оцѣнки печенаго хлѣба и отношенія его цѣнности къ цѣнѣ зерноваго хлѣба, нужно имѣть въ виду, что въ древнее время хлѣбы одни были большаго размѣра, другіе малые—*хлѣбцы*,—что «изъ пуда ржаной муки печеныхъ рѣшетныхъ хлѣбовъ выходитъ 1 пудъ 20 ф.». Далѣе изъ четверти зерна выходитъ 12—16 большихъ ковригъ, цѣна печенаго хлѣба равняется и теперь цѣнѣ зерновой ржи по вѣсу, хотя во время голода разничная продажа хлѣба, особенно печенаго, бываетъ дороже [824]).

в) **Пшеница.** Въ голодъ 1128 и 1228 г. въ Новгородѣ *кадь пшеницы продавалась по 5 гривенъ,* когда кадь ржи стоила 3 гр.; слѣд. ок. 15 руб. сер.

— 1230 г., когда рожь продавалась по 25 гр. за кадь, пшеница возвысилась до 40 гр. или до 105 руб. сер. [825]).

— 1347 г. Стогъ пшеницы оцѣненъ по вислицкому статуту въ 15 гривенъ, т. е. въ 8 р. 85 к. или ок 9 р. сер.

— 1499 г. въ Новгородѣ коробья пшеницы оцѣнена въ 1 гривну, вѣроятно, старую, равную 2 р. 25 к. сер; а во Псковѣ продавалась зобница по 50 денегъ, рекше по полтинѣ. Значитъ, въ Новгородѣ четверть пшеницы стоила ок 4 р. 50 к. кадь—18 р. сер., а во Псковѣ зобница—2 р., четверть 4 р., а кадь 16 рублей, тогда какъ кадь ржи продавалась по 11 руб. 52 к. сер. [826]).

Такимъ обр. цѣна ржи стояла въ отношеніи къ пшеницѣ, какъ $^{3}/_{5}$, $^{25}/_{40}$.

г) **Пшено.** Въ 1128 и 1228 г. во время голода кадь пшена продавалась по 7 гривенъ, т. е. ок. 21 р. сер.

---

[823]) А Ист. №22, 58. А. Эксп. 1, №16. I Пск.203. II Пск. 24. А. Юрид. 6. 1. № 31, XIII, стр. 103. Если волостелю «не любы хлѣбы, ино по дензѣ за ковригу»,

[824]) Зап. Арх. общ. XII в. 2, стр. 512—515. Архивъ, изд. Калачовымъ. IX, о хлѣбной четверти стр. 26.

[825]) I Новг. 5. 43. 46. Ник. II, 363. Въ 1366 г. въ Италіи бочка пшеницы стоила 123 фр. 99 с. Cibrario II, 297.

[826]) А. Зап. Рос. I, № 2, стр. 95. Ркп. Рум. Муз. № 38. 1 Пск. 271. Ист. Гос рос. VI, пр. 629 подъ 1498 г.

— 1230 г. кадь пшена поднялась до 50 гр., во время самаго ужаснаго голода, или до 130 руб. сер. на наши деньги, и продавалась въ древнее время дороже пшеницы. Цѣны пшеницы и пшена относились между собою какъ 5/7 или 4/5 [827]).

д) **Овесъ**. 1215 г. Кадь овса продавалась въ Новгородѣ по 3 гр. или 7 р. 80 к. сер.

— 1230 г. Тамъ же кадь овса сперва покупали по 3—5 грив. или ок. 9—13 р. сер; а потомъ возвысилась до 13 грив. или до 33 р. 80 к. сер. [828]).

Въ XIV в. мѣхъ овса оцененъ въ 1 алт. или ок. 20 к. сер; этотъ мѣшокъ содержалъ четверика два [829]).

— 1407 г. Бяше овсяная зобница по гривнѣ во Псковѣ во время дороговизны, т. е. по 2 р. 25 к. сер.

—1422 г. Тамъ же овесъ стоилъ дорого: 30 ногатъ зобница [830]).

— 1442 г. Оковъ овса былъ въ Твери по 6 алтынъ или по 1 р. 20 к. сер.

—1443 г. Оковъ овса тамъ же продавался по 10 алтынъ, т. е. по 2 р. нынѣшней монетой [831]).

— 1455 — 1462 г. съ крестьянъ за мѣхъ овса положенъ 1 алт.

— 1464 г. Во Псковѣ хлѣбъ былъ дешевъ—по 7 денегъ зобницаовса, или ок. 28 к. сер.

— 1367 г. Тамъ же продавали овесъ по 8 денегъ зобницу, т. е. 32 к. сер.

— 1476 г. Овесъ тамъ былъ еще дешевле: по 6 денегъ зобница т. е. 24 к. сер. [832]).

— 1485 г. во Псковѣ, при дороговизнѣ ржи, зобница овса стóила по 10 и по 12 денегъ, т. е. 40 и 48 к. сер.

— 1499 г. въ новгор. области коробья овса оцѣнена въ 5 денегъ, а во Псковѣ четвертка овсяная продавалась по 4 деньги.

---

827) I Новг. 8. 43. 46. Ник. II, 363.
828) I Новг. 33. 46. Ник. II. 363. III Новг. 219.
829) А. Ист. I, № 22, стр. 58.
830) I Пск. 198. II Пск. 20. 24.
831) Тверс. Л. 491. 492.
832) А. Юрид. б. 1, № 31, XIII, стр. 103. 1 Пск. 228. 231. II Пск. 250.

Слѣд. въ Новгородѣ четверть стоила 20 денегъ, а во Псковѣ —64 к. сер. [833]). Но здѣсь нужно принять къ свѣдѣнію, что въ Новгородѣ эта цѣна была не рыночная, а уставленная правительствомъ.

— Отношеніе цѣны овса къ цѣнѣ ржи въ древнее время въ разныя годы выражается такъ: $^3/_{10}$, $^5/_{20}$, $^1/_3$, $^6/_{16}$, $^{10}/_{26}$, $^7/_{17}$, $^8/_{18}$, $^6/_{18}$, $^{10}/_{28}$, $^{12}/_{32}$, $^4/_9$, $^5/_{10}$. Слѣд. при неурожаѣ овса, онъ стоилъ $^1/_2$, а во время урожая $^1/_4$ цѣны ржи.

е) **Жито**. 1407 г. и 1422 г. зобница жита во Псковѣ продавалась по 50 ногатъ, или ок. 3 р. 22 к. сер. [834]).

— 1485 г. Рожь не родилась во Псковѣ, а яроваго было много, жита четвертка по 5 денегъ, или по 20 к. сер. Слѣд. зобница стоила 80 к. сер.

— 1499 г. Во Псковѣ зобница жита стоила 6 денегъ или коп. 25 сер; а въ Новгородѣ коробья ячменю оцѣнена въ 7 денегъ или 30 к. сер. [835]).

з) Цѣны на соль.

О количествѣ цѣны, по которой продавалась соль въ XI стол., сохранилось свидѣтельство печерскаго Патерика; въ немъ сказано: «преже драго продаваху — по 2 головажи (ведра) на куну, нынѣ же по 10, — и никто взимаше», т. е. когда чернецъ Прохоръ сталъ раздавать соль народу даромъ. Слѣд. дорогая цѣна стояла, когда двѣ голважни продавались по $6^1/_2$ к. сер, а дешевая, когда 2 голважни можно было купить по $1^2/_3$ к. сер, [836]).

— 1231 и 1233 г. Во Псковѣ и Новгородѣ стояла соль на высокой цѣнѣ: «купляху соль по 7 гривьнъ берковьскъ», или

---

[833]) II Пск. 44. Времен. кн. XI, стр. 11, матер. Ркп. Рум. Муз. № 35. I Пск. 271.

[834]) II Пск. 24. Въ 1422 г. Псковская лѣтопись уравниваетъ 70 ногатъ полтинѣ, или 3 р. 75 к. сер. Въ концѣ XV в. во Псковѣ и Новгородѣ уже вводился московскій счетъ денегъ.

[835]) II Пск. 24. 44. I Пск. 271. Врем. кн. XI, матер. стр. 11.

[836]) Ркп. Рум. Муз. № 305, л. 207—210. Куна по Русской Пр. равнялась $6^2/_3$ к. сер. Изв. Арх. общ. XII, в. 2, стр. 705.

15 р. 75 к. сер. Такъ какъ берковецъ содержалъ въ себѣ и до XV в. 10 пудовъ; то соль продавалась за пудъ по 1 р. 57 к. сер. [837]).

— 1253 г. Руссkie въ Крыму платили за возъ соли по двѣ бумажныхъ ткани, которыя стоили $^1/_2$ гиперперта, или солида, а солидъ равнялся русской гривнѣ XIII в. Слѣд. возъ соли стоилъ ок. 3 р. 50 к. сер. нынѣшней монетою [838]).

— 1407 г. Во Псковѣ хлѣбъ былъ дешевъ, «а соли по 8 мордокъ и по гривнѣ пудъ»; слѣдов. пудъ соли на нынѣшнюю монету стоилъ тогда ок. 30 и 32 к. сер. [839]).

— 1409 г. «Бяше тогда соли Русѣ на полтыну полпятѣ зобнини», т. е. $4^1/_2$ зобницы продавались по 2 р. сер. Если принять въ зобницѣ, какъ осминѣ, 4 пуда, то пудъ соли стоилъ тогда ок. 47 к. сер.

— 1464 г. Во Псковѣ была соль дешева: пудъ продавался по 3 деньги или по 12 к. сер.

— 1467 г. Тамъ же былъ «пудъ соли по 3 деньги».

— 1476 г. Тамъ же пудъ соли стоилъ $3^1/_2$ деньги, или 14 к. сер. нынешнею монетою [840]).

— 1499 г. Во Псковѣ при дороговизнѣ хлѣба продавался «соли мѣхъ по пол-40 денегъ (35) полчетверты ($3^1/_2$) гривнѣ и менши» [841]). Слѣд. мѣшокъ соли стоилъ тогда 1 р. 40 к. сер. и меньше, а пудъ — 35 к. сер, если въ мѣшкѣ была осмина.

---

[837]) I Новг. 48. О берковцѣ см. Изв. Арх. общ. XII в. 2, стр. 581. Въ Италіи 1366 г. мѣра (mesure) соли стоила 16 фр. 45 с., а въ 1384 г. четверть (grosse émine) соли — 50 фр. 86 с. Cibr. II, 297. 298.

[838]) Чт. Общ. И. 1846 г. № 3, I. стр. 7. Ист. Гос. р. III, пр. 234 и текстъ. Въ 1282 г. изъ Люненбурга проданъ въ Любекъ 1 *виспель* соли за 72 марки; а въ 1289 г. 4 виспеля за 80 маркъ. Cod. dipl. Lubec I, № CCLXXVI. № CCCXII, стр. 374. *Виспель* — родъ хлѣбной мѣры ок. 6 четвертей.

[839]) I Пск. 199. II Пск. 20. Въ это время кунная гривна стоила $7^1/_2$ денегъ, мордка = $^{11}/_{12}$ деньги или $3^5/_7$ к. сер.; 8 мордокъ = $^4/_5$ денежной гривны, въ которой слѣд. было 10 мордокъ. Изв. Арх. общ. XII, в. 2, стр. 588.

[840]) I Пск. 200. 228. 231. 250. II Пск. 21.

[841]) I Пск. 271. Полтина въ это время во Псковѣ была московская, равнялась 50 деньгамъ или 4 р. 48 к. сер.; гривна содержала 10 денегъ; слѣд. полчетверты гривны то же было, что 35 или пол-40 денегъ. Изв. Арх. общ. XII, в. 2, стр. 553 — 554. 711.

— Выварку соли можно оцѣнить по слѣдующимъ словамъ завѣщанія XIV — XV в.: «Взяти ми у Филимона Дмитрева 2 рубли денегъ; а варилъ на Великомъ мѣстѣ мой цѣренъ и дрова той же Филимонъ 5 ноцей, а то до меня не дохаживало ницто». Так. обр. за 5 ночей вывариванія соли назначено по новгородскому счету 16 р. 22 к. сер. [842]).

4) Цѣны на скотъ.

а) **Лошади.** Цѣны на лошадей, означенныя въ Русской Правдѣ, нашими учеными переложены на современную монету различно. Здѣсь представляются онѣ въ слѣдующемъ порядкѣ [843]):

		По Карамзину —	Лешкову —	Прозор.
Конь княжій	3 грив. =	7 р. 50 к	ок. 40 р.	21 р.
Конь простой	2 грив. —	5 р. —	болѣе 26 р.	14 р.
Кобыла	60 кунъ —	6 р. —	— 16 р.	14 р.
по др. сп.	3 грив. —	7 р. 50 к. —	40 р.	21 р.
Неѣзжалый жеребецъ	1 грив. —	2 р. 50 к. —	12 р. 30 к.	7 р.
Третьякъ	30 кунъ —	3 р. —	— 8 р.	7 р.
	или 1 грив. —	2 р. 50 к. —	12 р. 30 к.	7 р.
Двухлѣтокъ	полгр. —	1 р. 25 к. —	8 р.	3 р. 50 к.
Жеребенокъ	6 ногатъ	— 75 к. —	4 р.	2 г. 10 к.

Около 1300 г. витебскій князь Михаилъ Константиновичъ давалъ 10 *изроевъ* (?) за коня, который ему сильно полюбился [844]).

---

842) А. Юрид. б. I, № 409, IX.

843) Рус. Пр. II, 40. 41; III, 54. Послѣднія цѣны я выставилъ по оцѣнкѣ монеты г. Прозоровскимъ: кунъ принято въ гривнѣ 30, ногата въ 35 к., гривна кунъ въ 7 р. сер. Ист. Гос. р. II, пр. 79. Рус. Нар. и Гос. 183 — 184. Въ полов. X в. въ Царѣградѣ молодая лошадь стоила 12 червонцевъ; въ древнихъ саксонскихъ законахъ конь и быкъ оцѣнены въ 2 червонца. Ист. Г. р. II, пр. 79.

844) Изв. Акад. X, 635 — 636. А. Зап. Р. I, № 2, стр. 181. Въ 1268 г. въ Италіи лошадь стоила 418 фр. 56 с. — 292 фр. 99 с., въ 1288 г. дорогія ло-

Въ XIV — XV в. въ новгородской обл. конь вороной оцѣненъ въ 5 сороковъ бѣлки, т. е. въ 12 р. 50 к. сер., п. ч. гривна кунъ равнялась сорочку.

— 1407 г. въ Молдавіи, Подоліи и Волыни лошадь покупалась по 3 гривны или ок. 5 р. 30 к. сер.; были и выше цѣны на лошадей [845]).

— 1472 г. въ Москвѣ конь сѣрый стоилъ 10 рублей или 30 р. нынѣшней монетою.

— 1483 г. Иванъ Салтыкъ пишетъ: «Взяти ми конь въ сѣдлѣ, а цѣна ему 6 р., что на наши деньги = 18 р. сер.

Конь гнѣдъ 3 руб. = 20 руб. сер.
Конь сѣръ $2\frac{1}{2}$ р. = 7 р. 50 к. сер.
Конь рыжъ 3 — = 9 —
Конь сивъ 4 — = 12 — [846]).

б) **Коровы, овцы, козы, свиньи.** Представляю здѣсь цѣны, выведенныя по Русской Правдѣ нашими учеными:

		Карамз.	*Лешк.*	*Прозор.*
Волъ	1 грив. =	2 р. 50 к. —	12 р. 30 к.	7 р. —
по другимъ списк.	3 гр. —	7 р. 50 к. —	40 р.	21 р. —
Корова	40 рѣз. —	2 р. — —	13 р. 50 к.	6 р. —
по другимъ списк.	2 грив. —	5 р. — —	26 р.	14 р. —
Трехлѣтняя корова	15 кунъ —	3 р. — —	4 р.	3 р. —
по другимъ списк.	1 грив. —	2 р. 50 к. —	12 р. 30 к.	7 р. —
Лонщина или двухлѣтній теленокъ	½ грив. —	1 р. 25 к. —	6 р. 66 к. —	3 р. 50 к.
Теленокъ	5 кунъ —	50 к. —	1 р. 30 к. —	1 р. —
Овца	1 ногат. —	50 к. —	4 р. —	— 35½ к.
по другимъ списк.	5 кунъ —	75 к. —	— — .	1 р. 18 к.
Баранъ	1—2 ног. —	50½ к.	— —	35 к. — 70 к.
по другимъ списк.	10 рѣз. —	52 к. —	2 р. 63 к. —	1 р. 40 к.
Свинья	5 кунъ —	50 к.	— —	1 р. 18 к.
по другимъ списк.	25 рѣз. —	1 р. 25 к. —	6 р. 66 к. —	3 р. 50 к.
Вепрь	15 рѣз. —	75 к. —	4 р.	2 р. 10 к.
по другимъ списк.	6 ногатъ —	— —	4 р. 50 к.	— —

шади покупались по 3349 фр. 44 с. — 1883 фр. 52 с. 1355 г. minimum — 517 фр. 4 с., maximum — 2068 фр. 16 с. 1391 г. лошадь для слуги — 270 фр. 84 с. Cibrario II, 289. 290. 294.

[845]) А. Юрид. № 71, VI. Изв. Арх. общ. XII, в. 2, стр. 514. А. Запад Р. I, № 21. Въ 1369 г. въ Любекѣ лошадь покупалась по 20 маркъ и болѣе Urkund. G. Hans. I, 306.

[846]) Собр. грам. I, № 96. А. Юрид. № 413.

20

Порося .... 1 ног.	—	12½ к.	ок. 75 к.	35 к.
Коза .... 6 ног.	—	75 к. —	4 р. 50 к.	2 р. 10 к.
Козелъ .... 10 рѣз.	—	52 к. —	2 р. 63 к.	1 р. 40 к. [847]

Въ XIV — XV в. въ новгород. обл. телица стоила 25 бѣлъ, или 1 р. сер.

— 1427 г. Во Псковѣ хлѣбъ былъ дешевъ, «а говядь 3 яловичи на полтыну», или на 2 руб. сер. Значитъ, одна телка продавалась по 66 к. сер. [848]).

— 1391 — 1428 г. въ духовномъ завѣщаніи Патрикѣя упомянуто: «на полтину взять два борана»; слѣд. баранъ цѣнился въ 1 руб. сер.

— 1391 г. корова равнялась тремъ баранамъ по цѣнѣ; игуменъ Константиновскаго монастыря писалъ: «одинова ми, господине, добили челомъ, а не въ пошлину, треми бараны, и язъ ихъ (крестьянъ) пожаловалъ за яловицу, занеже ми ненадобѣ была яловица».

— 1462 г. По псковской судной грамотѣ, баранъ оцѣненъ въ 24 к., а овца въ 40 к. сер.: «А боранъ присужать 6 денегъ, а за овцу 10 денегъ... *старая правда*» [849]).

---

[847]) Рус. Пр. I, 26. II, 41. III, 49 — 56. Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что цѣны, означенныя въ Рус. Правдѣ, первоначально соотвѣтствовали дѣйствительнымъ цѣнамъ товаровъ: «оже будетъ лице, лице поиметъ; паки ли лица не будетъ, то платити». Р. Пр. II, 39. 40. Но впослѣдствіи, цѣны измѣнялись, а законъ оставался дѣйствующимъ; впослѣдствіи когда онъ становился далеко не сообразнымъ съ дѣйствительностью, его измѣняли. Поэтому въ позднемъ спискѣ Р. Правды цѣны уже возвышены. По Винодольскому закону 1280 г. волъ цѣнится въ 8 — 10 либровъ, а либра венеціанская заключала 20 солдиновъ или нынѣшнихъ 12 крейцеровъ серебра. Чт. общ. И. 1846 г. № 4, III, стр. 12. 21.

[848]) А юрид. № 71, XIX. II Пск. 26. Бѣла въ XV в. соотвѣтствовала кунѣ или 4 к. сер. Зап. Арх. общ. XII, 2, 705—706. Во 2-й полов. XIII в. въ Италіи быкъ стоилъ 55 фр. 98 с. 209 фр. 38 с. 163 фр. 39 с.; въ 1370 г. два быка въ Пизѣ—341 фр. 45 с. Корова—70 фр. 53 с.—45 фр. 7 с. Cibrario, II, 289. 290. 291.

[849]) А. Юрид. б. I, № 82. А. Эксп. I, № 11, стр. 7. Пск. суд. гр. 27. Здѣсь, вѣроятно, разумѣется Русская Правда, въ одномъ изъ списковъ которой баранъ оцѣненъ въ ⅗ овцы. III, 49. Въ 1602 г баранъ стоилъ 2 алт. А. Юр. б. I, № 43, стр. 138. Въ XIV—XV в. баранъ оцѣненъ въ 8 денегъ. Чт. общ. И. 1846 г. № 3, I. стр 18. Въ Италіи 1279 г. баранъ продавался по 10 фр. 93 с. 1343 г. 3 фр. 12 с. 1352 г. ягненокъ—11 фр. 25 с; свинья въ 1268 г.—35 фр. 57 с. Cibrario. II, 289. 290.

5) Цѣны на съѣстные припасы.

а) **Мясо, сыръ, молоко, масло**. По Рус. Правдѣ полоть мяса стоила 2 ногаты, или 70 к. с., коровье молоко (крынка или удой) оцѣнено въ 6 ногатъ, или въ 2 р. 10 к. (здѣсь навѣрно ошибка!), сыръ — въ одну куну или въ $8^1/_2$ к. сер., горнецъ масла — въ 10 рѣзанъ, т. е. въ 1 р. 40 к. сер., а по разсчету г. Лешкова — въ 2 р. 63 к. сер. [850]).

— 1270 г. Въ договорѣ Новгорода съ Нѣмцами положено платить за окорокъ ветчины 5 марокъ кунъ или 11 р. 25 к., за половину окорока— 3 марки=6 р. 75 к. Слѣд. фунтъ ветчины цѣнился болѣе 32 к. сер., если окорокъ вѣсилъ 35 фунтовъ. Въ томъ же договорѣ назначено платить за горшокъ масла 3 мордки или 60 к. сер. слишкомъ [851]).

— Въ XIV в. полоть мяса стоила 2 алтына или на наши деньги болѣе 36 к. сер.

— 1436 г. въ Москвѣ 4 фунта мяса, по свидѣтельству Итальянца Барбаро, стоили 1 маркъ (marchetto).

— 1455 — 1462 г. полоть мяса у Соли Галицкой оцѣнена ок. 40 к. сер.: «а не любъ полоть, ино 10 денегъ или 2 алтына» [852]).

б) **Медъ.** По Рус. Правдѣ бортное дерево оцѣнено въ полгривны или въ 3 р. 50 к. сер.
Медъ неподрѣзаннаго улья — 10 кунъ = 85 к. сер.
Дерево съ бортью безъ пчелъ — 5 кунъ = 42 к. сер.

---

[850]) Рус. Пр. I, 42; II, 7. 41; III, 56. Рус. Нар. и Гос. 183. Рыба стоила 1 рѣзану или 14 к. с. въ количествѣ приготовленной на одного человѣка. Въ 1275 г. въ Италіи форель стоила 6 фр. 97 с; 1287 г. 13 фр. 95 с; а въ 1311 г. сыръ оцѣненъ въ 33 с. Cibr. II, 289. 296.

[851]) Cod. dipl. Lubec. II, XXXII, 99. Въ 1335 г. въ Туринѣ фунтъ говядины стоилъ 17 с., баранины 32 с., свинины 29 с; а въ 1374 г. фунтъ баранины или свинины продавался по 39 с., говядины - 24, телятины — 30 с. Cibr. II, 190. 191.

[852]) А. Ист. I, № 22, стр. 58. А. Эксп. I, № 16. Библ. иностр. пис. 1836 г. I, 58. А. юрид. б. I, № 31, XIII, стр. 103. О генуэзской монетѣ см. Изв. Арх. общ. XII, 2, 194. 195.

*

Рой пчелъ съ медомъ — полгривны = 3 р. с. [853]).

— 1170 г. Во время войны Новгородцевъ съ Суздальцами, при дороговизнѣ хлѣба, медъ купили по 10 кунъ пудъ, или 85 к. сер., а фунтъ 2¹/₆ к. сер. [854]).

— 1269 г. 4 фунта меду оцѣнены въ 1 куну, а 5 ливонскихъ фунтовъ, которые вѣсили по 100 золотниковъ каждый, оцѣнены въ 10 кунъ или въ 75 к. сер.

— 1347 г. Въ Вислицкомъ статутѣ опредѣлено: «А кто кому дерево зрубить со пчелами, имѣетъ заплатить гривну (1 р. 76 к. сер.) тому, чіи пчолы, и другую судове гривну; а хто бортное дерево зрубить безъ пчолъ, то полгривны (88 к. сер.) заплатить, а судове другую полгривны» [855]).

— 1467 г. Былъ дешевъ хлѣбъ во Псковѣ, «а меду по 7 пудъ за полтину», т. е. 2 р. сер.

— 1476 г. Тамъ же при дешевой цѣнѣ на хлѣбъ платили «меду по 11 пудовъ за полтину». Слѣд. пудъ стоилъ 18 к. сер. слишкомъ [856]).

в) Цѣны на птицъ и звѣрей.

а) **Птицы**. Въ Русской Правдѣ за куря и голубь штрафу взыскивалось по 9 кунъ или 76 к. сер; за гуся, утку, лебедя, журавля цѣна назначена по 30 рѣзанъ или 4 р. 20 к. [857]).

---

[853]) Рус. Пр. II, 68. 69; III, 57. По вычисленію Карамзина, рой пчелъ стоилъ 1 р. 25 к. Ист. Гос. р. II, пр. 79. По мнѣнію г. Лешкова—6 р. 66 к. с. Рус. Нар. и Гос. 183. Въ Италіи въ 1379 г. рой пчелъ оцѣненъ въ 1 фр. 76 с. Cibr. II, 292.

[854]) I Новг. 15. Ник. I, 217. Карамзинъ замѣчаетъ при этомъ, что 10 кунъ равнялись нынѣшнимъ 57 к. сер., если оцѣнимъ фунтъ серебра въ 20 р. сер.; слѣд. фунтъ меду стоилъ менѣе 3 денегъ серебр. Ист. Гос. рос. III, пр. 8.

[855]) Cod. dipl. Lubec. II, № XXXII, стр. 703. А. Зап. Рос. I, № 2, стр. 132. Въ Италіи фунтъ (ливръ) воску стоилъ въ 1268 г—3 фр. 48 с., въ 1282 г.—4 фр. 53 с., въ 1299 г. лучшаго воска — 6 фр. 56 с., въ 1327 г.—3 фр. 93 с.; въ Туринѣ 1339 г. — 2 фр. 43 с., въ Шамбери 1352 г.—3 фр. 72 с. Въ 1299 г. въ Пизѣ куплено очищеннаго воску 100 фунтовъ за 157 фр. 68 с. Cibr. II, 295. 296.

[856]) II Пск. 231. 250.

[857]) Рус. Пр. II, 76. 77. Если штрафъ налагался въ 9 кунъ, то самый предметъ цѣнился не дороже половины штрафа; слѣд. курица стоила по Рус. Пр.

— По свидѣтельству Іосифа Барбаро (1436 г.), на Москвѣ 70 курицъ стоили червонецъ, а гусь—3 марка.

— Въ Псковской судной грамотѣ каждая изъ домашнихъ птицъ оцѣнена въ 8 к. сер: «А за гусакъ и за гусыню присужать по 2 деньги государю .. А за утицу и за селезня и за куръ и за кокощь присужать по 2 деньги» [858]).

Какъ птицы по Русской Пр. оцѣнены весьма дорого, такъ и орудія и животныя, посредствомъ которыхъ производилась ловля дичи. Такъ за перерубку веревки въ перевѣсѣ или сѣтяхъ положено взыскивать 1 гривну; ястребъ, соколъ и собака тоже оцѣнены по 1 гр.

— Въ XV в. соколъ полагали по полтинѣ, если сокольники не могли доставить его перомъ [859]).

б) **Звѣри и мѣха.**—1150 г. Въ Смоленской грамотѣ положено 5 ногатъ за лисицу, за двѣ лисицы 22 куны, за три лисицы 40 кунъ безъ ногаты. Слѣд. лисица оцѣнена круглымъ счетомъ въ 12 кунъ или въ 1 р. сер. слишкомъ.

—1389 г. М. Кипріанъ обязался уплатить долгъ въ Царьградъ «рублевъ старыхъ новгородскихъ тысячу», полагая «бѣлки добрыя тысячу по 5 рублей». Здѣсь зачислено на рубль 200 бѣлокъ; но какъ обыкновенный рубль былъ вдвое менѣе новгородскаго, то полагали «по 100 бѣлки за рубль» въ XIV в. [860]). Слѣд. бѣлка цѣнилась въ 1 деньгу или 3 к. сер.

— Въ XIV—XV в. сорочекъ бѣлки равнялся гривнѣ кунъ или 45 деньгамъ.

ок. 35 к. сер. Рус. Пр. I, 34. 36. Въ Италіи курица продавалась въ 1282 г. по 99 с., въ 1289 г. по 79 с.; въ 1299 г. въ Пизѣ – по 2 фр. 10 с.; 1311 г. каплунъ—1 ф. 70 с; въ 1393 г. двѣ живыя куропатки – 2 ф. 41 с. Cibr. II, 289. 290. 294.

[858]) Библ. иностр. пис. I стр. 58. Пск. суд. грам. 27.

[859]) Рус. Пр. II, 75; III, 92. 93. А. запад. Р. I, №71. А. Экон. I, № 147. А. Ист. I, № 301. Въ 1324 г. соколъ въ Италіи цѣнился въ 133 фр. 32 с. Cibr. II, 290.

[860]) А. Ист. I, стр. 473. А. Юрид. № 71, XXVII. Въ 1365 г. дюжина горностаевыхъ мѣховъ стоила 165 фр. 33 с; въ 1374 г. 56 куньихъ шкуръ — 552 фр. 56 с; 240 шкуръ de petit gris — 328 фр. 75 с; въ 1381 г. 212 куньихъ шкуръ — 223 фр. 28 с. Cibr. II. 291. 292. По замѣчанію Сарторія, бѣличьи мѣха petit gris были не цѣнны, какъ и scewenisse. H. U. B. стр. 58.

— Послѣ 1479 г. въ новгородской обл. бѣлка цѣнилась также въ 1 деньгу, иногда въ 2, т. е. въ 3—10 к. сер.

— Векшей шло на новгородскую деньгу до 2 $^{1}/_{2}$, а на новгородскій рубль XV в. до 540.

— 1500 г. Въ Вотской пятинѣ положено «за 15 бѣлъ двѣ гривны и 2 деньги» т. е. 30 денегъ; «за 5 бѣлъ 10 денегъ». Слѣд. 2 деньги зачиталось за бѣлку или 6—8 коп. сер. [861]).

— 1483 г. въ западной Руси положено за бобра 16 грошей или 2 р. 85 коп. с.

— 1494 г. тамъ же куница оцѣнена въ 5 грошей, т. е. ок. 90 к. с. [862]).

7) Цѣны на огородныя растенія.

— 1215 г. Во время дороговизны хлѣба въ Новгородѣ, продавался «*рѣпь* возъ по 2 гривнѣ,» или 4 р. 50 к. сер.

— 1347 г. Въ западной Руси *овощное дерево* оцѣнено въ 12 грошей, т. е. въ 2 р. 10 к. сер. [863]).

---

[861]) А. Юрид. стр. 432 и 433. Зап. Арх. общ. XII, в. 2, стр. 503. 514. 626. А. Запад. Р. I. № 71. Зап. геогр. общ. VIII, въ прил. стр. 12. Таже цѣна бѣлки стояла въ половинѣ XVI в. Путеш. Берха въ Чердынь и Солик. Спб 1821 г. стр. 123. Въ 1488 г. въ новгородской обл. бѣлка оцѣнена въ 1 деньгу.. Сбор. Мухан. 47. По грам. 1407 г. въ Молдавіи цѣнность бѣлокъ и лисицъ относилась какъ 1: 10, т. е. за одну лисицу полагалось 10 бѣлокъ, какъ видно изъ отношенія назначенныхъ пошлинъ: за 100 бѣлицъ 1 грошъ, за 100 лисицъ 10 гроши. А. З. Р. I, № 21. По Вислицкому статуту *лупежъ лисичій* замѣняется тремя вердунками. Тамъ же, стр 121.

[862]) А. Запад. Р. I, № 82. № 120. До 1511 г. кожухъ лисій брушковый голый оцѣненъ въ 10 золотыхъ въ Литвѣ. Ркп. Рум. Муз. № 70, л. 15. Впрочемъ, оцѣнка звѣрей была часто произвольна, когда власти хотѣли увеличить свои сборы; такъ было до 1498 г. въ кіевской обл. А. Зап. Р. I, № 152. Въ 1556 г. «за бобръ карей да за 2 ярца темнокарихъ» во владимірс. обл. положено по 1 р. А. Ю. б. I, № 42.

[863]) I Новг. 33. А. Запад. Р. I, № 2, стр. 108. Въ 1497 г. садъ Дѣдиловскій, который купленъ еще первымъ смоленскимъ еп. Іоакимомъ, оцѣненъ въ 100 руб. тверскихъ денегъ, 50 золотыхъ угорскихъ и въ 200 локоть тафты. А. Запад. Р. I, № 148.

Хмѣль. 1466 г. Во Псковѣ «хмѣль дорогъ бяше, по 100 и по 20 денегъ зобница», т. е. 4 р. 80 к. сер.

— 1467 г. Въ Твери «бывъ хмѣлю оковь по рублю», или ок. 3 р. сер. «Того же лѣта бысть хмѣль дорогъ во Псковѣ, зобницу купиша по полтинѣ и по 10 денегъ». т. е. по 2 р. 40 к. с. «Толко былъ хмель силно дорогъ, по 60 денегъ голзобеніе (2 р. 40 к. с.), толко того было не на велико время, а опять въ не множѣ понакладали, а онъ ссѣлъ и по 15 денегъ зобница хмелю доброго (60 к. с.), тако же было и въ Новѣгородѣ» [864].

в) Цѣны на сѣно.

— При в. к. Ярославѣ, за возъ сѣна положено 2 ногаты или ок. 70 к. с.

— Позже стогъ сѣна оцѣненъ въ 1 гривну; значитъ возъ стоилъ 60 к. сер., если въ стогу считать 10 возовъ.

— 1347 г. возъ сѣна въ западной Руси стоилъ 3 гроши, или 54 к. сер. [865].

— Въ XIV в. возъ сѣна цѣнился въ 1 алтынъ, или 18 к. сер: «а не любъ возъ сѣна, ино алтынъ».

— 1407 г. Сѣно было весьма дорого, «а вѣникъ по мордкѣ бяше» во Псковѣ или 3 к. с. слишкомъ.

— 1443 г. Въ Твери продавался козлець сѣна по 12 алт. или 2 р. 15 к. с.

— 1455—62 г. У Соли Галицкой возъ сѣна былъ въ 1 алт. или 18 к. с. [866].

---

[864]) II Пск. 35. Твер. 497. I Пск. 231.

[865]) Рус. Пр. II, 78; III, 64. А. зап. Р. I, №2, стр. 94. Въ 1384 г. въ Италіи большой возъ сѣна стоилъ 37 фр. 3 с.—28 фр. 54 с. Cibr II, 297.

[866]) А. Ист. I, № 22, стр. 58. А. Эксп. I, № 16. I Пск. 198. Тверс. Л. 492. А. Юр. б. I, № 31, XIII. Въ 1191 г. въ Италіи въ сутки на сѣно и овесъ для одной лошади издерживали 1 фр. 20 с.—1 фр. 81 с. Cibr. II, 293—294. Въ 1504 г. куплены пожни на р. Костромѣ, на которыхъ ставилось 50 копенъ,— за 40 алтынъ. Ркп. Археогр. Ком.

9) Цѣны на лѣсъ и деревянныя издѣлія.

— По Рус. Правдѣ возъ дровъ оцѣненъ въ 2 ногаты или ок. 70 к. с., а городня моста—въ 1 куну или $8^{1}/_{2}$ к. с.

Лодья рѣчная	30 рѣзанъ	=	4 р. 20 к. с.	
Лодья морская	— 3 грив.	=	21 — —	—
Лодья набойная	— 2 —	=	14 — —	—
Стругъ ——	— 1 —	=	7 — —	—
Челнъ ——	— 8 кунъ	=	— — 70	—
подруг. сп. —	— 20 —	=	1 — 70	— [867]).

— 1347 г. Въ западной Руси цѣны на деревья были слѣдующія: дубъ въ гаю — 6 скойцъ = 12 грошей = 2 р. 10 к. с., дубъ въ дубравѣ 2 скойца = 4 гроша = 70 к. с.

— Въ XIV — XV в. въ новг. обл. изба, клѣть, овинъ положены были въ неимовѣрно-дешевую цѣну — въ 10 бѣлъ, или 20 денегъ, а нынѣшней монетой — до 60 к. сер. [868]).

10) Цѣны на нѣкоторыя иностранныя вещи.

— 1269 г. Нѣмцы должны были платить лоцманамъ русскимъ 2 салфетки (полотенца) или вмѣсто нихъ 3 куньи мордки, т. е. слишкомъ 60 к. сер.

— XV в. по польскому счету заплачено за 3 грана *едвабицы (шелку)* 3 скойца или 6 грошей, на современную монету — $31^{1}/_{2}$ к. сер, за $^{1}/_{4}$ фунта едвабицы $1^{1}/_{2}$ гривны, или 72 гроша, т. е. 4 р. 50 к. с., и за фунтъ едвабу чернаго 6 гривенъ, или 288 грошей, т. е. 18 р. сер.

— 1463 г. «Того же лѣта бысть во Псковѣ темьянъ дорогъ—

---

[867]) Рус. Пр. I, 34. 43; II, 18. 73; III, 93. Въ Италіи 1381 г. возъ хорошаго лѣсу стоилъ 1 фр. 58 с.; два воза—3 фр. 69 с.; въ 1384 г.—6 фр. 17 с.; 1366 г. 4 галеры, подаренныя Амедею III для путешествія на Востокъ, цѣнились въ 198,516 фр. 48 с. Cibrario II, 297. 805. Въ 1530 г. въ Поморьи 2 невода и 2 лодки оцѣнены въ полтора рубля. А. Ю. б. I, № 78.

[868]) А. З. Р I, № 2, стр. 131. А. Юр. № 71, XXII.

по 60 денегъ рублевая гривенка», или 2 рубля 40 к. фунтъ въ 84 нынѣшнихъ золотника[869]).

— 1294 г. Король норвежскій Эрикъ писалъ бергенскимъ ратманамъ: «Арнольдъ и Рейнвардъ, любекскіе купцы, подали мнѣ жалобу, что они продали въ Бергенѣ 2 года тому назадъ 10 бочекъ (dolia) вина за 120 маркъ норвежескихъ; но получили только 19 маркъ, а осталось доплатить еще 101 маркъ». Слѣд. бочка вина стоила 12 маркъ.

— Король англійскій Генрихъ II позволилъ Кельнскимъ купцамъ продавать вино на Лондонскомъ рынкѣ по той же цѣнѣ, какая существовала во Франціи съ 1164 г. до 1189 г., т. е. sextarium по 3 динара.

— 1317 г. Бочка пива продавалась по 1 марку въ ганзейскихъ городахъ[870]).

— 1299 г. Боченокъ вина, подаренный епископу въ Низѣ, стоилъ 26 франковъ 28 с.

— 1313 г. Четверть вина продавалась въ Италіи по 26 фр. 66 с.; въ 1377 г.—12 фр 52 с.; въ 1380 г. въ Шамбери—36 фр. 93 с.; Греческое вино—3 фр. 15 с.[871]).

— 1472 г. Поставъ Ипскаго свѣтлозеленаго сукна оцѣненъ въ Москвѣ въ 30 рублей, или на наши деньги рублей 90–100 сер.

— 1281 г. Штука скарлату фіолетоваго куплена для графа Савойскаго за 1925 фр. 37 с.; въ 1330 г. скорлатъ Брюссельскій — 1592 фр. 74 с. — 1366 г. зеленое сукно Ипрское куплено по 47 фр. 4 с. за локоть или за аршинъ[872]).

---

[869]) Ист. Г. Р. III, пр. 244. Цѣна шелку означена по тому расчету, что польская гривна 1476 г.=48 грошамъ=24 скойцамъ=2 дукатамъ или европейскимъ червонцамъ=1 русскому рублю XV в. Слѣд. грошъ будетъ равенъ $5\frac{1}{4}$ к. с., если рубль XV в. оцѣнить въ 3 р. сер. нынѣшнею монетою. О польской монетѣ XV в. см. Зап. Арх. общ. XII, в. 2, стр. 584. 623. О цѣнѣ ладона въ I Пск. Л. 226. Зап. Арх. общ. XII, в. 2, 465. 535—537. Въ 1378 г. въ Италіи 2 лота краснаго шелку стоили 14 фр. 8 с.; въ 1380 г. 1 гранъ шелковыхъ зеленыхъ нитокъ для прикрѣпленія печатей проданъ за 1 фр. 23 с. Cibrario. II, 310.

[870]) C. d. dipl. Lubec. I, № DCXXII, стр. 564. Urk. G. Hans. II, № 1, стр. 9.

[871]) Cibrario. II, 296. 297.

[872]) Собр. Грам. I, № 96. Cibrario. II, 299. 302. 305. По словамъ Юма, шерсть въ Англіи въ X в. стоила 40 процентовъ овцы; по Рус. Правдѣ *руно* оцѣнено въ 1 рѣзану (III, 43), а овца въ 5 кунъ. Въ 1175 г. локоть зеленаго

— 1299 г. 10 локтей льнянаго полотна на рубашки прислуги куплены за 7 фр. 62 с; въ 1313 г. за двѣ штуки лучшаго полотна дано 312 фр 48 с.; а Реймское полотно цѣнилось въ 1343 г. за аршинъ по 20 фр. 2 с.

— 1330 г. канатъ вѣсомъ въ 66 фунтовъ для моста черезъ Рону купленъ за 20 фр. 85 с. [873])

— 1364 г. 36 аршинъ золотнаго узкаго кружева стоили 347 фр. 99 с.; а въ 1366 г. сажень (la brasse)—10 фр. 32 с.

— 1365 г. штука лучшей золотной парчи куплена за 2066 фр. 63 с.

— 1365 г. аршинъ краснаго золотомъ шитаго бархату стоилъ 71 фр. 93 с., а штука краснаго же бархату въ 1376 г. куплена за 399 фр 20 с.

— 1366 г. гребень слоновой кости проданъ за 41 фр. 39 с., пара замшевыхъ перчатокъ въ 1374 г. стоила 3 ф. 52 с.[874]).

— 1375 г. сапоги до колѣнъ—35 фр. 22 с.

— 1368 г. сѣдло — 56 фр. 90 с., а въ 1391 г. 36 фр. 93 с, узда—14 фр. 77 с. [875]).

— 1273 г. фунтъ перцу стоилъ 6 фр. 97 с.; гвоздики—18 фр. 83 с.; корицы—8 фр. 37 с.; орѣховъ мускатныхъ—18 фр. 83 с.; сахару—4 фр. 88 с.; сухаго винограду или изюму—78 с.; 1281 г. сто фунтовъ рису—71 фр, 15 с. 1282 г. сто фунтовъ миндалю 62 фр. 78 с. [876]).

— 1376 г. зеленой тафты 1 аршинъ стоилъ 32 фр. 6 с., красной тафты штука—234 фр. 82 с.

— 1378 г. двѣ пары башмаковъ—99 фр. 80 с.

— 1379 г. двѣ шапки, одна изъ нихъ красная съ бобровымъ околышемъ, стоили въ Парижѣ 43 фр. 77 с.

— 1382 г. матрацъ и подушка—184 фр. 65 с.

— 1316 г. Въ Италіи шуба de vair стоила 291 фр. 64 с.

сукна въ Англіи стоилъ 2 шиллинга 10 пенсовъ; краснаго сукна локоть 5½ шилл.; а волъ въ тоже время продавался по 2 шилл. или 62 к. сер. Слѣд. красное сукно цѣнилось дороже двухъ воловъ.

[873]) Cibrario II, 300. 301. 303.

[874]) Тамъ же, 304. 305. 307, 309.

[875]) Тамъ же. 291. 294. 309.

[876]) Тамъ же, 295.

— 1382 г. настоящихъ 20 жемчужинъ въ 200 аспровъ жемчужина à Caffa стоили 2742 фр. 40 с.

— 1326 г. фунтъ краснаго воску для прикладыванія печатей, который употреблялся и въ Россіи, стоилъ 3 фр. 59 с.

—1279 г. пергаментъ продавался по 17 фр. 9 с.

— 1299 г. тетрадь бумаги—1 фр. 75 с. [877]).

11) Цѣны на металлы.

— Въ 1495 г. Иванъ Васильевичь послалъ литовскому князю Александру золотой крестъ, который вѣсилъ «полгривенку безъ дву золотниковъ», т. е. 22 золотника, и оцѣненъ въ $12^1/_2$ рублей; слѣд. въ концѣ XV в. фунтъ золота стоилъ ок. 55 р. сер. [878]).

— По изслѣдованіямъ Д. И. Прозоровскаго, фунтъ золота относился къ фунту серебра, какъ 1: 12, а ранѣе—какъ 1: 15; фунтъ серебра къ фунту мѣди, какъ 1: 60 [879]).

Въ Италіи и Франціи цѣны металловъ были слѣдующія:

— 1260 г. Полмарки серебра—87 фр. 67 с.

— 1323 г. Чаша серебряная въ 5 марокъ вѣсомъ, подаренная пробсту церкви св. Маріи въ Авиньонѣ Амедеемъ V, — 1065 фр. 60 с.

— 1376 г. Марка серебра въ Парижѣ—140 фр. 89 с., а также 164 фр. 37 с.

— 1378 г. Марка серебра въ Ліонѣ—122 фр. 10 с.

— Двѣ серебряныя вызолоченыя пряжки вѣсомъ въ два унца куплены въ Болоньѣ за 22 фр. 11 с.

— 1384 г. Стаканъ серебряный въ $2^1/_2$ марка купленъ въ Павіи за 474 фр. 6 с.; а марка лучшаго серебра стоила 116 фр. 7 с. [880]).

— 1370 г. Колоколъ вѣсомъ въ $14\ ^1/_2$ фунтовъ проданъ въ Пизѣ за 64 фр. 41 с.

---

[877]) Тамъ же 290. 299. 300. 301. 309. 311 314.

[878]) И. Г. р. IV, пр. 250.

[879]) Зап. Археол. общ. XII, 2. 563.

[880]) Cibrario, II. 313. 314.

— 1299 г. Сошникъ для плуга—6 фр. 30 с.

— 1344 г. Сто фунтовъ желѣза—65 фр. 51 с.

— 1366 г. Три замка съ ключами къ ящикамъ—6 фр. 4 с.; а 13 топоровъ—61 фр. 99 с.; лукъ въ Венеціи 21 фр. 95 с.; два большихъ ножа въ Болоньи—41 фр. 33 с.

— 1381 г. 10 копій—25 фр. 4. с., а въ 1382 г. дюжина стрѣлъ—73 фр. 86 с.

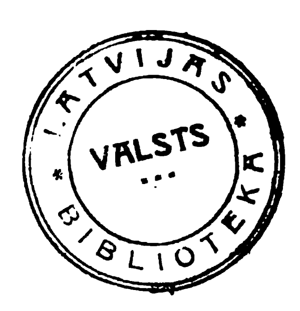
— 1384 г. Желѣзный запоръ въ 11 фунтовъ—8 фр. 48 с; а фунтъ гвоздей—1 фр. 41 с. [881]).

Теперь слѣдовало бы означить цѣны, какія существовали въ древней Руси на поземельныя угодья, п. ч. сохранилось до нашего времени нѣсколько старинныхъ купчихъ; но такъ какъ по нимъ нельзя опредѣлить границы земель, то я укажу только данныя, по которымъ можно изучать эти цѣны [882]).

---

[881]) Тамъ же, 300. 305. 306. 307. 311. 313. 314.

[882]) Собр. гр. II. № 5. Ист. Рос. Іер. III, стр. 124—126. Двинскія и Новгородскія купчія XIV—XV в. А. Юрид. №№ 71. 409. 138. 6. 37. 72. 73. 74. 75. А. И. 1. № 2. А. Зап. Р. I, № 8. № 29. Изв. Акад. X, VI, 689. А. Юр. б. II, №№ 117. 149. Собр. гр. I, № 132. А. Юр. б. I, № 42.



АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Б.

В.

Г.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПОПРАВКА ОПЕЧАТОКЪ,

Стр.	Напечатано строка		Слѣдуетъ читать.
12	14	*на*	по
18	37	*Крупя*	Крупля
23	1	*устраоваютъ*	устроиваютъ
25	25	*знаѣдовъ*	наѣздовъ
40	27	*былъ*	было
44	22	*Ярославлѣ*	Ярославѣ
58	28	*добрялись*	удобрялись
59	32	*изумитетьныя*	изумительныя
61	10	*Микулича*	Микулинича
76	6	*предметовъ*	предметомъ
85	33	*идѣже... обрѣ*	идѣже... добрѣ
92	14	Пропущено слово: *камни*	
103	11	*поддрживались*	поддерживались
107	29	Пропущено слово: *каменныхъ*	
308	24	*Стопъ*	столпъ.
110	32	*украшеіе*	украшеніе
115	36	*обьзывали*	обрѣзывали
117	18	*сревнительно*	сравнительно
118	26	*иностврнацевъ*	иностранцевъ
133	5	*времеми*	времени
137	21	*продовали*	продавали
140	36	*Ицат.*	Ипат.
148	11	[illegible]	воротникъ
150	[illegible]	*Латышкое*	Латышское
154	36	*crina*	ciгina
156	31	*ревн.*	Древн.
186	[illegible]	*былъ*	былъ
196	36	*привили*	привозили
210	[illegible]	*разытсія*	развитыя
215	[illegible]	*проценты*	проценты
—	35	*ресказу*	разсказу
218	30	[illegible]	Ярославу
257	13	*необоримой*	необозримой
260	2	*просышленность*	промышленность
262	31	*Договорныя*	Договорная
267	13	*мпръ*	миръ
268	23	*куппы*	купцы
271	10	*упомятые*	упомянутые
—	21	*Матртина*	Мартина

Novie

....

Autc

......

...